


САГА О БЕССМЕРТНЫХ ГЕРОЯХ

БРЭК

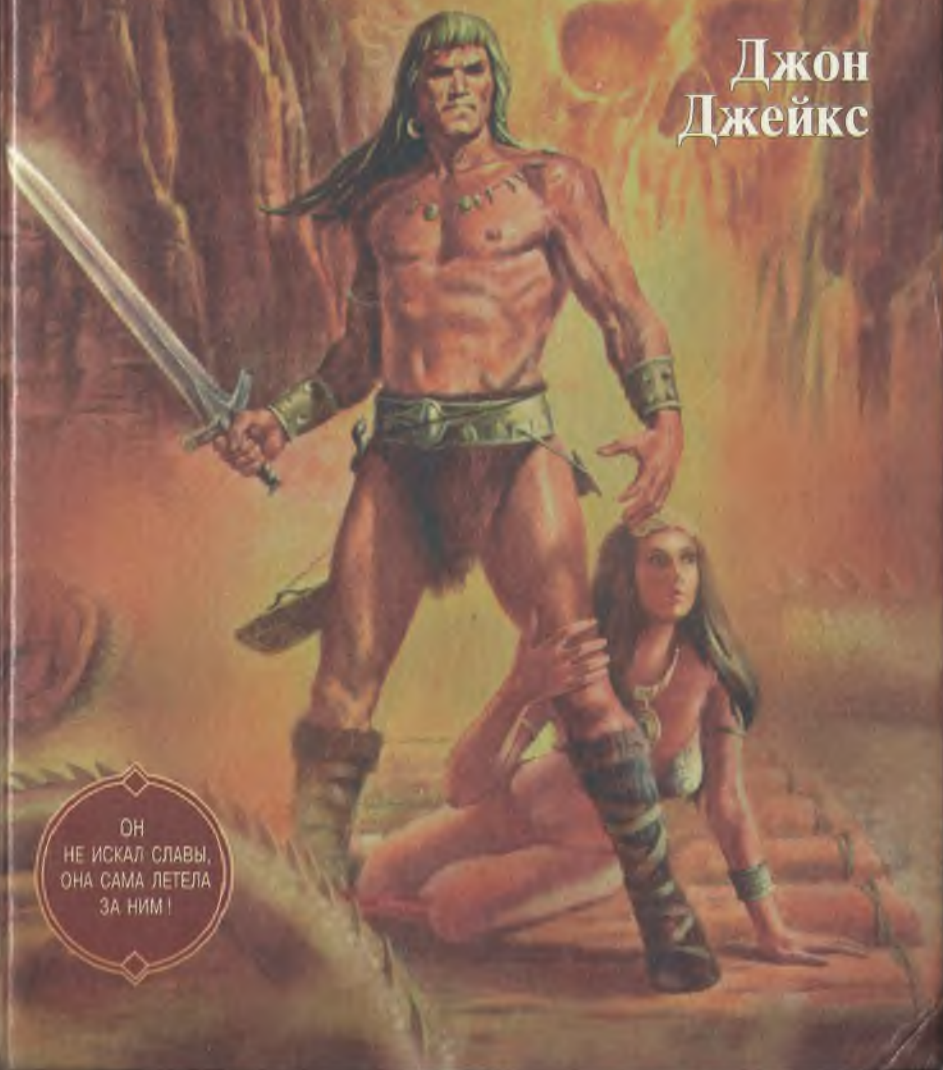


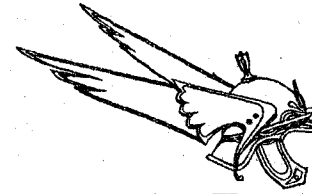
ЗНАК ДЕМОНА

Джон
Джейкс



ОН
НЕ ИСКАЛ СЛАВЫ,
ОНА САМА ЛЕТЕЛА
ЗА НИМ!





Сказание о Брэке

ТАК ПЕЛ СЛЕПОЙ МЕНЕСТРЕЛЬ
ТИРЕСИЙ ПЕРЕД ЗМЕИНЫМ ТРОНОМ
ЦАРЯ ШАББОДЖАДДА ИЗ ФРИКСА

Караваны полны драгоценных камней.
На равнинах пасутся стада.
Руки в крови и желтый туман
В тени колдовского шатра.

В дворцовых конюшнях лошади ржут.
Красотки радуют взгляд.
Путникам смерть кинжалы несут.
Вулканы кострами дымят.

Грабители снова в торговых рядах.
Колдуны окружили трон.
Жемчуг, янтарь, блики солнца в камнях,
В чешуе, что носил грифон.

Звенят сталь мечей и доспехи царей.
Рубины в дорожной пыли.
Мрачная гордость в песне моей
О веке, омытом в крови!



ЗНАК ДЕМОНА

Джон Джейкс

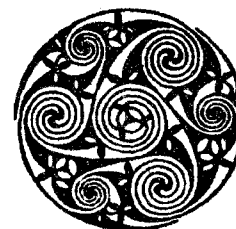


Санкт-Петербург
Издательство "Азбука"
Книжный клуб "Тerra"
1996

ББК 84.7 США
Д 40

John Jakes. «Brak the Barbarian», 1968
John Jakes. «The mark of the demons», 1969

Руна 1
ВЕЛИКИЙ ИДОЛ



Д 40 **Джейкс Д.**
Знак демона: Повести. Рассказы / Пер. с англ. —
СПб.: Терра—Азбука, 1996. — 448 с.
ISBN 5-7684-0126-1

Известный американский писатель Джон Джейкс уводит читателей в фантастический мир, где борются две силы: Йог-Саггот — бог Зла и Безымянный бог. Главному герою книги — скитальцу Брэку предстоит, хоть и не по собственному желанию встав на сторону добра, не дать темным силам овладеть миром.

© 1996 «Азбука» — «Терра», русское издание.

ISBN 5-7684-0126-1

Скрывают звезды облака греха,
Когда герои спят и видят сны;
И ночь души к любым мольбам глуха;
И храмы рушатся под чарами беды;
Безумцы свой заводят хоровод —
И правит этим балом Йог-Саггот!

Видение Несторианцев

— Бог мертв!

Хихикая и пуская слюни, попрошайка перего-
родил узкую улочку и потряс медной плошкой.
Его грязные волосы свисали до плеч. От зубов
остались лишь гнилые коричневые пеньки. Не по-
лучив немедленного ответа от огромного крепкого
варвара, которого он решил остановить, попро-
шайка заскулил еще настойчивее:

— Бог мертв! Слава мерзости и запустению!
Подай всего лишь один диншас ничтожному и
смирненному сыну Темной силы...

— Монету хочешь? — спросил варвар. — Про-
си у других!

— Только одну монетку, варвар.

— Пошел отсюда.

— Лишь одну, господин мой.

— Я сказал, убирайся.

Широкоплечий северянин, чей путь преградил
попрошайка, скривился от невыносимого отвраще-
ния. Запахи разложения, дурманных напитков,
сладковатый дым коптящих факелов... на широ-
кой улице воняло несмотря на мороз, — все сме-
шалось, и варвару хотелось плюнуть, выругаться
или сделать и то и другое...

Морозным вечером вошел он в ворота города
Камбда Кея, и вот уже большую часть ночи, по-
трясенный, блуждал по его улицам. Повсюду он
видел убожество, насилие и разврат. Если это и
есть блеск великих цивилизованных царств, лежа-
щих между его родиной и сказочным Курдиста-

ном, тогда он ошибся, отправившись на юг и покинув бескрайние степи диких северных земель.

Попрошайка не унимался:

— Лишь один жалкий диншас, чужестранец. Всего одну монетку, но за это я покажу тебе дом, где устраивают занимательные представления в честь Йог-Саггота, который изгнал из нашего города Безымянного бога. Стоит тебе сказать привратнику нужное словечко, и ты увидишь чудеса, — например заколдованных горных козлов или молодых пухлых девушек, которые превращаются в...

— Мне не нравится эта грязь, — проворчал варвар. Правая рука его угрожающе легла на рукоять меча. — Уйди с дороги.

Глаза попрошайки заблестели. Он огляделся по сторонам, будто ища подмоги. Улочка с вонючими лавками была пустынна. Впереди, там, где улочка переходила в залитую помоями лестницу, поднимавшуюся на веранду одного из зданий, веселились какие-то люди. Они танцевали на площадке в холодном голубом свете факелов, прикрепленных к стенам...

— Заметно, что у тебя нет должного уважения к гражданам Ледяного края, мой друг. Неразумно. Очень неразумно, — продолжал попрошайка.

— Я ничего не знаю о стране, которую ты назвал Ледяным краем, — ответил варвар. — И знать о ней ничего не хочу. Я путешествую и не задержусь надолго в вашем городе. Пропусти меня. — Сказав это, он вынул из потертых ножен меч ровно настолько, чтобы попрошайка отшатнулся, уверенный в том, что варвар вот-вот обнажит меч и вспорет ему брюхо. Огромный незнакомец оскалился и со зловеще-ласковой улыбкой добавил: — Если хочешь помешать моему путеше-

ствию, нищий, скажи прямо. Тогда мы посмотрим, что можно сделать, чтобы переубедить тебя.

Попрошайка стал бормотать ругательства на незнакомом языке. Варвар раскатисто рассмеялся и встал так, что покрытый струпьями нищий оказался зажат в угол между стенами двух соседних домов.

Нищий сжался от страха перед чужеземцем — огромным великаном. Светлые волосы северянина были заплетены в косу, свисающую на спину. меховая накидка с капюшоном и набедренная повязка из львиной шкуры — вся одежда великана блестела в свете факелов.

Напряженная сцена длилась еще мгновение. Варвар стоял широко расставив ноги, показывая, что готов к самым решительным действиям. Лицо попрошайки изменилось. Он начал лебезить.

— Пусть Йог-Саггот даст мне слова, чтобы принести извинения, — заскулил он. — Я и не подозревал, что ты так воинственно настроен. Конечно, ты можешь продолжить свой путь. Я отыщу другого гостя города Камбда Кея, который наполнит деньгами мою жалкую плошку.

С этими словами он поднял чашку для сбора подаяний, словно собирался показать ее варвару, а потом неожиданно рассмеялся и взмахнул рукой.

Во все стороны полетели монеты. Защищаясь от них, варвар прикрыл лицо левой рукой, а попрошайка пронзительно завизжал и выскользнул из угла. Варвар развернулся, но нищий побежал вверх по лестнице в конце улицы, громко крича:

— Посмотрим, как ты будешь вести себя со священными слепыми мальчиками, скотина! — А потом, размахивая руками, он начал звать: — Эй,

метатели искр! Эй, сюда, в Конфетный переулок. Здесь чужестранец!..

И в клубящемся мраке наверху лестницы появилась ватага маленьких, гибких фигур, которые до этого танцевали на площадке.

Светловолосый варвар прижался спиной к стене. Из верхнего окна дома напротив выглянула девушка с заспанным лицом и мечтательным взглядом. Она прислушалась к шуму внизу. С криком и визгом к нищему по лестнице сбежала дюжина слепых мальчишек. Увидев их, девушка поднесла к своим розовым губам мундштук кальяна с дурманящим зельем и равнодушно отвернулась. В ночи слышались звон тамбуринов, хлопки в ладоши, визг и безумный смех.

После того как варвар покинул высокогорные северные равнины и, спустившись с гор, оставил страну, известную в цивилизованном мире как Ледяной край, он не встречал человеческих поселений, пока не достиг стен Камбда Кея. Вначале город показался северянину великолепным, но теперь ему стало ясно, что цивилизация — это лишь воровство, святотатство и прочая мерзость. К тому же его вынуждали драться с ватагой детей...

Мальчишки встали полукругом. Это были чумазы, тощие беспризорники со всклокоченными волосами и острыми волчьими зубами. Варвар с удивлением заметил, что глазницы у всех мальчишек закрывали диски из серебристого хрусталя. А еще они носили заостренные наперстки из такого же странного серебристого вещества, острые как иглы.

— Наши маленькие последователи Йог-Саггота, — презрительно проговорил попрошайка. — Они очень полезны, когда надо избавиться от чу-

жестранца, не соблюдающего обычаи, установленные Темной силой. Взять его, метатели!

Мальчик ростом немного выше остальных вышел вперед. Серебристые диски на его лице блестели, отражая свет голубых дымящихся факелов. Мальчик в штанах из шкуры какого-то животного двигался резко и был, казалось, немного испуган. Он изобразил презрительный поклон.

— Приветствую тебя, чужестранец, — пропичал мальчик. — Добро пожаловать в Камбда Кей, столицу Ледяного края. Ты нарушаешь обычаи нашего города и доставляешь неприятности почтенным гражданам?

— Одной неприятности я только что избежал, но будут еще, если мне станут морочить голову, — прорычал варвар. — Пошел отсюда, мальчишка, пока я не вынул меч и не наслепал им тебе по заднице!

Острые зубы метателя блеснули. Другие мальчишки из его компании заволновались, запрыгали, переминаясь с ноги на ногу, злобно зашипели сквозь зубы. Диски, находившиеся на месте глаз, засветились странным светом. По спине варвара побежали мурашки.

Чтобы его, взрослого мужчину, вызвала на бой ватага тощих мальчишек! Смешно, да и только! Но такой поворот событий ничего хорошего не предвещал.

Вероятно, так было принято в городе, где варвар уже увидел столько чудес. Оказалось, место это полно обмана, теней, опасностей, затаившихся в любом из тысячи тускло освещенных подъездов.

— Мы простим тебе твой грубый язык, чужестранец, — сказал мальчик, звякнув серебристыми наперстками на кончиках пальцев, — если ты ответишь нам на несколько вопросов.

Варвар решил, что лучше попытаться отделаться разговором, чем кидаться на мальчишек с обнаженным клинком. Не хотел он использовать меч в драке с ватагой детей.

— Говори, — разрешил варвар.

— Откуда ты? — спросил мальчик, пригнув голову, словно для того, чтобы лучше слышать.

— С севера.

— Куда направляешься?

— На юг.

— У тебя есть имя?

— Среди моего народа меня зовут Брэк.

Северянин не считал необходимым упоминать, что он изгнанник и от него отвернулись все его сородичи. Однако задолго до того как Брэка изгнали, он и сам решил покинуть свое племя, так как услышал от одного шамана об удивительных, богатых, теплых землях, лежащих на юге. И когда соплеменникам Брэка надоело слушать, как он издевается над их воинственными богами, и они изгнали Брэка, он отправился в путь.

Изгнание не стало для Брэка несчастьем. У варвара была цель.

Он хотел добраться до теплого Курдистана, лежащего далеко на юге, и ожидал, что будет ослеплен великолепием городов и царств, которые, по словам шамана, должны были встретиться на пути. Брэк приготовился, если понадобится, с боем пробить себе путь в огромный, волшебный Курдистан, который полумесяцем протянулся (как рассказывал шаман) от самых Черных Столбов на западе до Гор Дыма на краю земли на востоке.

Курдистан. Золотой Курдистан. Это название звучало как музыка, и Брэк постоянно повторял его, наслаждаясь его звучанием. В Курдистане,

говорил шаман, полно добычи, богатой добычи, надо только уметь ее взять. И золотистые солнечные лучи, и девушки с золотистой кожей.

И вот на грязной, освещенной синим светом улице в Камбе Кее, едва начав путешествие, варвар Брэк уже попал в неприятности. Он столкнулся лицом к лицу с компанией каких-то шипящих сквозь зубы уродцев.

— Еще один вопрос, Брэк, — продолжал метатель, снова звякнув острыми как иглы когтями. — Какой бог призвал тебя к своему престолу?

— Я слышал, что в землях, лежащих на юге, почитают многих богов, — уклончиво ответил Брэк. — Мне трудно в этом разобраться. Я не знаю ни одного из них. Ни перед кем из них я не склоняю головы.

Злобно зарывчав, мальчик-метатель подбежал вплотную и, подняв лицо с незрячими глазами, проговорил:

— Нет бога, кроме Йог-Саггота, чужестранец. Мы — его народ. — Палец с острым как игла когтем раскачивался перед носом Брэка. — Если ты упадешь на колени и поклянешься в верности Йог-Сагготу, который правит не только Ледяным краем, но и всем миром, мы тебя отпустим.

Сердце Брэка бешено заколотилось от гнева.

— Я сказал тебе, кривоногий, что я ни перед кем не склоняю головы.

— Йог-Саггот велик! Йог-Саггот покрывает своим черным плащом весь мир. Да, он властвует над теми, кто признает его, и над теми, кто его не признает. В незапамятные времена он победил Безымянного бога, и теперь он царь всей блаженной тьмы. Ты поклянешься в верности ему?

Брэк начал терять терпение. Он поднял могучую правую руку и положил ладонь на

лоб метателя искр, собираясь оттолкнуть мальчишку.

Как только ладонь варвара коснулась лба ребенка, Брэк ощутил покалывание, и тут же резкая боль взметнулась к плечу и заставила варвара отшатнуться.

Мальчик-метатель блеснул дисками и развязной походкой отошел в сторону. Он засмеялся:

— Э, друзья! Кажется, сегодня мы нашли третьего для магической тройки. Один верующий, один поклоняющийся Безымянному богу и вот чужестранец, погрязший в ереси. До восхода солнца кровь всех трех смешается во славу Йог-Саггота.

Пока мальчик произносил эти непонятные речи, Брэк не мог избавиться от боли в предплечье. Он попытался пошевелить пальцами, чтобы потом выхватить меч. Метатели начали, шаркая, подходить ближе, сужая полукруг, мерзко шипя сквозь зубы. Мальчишка, к которому прикоснулся Брэк, поднял руки и, указывая на варвара закричал:

— Хватай его, ребята! Хватай его, во славу Темной силы!

Метатели бросились вперед, сверкая слепыми глазами.

Брэк собрал все силы, оставшиеся в правой руке и обнажил меч. Время для угрызений совести прошло. Блеснул огромный клинок. На узкой улочке воцарилась мертвая тишина.

С площадки, куда вела лестница, донесся пьяный женский крик. Брэк успел заметить сопротивляющуюся молодую девушку, обнаженную и привязанную лицом вниз к спине козла, которого, похотливо подбадривая друг друга, тянули за веревку полдюжины пьяных горожан. Отвратительное зрелище быстро скрылось во тьме, но Брэк

понял, что город Камбда Кей — неприятное место.

Метатели приближались. Они шипели, серебристые диски на их лицах светились. Проглотив слюну, Брэк поднял меч. Он обхватил рукоять двумя руками, взмахнул мечом, и мальчишки бросились в разные стороны.

Неожиданно вскрикнув, предводитель метателей высоко подпрыгнул. Он ухватился за брус, выступавший из стены дома над головой варвара. Мальчишка повис там, мяукая, смеясь и размахивая свободной рукой, подавая знаки своим товарищам, призывая их к нападению. Брэк сделал выпад. Где-то рядом злорадно хихикал попрошайка. Брэк взмахнул мечом.

Руки метателей поднялись вверх. С кончиков их пальцев сорвались и с шипением полетели по воздуху гроздь серебряных искр.

Одна искра попала в клинок и взорвалась дождем зеленых и алых брызг. Другая искра впилась в плечо, и варвар сжал зубы от неожиданной сильной боли.

Он размахивал в воздухе мечом, но клинок вдруг окружило облако серебряных стрел. Касаясь металла, каждая стрела вспыхивала звездой, ливнем сыпались искры. Вскоре Брэк ничего не мог видеть, ослепленный яркой завесой.

А тем временем капли серебристого вещества, срывавшиеся с кончиков наперстков на пальцах метателей, прилипли к коже варвара, вызывая нестерпимую боль. Брэк запрокинул голову и дико, яростно закричал.

Теперь его переполнила злость. Он выронил меч, и тот со звоном упал на землю. Брэк сбросил меховую накидку, чтобы облегчить движения, поднял меч и стал вглядываться сквозь ослепи-

тельные искры, свет которых становился все ярче и наконец стал нестерпимым. Брэк едва различал рукоять своего меча.

Пальцы его стали соскальзывать с рукояти. Варвар попытался снова поднять меч, ухватив его покрепче, но ему показалось, что клинок сделан из какого-то очень тяжелого металла.

Все усиливающийся ливень искр заставил варвара снова прижаться к стене. Брэк бушевал, кричал и ругался на одном из северных наречий, размахивая мечом в буре огненных стрел, которые слетали с кончиков пальцев мальчиков. Он чувствовал, что метатели приближаются. Сквозь узоры искр он видел вспышки серебристых дисков в глазницах своих врагов.

Его теснили назад, вдоль стены, загоняли, словно быка в стойло. Каждый раз, когда Брэк ноющей от боли рукой взмахивал мечом, оружие рассекало лишь снопы искр. Он слышал, что метатели смеются все громче и громче.

Вдруг стена за спиной северянина подалась.

Развернувшись, Брэк сделал один шаг и оказался, по-видимому, во дворе. Он почувствовал под ногами булыжную мостовую. Вслепую воин сделал еще несколько шагов вперед. Глаза его все еще болели от ярких вспышек искр. И тут Брэк едва не свалился в затянутый грязью бассейн, где плавал скелет рыбы.

Стараясь не потерять равновесие, он резко обернулся, бросился назад и ударил могучим плечом в большую деревянную дверь. Один из метателей как раз пытался следом за ним войти во двор. Дверь захлопнулась неожиданно для мальчика, и тот закричал.

Брэк надавил на дверь. Полностью она не захлопывалась, так как в оставшейся щели оказа-

лась зажата правая рука метателя. С пальцев срывались искры, которые и освещали двор.

Брэк успокоил себя, подумав, что это не ребенок, а жестокая колдовская тварь в детском облике. Он поднял меч и, по-прежнему налегая на дверь, нанес безжалостный удар.

Меч отсек руку метателя. Кровь не хлынула, из обрубка вместо нее повалили клубы зловонного шафранового дыма.

С улицы донеслось яростное шипение мальчишек и жалобный писк. Брэк еще раз с силой навалился плечом, захлопнул дверь и задвинул засов.

Тяжело дыша, чувствуя во всем теле боль от ожогов, северянин закрыл глаза и замер у двери, восстанавливая дыхание.

«Что за безумие? — подумал он. — Сколько же мерзости в этих так называемых цивилизованных землях, в этих сказочных царствах и городах, где он решил искать свою судьбу! Какие исчадия ада бродят в землях юга!» Неожиданно Брэк пожалел о том, что его изгнали с бескрайних равнин севера. Он проклял свое решение смириться с этим и направиться на юг.

Но уже через мгновение его он уверился в том, что выбор сделан правильно. Варвар решил, что теперь-то чего жалеть, сделанного не воротить. Покрепче сжав меч, он пересек двор, тускло освещенный холодными северными звездами, горевшими на черном, как бархат, небе. Надо выбрать-ся из этого дома, из этого города.

С улицы по-прежнему доносилось яростное шипение. Брэк обошел затянутый ржавой пленкой бассейн. Он находился уже на полпути к внутренней стене дома, когда впереди вспыхнул необычный жемчужный свет. В доме, очевидно, распахнулись двери. Брэк оторопел.

На пороге стояла девушка невероятной красоты. Тело ее обтягивал шелк, черный как ночь. Глаза ее казались такими же темными, черные волосы струились, воздушные, словно облако. Она улыбнулась полными влажными губами.

«Что еще за новые силки дьявола?» — спросил сам себя Брэк.

Вокруг девушки, держащейся руками за медные украшения дверей дома, казалось, висело жемчужное облако. Брэк решил, что девушка открыла двери и на улицу полился жемчужный свет. Однако варвар не помнил того, как дверь открывалась.

В голове Брэка шумело. Тело болело от ожогов. Звезды над головой, казалось, раскачивались и кружились.

— Иди сюда, чужестранец, — произнесла девушка, мило улынувшись.

В сердце Брэка затеплилась надежда. Девушка была невероятно красива. Возможно, ему наконец посчастливилось встретить добрую незнакомку в этом притоне зла. Вытерев губы тыльной стороной руки, он кивнул девушке, давая понять, что слышал, потом неспешно пошел к ней, к дверям, ведущим в дом, которые он не мог разглядеть, ослепленный жемчужным сиянием.

Из-за спины девушки вынырнула голова мальчишки. Серебристые диски в глазных впадинах светились.

Брэк остановился, будто пораженный молнией. Вперед развязной походкой вышел предводитель метателей. Он прочирикал девушке:

— Восхитительная уловка! Восхитительно, прекрасная Дочь Ада.

Метатель нацелил кончики пальцев в лицо Брэку.

— Обман! — воскликнул Брэк, поднимая меч.

— Да, варвар. — Девушка улыбнулась. Ее черные глаза ярко вспыхнули, оставаясь такими же холодными. — Метатели позвали меня сюда издали, поскольку магическую триаду необходимо принести на алтарь Йог-Саггота до восхода солнца. Надо пополнить его силу.

Голос, который звучал так мило еще мгновение назад, оставался таким же, но сейчас в нем прозвучали ранее скрытые нотки, будто в горле девушки копошились пауки или какие-то другие отвратительные твари. Метатель едва сдерживал ликование. От нетерпения он подпрыгивал на месте.

— Можно я его отведу, Ариана? Можно я?

— Да, и побыстрее. Звезды скоро потухнут. Я слышу голос отца. Нам надо спешить.

— Мерзкие твари! — воскликнул Брэк, подняв меч и намереваясь вспороть животы своим противникам.

С острых как иглы пальцев метателя с новой силой полетели стрелы. Сотня, тысяча огней обволокли Брэка. Искры били его, впивались в череп, сводили с ума.

Северянин изо всех сил пытался удержать меч. Это ему не удалось. Он чувствовал, как его сильные ноги подгибаются, становятся ватными. Медленно, очень медленно он начал падать сквозь цветные огни на булыжники, лежащие где-то далеко внизу.

Падая, Брэк развернулся. Сквозь снопы огня, слетающего с рук злобно шипящего метателя, он увидел кое-что еще, ввергнувшее его в бездну отчаяния.

Там, где раньше находилась деревянная дверь, ведущая на улицу, дверь, через которую варвар

вбежал в этот дьявольский двор, теперь оказалась гладкая стена. Брэк видел лишь каменную кладку. У варвара потемнело в глазах, он упал и потерял сознание.

Или Брэк ненадолго очнулся, или ему приснилось, что он лежит на животе, привязанный к вонючей шкуре снежного верблюда. Раздвоенные копыта неприхотливого животного выбивали желтые искры из замерзшей сельской дороги. Рядом бежали метатели искр. Они весело болтали между собой и, запрокинув голову, пытались разглядеть последние гаснущие звезды на небе.

Но скоро сознание варвара снова померкло, будто отражение в зеркале, поверхность которого вдруг залили благовонным маслом. Брэк опять почувствовал страшную боль.

Когда Брэк очнулся в следующий раз, ему показалось, что он лежит на спине на холодных камнях мостовой. С трудом варвару удалось сфокусировать взгляд на чем-то, находящемся у него высоко над головой.

Варвар разглядел каменный свод, сложенный из массивных блоков, облепленных чем-то, напоминающим паутину, но только каждая нить этой алой паутины была очень толстой и с нее стекала тягучая красноватая жидкость. Одна из капель упала на пол рядом со щекой Брэка. От капель исходил такой смрад, какого Брэку никогда в жизни чувствовать еще не доводилось.

Довольно долго, пока картина перед его глазами то расплывалась, то снова обретала резкость,

варвар в ужасе глядел на колышущуюся паутину, прикрепленную к потолку.

Наверху в тени сверкнули два красных фасеточных глаза. На какое-то мгновение взгляд Брэка прояснился настолько, что он смог разглядеть многочисленные отражения в глазах твари. На всех плоскостях фасеточных глаз они были одинаковы: человеческая фигура без одежды, по-видимому бесполой. Фигура извивалась и размахивала руками, будто ее поджаривали на горячих углях. Каждая поза умножалась десятком, сотню, тысячу раз в каждой красной фасетке глаз обитателя паутины.

Рядом слышались человеческие голоса. Брэк попытался повернуть голову, но не мог. Его обдувал холодный затхлый ветер. Варвар осмотрел стены темного зала. На них плясали красноватые отражения, будто где-то мерцал костер, разогнавший по углам темноту, пульсирующую невыразимым злом.

Брэк понял: зло это страшнее, чем все то зло, что северянин встречал раньше.

Красные глаза чудовища, сидящего среди веревок паутины, вдруг исчезли. «Нет, — решил Брэк, — они просто потускнели». Между ним и паутиной появилась переливающаяся завеса.

Она оказалась огромным мерцающим пузырем. По поверхности его протянулись черные разводы, внутри клубился серый туман. Пузырь стал спускаться.

Внутри пузыря, диаметром в два человеческих роста, находилась какая-то человеческая фигура. Это была девушка в черной шелковой одежде, Ариана. Брэк пошевелился и застонал.

Пухлые красные губы девушки тронула улыбка. Брэк догадался, что Ариана рассматривает его

из этого таинственного, парящего в воздухе пузыря.

Ее черные глаза на фоне белого как мел лица горели неестественным любопытством.

Пузырь опустился ниже. Ариана внутри него пошевелилась. Длинные волосы медленно плавали у нее за спиной, будто она находилась под водой. Девушка подняла правую руку, поднесла кончики пальцев к губам, поцеловала их и послала Брэку воздушный поцелуй.

Глаза девушки блестели ярко и как-то необычно. По запястью Арианы текла тоненькая красная струйка крови. Крови, которая, Брэк чувствовал, не была ее собственной... Ариана все улыбалась, искушая северянина пухлыми красными губами, завлекая его.

Брэк содрогнулся, напрягся. Взгляд его затуманился. В голове снова зашумело, и он поежился, почувствовав, что им овладевает невыразимый, безотчетный страх.

Пузырь начал подниматься, собираясь улететь. Фигура Арианы стала уменьшаться. Брэк закусил нижнюю губу и застонал. По всему телу варвара выступил ледяной пот.

Приглушенные мужские голоса, которые он уже слышал пробуждаясь, послышались снова:

— Кто? Кто? Я ведь не вижу.

— Мурашки по всему телу... Разве это не говорит тебе ни о чем? — Этот второй голос прозвучал хрипло. — Это ведь его дочь. Она заинтересовалась чужестранцем. Думаю, восхищается его силой.

Снова послышался первый дрожащий голос, принадлежащий более старому человеку:

— Но ведь близится рассвет, брат! Она не успеет заключить его в объятия.

— Ты не знаешь о ее власти, старик? Эта мерзкая сучка при помощи колдовства может растянуть один удар сердца на целые эпохи. За это время она насытится тысячей любовников и после сделает так, что каждый из них пожалеет о том, что родился.

Красные глаза похожего на паука существа, в которых отражались картины человеческих мучений, медленно закрылись.

— Если Ариана заинтересовалась чужестранцам, старик, тогда, к тому времени как загорятся первые лучи солнца и начнется ритуал, душа уже покинет его тело. Йог-Сагготу ничего не останется.

Голос затих. Брэк подумал о том, что же должно произойти с ним, теперь, когда он пробудил любопытство прекрасной ведьмы.

Бессильный, он снова почувствовал боль во всем теле и громко застонал. Голова его беспомощно откинулась. На стенах гигантского зала плясали отсветы пламени. Брэк потерял сознание.

На этот раз очнулся он неожиданно.

Он вдруг ясно ощутил холодный твердый камень, на котором лежал. Львиный хвост его набедренной повязки сваялся комком под ягодичами.

Брэк открыл глаза и понял, что заклятие ослабло.

Северянин застонал. Над ним на уже знакомом ему фоне (стены, паутина с тошнотворной слизью) склонились две фигуры в иноземных одеждах.

У того, что повыше, в грязном балахоне, топорщилась сваявшаяся борода, усы и спутанные волосы; наверное, когда-то он был благородным господином. Годы согнули его плечи. Он постоял

но облизывал потрескавшиеся губы. К тому же он был слеп. Глаза превратились в узкие щелки, верхние веки были плотно пришиты к коже щек черной ниткой. Нитка частично вросла в кожу, и вокруг нее образовались струнья и мозолистые уплотнения.

Лицо другого человека выглядело не столь примечательно, но тем сильнее внешность его испугала Брэка. Это был полный лысый мужчина низкого роста, одетый в серую мантию с капюшоном. Поясом ему служили четки. В правой руке он держал небольшой крест из серого камня.

Вертикальные и горизонтальные лучи креста имели равную длину. Человек в капюшоне держал крест за нижний луч и водил им над головой Брэка. Вид незнакомого символа и ощущение того, что происходит какая-то отвратительная церемония, заставили Брэка вскочить на ноги, а потом варвар гневно закричал:

— Убери от меня руки, колдун!

Могучие пальцы варвара сжали горло человека в капюшоне, который в ужасе начал задыхаться и извиваться.

— Он не хотел причинить тебе вред! Он не хотел причинить тебе вред! — закричал тоненьким голоском слепой, услышавший шум борьбы.

Чуть остынув, Брэк огляделся. Он увидел перед собой красное лицо человека в капюшоне. Это было простое, невинное, бесхитростное лицо. Варвар отпустил его шею и отошел, сжимая и разжимая кулаки.

Каменный крест упал на пол. Брэк показал на него пальцем.

— Я не знаю, что это за предмет, человек в серых одеждах. Но я не хочу, чтобы на меня снова накладывали заклятия.

Человек в капюшоне осторожно поднял крест.

— Откуда ты, варвар? — Он прищурился и попытался угадать: — С севера? Из степей?

— Да, — ответил Брэк.

— Значит, ты никогда не видел крест Несторианцев.

— Так называется этот предмет? Нет, никогда не видел. Дай посмотрю. — Брэк протянул руку. Человек в сером крепче сжал крест. Он не хотел выпускать его из рук.

Через некоторое время таинственный человек снова заговорил:

— Это символ Безымянного бога, чье лицо невозможно увидеть и чье имя не должно быть записано ни в одной свитке. Я хранитель этого креста, священник из ордена Несторианцев. Меня зовут брат Джером.

Брэк проворчал что-то и оглядел зал. Он даже присвистнул от удивления. Как он уже почувствовал, находясь в бреду, зал был так огромен, что мог вместить целую армию. Окон не было, и имелась лишь одна дверь — огромный портал в пять раз выше роста Брэка.

Свет в этот мрачный зал поступал из небольшого углубления, находящегося в середине мощенного булыжником пола. В этом углублении потрескивал огонь. Пламя отбрасывало тусклый неровный свет на стены и наполняло воздух дымом. Запах костра не мог перебить вони от слизи, постоянно стекающей с паутины под потолком. Капли этой слизи испачкали и развели весь пол.

— Я не знаю, почему я здесь, — сказал Брэк, подходя к костру. — Знаю только, что на меня напала компания мальчишек-колдунов в городе Камбда Кее, куда я вошел с самыми мирными

намерениями. — Огонь отогрел его грубые, покрытые мозолями от меча ладони, но лишь чуть-чуть. Зал наполнял холодный туман. Голос варвара отозвался эхом, когда он, заговорив громче, обратился к монаху и дряхлому старику с прищипанными веками: — Я не знаю, кто вы такие. И компания ваша мне совсем не нравится.

Монах поднял пухлую руку:

— Успокойся, чужестранец. Не надо ссориться. Долго нам не придется ждать. Когда погаснут звезды и забрезжит дневной свет, жрец этого места...

— Какого места? — спросил Брэк, садясь на низкий бортик, огораживающий углубление, где горел костер. — Это гробница? Дворец?

— Идол, — прошептал слепец. — Идол, в тридцать раз выше человеческого роста. Вершина его поднимается к самым звездам, а ноги сокрыты в земле. — Губы старика скривились, будто он попробовал горький плод. — Это самое северное святилище Йог-Саггота, варвар. Самый большой идол во всем мире. Снаружи он выглядит как огромная статуя со злобным лицом. Чудовище сидит на корточках на границе Ледяного края. Севернее лежат лишь бескрайние пустыни.

Брэк грустно усмехнулся:

— Бескрайние пустыни? Я там родился и вырос, старик. Там я жил и сражался, пока меня не изгнали за непочтительное отношение к богам. И теперь я оказался здесь! Я невинный странник!

Брат Джером поглядел на могучие плечи Брэка и недоверчиво покачал головой.

— Я попал в капище какого-то проклятого бога, и меня хотят убить. Не хочу иметь никакого дела с этими мерзкими ритуалами!

Слепец сел на бортик рядом с Брэком.

— Как брат уже сказал, тут мы ничего поделать не можем.

Джером кивнул.

— Нас тоже схватили метатели на улицах Камбда Кея. Мы тоже пленники. На рассвете, во время неопишуемого отвратительного ритуала, нас убьют. — В глазах Джерома отразилась боль. — Ритуал этот проводится дважды в год. И бог Йог-Саггот передает часть своей силы тому, кто проводит ритуал.

Брэк вопросительно посмотрел на него:

— И кто проводит ритуал?

Джером ответил шепотом:

— Септенгундус.

И тут же принялся водить в воздухе крестом.

По спине Брэка стекали капли холодного пота. Тени в огромном зале, казалось, зашевелились. Снова наверху, среди алой зловонной паутины, вспыхнули фасеточные глаза, в каждой фасетке которых стали корчиться тысячи одинаковых душ.

Септенгундус... Септенгундус. Это имя гудело в голове Брэка будто удары громадного колокола, наполняя сердце варвара беспредельным ужасом. Брэк вдруг вскочил на ноги. Он дико заорал, бросился к огромным дверям и стал биться в них всем своим телом, все еще ноющим от боли.

Двери даже не шелохнулись. Брэк запрокинул голову и дико, протяжно завыл. Он принялся колотить в двери кулаками так, что разбил руки до крови. Громадные двери, однако, не поддались.

Наконец, начиная понимать весь ужас своего положения, варвар, тяжело дыша и покачиваясь, вернулся к костру. Там, устремив лицо к потолку,

молча сидел старик с зашитыми глазами. Одна его худая щека спазматически дергалась. Брат Джером покачал головой.

— Мне не нужна твоя жалость! — закричал Брэк. — Не нужна жалость жреца какого-то божка!

Джером снова покачал головой:

— Истинного бога, варвар. Безымянного бога.

Брэка переполняли чувства страха, неверия, ужаса перед силами, не поддающимися его пониманию. Когда Джером сделал ему знак рукой, прося сесть на бортик, он послушался.

Он молча себя упрекал. Люди эти — не враги, а союзники. Правда, он не выбрал бы их себе в боевые товарищи. Не считал бы нужным даже перекинуться несколькими словами, если бы встретил любого из них на горной тропе. Но судьба свела их вместе, и Брэк решил, что ему следует попытаться разобраться, кто они такие и что означает их присутствие тут.

Успокоившись немного, он спросил:

— Я не понимаю твоих слов, когда ты говоришь о Безымянном боге, Йог-Сагготе или... (он уже был готов произнести имя Септенгундус, но в голове его злое загудел колокол) или о том человеке, имя которого я не хотел бы произносить.

Брат Джером кивнул и стал рассказывать по залу. Сандалии его тихо шаркали по камням.

— Это потому, что ты пришел из далекой страны... Зачем, могу я узнать?

Брэк сбивчиво поведал им о том, как услышал легенды о Курдистане, лежащем на юге, и решил направиться туда в поисках своей судьбы. Рассказывать ему было очень трудно. Он чувствовал, что речь его груба. Более того, он ощущал себя совершенно голым. Меч ведь у него забрали.

Терпеливым тоном, словно отец, объясняющий что-то ребенку, Джером сказал:

— То, что ты не знаешь о битвах богов, вполне понятно, мой друг Брэк. Но шаман сказал тебе правду. Царства, лежащие между этой северной границей цивилизованных стран и Курдистаном на юге, пышные, роскошные и богатые. Но там много и опасностей. В нашем мире существует множество волшебных зверей и разных богов. Большинство из них жестоки. Но самый жестокий, вероятно, сам человек. Я еще так и не понял, зверь ли человек или бог.

Каждое слово отдавалось в зале жутким эхом. В костре щелкнула ветка. Искра обожгла кожу Брэка. Он раздраженно смахнул ее на каменный пол.

— Просвети меня, брат. Расскажи об этих богах. Один из них, как я понимаю, когда взойдет солнце, возьмет себе наши жизни.

— Каждым царством и княжеством в этом мире, Брэк, управляет какой-нибудь бог, — начал объяснять Джером усталым голосом. — Некоторые боги довольно могущественны. Однако самыми сильными являются два бога, ведущие непрерывную войну друг с другом за верховную власть над миром. О присутствии этих богов не подозревают ни князья, ни цари, ни крестьяне, ни маги, увязшие в делах меньших, более слабых богов. Много веков тому назад, когда Свиток Истории едва начал разворачиваться, один из этих богов правил всем миром. Это был Йог-Саггот. — Губы жреца скривились, будто само это имя было горьким на вкус. — Идол, внутри которого мы сидим, как ты уже слышал, является одним из мерзких истуканов, оставшихся с тех времен, когда этому богу публично поклонялись. Тогда по всей земле

выполняли отвратительные ритуалы, посвященные Йог-Сагготу. Уже многие годы его культ оттеснен на второй план. Но бог этот не умер. Он уснул. Однако недавно, пробудившись, он снова начал заявлять о своих правах. И повсюду его учение стало находить себе последователей. — Тут пальцы Джерома коснулись каменного креста, который он засунул за пояс. — Мир ведь очень сложен и удивителен. Одна сила часто порождает противодействие. Раньше Йог-Саггот мог спокойно спать, поскольку колдуны поддерживали зло, творимое меньшими богами, и тем самым выполняли работу Темной силы. Возможно, это, — он снова коснулся креста, — нарушило равновесие, и теперь Темный бог вновь пробудился.

— А этот Септенгундус, жрец злого бога? — спросил Брэк, с трудом заставив себя произнести зловещее имя.

Джером кивнул и поежился.

— Некоторые утверждают, что этот Септенгундус самый могучий колдун со времен творения. Он верховный жрец Йог-Саггота, его посланец в нашем мире. Он не человек, хотя обитает в человеческом облике. Так как сущность его божественна, его нельзя убить. Когда я получил назначение в Камбда Кей и приехал туда, я, к своему ужасу, обнаружил, что зловещий жрец появился снова... Вот почему нас должны принести в жертву Йог-Сагготу во время ритуала, происходящего два раза в год. Руководить ритуалом будет наместник Йог-Саггота на Земле — Септенгундус. — Помолчав, Джером вздохнул. — Он наместник Зла на земле.

Склонив голову, Джером содрогнулся и быстро перекрестился.

Брэк снова ткнул пальцем в священника:

— И этим крестом ты хочешь отогнать его?

— Да. Такова моя молитва. — Взгляд Джерома стал еще более мрачным. — Вера в Безымянного бога — не блаженное времяпрепровождение... Но моя вера не является верной защитой. Многие последователи этой веры подвергались жестоким испытаниям. А теперь битва снова разгорается, поскольку все больше душ обращается к Йог-Сагготу, который может удовлетворить все страсти людские. В мире, по которому ты решил путешествовать, бушует война. Мой бог, не имеющий имени и образа, встречает все более сильное сопротивление.

Когда Брэк раздраженно и грубо спросил, что это еще за Безымянный бог, священник не рассердился. Он терпеливо принялся объяснять, что Безымянный бог правит миром, невзирая на границы, разделяющие народы; по крайней мере, в это верят его последователи и священники. Странная и удивительная теория! Брэк никогда раньше не слышал о том, чтобы боги пересекали национальные границы. По всей видимости, впервые эту мысль высказал пастух коз по имени Нестор.

Много веков тому назад, согласно рассказу Джерома, этот пастух, основатель культа, погиб, пытаясь доставить символ Безымянного бога, каменный крест, высоко в Горы Дыма, лежащие на таинственном Востоке, где, как считалось, рождаются и пребывают все боги. Нестор исчез. Это лишь подтвердило мнение его родственников, друзей и соседей, считавших старца сумасшедшим. На некоторое время вера в Безымянного бога угасла. Но теперь, как сказал Джером, в мире снова появились воинствующие последователи культа Несторианцев.

Брэк фыркнул:

— Нам быгодились хотя бы несколько из них, вооруженных стальными клинками.

Брат Джером покачал головой.

— Сила наша заключена в этом. — Он провел пальцами по кресту.

— Но нам-то он чем поможет? — удивился Брэк. — Если и существует дверь, ведущая из этого ада, открыть ее можно только мечом.

Лицо священника стало грустным, будто он надеялся встретить менее решительное отрицание своей веры. Брэк действительно не понимал теологических тонкостей. Он вскочил на ноги и принялся расхаживать взад и вперед. Наконец он резко повернулся к Джерому и слепому старику. С потолка рядом с его босой левой ногой упала капля едкой слизи. Часть слизи попала на кожу и стала жечь. Это напомнило Брэку о том, что ночь уже на исходе.

— Что именно должно случиться с нами на рассвете? — спросил он.

— Будет церемония, — сказал тонким голосом старик с защитными глазами. — Мы умрем во славу Йог-Саггота.

Брэк почесал подбородок, роясь в памяти:

— На улице, где на меня напали, что-то об этом уже говорили. Мальчишки упоминали, что необходимы трое...

Слепой старик подошел ближе. От него пахло кислым вином.

— Да, таков предписанный ритуал, чужестранец. Йог-Сагготу должны быть посвящены три смерти. И один из убитых должен быть непримиримым врагом Темного бога.

Джером откинул капюшон и провел рукой по вспотевшей лысине:

— Это я.

— Им требовался также неверующий, — размышлял вслух Брэк. — Это моя роль?

Тощий старик кивнул.

— Видимо, да. — Губы его скорбно скривились. — Я третий, тот, кто верит. Когда-то и я не верил, но в юности я заключил сделку все с тем же Септенгундусом. В обмен на то, что я представил свою смертную душу в распоряжение Йог-Саггота и пожертвовал глазами, показал свою преданность...

— Бог ослепил тебя? — Брэк едва не вскрикнул.

— Э... нет. Это сделала дочь Септенгундуса.

— Ариана, — тихим шепотом объяснил Джером, — та девушка с черными волосами. Она приходила сюда, варвар. Она разглядывала тебя с любопытством. Возможно, даже более чем с любопытством. Ее по праву называют Дочерью Ада. Красота ее подобна праздничному пирогу с ядовитым гноем под румяной корочкой...

— Она была тогда очень красива, — продолжал бубнить слепец. — Ариана взяла зеленые веточки, только что срезанные с дерева, заточила их и, пока я лежал на земле, изо всех сил стараясь не дрожать, нежными движениями кисти проткнула мне оба глаза. Я согласился заплатить такую цену ради того, что надеялся получить потом. Сила моего разума после этого возросла в несколько раз. Многие годы я сочинял красивые песни. — Седая голова поникла, веки, казалось, дрогнули, и старик тихо добавил: — Имя мое Тиресий.

Брэк заморгал. Имя это ему ничего не говорило. Но Джером был поражен.

— Бродячий певец? Соловей, который заставлял плакать даже палачей?

Тиресий кивнул:

— Да, да. Все царства мира распахнули передо мной свои ворота, когда я был в расцвете сил. При дворах правителей рекой лилось вино. Девушки целовали подол моего серебряного халата и умоляли дать им услышать хотя бы одно слово. — Он покачал головой. — Ничего этого уж нет. Молодость и силы ушли. Йог-Саггот не включил в договор бессмертие. Однако у меня еще осталось несколько рифм. Или, по крайней мере, я так думал, пока меня не схватили. Возможно, одна из них была бы и о тебе, варвар. Если судить по голосу, ты силен и храбр. Это, между прочим, не сослужит тебе хорошей службы в этом мире. Обман правит в... Однако я говорю так, будто впереди у нас долгие годы жизни. — Он поднял слепое лицо, повернув его в темный угол, где копошилось похожее на паука чудовище. — Впереди у нас лишь ритуал... И смерть.

Наступила зловещая тишина.

Брэк еще раз посмотрел на слепого певца, затем на низенького лысого священника-Несторианца, который сидел возле костра, опустив голову, и бубнил что-то, зажав в ладонях каменный крест. Через некоторое время Тиресий отошел в сторону и фальшиво замычал какую-то мелодию.

Брэк стал расхаживать кругами вокруг костра. Он шагал, все увеличивая круги, и разглядывал стены. На них он не обнаружил никаких углублений, ничего, что могло бы пообещать избавление. Сердце его сжал холод. Варвар вздрогнул, когда вдруг раздался тихий звон. Где-то далеко-далеко четыре раза ударили в колокол.

Тиресий вздохнул и перестал мычать.

— Скоро начнет светать. Потом песочные часы перевернут еще раз, и взойдет солнце.

— Мы не можем спокойно стоять здесь, как на бойне! — закричал варвар.

От его грубого крика в огромном зале зазвенело жуткое эхо.

Где-то наверху звонко рассмеялась Ариана.

Ее смех манил. Он журчал, как ручеек, бегущий по камням. Вдруг все вокруг потемнело.

Брат Джером вскочил на ноги. Он вытянул руку, выставил перед собой крест. Вспыхнул белый ослепительный свет. Он пульсировал, будто каменный символ разозлил какую-то враждебную силу. Жалобно вскрикнув, Джером вдруг повалился на каменный пол и потерял сознание.

Крест выпал из его руки. С ужасом — ведь каменный символ ничего не значил для Брэка — варвар заметил, что крест лежит в нескольких шагах от руки Джерома. Каменный талисман был расколот.

Тиресий затрясся:

— Она здесь. Она пришла. Она снова пришла...

Резко обернувшись, Брэк увидел источник ослепительного света. Из темноты сверху спускался переливающийся пузырь.

По поверхности его по-прежнему плавали черные разводы, внутри пузыря было немного светлее. Но на этот раз из сферы не выглядывало мечтательное лицо. Там лишь зловеще клубился туман.

Пузырь опускался все ниже. Брэк вдруг понял, что пузырь опускается будто специально прямо на него.

Плечи Тиресия сильно затряслись. Он тоже почувствовал надвигающуюся опасность.

— Нас снова посетила Дочь Ада, чужестранец. Нужен ей не я и не брат Джером! Беги! Беги!

У варвара перехватило дыхание. Но он не двинулся с места. Он пришел в ужас от зависшего над ним пузыря с непрерывно клубящимся внутри туманом. Однако варвар решил, что если что-то и заберет его из этого зала в другое место, где он, возможно, сумеет освободиться при помощи смекалки и кулаков или даже меча (если тот окажется под рукой), то это хорошо. Любая иная обстановка была ничуть не хуже, чем пустое времяпрепровождение со священником и дряхлым певцом. Так что Брэк пытался подавить страх. Он впился пальцами себе в бедра, чтобы не потерять сознание, когда поверхность пузыря оказалась прямо перед ним и наконец коснулась...

Морозная ночь в бескрайней степи, в диких северных землях была теплее этой коснувшейся его оболочки. Сердце варвара забилося медленнее. В глазах у него помутилось. Клубящийся туман поглотил Брэка.

Варвар тут же почувствовал себя совершенно невесомым. Ему показалось, что он поднимается в воздух.

Наконец он снова смог видеть. Внизу он разглядел брата Джерома. Святой человек по-прежнему лежал без чувств рядом со своим разбитым крестом. Тиресий съежился у костра и мотал головой. Брэк теперь оказался внутри пузыря, был заключен в него...

Варвар сжал кулаки. Он ударил по завиткам холодного дыма с приятным ароматом, который, однако, причинял боль его незащищенной коже. Брэк яростно сопротивлялся, но казалось, что он просто болтался внутри пузыря, пока тот медленно летел по залу.

Туман клубился все сильнее. Он потемнел, когда пузырь приблизился к паутине, сплетенной чу-

довицной тварью, затаившейся под потолком. Странно, но пряди паутины проходили сквозь пузырь, не встречая сопротивления. Брэк почувствовал тошноту, попытался ударить по ним, но кулаки его встретили лишь холодный воздух.

Паутина прошла сквозь пузырь и сквозь тело варвара. Пузырь взлетел еще выше, коснулся каменного свода потолка и начал погружаться в него.

Брэк посмотрел вверх. С ужасом почувствовал он, как погружается в твердый камень потолка. По телу начало распространяться странное онемение, по мере того как пузырь и могучее тело варвара все больше погружались в камень. Перед тем как лицо Брэка окунулось в темноту, он услышал звонкий радостный смех.

— Иди, иди сюда, силач. — Ласковый голос, казалось, пытался успокоить варвара. — Ариана не так ужасна, как тебе кажется.

Понимая, что его влекут куда-то при помощи колдовства, Брэк крикнул:

— Тебя зовут Дочерью Ада. Не хочу иметь дела ни с тобой, ни...

Темнота напозла на его лицо, и он потерял сознание.

В лицо ударил порыв холодного ветра. Брэк почувствовал, как ветер лупит по его телу со всех сторон, швыряя его то туда, то сюда. Душа варвара затрепетала от страха, словно в вены его хлынул ядовитый поток. Какое-то время варвар пытался совладать со страхом, но безуспешно.

Ветер терзал его тело. Он заставил Брэка открыть глаза. Далеко внизу, под небольшой хрупкой повозкой из блестящей в лунном свете меди,

проносились земля. Варвар выставил руки, пытаясь ухватиться за борта повозки.

И тут он обнаружил, что сидит в разукрашенной медной колеснице, летящей по небу. Над горизонтом висела ослепительная монета, окруженная дымкой, — полная луна. На востоке, далеко за мерцающей границей Ледяного края, ближе к Горам Дыма, где умер пастух Нестор, разгорались первые бледные сполохи нового дня.

Сердце Брэка затрепетало от ужаса. Варвару показалось, что тело его необычно легкое. Он чувствовал, что оно реально и вместе с тем нереально, будто его «я», которое летело над землей в колеснице, управляемой прекрасной злодейкой, было не настоящим, а каким-то колдовским отражением. За короткие мгновения полета варвар попытался охватить взглядом чудеса, открывавшиеся ему с высоты.

На юге на самом горизонте притаился в темноте город Камбда Кей. Немного ближе среди синих ледяных скал поднималась огромная скульптура. Колесница летела по небу прочь от нее. Брэк подробнее разглядел гигантского идола.

Это был грандиозный полуразрушенный истукан — сидящая на корточках фигура получеловеческого существа с чудовищными каменными кулаками, покоившимися на коленях. Идол опустил вниз голову с широко открытой злобной пастью, будто для того, чтобы проклясть землю у себя под ногами. Брэк вдруг понял, что этот громадный идол среди пустыни и есть изображение Йог-Саггота.

Но больше всего Брэка беспокоила девушка, которая в белых как мел ручках держала поводья колесницы. Она обернулась и посмотрела на варвара через плечо. Ее черные волосы вились за

спиной. Они развевались точно так же, как ее платье, и невозможно было различить, где волосы, а где ткань.

На губах Арианы играла задумчивая улыбка. Маленькие зубки были обнажены, а глаза широко раскрыты.

Колесницу тащили по небу два огромных черных существа, похожие на коней. Брэк никогда не видел таких чудовищ, даже в самых бредовых своих снах. Гривы этих невероятных скакунов горели. Из широких ноздрей вырывались снопы огня, освещающая ночь алыми, оранжевыми и желтыми искрами.

— Зачем ты притащила меня сюда, женщина? — прокричал Брэк, стараясь перекричать вой ветра.

— Ты действительно знаешь, кто я такая, варвар? — смеясь, задала встречный вопрос девушка. — Тебе же рассказали об этом те две кучи дерьма, чье время уже сочтено?

— Ты женщина, обманувшая меня в Камбда Кее. Ведьма-потаскушка!

Ариану это обидело. Она резко обернулась и хлестнула черными поводьями по щеке воина. Поводья, как нож, разрезали кожу.

Он коснулся щеки рукой, чтобы вытереть кровь. Пальцы остались сухими. Рана уже затянулась, хотя боль осталась.

Теперь Брэк уверился в том, что ни он, ни Ариана ненастоящие. Тело его (или труп) осталось лежать в святилище Йог-Саггота, а его несчастная душа летала по небу с душой черноглазой колдуньи, управляющей медной колесницей.

Девушка процедила сквозь зубы:

— Я Ариана, дочь Септенгундуса. Я требую уважения.

— С каких пор я стал обязан уважать колдуний? — поинтересовался Брэк.

В лице Арианы что-то изменилось. Она слегка потянула поводья. Невероятно медленно и грациозно, однако с огромной скоростью, о чем свидетельствовал рев ветра, огнегривые кони повернули и помчались на юг.

— Мальчишки-метатели сказали мне, что ты какой-то деревенщина с севера, — продолжала Ариана. — Однако ты, похоже, правильно оценил ситуацию.

— Ты знаешь мое имя?

— Да. И не только это.

— Ладно. Твое имя я тоже знаю. И что намного важнее — знаю его значение.

Она заговорила шепотом, заставляя слово это звучать одновременно и игриво и соблазнительно, как сладкое пирожное:

— Ариана. Ариана. Ариана.

— Дочь Ада, как сказал брат Джером.

Ариана пожала плечами. Ее полупрозрачный шарф вдруг ожил и обмотался вокруг шеи Брэка.

Душистая ткань нежно, чувственно ласкала щеку. Варвар отбросил от себя черную материю. Шарф вернулся к Ариане, на белых щеках которой играли мягкие отсветы пламени грив призрачных коней.

Луна уже почти скрылась за горизонтом. Ледяной край скрылся в синей дымке на севере. Впереди на равнине лежал золотой город.

— Брат Джером перестанет молоть чепуху, когда Йог-Саггот приберет его к себе. Он очернил меня перед тобой.

Услышав эти слова, Брэк едва не расхохотался:

— Очернил! О боги, женщина, хватит и того, что меня избили, околдовали, лишили свободы и

теперь собираются принести в жертву какому-то божку, о котором я раньше и не слышал!

В глазах Арианы сверкнули черные искры. Она покрутила в руке поводья, показывая, что может опять хлестнуть ими северянина.

— Не святотатствуй. Йог-Саггот — Темная сила. Высшая сила.

— Ну и что? Что тебе от меня надо? Ты рассматривала меня из пузыря, когда я лежал заколдованный там, в зале. Зачем?

Ариана облизнула губы розовым язычком, затем снова спросила, так и не ответив на вопрос Брэка:

— Что еще наговорил обо мне злой Несторианец? Что я выбираю себе любовников? Да, это так. Я и мой отец не полностью принадлежим этому миру. Однако мы подвержены земным страстям. Во всем виноваты наши земные тела. Ты способный человек, варвар. Сильный. Обладаешь первобытной отвагой. Но отвага, могу сказать тебе, мало бы тебе пригодилась в этом мире. Такие качества не ценятся среди людей. Если бы ты был хитрым, изворотливым человеком, свободным от предрассудков... да, вот тогда бы ты, варвар, мог достичь Курдистана.

Брэк снова похолодел. Она знает о цели его путешествия, о его мечте. Но он промолчал, а колдунья продолжила:

— Да, тогда бы ты мог достичь Курдистана живым. Но людям не нужны такие, как ты. Люди лишь наказывают тех, кто, подобно тебе, дерзко шагают по миру, прислушиваясь лишь к велению своего сердца. — Она снова засмеялась. — Это наш мир, мой и моего отца. Это черная бездна, полная мучений.

Брэк нахмурился:

— Откуда ты знаешь, что я направлялся в Курдистан?

— Я все о тебе знаю. Я выжала твои мысли, как абрикос. Во многих отношениях ты простой человек. Хотя не такой простой, как другие. — Дразнящая, похотливая улыбка вернулась на лицо девушки. — И вообще я нахожу тебя очень привлекательным.

— Ты издеваешься надо мной, женщина. Я обречен на смерть. Уже светает.

Ариана указала рукой с длинными ногтями на огромный город, проплывающий внизу, с куполами и башнями, огромными базарными площадями и храмами. Колесница летела над миром дальше, быстрая как ветер.

— Ритуал ничего не значит, Брэк.

— Ничего не значит?!

— Конечно, поскольку я могу все изменить.

— Сохранить мне жизнь?

— Да. Метатели успеют найти другого неверующего в трущобах Камбда Кея.

В животе Брэка сжался холодный комок. Такой неожиданный поворот событий варвар не в состоянии был понять. Надо было что-то решать.

— Но за это от меня требуют какой-то платы, ведь так, женщина?

Ариана склонилась над северянином. Искры, сорвавшиеся с грив коней и запутавшиеся в ее волосах, сверкали, как огненные украшения.

— Да, варвар. Потребуется плата. Ты станешь служить мне.

— Сколько времени? До тех пор, пока не разверзнется ад и мир не склонится перед Йог-Сагготом?

В глазах колдуньи вспыхнули злые огоньки.

— Время это не заставит себя долго ждать, помяни, Брэк, мои слова. Как долго продлится наш... взаимный интерес, решать буду я. И только я. Но ты должен добровольно дать свое согласие, так как я не могу вытянуть его из тебя никакими заклинаниями. В противном же случае священный ритуал свершится...

Разъяренный Брэк резко отвернулся от колдуньи и уставился вниз, на удаляющийся золотистый город и серые равнины, протянувшиеся до самого горизонта.

По равнине двигалась армия. Брэк видел десятки тысяч всадников и пеших воинов, колесницы с серпами и герольдов, трубящих в длинные трубы. Он видел роскошное вооружение, какое даже и вообразить себе не мог.

Колесница летела над морем синих, желтых, изумрудных и пурпурных вымпелов, плещущихся на концах копий. И никто в этом великом войске не видел призрачную колесницу.

Брэк указал рукой на это богато снаряженное войско:

— Почему ты задаешь этот вопрос мне здесь, Ариана? Почему именно здесь, женщина? Почему здесь, где я могу видеть все это? Почему ты расспрашиваешь меня в повозке, летящей как ветер над чудесами, каких я не видел раньше?

Ариана не ответила, но обернулась к северянину:

— Отдай мне свою душу, варвар.

— Я не знаю значения слова «душа». Я уверен, что у меня есть крепкая правая рука, которая может размахивать мечом, есть две ноги, но остальное...

— У тебя есть душа, — прошептала она. — Но отдать ее мне ты должен добровольно.

— Как бродячий певец Тиресий?
— Кто?
— Тот, которому ты собственными руками выколола глаза.

Ариана, казалось, находилась в каком-то трансе. Она не отреагировала на слова варвара вспышкой злобы, как Брэк ожидал. Вместо этого она вдруг расслабилась и склонилась к его бронзовому загорелому предплечью. Ее щека коснулась его руки, возбуждая варвара.

Северянин боролся с желанием, пока колдунья терлась щекой о его руку и бормотала:

— Брэк, Брэк, мой силач. В мире нет ничего, чего нельзя было бы купить. Я так много могу предложить тебе. Не только свою любовь. Все, что ты хочешь от этого мира с его богатыми городами. Если не веришь в то, как это замечательно, тогда смотри!

Последнее слово она радостно прокричала и хлестнула поводьями по спинам коней.

Ветер стал дуть сильнее. Медная повозка помчалась так быстро, что Брэк, опасаясь за свою жизнь, вцепился в борта.

Внизу проносились различные царства, освещенные лучами зари. Брэк видел огромные пограничные стены и бирюзовые моря, по которым плыли пузатые торговые суда под разноцветными парусами. Среди желтых песков стояли храмы и целые забытые города, а среди гор темнели пещеры серебряных рудников. Там, словно муравьи, трудились тысячи и тысячи людей, доставая руду из недр земли.

Колесница мчалась по небу все дальше, мимо замков, над лесами, степями, плоскогорьями, над воюющими армиями и бродячими по пустыне племенами кочевников, мимо высоких разукрашен-

ных башен, с которых кричали жрецы, приветствуя встающее солнце. Они мчались все дальше и дальше. Перед ними открывались сцены ослепительной роскоши и великолепия, наблюдая которые можно было сойти с ума.

Под копытами черных коней, летящих между землей и звездами, проносились многие царства, и Ариана выкрикивала их названия: Фриксос и Фрикс, Токт, Гат и Чамбалор, Рингарим, Бемках и Копт, Тирос, Танзид и Тосбоол.

И вот, просвечивая сквозь желтую дымку, образуя полумесяц на самой южной оконечности земли, показалась волшебная страна. Сердце Брэка бешено забилося. Хлестнув коней, Ариана крикнула, стараясь, чтобы северянин услышал ее слова, едва различимые из-за завываний ветра:

— Курдистан, мой любимый Брэк. Золотой Курдистан.

Варвар вцепился в борта повозки, вглядываясь в светящуюся золотую дымку на горизонте.

Смех Арианы вдруг оборвался. С резким криком «Эй! Эй!» она снова подхлестнула коней. Колесница развернулась в небе и полетела обратно на север.

Золотое сияние Курдистана осталось позади. Ариана тихо проговорила:

— Нет, Брэк, тебе туда не попасть. Еще нет. Но ты доберешься до волшебной страны, если только добровольно свяжешь свою судьбу с моей.

Варвар боролся с искушением. Его мучили сомнения и чувство вины. Что плохого в предложении колдуньи, говорила одна часть его сознания. Разве Ариана не красива? У нее такие теплые, нежные руки. Она спасет ему жизнь! И он может заключить с ней сделку! А потом он, как только ей надоест, в один миг перенесется

в золотой Курдистан. Брэк уже открыл рот, чтобы сказать «да». Ведь так легко было это сделать.

В черных глазах Арианы горело нетерпение. Она, полная ожидания, нагнулась к северянину. И тут перед глазами Брэка появился отвратительный образ Тиресия с зашитыми глазами. В мире существует зло. В этом он был согласен с Джеромом. И зло — вот оно.

— Нет, — с трудом выговорил Брэк. Все тело его заболело от усилия, потребовавшегося для того, чтобы произнести это единственное слово. Он повторил его, сорвавшись на крик: — Нет! Нет! — Он забарабанил огромными кулаками по бортам повозки. Его соломенного цвета косичка развевалась на ветру, а он все кричал: — Нет, колдунья! Ты не получишь мою душу. Я не верю, что у меня есть душа, но блеск в твоих глазах говорит мне, что, должно быть, она существует... И я говорю тебе — нет!

На какое-то мгновение лицо Арианы исказилось от ненависти. Потом глаза ее сощурились от любопытства. Она внимательно поглядела на страдающего варвара, вцепившегося в борта повозки. Брэк запрокинул голову, оскалил зубы и закрыл глаза. Он молился безымянным богам, чью природу, чьи силы он не знал, молился, прося дать ему сил, которые помогли бы устоять перед искушением.

И тут Ариана увидела, как он силен. Но это почему-то вызвало у колдуньи не ярость, а грусть.

Она сняла со своей шеи тонкую серебряную цепочку с кулоном. Прежде чем Брэк успел помешать ей, она надела эту цепочку ему на шею. Почувствовав на груди кулон, варвар открыл глаза.

Там, где украшение коснулось, кожа начала нестерпимо зудеть. Брэк увидел, что кулон — крохотная копия того пузыря, в котором Ариана спускалась посмотреть на него, шарик с черными разводами на поверхности и клубящейся серой дымкой внутри.

Ариана коснулась щеки Брэка:

— Мой бедный варвар. Мне следует ненавидеть тебя всем своим существом. Но я не могу. Я по-прежнему хочу тебя...

Воин помотал головой и отвернулся. Он не хотел слишком долго смотреть в красивые глаза колдуньи. Все небо заволокли тучи, их черные массы скрыли мир внизу, будто рассвет, лучи которого только что коснулись колесницы, был иллюзией. Огнегривые кони снижались. Брэк понял это по тому, как наклонилась повозка. Будто грустная мелодия, в памяти возникла картина сияющего на горизонте золотого Курдистана. Неужели волшебная страна навеки потеряна для него?

— При помощи этого маленького кулона я приковала себя к тебе, — сказала Ариана. — Я связала тебя с собой до самой твоей смерти. Ты еще можешь изменить свое решение, варвар. При помощи этого кулона ты можешь вызвать меня. Притронься к нему и прошепчи мое имя. Я приду. В противном случае... — Лицо ее сделалось суровым. — Йог-Саггот могущественный бог... Ему будет посвящена жертва...

— Будь проклят Йог-Саггот и мир, который я не понимаю! — прокричал варвар, но слова его заглушил удар грома. Из черной тучи вылетела ослепительная молния. Повозка, Ариана, летающие кони — все исчезло.

Брэк взмахнул руками, пытаясь за что-нибудь ухватиться. В глазах у него потемнело. Он испу-

гался. Он едва удержался, но все же не поднес руку к груди и не коснулся блестящего шарика.

И тут в клубящейся темноте он услышал злорадный смех. Это смеялся Септенгундус, приглашая варвара на ритуал жертвоприношения.

Над миром царила тьма — густая и клубящаяся. Злобный безумный смех все усиливался. От этого смеха болели барабанные перепонки. Вокруг извивался и тянулся к небу зловонный черный дым. Брэк зажал уши ладонями. Звук, однако, не стал тише, в висках пульсировала боль. Смех звучал громче и громче. Громче, чем шум войска из сотни тысяч воинов.

Вспыхнул голубой свет. Он полыхнул, ослепив варвара, и погас. Брэк почувствовал, что падает. Он камнем летел в пустоте. Потом у него перехватило дыхание от ужаса. Через мгновение заклятие будет снято, и ему снова будет угрожать смерть.

Синеватый свет, отраженный от ледяных скал, резал глаза. Прямо над головой Брэка злобно оскалился каменный идол.

Сознание варвара начало медленно проясняться. Он узнал исполинского полуразрушенного истукана из зеленоватого гранита. Тело идола, казалось, источало мерзкую сырость, хотя утренний воздух вокруг был сухим и морозным.

Сжатые кулаки Йог-Саггота покоились на каменных коленях прямо над Брэком, а остальная часть статуи уходила ввысь, в бледное утреннее небо. Огромные глаза каменного чудовища злобно взирали на мир. Уголки огромного рта зловеще изогнулись.

Брэк услышал донесшийся с обеих сторон шум. Варвар лежал на спине. Под собой он чув-

ствовал холодный камень. Брэк повернул голову направо.

Там лежал Тиресий. Он уставился в небо слепыми глазницами. Слева от Брэка сидел на камнях и тряс лысой головой брат Джером. Брэк обнаружил, что все они неведомо как очутились на огромной каменной платформе, выступающей из основания идола.

Брэк приподнялся на локте, не понимая, как он и эти двое оказались здесь. Потом догадался, что их, вероятнее всего, принесли сюда. Сзади слышались шаркающие шаги.

Обернувшись, варвар увидел, что из ворот, скрытых тенью, выходят две колонны мальчиков-метателей. Сами же ворота были сделаны в одном из колен Йог-Саггота.

Поднявшись на ноги, Брэк огляделся по сторонам. Лицо его исказила ярость. Он был окружен.

Метатели, вначале четыре десятка, потом шесть, быстро выстроились по краям прямоугольной платформы. Лицом они повернулись к своим жертвам.

— Ты крепко спал, варвар, — заговорил Несторианец. — Ариана забрала на некоторое время твое сознание, оставив тело. Ты скулил, стонал и бился на полу. Один раз ты даже поднялся на колени, словно намереваясь броситься в костер. Мне пришлось оттаскивать тебя. Веки твои все время оставались плотно сжатыми. Потом ярость твоя прошла, словно Дочь Ада отпустила тебя. Я и сам задремал... И больше ничего не помню. Очнулся я уже здесь.

Нахмурясь и сощурив глаза, Брэк наблюдал, как метатели выстраиваются на платформе. Диски в их глазницах светились. Серебристые когти наперстков на пальцах позвякивали. Этот тихий звук зловеще дополнял заунывный вой ветра.

Изображение Йог-Саггота, оскалась, взирало на мир. Из ворот, ведущих внутрь святилища, послышался шум.

Тиресий сжал руку брата Джерома, трясаясь будто тростинка на ветру.

— Святой брат, обратись к Безымянному богу. Попроси его спасти нас!

Джером устало покачал головой:

— У меня нет сил. К тому же Безымянный бог не отвечает на униженные мольбы. Те, кто клянется ему в верности, по-прежнему остаются людьми, которым так же, как и всем остальным, грозит опасность. Мой единственный талисман, каменный крест, разбит. Я...

Джером вздрогнул: он заметил тонкую серебряную цепочку на шее у Брэка. Губы священника скривились.

— Что это на тебе, варвар? Ее знак?

Джером собрался было схватить кулон и сорвать его, но Брэк перехватил кисть Несторианца. Он так ее сжал, что священник поморщился.

Оскалившись, Брэк проговорил:

— Если притронуться к шарiku, явится колдунья и заберет меня к себе.

Тиресий закивал:

— Какую плату предложила она тебе, чужестранец?

Какое-то мгновение сердце Брэка было готово разорваться, когда он вспомнил о том, что предлагала ему ведьма.

— Весь мир. И Курдистан — волшебную страну, что лежит на юге.

Джером, иронично скривив губы, произнес:

— Да, певец, такая плата кажется мне вполне достойной...

— Она мне не нужна!.. — начал было Брэк. Спина его вдруг похолодела. Он почувствовал, что кто-то смотрит на него, кто-то, кроме мальчиков-метателей. Он резко поднял голову и посмотрел вверх.

Там, над ним, на морозном утреннем ветру, босая, в развевающемся черном шелковом платье, стояла Ариана. Она смотрела на варвара с огромного правого колена Йог-Саггота, потом подняла руку и будто поманила варвара.

«Как это легко — сдаться, — устало подумал Брэк. — Как легко коснуться кулона. Произнести ее имя. Одно слово — и я вырвусь из этого злого места». В холодной пустыне черных скал и синих замерзших озер идол Йог-Саггота поднимался на высоту в тридцать раз больше роста человека. Внизу у ног варвара нетерпеливо позвякивали когтями метатели искр.

У Брэка перехватило дыхание. Что он, плаксивый ребенок, чтобы бояться каких-то мальчишек? В его жилах течет горячая волчья кровь. Он не станет скулить и пятиться, а умрет так, как принято у мужчин в диких землях севера, забрав с собой как можно больше этих слепых тварей.

Ему нужно хоть какое-нибудь оружие — чтобы погибнуть, держа его в руках, гордо поднимая голову, с яростной боевой песней на устах.

Звон когтей усилился. Из ворот святилища вышли колонной по трое девять мальчиков-метателей. В середине их шел метатель в оборванных одеждах. Он нес над головой начищенный лист металла, на котором лежали пять предметов. Кусок ветхой одежды, как заметил Брэк, того же цвета, что и старый халат Тиресия и, вероятно, был от него оторван, два кусочка разбитого каменного креста и меч Брэка.

— Так вот куда делся крест, — прошептал брат Джером. — Им, очевидно, нужен для ритуала какой-то символ, олицетворяющий каждого из нас.

— Хм, — фыркнул Брэк. — Если бы мне только добраться до меча...

— Не получится, — заметил Джером. — Обрати внимание на пятый предмет.

Брэк посмотрел. В животе у него снова похолодело. На металлическом листе лежал короткий, толстый бронзовый нож. Лезвие его покрывала зеленая окись, но в некоторых местах виднелись следы старой черной, запекшейся крови. Рукоять ритуального ножа украшала голова Йог-Саггота.

Группа мальчиков подошла и остановилась на расстоянии шести шагов от трех жертв. Метатели замерли, расступились, оставив мальчика, держащего металлический лист, одного.

Брэк в отчаянии снова огляделся. Ни среди скал, ни на равнине не видно было никаких других человеческих существ. Вероятно, над этим местом висело какое-то проклятие, и ни один путник не решается приблизиться сюда. Напрасно Брэк искал взглядом другие ворота. Дверь, ведущая на платформу, была единственной.

Брэк последний раз взглянул на фигуру каменного бога. Он заметил большую трещину, поднимающуюся до середины живота идола. Но трещина не сможет послужить местом, где можно, укрывшись от нападения сзади, дать бой прихвостням Йог-Саггота. В самом широком месте края трещины разошлись лишь на половину ширины ладони.

Один из метателей искр запрокинул голову и прокричал:

— Посланец Йог-Саггота! Посланец Йог-Саггота!

Все мальчики-метатели подхватили его слова:

— Посланец Йог-Саггота, приди! Посланец Йог-Саггота, приди! Септенгундус, приди! Септенгундус, приди!

И из черных ворот медленно вышел наместник бога Зла.

Брэк потер кулаками глаза. Человек этот не имел внушительного телосложения. Одет он был в простой черный халат с широкими рукавами, скрывающими кисти рук. Голова его была гладко выбрита, нос орлиный, губы тонкие. Подбородок имел острое окончание, и кончики ушей тоже казались заостренными.

Глаза его были большими и темными — одни зрачки, белки почти не видны. Век у слуги Йог-Саггота не было. Видимо, их удалили намеренно. Никогда не закрывающиеся глаза окаймляли зарубцевавшиеся шрамы.

Но в ужас привела Брэка кожа Септенгундуса. Она была живой. Она шевелилась. Всю кожу колдуна покрывали человеческие фигурки. Крохотные голые человеческие фигурки, тысячи фигурок, переплетенных и корчащихся в вечных муках. Эти тела каким-то образом были заключены под тонким слоем кожи и медленно ворочались там, копошились. Их ноги, руки, туловища постоянно двигались.

Брэк до крови прикусил нижнюю губу.

Септенгундус торжественно прошел вперед и остановился прямо перед жертвами.

— Приветствую вас, — произнес он высоким голосом, обращаясь к пленникам. Потом поклонился персонально Тиресию. — Приветствую верующего. Мы уже встречались раньше. — Септенгундус поклонился брату Джерому. — Приветствую священника.

Затем, низко поклонившись, устремил чудовищный взгляд черных, лишенных белков глаз на Брэка. Напряженный, обливающийся потом варвар взирал на картину человеческих страданий, разворачивающуюся на лбу Септенгундуса.

— Приветствую неверующего, — продолжал Септенгундус. — Ты не избрал пути, предложенного моей дочерью, значит, тебе придется отправиться в огненный ад Йог-Саггота.

Будто загипнотизированный, Брэк не мог оторвать взгляда от глаз Септенгундуса. Это существо (как можно считать его человеком?) злобно улыбнулось:

— Однако время еще есть, варвар. Я хочу, чтобы мой ребенок вдоволь позабавился. Мы еще можем найти тебе замену, чтобы Йог-Саггот мог испытать теплой крови и подкрепить свою силу. Моя дочь красива. Она может предложить тебе самые заманчивые удовольствия, самые...

Голос Септенгундуса звучал тихо, несмотря на ощутимую ауру зла, окружающую колдуна. Брэк не выдержал. Издав дикий звериный вопль, он набрал полный рот слюны, выплюнул ее в лицо Септенгундуса и нанес этой мерзкой твари удар правой рукой в челюсть.

Тиресий выгнул спину, словно его больно хлестнули плетью, когда услышал крик Септенгундуса.

— Глупец, какой же ты глупец! — закричал Тиресий.

Септенгундус отшатнулся назад, выставив перед собой руки, словно пытаясь защититься. Кожа на его руках тоже кишела страдающими человеческими телами.

Брэк прыгнул вперед, схватил Септенгундуса за шею и швырнул его на мальчика-метателя, дер-

жащего поднос. И тут же спустилась черная ночь, закрыв все вокруг. В неожиданно наступившей темноте засверкали красные молнии. Они ударили справа от Брэка, затем слева. Платформа под босыми ногами варвара нагрелась, раскалилась до бела. Со всех сторон повалил дым. Метатели искр, в дисках которых отражались красные молнии, ринулись вперед.

Мир окутала чернота. Брэк с криком прыгнул вперед. Надо всем этим кошмаром возвышалось каменное изображение Йог-Саггота. Вокруг статуи играли яркие молнии. Септенгундус снова пришел в себя и теперь, разозлившись, в бессильной ярости выкрикивал бессмысленные заклинания.

Брэк налетел на метателя с подносом и отшвырнул мальчишку в сторону, свернув ему шею.

Затем Брэк опустился на четвереньки и стал шарить в дыму. Вокруг грохотал гром и, грозя гибелью, шипели молнии. Брэк не мог нащупать рукоятки упавшего меча.

Он отчаянно шарил руками по каменным плитам. Где-то в ужасе заблеял Тиресий. Где-то едва слышно бубнил молитву брат Джером. Наконец пальцы Брэка наткнулись на рукоять меча. Варвар схватил меч и вскочил на ноги. Красные молнии отражались на клинке, занесенном для удара.

Септенгундус, чуть покачиваясь, направился сквозь клубы дыма к Брэку, высоко поднимая руки. В каждой руке его извивалась черная змея с разделенным на три части языком — змеи были длинной в рост Брэка. Септенгундус закричал тоненьким голоском и бросил в Брэка сначала одну змею, затем другую.

Могучим ударом клинка Брэк рассек одну мерзкую тварь пополам. Извивающиеся обрубки

полетели в разные стороны и скрылись в дыму. Другая змея пролетела над плечом варвара. Язык ее метнулся к ближайшей цели — шее мальчика-метателя, ринувшегося было на помощь своему повелителю.

Едва язык змеи коснулся шеи, мальчик пошатнулся и выкатил глаза. Он бился в предсмертных судорогах, а змея кольцом сжала его шею.

Брэк ринулся в бой. Он пронзил мечом горло одному из метателей, выдернул меч, взмахнул и снес голову еще одному мальчишке. Голова покатила по каменным плитам, разбрызгивая кровь. Гром гремел не умолкая. Мозг Брэка затуманили страх и безумие, так как его дерзкое нападение на Септенгундуса пробудило каким-то образом Йог-Саггота.

Над головой среди бушующей темноты статуя Йог-Саггота начала вибрировать. По ее поверхности пробежали отблески красных молний. Одна молния ударила в голову идола, другая попала в живот. С каждым ударом камень начинал светиться все ярче, и наконец весь идол уже пульсировал жутким алым светом. Ярче всего горели каменные глаза.

Где-то рядом в темноте выкрикивал заклятия Септенгундус. На Брэка посыпался дождь ящериц и жаб. Северянин принялся давить их ногами. Кто-то схватил его за локоть. Варвар обернулся, готовый снести голову еще одному метателю. Локоть Брэка отпустили. Дым стал таким густым, что последователи Септенгундуса пришли в замешательство. Они постоянно натыкались друг на друга.

Из дыма появилось вспотевшее лицо брата Джерома. Священник, тяжело дыша, с трудом проговорил:

— Ты разбудил самого Йог-Саггота. Смотри. — Джером указал вверх.

Каменный идол, казалось, светился алым. Глаза его пылали. Ослепительные красные лучи вырывались из трещины на животе. Будто мерзкая живая субстанция зла, скопившаяся в этом извращении, разом хлынула наружу.

— Йог-Саггот, приди! — завопил Септенгундус, лицо которого на миг показалось из мрака. — Йог-Саггот, покажи свою силу и помоги своему слуге!

В ужасе Брэк посмотрел вверх. Из трещины на животе идола лился свет. Это был свет Зла, он изливался через пролом, который...

Пролом? Дико закричав и подняв меч над головой, Брэк побежал. Метатели, словно привидения возникшие из черного мрака, преградили ему путь. Брэк стал яростно размахивать мечом во все стороны, пока не перебил стоявших на дороге мальчишек. Какой-то врожденный страх подсказал ему, что вот-вот весь мир содрогнется и уж тогда-то ему точно не спастись. Если это так и мир обречен, то Брэку-то терять было нечего...

Больше варвара уже ничто не сдерживало. Он обезумел, старался нанести как можно больший ущерб врагам. Его окровавленный меч пел, словно коса смерти.

К варвару устремились с шипением несколько снопов искр, сорвавшихся с наперстков на пальцах метателей. Брэк с легкостью увернулся от них. Никто из последователей Септенгундуса не бросился в атаку, понимая, что меч варвара — грозное оружие. Двигаясь вслепую, варвар неожиданно наткнулся на каменное колено Йог-Саггота. С клинка меча стекала кровь. К кромке лезвия пристали капли мозга и кусочки хрящей. Все тело

варвара было покрыто красными брызгами крови и серыми — мозга. Он подпрыгнул и попытался ухватиться за верхнюю горизонтальную часть каменного бедра идола. Кто-то попробовал схватить Брэка, и на блестящей от пота спине, там, где болталась соломенного цвета коса, остался кровавый отпечаток человеческой руки.

Одной рукой Брэк зацепился за выступ идола. Сначала он закинул на площадку меч, так, чтобы обеими свободными руками подтянуться. Подтянулся Брэк с большим трудом, только сейчас поняв, сколько сил отняли у него события прошедшей ночи. С горящими ненавистью глазами он подполз к тому месту, где лежал его меч. Всепоглощающее желание мести подгоняло его, именно оно дало Брэку силы снова взять оружие и подняться на ноги.

Дым, молнии и гром безумствовали с еще большей силой. Кругом творился невообразимый кошмар. Внизу на платформе стоял Септенгундус и вопил, прося Йог-Саггота прийти на помощь. Над головой Брэка зловещим светом сиял мерзкий идол, глаза его пылали, и такой же свет лился из трещины в его животе.

Вдруг на варвара, едва держащегося на ногах, обрушился новый ливень. С неба посыпалось множество пауков. Некоторые были жирными, желтыми, и с их жал сочился тягучий прозрачный яд, другие были маленькими, быстрыми, пятнистыми. Ежась, Брэк сбрасывал целые горсти тварей с рук, плеч, груди. Он начал топтать их ногами, потом побежал по их зловонным расквашенным телам.

Брэк врезался в каменный живот идола и с криком отскочил. Камень гудел, он стал мягким, превратившись в раскаленное трепещущее живое вещество, которое пульсировало и испускало об-

жигающий адский свет из разлома над головой Брэка.

Варвар стал бредить. Ему показалось, что чудовищная каменная морда Йог-Саггота начала наклоняться все ниже.

«Невозможно!» — мысленно воскликнул он, стараясь бороться со страхом, рождающим иллюзии. И в то же время Брэк понимал, что это все-таки происходит. Септенгундус призвал адские силы своего злобного хозяина.

Ту часть каменной ноги, на которой, с трудом удерживая равновесие, стоял Брэк, залил поток света.

Бог смотрел вниз на варвара, осмелившегося не подчиниться. Через несколько мгновений Брэку показалось: еще чуть-чуть и он умрет. Он стал проклинать всех неизвестных богов, которые привели его к столь бесславному концу, сжал в руках рукоять меча, из последних сил поднял его над головой, держа обеими руками так, словно это копьё. До предела напрягая все мышцы своего могучего тела, он вскрикнул и вогнал меч в трещину, из которой лился свет.

На варвара обрушился ветер грандиозной силы, грозивший сдуть северянина с места, где он стоял. Клубящийся дым стал еще темнее. Смерд десяти тысяч разлагающихся трупов поднялся плотным облаком.

Свет внутри идола начал тускнеть. Удары грома слились в оглушительный рев. В глазах у Брэка все поплыло, и он покачнулся.

Фигура Йог-Саггота снова превращалась из живой, пульсирующей светом в зеленоватый камень. Из самого сердца статуи донесся титанический скрежет:

— Жалкий варвар!

Брэк тотчас обернулся, едва не вскрикнув от ужаса. На каменную ногу истукана карабкался Септенгундус. Тела, заключенные в его коже, корчились, выворачивались, извивались. Глаза без век горели на нечеловеческом лице колдуна, будто черные фонари. В правой руке Септенгундус сжимал нож с рукоятью в виде головы Йог-Саггота.

Брэк почувствовал, как у него подкашиваются ноги. Он попытался удержаться, схватившись за затвердевающий, остывающий, рокочущий камень истукана. С выражением бесконечной злобы на лице Септенгундус гибкими пальцами рисовал в воздухе странные магические знаки... Его губы, черные от крови в тех местах, где он в ярости прикусил их, шептали непонятные Брэку слова.

Варвар понимал, что должен что-то сделать, отскочить, бежать, пытаться укрыться, но ему едва хватило сил противостоять ветру. Правую ногу свела судорога. Он потерял равновесие.

Нож Септенгундуса стал светиться. Клинок вырвался из рук колдуна и застыл в воздухе, нацелившись на тяжело вздымающуюся широкую грудь Брэка.

На какое-то мгновение все застыло: измазанный кровью варвар, опустившийся на колени и тупо уставившийся прямо перед собой; слуга Йог-Саггота, схватившийся за голову и радостно кричащий; медленно вращающийся висящий в воздухе нож, нацеленный прямо в середину груди Брэка.

У варвара не осталось ни силы, ни энергии для того, чтобы увернуться. Он не думал о спасении, но видел, как неотвратимо приближается нож. И вдруг, почти инстинктивно, правая рука северянина метнулась к горлу. Варвар схватился за кулон, висевший на его шее, и закричал изо всех сил:

— Ариана!

Воздух перед Брэком помутнел. Колдунья материализовалась и теперь стояла лицом к варвару с ликующим взглядом. Потом Ариана нагнулась, собираясь высосать душу варвара, нежно поцеловав его в губы. Пальцы ее коснулись измазанных кровью плеч воина. Волосы, раздуваемые ветром, плавали в воздухе, словно черная паутина. Девушка нагнулась еще больше и, почти касаясь губ Брэка своими губами, зашептала нежные слова.

— Дочь моя! — воскликнул Септенгундус, но было уже поздно. Ногти колдуньи, словно когти, впились в плечо Брэка. Они вонзились в кожу варвара, в то время как спина девушки резко выгнулась. Взгляд Арианы встретился с взглядом Брэка, и варвар увидел в них боль. Затем прекрасные глаза девушки остекленели.

Вскрикнув еще раз, Брэк отшатнулся. Он прыгнул с рокочущего, раскачивающегося истукана в клубящуюся, полную дыма пустоту. В последний миг он увидел, как Ариана повалилась на камень, а нож, брошенный ее отцом, все глубже впивается в ее плоть.

Септенгундус стоял на коленях над своей дочерью. Над ним в каменной голове Йог-Саггота появилась грандиозная трещина. Она начала быстро расширяться, раскалывая статую на две части. Септенгундус подхватил дочь на руки, прижал к своей груди, повернулся к Брэку, который все еще падал, медленно, будто во сне. Взгляд колдуна задержался на варваре лишь мгновение, но и этого хватило, чтобы Брэк понял, что Септенгундус еще отомстит ему.

Неожиданно варвар ударился о камни, покатился. Он упал на нижнюю платформу идола.

Дым скрыл все вокруг. Огромные куски идола Йог-Саггота начали отваливаться и падать. Молнии бушевали с новой силой.

Боль во всем теле заглушила все остальные ощущения Брэка, и он уже не видел ни Септенгундуса, ни того, как рушится идол.

Брэк катился дальше и дальше вниз по камням. Сквозь грохот он слышал шепот колдуна, громкий и звучащий почти над ухом. Голос Септенгундуса привел Брэка в ужас:

— Долог путь до Курдистана, варвар. Я последую за тобой...

Брэк все катился по камням, а злое обещание волшебника эхом гудело у него в мозгу...

«Я последую за тобой...»

Варвар погрузился в холодную оглушительную тишину. Она звенела словно эхо небытия, эхо пустого, разрушенного мира.

Тиресий и брат Джером остались в живых.

Они бежали с платформы в общей сумятице, последовавшей за нападением Брэка на Септенгундуса. После того как Брэк свалился с рушащегося идола, певец и священник оттащили тяжелого варвара в укрытие из крупных камней.

Несторианец обработал раны Брэка какими-то мазями и перевязал их. Теперь солнце стояло в зените — яркое, желтое. Наконец Брэк очнулся. Все тело его нестерпимо болело. Некоторое время он отдыхал — лежал не двигаясь. Тиресий сидел рядом, оперевшись спиной о камень и вытянув ноги. Он напевал какую-то бессвязную мелодию. Весь остаток дня брат Джером простоял на коленях, сжав ладони перед собой, склонив голову и молясь Безымянному богу.

Наконец на закате Брэк восстановил свои силы настолько, чтобы встать на ноги и прогуляться к руинам. Развалины идола Йог-Саггота отбрасывали длинную тень на холодную равнину Ледяного края. Брэк стал пробираться среди обломков. Навалившись друг на друга, они образовали огромный холм. Между кусками камня валялись раздавленные трупы метателей.

Холодный каменный глаз Йог-Саггота взирал на звезды, загорающиеся на темном небе. А вот отломанный кулак идола, плотно сжатый, но все-таки сильный. Все еще страдая от шума в ушах, Брэк, роясь в обломках, заметил что-то металлическое, тускло поблескивающее среди камней.

Варвар что-то проворчал себе под нос. Он протянул руку и вытащил из-под камней свой меч. Знамение? Кромка клинка покрылась зазубринами, но меч был цел.

Не желая ни думать, ни вспоминать подробности схватки с колдуном, Брэк спустился с кучи обломков и поплелся к камню, возле которого брат Джером развел небольшой костер. Священник стоял на коленях и раздувал зажженный кремнем огонь. Брэк вошел в круг, освещенный костром. В его правой руке болтался меч. Варвар крепко сжимал его, как ребенок, заполучивший любимую игрушку.

— Где они? — Голос Брэка был так слаб, что слова его едва можно было разобрать. Кожу обдувал морозный ночной воздух Ледяного края. Ветер донес слабый звук, похожий на колокольчики каравана, идущего где-то очень далеко. Через мгновение звук исчез.

Брат Джером выглядел усталым.

— Септенгундус?

— Да, — ответил Брэк.

— Исчез.

— Умер?

— Он не умер и никогда не умрет. Исчез на время — так точнее. Отступил. Спрятался в какой-нибудь мерзкой вселенной, сотворенной Йог-Сагготом, где-то в параллельном мире. Невидимый для нас, но находящийся рядом с теми, чью душу захочет забрать Темная сила. Ты убил лишь образы Септенгундуса и его дочери, Брэк. Самих их ты убить не можешь.

Брэк грустно поглядел на звезды, определяя направление на север. Потом повернул голову так, чтобы видеть черное небо на юге. Там маящие мерцали незнакомые созвездия.

— Он сказал, что последует за мной в Курдистан, — прошептал Брэк.

Брат Джером кивнул:

— Значит, действительно последует... И он, и Дочь Ада. Никто из людей еще не дерзнул так их унижить, как сделал ты с этим железным зубом.

Джером медленно поднялся. Потрескивая, горел костер. Священник вытер пухлые руки об одежду и подошел к варвару, уныло глядящему на пламя.

Джером положил руку Брэку на плечо:

— Вернись на север. Так будет разумнее.

— Мне некуда возвращаться, святой человек. Я оставляю вас здесь, а сам пойду на юг, куплю или украду лошадь. Моя цель — Курдистан.

«Я последую за тобой». Слова эти тихо прозвучали в мозгу Брэка и наполнили его ужасом. «Я последую за тобой». Это не пустое обещание.

Брат Джером задумался.

— Я тоже путешествую по дорогам этого мира. Возможно, мы еще встретимся. Я поймал зайца, пока ты спал. Это жалкий, тощий зверь, но Тире-

сий говорит, что можно зажарить его. Мы поужинаем.

Свет звезд смягчил очертания развалин грандиозного святилища Йог-Саггота. Брэк посмотрел на руины, затем отвернулся. Он тряхнул головой:

— Я хочу убраться из этого места. Подальше. На сегодня мне уже хватило и колдунов, и богов...

— И все же ты хочешь продолжать свое путешествие, — сказал брат Джером.

Вдруг настроение Брэка улучшилось. Он потер синяк на руке, размял его, пока боль не утихла. Затем пожал плечами:

— Мне кажется, что сама судьба зовет меня в путь, святой человек. И остановить меня не сможет даже вот такой железный зуб, как ты его называешь...

Джером достал из-за пояса небольшой крест Несторианцев, который несколько часов назад сделал из сухих веточек, связав их зеленой корой какого-то кустарника, растущего здесь, в тундре.

— Ты чужой в этом мире, варвар. Твое место в более простом мире, где люди не обманывают друг друга и не заключают сделок с дьявольскими силами. Если не хочешь возвращаться на родину, возьми вот этот талисман. Он защитит тебя...

Почувствовав сильную тягу к кресту из веточек, Брэк внимательно осмотрел его, но потом покачал головой:

— Я не сын твоего бога. А раз так, я не могу взять этот талисман.

— Ты дитя его, но только не знаешь об этом.

— Но если мне это неизвестно, то это одно и то же.

Раздраженно, так как беседа начала становиться непонятной и смущала его, Брэк поднял меч и приложил клинок к левому плечу.

— Приветствую тебя, священник. Приветствую тебя, певец, — произнес он, обращаясь к сидящим у костра.

Тиресий, ножом разделяющий зайца, не слышал его слов. Бродячий певец явно погрузился в собственные мысли. Не обращая внимания на варвара, он напевал что-то себе под нос. Удивительно, но в уголках губ старика стала проступать улыбка.

Джером сказал:

— Кажется, он сочиняет новую песню. Он весь день этим занимался, с тех пор как мы оба поняли, что остались в живых лишь благодаря твоей смелости. Я слышал, как он несколько раз пропел твое имя. Голос его звучит тверже и чище, чем раньше. Возможно, когда-нибудь ты услышишь сложенную о тебе песню. — Джером долго глядел на варвара, затем добавил: — Ты тот, о ком слагают легенды. Ты и твой меч.

Снова пожав плечами и покачав головой, Брэк повернулся и направился в сторону Камбда Кея.

Брэк уходил все дальше и дальше от костра, огромный и голый, если не считать львиной шкуры, повязанной вокруг бедер. Брат Джером, заслонив рукой свет от костра, смотрел варвару вслед.

Он смотрел вслед Брэку, пока тот не растаял в сумерках, не затерялся там, где равнина и вечернее небо сливались в единую серую линию.

Руна 2

ЧЕЛОВЕК В ПЛАМЕНИ



Рвите свои цепи!
Ломайте эти стены!
А в гранитных залах
Пусть прольется кровь!

Властью Узхирана
В рудниках подземных
Были мы безвестным
Племенем рабов.

Гордый чужестранец,
Словно рыцарь чести,
Рабству и неволе
Свой нанес удар.

Он сорвал оковы,
Научил нас мести,
Выпустив на волю
Ярости пожар.

Токт падет под шквалом
Ненависти нашей!
Улицы окрасит
Алым цветом крови!

Наступает хаос!
Час возмездья страшен!
Берегись восставших
В ярости рабов!

*Песня
токтийских повстанцев*

Уже пятьдесят дней и ночей варвар Брэк работал как раб, в рудниках царя Токта Узхирана.

Северянин жил в зловонной камере, одной из сотни, вырубленных в скользком коридоре подземелья, тускло светящемся в темноте изумрудным светом. В камере вместе с ним сидел бывший караванщик — ирамит по имени Джат.

Этот жилистый, небольшого роста человек несколько лет назад разорился. Он добровольно согласился работать в рудниках Узхирана, чтобы его имя вычеркнули из списка должников и заменили смертную казнь каторжными работами. Джат и могучий варвар с длинной, цвета выгоревшей соломы косой, доходящей до пояса, неплохо уживались друг с другом. Но Джат не обладал кипучей энергией Брэка.

— Ты можешь обречь себя на более страшную судьбу, чем рабство, если не угомонишься, варвар, — так говорил Джат в пятьдесят первую ночь. В тусклом, нездоровом свете, исходящем от сырых каменных стен, лицо Брэка кривилось от ярости и отчаяния.

Маленьким кусочком гранита Брэк сделал риску на относительно сухом месте на полу, отметив конец пятьдесят первого дня заключения. Потом северянин сел, прислонившись спиной к стене и стал этим кусочком гранита стачивать звено цепи, выкованной из прочного черного металла.

Этой цепью были скованы щиколотки варвара. Она была короткой, так что Брэк мог лишь семе-

нить ногами. Руки же оставались свободными. Но даже такой горячий человек, как Брэк, не бросился бы на надсмотрщиков со скованными ногами. Крепкий варвар видел, как некоторые рабы сходили с ума и пытались освободиться... Он, Джат и десять тысяч других трудились в зловонных подземельях. Бесконечные дни таскали они тростниковые корзины с бурой рудой в огромные залы, где другие рабы плавили эту руду.

— В любом случае завтра рискну, — проворчал наконец Брэк. Он трудился над этим звеном цепи, стачивал его камнем, стараясь делать это как можно тише, последние двадцать две ночи. — Есть выход и получше, чем просто проглотить язык, когда принцесса или ее надсмотрщики берутся за плетки. Погибнуть и то лучше.

Где-то в бесконечном коридоре, куда выходили каменные загоны, заорал какой-то пленный, охваченный безумием. Застучали сапоги стражников. Отодвинули засов. Послышались голоса. Обезумевший пленник не унимался.

Вдруг крики его неожиданно оборвались. Раздался грубый смех, а неторопливые шаги стражников рассказали о том, что там, где оказались бессильны пинки и ругательства, помог кинжал. Не один раз уже видел варвар, как таким образом избавлялись от смутьянов. А потом тело бросали в пылающую печь.

— А что если тебе не удастся ни освободиться, ни умереть? Что если ты снова попадешь в плен? — спросил Джат.

Брэк пожал широкими плечами:

— Если так получится — все равно ведь хуже не будет.

Джат поежился:

— Ты же слышал, что люди рассказывают.

Брэк недоверчиво посмотрел на него:

— Ты имеешь в виду рассказы о том, что под теми коридорами, где мы работаем, находится еще один подземный лабиринт, где огонь в десять раз жарче, а ужас в десять раз сильнее? Я это часто слышал. Скорее всего, эти слухи распускают надсмотрщики, чтобы укротить недовольных. Разве может быть хуже, чем здесь?

Джат ничего не ответил, он по-прежнему сидел, сжавшись, и неподвижно глядел в угол. За дверью прошел стражник с коптящим факелом. Брэк быстро пригнул голову и притворился спящим. Стражник заглянул в комнату через отверстие в толстой двери. Брэк затаил дыхание. Стражник пошел дальше. Варвар глубоко вдохнул едкий воздух. Запахи подземелья не беспокоили его так, как в первый день... или ночь? Попад в плен, Брэк потерял сознание, а когда очнулся, обнаружил, что закован в цепи. Он долго кричал и бился на полу...

Через несколько минут северянин снова взял кусочек камня и принялся терпеливо стачивать звено. Время от времени он откладывал камешек и тянул за оба конца цепи. Звено наконец подалось, почти распалось. Брэк тихо закричал (звук этот нельзя было назвать смехом) и отшвырнул кусочек гранита.

Варвар растянулся на матрасе, большой, широкоплечий, почти голый, если не считать набедренной повязки из лвиной шкуры. Надсмотрщики разрешили ему оставить только эту часть одежды. Меч у него забрали.

В тишине подземелья громом разносился мерный далекий стук молотов из кузниц, где делали оружие для принцессы Вианы — красавицы с золотой кожей и холодным взглядом.

Через некоторое время Джат прокашлялся и заговорил:

— Брэк... друг. Я считаю, что имею право так тебя называть.

— Да, — согласился Брэк. — Ты первый поделился со мной плошкой баланды, которой здесь кормят, когда все остальные заключенные косо смотрели на меня из-за того, что я чужестранец.

— Тогда выслушай меня. Не пытайся бежать. Тебя наверняка поймают и отправят вниз. — Голос Джата дрожал от страха. — Я здесь уже долго и верю в эти рассказы. Особенно в тот, о звере.

Брэк с сомнением посмотрел на товарища по несчастью.

— Шестиногая тварь ростом выше человека?

— Легенда о Подземном Псе существует в Токте с незапамятных времен. Его изображение вырезано на колоннах храма. Точнее, изображение было там до тех пор, пока принцесса Виана не убила своего дядю, царя Токта Узхирана при помощи лапки попугая какаду, смоченной в приготовленном колдунами яде. От тела царя быстро избавились, и коварная девушка надела корону. Она снесла храм, по крайней мере я слышал это от заключенных, прибывших сюда в течение последних двенадцати месяцев. Но раньше изображения Подземного Пса были повсюду... Тебя могут бросить в туннели, где рыскает Пес.

Брэк снова пожал плечами, пытаясь сделать вид, что ему все равно:

— Я встречал чудовищ, дрался с ними и снова буду драться, если это — плата за мою свободу.

Однако Джат заставил Брэка кое о чем задуматься и кое-что вспомнить. С чудовищной явствен-

тью припомнил северянин события в святилище Йог-Саггота. А также он вспомнил и еще кое-что, происшедшее совсем недавно.

Несколько дней назад он плелся с корзиной руды в цепи других пленников, протянувшейся от того места, где почти слепые старики добывали руду, до разогретых чанов, в которые руду ссыпали. Бесконечная череда носильщиков проходила мимо темной лестницы, ведущей вниз. Вот там-то варвар и услышал отдаленный жуткий рев, донесшийся снизу. Сейчас он явственно вспомнил его, и по спине у него побежали мурашки.

Звук, донесшийся снизу, походил на рычание дворняги, подхваченное ветром, отраженное от стен туннелей и усиленное в тысячу раз. В туннелях внизу бродил Подземный Пес.

Брэк вспомнил и другое. Время от времени наиболее непокорных заключенных куда-то уводили, и они никогда не возвращались. А иногда в рудник спускалась принцесса Виана с заискивающими, изящно одетыми придворными. Она выбирала двух заключенных, которых тут же хватала стража и тоже уводила куда-то. Куда их уводили? Вниз? К Подземному Псу? Разделяются ли с ним, Брэком, так же, как с остальными, если побег его не удастся?

— Прошу тебя, варвар, — снова начал Джат. — Пойми, что я, как друг, пытаюсь тебе помочь.

— Чем ты можешь мне помочь?

— Мне подарят свободу через четыре года.

— Ты уже много раз об этом говорил, Джат. Но я-то здесь при чем? Как чужестранец, я обречен остаться здесь до конца своих дней, если только сам не предприму что-нибудь.

— Не думай обо мне плохо, если я... не стану помогать тебе бежать.

— Не буду, — тихо и мрачно проговорил Брэк. — Пусть это тебя не беспокоит.

— Правда?

— Джат, ты стал мне другом. Я не прошу тебя проливать из-за меня кровь. Рискну я один. Не подходи ко мне близко ради своего же будущего. Звено в цепи уже сточено. Ждать я не стану.

— Тогда я буду молить богов Тардама и Шаргана. Пусть, если тебя одолеют, а ведь так обязательно и произойдет, ты погибнешь от меча и тебя не отправят вниз.

«Вниз...» Слово это прогудело в голове Брэка будто удар колокола. Варвар быстро отвернулся к стене, чтобы ирамит Джат не заметил сомнения и неуверенности, появившихся на его лице.

В темноте беспрестанно звенели удары кузнечных молотов.

Убив своего дядю, спрятав его тело и захватив престол, принцесса Виана отправила пехоту и колесницы (как слышал Брэк) в соседнее царство, объявив ему войну. И хотя рудники по-прежнему носили имя убитого царя — Рудники Узхирана, — служили они теперь более злобному правителю.

Во времена Узхирана в рудниках добывали металл, из которого делали мечи и копья для защиты Токта. Сюда посылали лишь преступников или должников, обязавшихся добровольно работать, таких, как Джат. Теперь же в рудниках было полно политических заключенных, и надсмотрщики принцессы Вианы безжалостно подгоняли их, так как принцессе необходимо было в три, в четыре раза больше оружия, чтобы постоянно пополнять арсеналы воюющего государства.

Хватит!

Брэк не собирался оставаться здесь до самой смерти. Выбор, стоящий перед ним, был ясен: либо его ждет дорога в золотой Курдистан, опасные приключения и свобода, либо — медленная мучительная смерть в неволе.

Брэк поежился от холода. Его загорелая кожа мягко отражала изумрудное свечение стен. Он перекатился на другой бок. Уснуть он не мог. В его сознании постоянно возникали тени прошлого. Его путешествие оказалось труднее, чем казалось вначале. Однажды Брэк вышел к трактиру у перекрестка, и трактирщик согласился нанять варвара выполнять тяжелую работу, хотя тот и был чужеземцем. Прошло несколько месяцев, и Брэк скопил достаточно диншасов, чтобы купить лошадь.

Брэк оставил трактир у перекрестка, и хозяину грустно было расставаться с могучим северянином, так как крепкая спина делала из варвара хорошего грузчика, стоящего трех обычных рабочих. Брэк объяснил, что направляется на поиски своей судьбы в далекий теплый Курдистан, и уехал.

Пятьдесят один день тому назад Брэк быстро скакал на лошади по оранжевым пескам. Он уже почти месяц путешествовал по пустынной стране. Так как земля была безлюдна, а он прибыл из чужих краев, то ничего не слышал ни об Узхиране, ни о принцессе Виане, ни о полигоне токтской армии, границу которого он, сам того не зная, нарушил.

Ближе к вечеру варвар добрался до безлюдного оазиса. Пока он отдыхал и поил лошадь, на горизонте показался отряд всадников. Эти стервят-

ники оказались дружиной принцессы Вианы — охотниками за рабами, на что давала им право внушительных размеров грамота с печатью принцессы, новой правительницы Токта.

Когда враги напали на Брэка, тот стал защищаться. Меч его отсекал головы, руки и ноги врагов. Но дружинников было много больше. Варвара скрутили, судили и приговорили тут же, на месте, обвинив в нарушении границы.

Брэк взревел от ярости, начал вырываться, но получил удар по голове и потерял сознание.

Очнулся он в рудниках убитого царя Узхирана, со скованными цепью ногами... Сейчас одно звено этой цепи было сточено. Завтра он разорвет цепь и попытается бежать.

Глубокий сон, однако, не приходил. Варвар лежал и дремал. Один раз ему показалось, что он слышит далекий жуткий лай. За ним последовал дикий жалобный стон.

«Какая-нибудь жертва Подземного Пса? — подумал Брэк. — Или это Джат всхлипывает во сне?»

Должно быть, северянин уснул и фантазия отнесла его туда, где копошатся безликие мерзкие создания снов. Пробуждение же Брэка оказалось неожиданным.

Он резко открыл глаза. Резкая боль обожгла ребра справа, отчего варвар невольно откатился к стене. Кто-то со всей силы ткнул его в бок тупым концом копья.

У полуоткрытой двери, ведущей в каменный коридор, играли, мерцая, какие-то огни. Брэк понял, что это свет коптящих факелов, там собрались надсмотрщики.

Чьи-то руки схватили варвара за щиколотки. Чей-то голос прохрипел:

— Посмотри, нет ли там подпиленного звена, а то доносчик мог и соврать.

Брэк узнал голос ночного надзирателя — тощего наемника с сильно косящим правым глазом и горбатым носом. Его руки стали перебирать цепи, в то время как другой воин крепко прижимал ноги варвара к полу.

— Да, звено почти перепилено.

— Держите варвара крепче и принесите другие кандалы, — приказал надзиратель.

В мозгу Брэка звенело одно слово: «Предательство».

Джат всхлипывал в углу темницы. Варвару с соломенными волосами показалось, что он знает, почему плачет предатель...

Брэк лежал спокойно лишь мгновение. В коридоре звякнули цепи. Вошли стражники с новыми кандалами. Свет факелов блестел на клинках обнаженных мечей. Косой глаз надзирателя отвратительно мерцал белком из темноты. Брэк понимал, что медлить нельзя.

Глубоко вздохнув, он резко подтянул ноги к груди, повалив того, кто держал их. Затем с силой распрямил ноги.

Правая нога могучего северянина попала в подбородок стражнику. Сила мышц Брэка превратила ногу в таран, который свернул голову стражнику. Шея наемника хрустнула, и крик его оборвался. Началась свалка.

Быстро сев, Брэк схватился за бронзовый наколенник стражника, стоявшего ближе всех к нему, и с силой дернул.

Воин упал. Брэк вскочил, вырвал у растерявшегося воина меч и замахнулся им.

Удар мечом, нанесенный с близкого расстояния, обладал чудовищной силой. Голова стражника слетела с плеч и покатилась по полу. Из обезглавленного тела фонтаном хлынула кровь.

Взревев словно зверь, Брэк ударил мечом по своей цепи. Ослабленное звено разлетелось.

Стражники заколебались в нерешительности. Надзиратель заорал:

— Заколите его! Заколите чужеземца, вы, трусливые черви!

Но стражников удерживал страх.

Брэк представлял собой ужасающее зрелище: голый, если не считать львиной шкуры, с цепью, звенящей по полу, с косою волос, летавшей по сторонам. Меч его наносил чудовищные удары.

Стражник, оказавшийся ближе всех к нему, не сумел вовремя парировать удар. Клинок Брэка вспорол ему живот. Варвар вытащил меч из трупа и пинком отшвырнул тело в сторону. Он перепрыгнул через обезглавленного стражника, извернулся и нанес удар страшной силы, целя клинком в лицо следующего противника.

Меч рассек надвое лицо воина. Хлынула кровь. От ругани, пронзительных испуганных воплей, звона клинков в крохотной камере царил страшный шум.

Чувствуя близость свободы, Брэк взялся за рукоять меча обеими руками и стал прорубать себе кровавую дорогу к двери.

Погиб еще один стражник. Еще один. Остальные попытались достать Брэка копьями, осторожно пятясь по коридору. Парировав выпад пузатого стражника, Брэк увидел, что один надзиратель подошел к нише, где висел фонарь, и схватился за веревку, привязанную к языку большого колокола, подвешенного под потолком. Он начал от-

чаянно дергать за веревку. По всему подземелью разнесся сигнал тревоги.

С трудом переводя дыхание, Брэк опустил меч. Оставшиеся в живых трое стражников отступили к надзирателю у колокола. В том направлении Брэк бежать не мог. Он повернулся в другую сторону.

Позади надзирателя в свете факелов заблестели доспехи. По тревоге появились еще двое стражников. Оба конца длинного коридора с камерами тонули в зловещем мраке. Брэк не знал, в каком месте рудника он находится, но выбора у него не было, оставалось одно: либо стоять на месте и погибнуть в битве с превосходящим числом противником, либо бежать, пытаясь спрятаться в темном лабиринте.

Варвар избрал последнее и, тяжело дыша, бросился вдоль линии камер, стараясь свободной рукой открыть как можно больше засовов. Из темноты начали выходить, вначале робко, ослабевшие, еле передвигающие ноги, изможденные люди. Но к тому времени, когда за спиной Брэка их набралось уже дюжины две, они злобно запели песню. Выпущенные на свободу узники образовали живую стену между варваром и его преследователями.

Воины начали прорубать себе путь сквозь толпу освобожденных заключенных, которые защищались голыми руками. Когда Брэк открывал дверь очередной камеры, над плечом его просвистело копьё.

Другое копьё оцарапало ему бок. Уже готовый броситься во тьму — дальше по коридору, туда, где кончались камеры, Брэк наткнулся на сжавшуюся в комочек фигуру.

— Брэк? — послышался испуганный тонкий голосок. — Брэк, ты должен понять, почему я...

Варвар дрожащей рукой схватил за горло забившегося в тень человека.

— Джат!

— Пойми! — хныкал ирамит. — Пойми, я подполз к двери и позвал надзирателя, пока ты спал. Я заключил договор. Они обещали простить мне четыре года и выпустить на свободу! — Голос его стал пронзительным, и Джат вцепился в окровавленную руку варвара. — Я добровольно пришел сюда, но это невыносимая, проклятая жизнь. Ты был моим единственным шансом! Я пытался убедить тебя отказаться от побега. Ты меня не послушал. Я знал, что могу поддаться искушению и все рассказать стражникам... Ты не послушал. Я не мог не выдать тебя...

Ирамит Джат кричал и пятился вдоль тускло светящейся каменной стены. Вдруг по ногам Брэка ударил сильный поток холодного воздуха. Варвар занес правую руку с мечом, чтобы убить предателя.

Брэк никогда раньше не убивал человека, который не угрожал его жизни, но сейчас он потерял самообладание.

За спиной северянина узники перегородили коридор. Солдаты не могли пробиться. Тогда они опять начали кидать копья. Одно задело Брэку плечо, отскочило и ударилось о стену.

От боли Брэк обезумел еще больше. Развернувшись, он схватил копье рукой, которой только что держал Джата за горло, и с силой метнул его в стражников.

Железный наконечник вошел в живот только что прорвавшегося сквозь толпу взбунтовавшихся узников надзирателя. Тот попятился, стараясь выдернуть копье, а потом повалился на стоящих сза-

ди заключенных. Рабы накинулись на своего мучителя, словностая степных волков.

Снова развернувшись к ирамиту, варвар крепче сжал рукоять меча, вглядываясь в обманчивую темноту коридора.

Слева от варвара, сжавшись в комок, пробирался вдоль стены Джат. Брэк, опустив окровавленную руку с мечом, пошел следом за ирамитом.

Темнота сгустилась. Камеры кончились. Лишь свет факелов, оставшихся далеко позади, позволял Брэку различить темную тень предателя. Грудь и лицо его обдувал едкий воздух, смердящий так, будто он поднимался из центра земли.

— Не трогай меня, — скулил Джат. — Не трогай меня. — Затем ирамит вдруг закричал: — Помогите! Вы обещали защитить меня...

— Косоглазый надсмотрщик тебя не услышит, — прорычал Брэк. — Я проткнул ему брюхо.

Одним быстрым прыжком Брэк преодолел расстояние, отделявшее его от предателя. В тот момент, когда рука его сжала горло Джата, ирамит вдруг отчаянно взмахнул руками. До этого он пятился, прижавшись к стене, но сейчас стены, на которую он опирался, вдруг не стало. За спиной его зияло черное отверстие.

Брэк навалился на Джата, ирамит в страхе отпрянул назад, полетел в дыру и потянул варвара за собой.

Падая, Брэк ощутил волну слепого ужаса. Спина его вдруг ударилась о каменную осыпь, круто уходящую вниз. Варвар выставил руку, пытаясь остановить падение, но это ему не удалось. Все дальше и дальше катился он, ударяясь о камни.

Он катился все быстрее и быстрее по вырубленному в скале наклонному туннелю. «Этот склон, — подумал варвар, — напоминает скаты, по которым лебедкой поднимают тележки с рудой. Этот туннель явно заброшен».

Внизу появился красноватый свет. Брэк изо всех сил старался удержать при себе меч и не поранить себя его острой кромкой. Потом он ударился головой о камень. Другой камень рассек кожу на спине. Варвар все катился по наклонному заброшенному туннелю и слышал, как где-то впереди стонет Джат.

Свет стал ярче, резко ударил в глаза. Весь в ссадинах и синяках, Брэк вывалился вдруг из туннеля на открытое пространство, залитое кровавым светом.

Варвар упал на спину на твердую каменную поверхность, горячую на ощупь. Он прокатился еще немного и остановился, ударившись обо что-то мягкое. Глаза его постепенно привыкли к свету. Брэк разглядел, на что он упал.

Это был труп Джата. Долгое падение выбило жизнь из тщедушного тела ирамиты. Джат свернул себе шею. Голова его вывернулась под неестественным углом. Выкатившиеся глаза остекленели. Язык вывалился и был прикушен.

Охваченный ужасом, Брэк пробормотал молитву Безымянному богу. Краем глаза варвар заметил странное мерцание и повернулся в его сторону.

И тут Брэк прикусил нижнюю губу так, что почувствовал вкус собственной крови. Рядом с варваром лежал меч, и на блестящем клинке отражалось лицо, окруженное ореолом пламени.

Брэк медленно поднялся на ноги. Он обернулся и вытаращил глаза от удивления. Стены огромно-

го, вырубленного под землей зала терялись в темноте. На полу валялись различные обломки: ржавые вагонетки, сгнившие деревянные подпорки, ржавые инструменты и всюду, словно рассыпанная белая соль, старые кости. Два трупа явно появились здесь не так уж давно, на их скелетах еще сохранились куски мяса. Среди обглоданных грудных клеток бегали огромные крысы, но, услышав звон цепей Брэка, они разбежались и скрылись в темноте.

Внимание Брэка привлекла огромная арка в дальней стене. Под этой аркой, будто вырываясь из-под земных печей, плясали языки пламени. Они и раскалили пол в этом каменном зале.

Под аркой на веревках, привязанных к запястьям, среди языков пламени был подвешен бородастый старик, члены, одежду и голову которого окутывало пламя.

Борода старика тоже походила на язык пламени. Пряди ее, словно живые, извивались в огне и дыму. Однако человеческую фигуру сквозь пламя разглядеть было можно. Рот старика кривился в агонии. Даже издали Брэк видел, что глаза человека открыты... Открыты и выпучены.

В бушующем огне висел древний старец. Веревки, держащие его, не горели; одежда его не горела; борода и волосы не горели; однако огонь омывал его тело. Старик висел в пламени, горел, но не умирал...

Будто колокольчики, в подземелье зазвенел девичий смех.

— Еще один гость, — сказал приятный женский голос. — И, видимо, попал сюда совершенно случайно. Ладно, ты тоже можешь насладиться зрелищем, которое мы демонстрируем лишь избранным гостям.

Старик, подвешенный в огне, корчился, то открывая, то закрывая рот. Он кричал от боли. Брэку показалось, что он услышал тихий стон, когда поворачивался в ту сторону, откуда донесся женский голос.

Среди теней что-то зашевелилось. Послышался звон доспехов. Из мрака вышло несколько человек. Брэк увидел шлемы, кирасы, суровые лица полудюжины вооруженных людей с обнаженными, украшенными драгоценными камнями, тонкими саблями. Придворные образовали кольцо вокруг девушки, первой заговорившей с варваром. Одета она была в белые, шитые жемчугом шлепанцы и роскошный тонкий пурпурный халат.

У Брэка, преисполненного злобой и удивлением, само собой вырвалось:

— Виана.

— Обращайся к ней как положено! — крикнул один из придворных.

Девушка стояла неподвижно, и ее золотистая кожа приобретала еще более насыщенный оттенок в свете пламени, но красные глаза были холоднее ледников далекой родины Брэка. Красавица положила унизанную браслетами ручку на плечо возмущенного придворного.

— Успокойся, Радоран, — сказала принцесса Виана. Губки ее были влажными, они мило улыбались, искушая, словно ядовитый плод. — Я видела этого раба, когда забирала из рудника одного политического заключенного. Это чужеземец. Посмотрите на львиную шкуру, на покрывающую его тело кровь. Он и его мертвый товарищ, должно быть, пытались бежать, свалились сюда по старому туннелю. — Она немного повысила голос. — Варвар! Как тебя зовут?

Северянин наградил красавицу презрительным взглядом:

— Мое имя Брэк, исчадие ада.

Придворные ринулись было к варвару, но принцесса остановила их. Теперь, когда глаза Брэка еще больше привыкли к красному сиянию, он смог разглядеть и то, что находилось позади этой небольшой группы людей. Он заметил несколько деталей: разостланные на камнях золотые ковры; серебряные кувшины и корзины с едой. Еще глубже в темноте сиял неяркий желтоватый факел, воткнутый в гнездо над лестницей, прорубленной в стене зала... Куда ведет эта лестница?

— Ладно, мой дикарь, пришедший издалека, — насмешливым голосом вновь заговорила принцесса, — мы не ожидали тебя здесь встретить. Наш «гость» нырнул в пламя лишь несколько мгновений тому назад. Это был бывший советник моего дяди. На этот раз гостя к нам привели не из рудников, а прямо из дворца по прямому тайному туннелю. — Она указала на лестницу. — Прежде чем наш гость умер, мы показали ему гордость нашего царства. Вот.

Она вытянула ручку в браслетах. Брэк повернулся в ужасе от того, что лицо ее, несмотря на красоту юности, было полно злобы, и посмотрел туда, куда указывала принцесса, на призрак, висящий в бушующем пламени.

— Вот, варвар. Там висит мой дядя Узхиран. Он ни живой, ни мертвый. Пламя рудников не причиняет вреда телу Узхирана. Однако его мучает нескончаемая боль от того, что тело его горит. И эта пытка будет продолжаться целую вечность.

Голос красавицы стал тихим, мерзким и безумным. Пот, выступивший на лице, делал ее

красоту дьявольской. Брэк начал кое-что понимать.

— Я слышал, что тело царя так и не обнаружили...

— Конечно, дорогой гость. Мой дядя был заколдован моими магами в тот момент, когда яд с лапки какаду уже расходился по телу, в то едва уловимое мгновение, когда жизнь покидает тело. Его заколдовали и повесили здесь, чтобы он вечно мучился в огне. И вот ты видишь его — источник наслаждения для меня и последнее зрелище для предателей, выявленных или еще не выявленных, но которых я постепенно удалил из дворца и рудников.

— Ты показываешь своим врагам... это? — Брэк не скрывал отвращения.

— Да, — весело ответила Виана. — Это производит впечатление.

— И ты пируешь здесь?

— Да. Значит, ты заметил пищу и вино?

— Заметил, — ответил Брэк. — Это низко и жестоко.

— Вероятно, для варвара. Но не для меня.

— Чем мешают тебе заключенные в рудниках?

Брэк подумал о том, что может происходить в коридорах наверху, где он оставил освобожденных невольников... Но все равно он не мог понять образа мыслей принцессы.

— Но ведь рабы в цепях. Зачем же их мучить?

— О, — ответила девушка, пожав плечами, отчего алмазные застёжки ее халата нежно зазвенели и заблестели, — потому что мне это просто приятно. Когда я забираю их из рудника и привожу сюда, я всегда обещаю им милосердие. Затем я

показываю им дядю Узхирана, и все надежды их тают как дым.

У Радорана вдруг как-то странно задергалась щека. Он завертел головой, будто прислушиваясь. Брэк покачулся, затем протер глаза. Камни пола обжигали его босые ноги. Долгое падение по крутому склону сильно подорвало его силы, и варвар лишь с большим трудом смог уловить звук, встревоживший придворного.

Точнее, Брэк различил несколько звуков: далекий низкий сдавленный гул и где-то ближе, справа, злое, тяжелое громкое дыхание и страшный скрежет. Источник первого звука Брэк определил без труда. Это был ответ на заданный мгновением раньше им самому себе вопрос о судьбе узников.

Гул исходил из туннеля, через который свалился сюда Брэк. Этот звук Радоран распознал почти сразу.

— Принцесса, нам следует поспешить к лошадям и бежать во дворец. Рабы взбунтовались.

— Люди требуют свободы, — сказал Брэк. — И дерутся за нее. Выпустил их я.

Принцесса Виана облизала губки, и отсвет пламени заиграл на ее искаженном в гневе лице.

— Тогда, Радоран, поскольку чужестранец признает свою вину, мы должны наказать его.

— Но, принцесса, нельзя задерживаться, когда...

— Мы задержимся! Вы поднимете варвара на копьё и бросите в пламя. Мне вдруг стали противны его лицо и его дерзость.

— Принцесса, — шепнул ей другой придворный, — мы просим тебя послушать Радорана. Тело чужестранца пахнет кровью. А кровь приведет сюда...

— Анннннггхххх.

Брэка объял ужас. Из искаженного мучением рта заколдованного и подвешенного в пламени царя вырвался нечеловеческий стон:

— Анннннггхххх.

Брэк обернулся и увидел, как тело в пламени корчится, поджариваясь на неугасимом огне. Стон звучал снова и снова. Голова царя Узхирана, казалось, начала поворачиваться в сторону варвара, стоящего с мечом в окровавленной руке, словно моля об избавлении.

И вдруг, заглушив душераздирающий стон Узхирана, снова раздались скрежет и сопение. Брэк обернулся и увидел чудовище, выползающее из черноты на шести когтистых лапах.

Мерзкая круглая голова сидела на огромных плечах. Сама голова была шириной в три человеческих роста. Тварь остановилась и, поводя мордой из стороны в сторону, принялась лязгать слюнявой пастью невообразимых размеров. Чудовище искало источник запаха крови.

Злобные молочного цвета глаза вращались, будто шары, наполненные туманом. Зловонная шерсть топорщилась складками. Медленно, очень медленно чудовище опустило лапы и повернуло морду, разевая черную влажную пасть.

Запах крови привел в этот зал Подземного Пса. Он сразу учуял огромного варвара. Зверь чиркнул о камень когтями средней правой лапы. Грузным шагом чудовище стало наступать.

Брэк сжал в руке рукоять меча. Из пасти Пса вывалился отвратительный красный язык. С него капала жидкость, образующая лужи там, где ступало чудовище. Брэк начал отступать. Он сделал один шаг... Два... Три...

Пес, уверенный в своих силах, шел дальше. Принцесса Виана и ее придворные сбились в кучу. Из этой группы красавица следила с интересом за происходящим. В ее взгляде не было страха, лишь желание увидеть смерть варвара.

Вдруг, когда Брэк попятился, под левую ногу ему подвернулось что-то круглое. Неведомый предмет выскользнул из-под босой ноги. Варвар взмахнул руками, пытаясь удержать равновесие, и едва не упал.

Все вокруг закружилось. Брэк успел заметить лишь белую бедренную кость, на которую он наступил. Невыносимый жар опалил его голую спину.

Северянин отчаянно выставил вперед левую руку, пытаясь ухватиться за какой-нибудь выступ. Он уперся пятками в пол, едва удержался на ногах, но вся верхняя часть торса и голова едва не оказались в пламени, когда он ухватился левой рукой за край проема.

Осторожно, очень осторожно Брэк подвинул ноги так, чтобы перенести вес тела на носки. Резко оттолкнувшись, он попытался встать прямо. Пятки повисли в пустоте, над пламенем.

Позади, в едких испарениях, среди языков огня раскачивалась жуткая фигура обреченного гореть вечно царя Узхирана. Стоны жертвы громом звучали в ушах северянина.

Но варвар не мог оторвать взгляда от чудовища, приближавшегося неторопливыми шагами. Подземный Пес каким-то образом почувствовал, что варвар оказался в ловушке, ведь за спиной Брэка бушевало пламя. Пес засопел громче, уродливая голова закачалась сильнее.

Вдруг зверь с фантастической скоростью бросился вперед. Над головой Брэка разверзлась

слюнявая пасть с огромными зубами, и она уже была готова сомкнуться и проглотить воина.

Светловолосый варвар упал на четвереньки и прополз между лапами Подземного Пса, перекувырнулся, вскочил на ноги и двумя руками вогнал меч один... два... три... четыре раза в нижнюю часть живота Пса.

Из рваных ран стал капать вязкий белый ихор. Подземный Пес ударил когтями о камни и высек искры. Некоторые из них, попав на кожу Брэка, обожгли варвара. Подземный Пес остановился на самом краю каменного пола под аркой. Теперь ему надо было развернуться, чтобы добраться до своего противника.

Брэк все еще рубил чудовище мечом. Его дождем обливала вонючая кровь. Она залила все вокруг. Пес то втягивал, то раздувал живот, стараясь раздавить Брэка, но варвар уворачивался и снова наносил удары.

Чудовище выло от боли и громко лаяло, отчего сотрясались каменные стены зала. Зверь был ранен, и возможно, смертельно.

Вдруг одна из лап его начала скользить, будто силы стали покидать чудовище. Если все лапы неожиданно подогнутся, то Брэк окажется раздавлен тварью.

Измазанный с ног до головы ихором, варвар кинулся к передней правой лапе чудовища. Взявшись за рукоять меча двумя руками и размахнувшись изо всех сил, он нанес удар в нижнюю часть лапы.

Варвар до кости прорубил жесткую кожу Пса. Из раны хлынула кровь. И Брэк скорее почувствовал, чем увидел, как падает гигантская туша. Северянин метнулся вправо.

Подземный Пес падал, и казалось, будто опускается черное небо. Брэк мог и не успеть отско-

чить. Туша Подземного Пса валилась прямо на него, заслоняя от Брэка остальную часть подземного зала, принцессу Виану, пламя, висящего в нем царя.

Когда Пес упал, Брэк тоже повалился на горячий пол. Невероятный вес зверя придавил левую ногу варвара. Брэк вскрикнул от боли и с трудом выдернул ногу.

Круглая голова Пса повисла над ямой, из которой вырывалось пламя, шерсть начала тлеть, вонять. Затем, громко заскулив, Подземный Пес подтянул под себя передние лапы, пытаясь подняться.

Передняя лапа, перерубленная Брэком, не держала и соскользнула с края ямы.

С рычанием и ревом, сотрясшими землю, Подземный Пес полетел в дьявольский костер. Падая, зверь стал крутить головой в поисках своего мучителя. И тут он увидел подвешенное в пламени тело царя Узхирана. Падая, чудовище ухватило за тело царя.

Крюки, к которым были привязаны веревки, вылетели из стен. С ужасным грохотом посыпались каменные глыбы и известь. Подземный Пес свалился в пылающую яму.

Царь Узхиран исчез. Подземный Пес исчез. Из глубины полыхнуло алым огнем. Волна взрыва швырнула Брэка на пол.

Наступила тишина.

Весь в крови, почти ничего не соображая, Брэк с трудом приподнялся на одно колено. Пальцы его потянулись к рукояти меча, когда варвар услышал шум быстрых шагов и жалобные голоса.

«Придворные», — подумал Брэк. Сквозь кровавый туман, застилавший взгляд, он видел, как блестят сабли.

А потом варвар услышал еще какой-то звон и поднял голову. Придворные бежали к лестнице в стене. Рядом с варваром осталась лишь принцесса Виана. Сжав кулачки, она тряслась от ярости.

— Радоран! Мартикс! Грязные трусы! Ну и пусть Узхиран исчез! Моя сила остается прежней. Назад! Сила у меня прежняя. Она ничуть не уменьшилась.

Но придворные этому не верили. Страх гнал их прочь, так как талисман принцессы, заколдованный пылающий труп, больше не висел под аркой. А вместе с талисманом, вероятно, исчез и главный источник ее силы, с помощью которого она подчинила себе трусливых придворных.

На щеке принцессы Вианы что-то ярко блеснуло. Слеза?

Брэк поднялся на ноги. Он потряс головой и обтер окровавленные ладони о львиную шкуру.

— Я счастлив, что у меня нет друзей среди цивилизованных людей, что я чужестранец, — медленно проговорил он. — Их храбрость как стеклянный пузырь. Пустой внутри и ничего не стоящий.

— Не приближайся ко мне, — прошептала принцесса Виана. — Я все еще правлю здесь.

Потрескавшиеся губы Брэка растянулись и обнажили крепкие зубы. Он насмешливо улыбнулся:

— Думаю, что нет, кровавая принцесса. Прислушайся.

Шум, доносившийся через наклонный туннель, стал громче. Это кричали рабы, требуя свободы, десять тысяч рабов, вырвавшихся из своих темниц.

Уже сейчас в наклонном туннеле Брэк видел мерцающий свет факелов. Варвар засмеялся, когда из туннеля вылезли, моргая на свету, полдюжины заключенных в грязных рубахах, державшие горящие головешки. У этих людей в руках были мечи и копья, заляпанные свежей кровью. Один из бывших рабов увидел Брэка.

— Вон он! Чужестранец. Он был в заключении вместе с нами.

— Посмотрите, кто с ним, — прохрипел другой. Голос его дрожал от ненависти. — Узурпатор трона Узхирана.

— Она — моя пленница, — объявил Брэк.

Принцесса Виана подбежала к варвару. Она прижалась к его широкой груди, затем подняла голову и посмотрела в глаза северянину. Она гладила его тело руками и молила:

— Убей меня!

Брэк молчал.

— Прошу. Убей меня сам.

Брэк колебался. Душа его была в смятении. Волна гнева, однако, постепенно отступила.

— Нет, — проговорил варвар. — Это право принадлежит людям, которые одержали победу в руднике наверху.

Нагнувшись, он поднял одной рукой окровавленный меч, другой перекинул через плечо девушку и направился к бывшим рабам. Из наклонного туннеля до них доносились ликующие крики рабов-победителей.

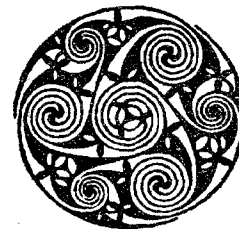
Принцесса Виана лежала на плече Брэка. Золотая кожа ее была холодна, девушка не двигалась. Не пройдя и половины расстояния до бывших рабов, Брэк свернул. Он прошел туда, где были расставлены угощения для пира. На золотых коврах, разостланных на горячем камне, блестели

серебряные кувшины. Рядом лежали сочные куски мяса и мягкий хлеб.

Брэк, зарывав, опрокинул самый высокий кувшин и стал наблюдать за тем, как его густое красное содержимое растекается по золотому ковру, пропитывая и портя дорогое шитье. Принцесса Виана всхлипнула. Когда все вино вытекло, Брэк поднял ногу и раздавил серебряный кувшин, превратив его в бесформенный кусок металла.

Затем варвар повернулся и понес принцессу на растерзание оборванным рабам, в глазах которых не было ни капли жалости.

Руна 3 В ГОСТЯХ У КОЛДУНА



Соткали мерзкие боги ада
Шелка Шайтана... Не тронь!
Способны они бессмертную душу
Отправить в адский огонь.

*Отвратительные мудрости
госпожи Ираин, XXXII*

Один мрачный зал переходил в другой. По залам шла странная процессия из четырех человек. В каждом последующем зале все сильнее ощущалось зло, пропитавшее сам воздух дворца.

Крепкий светловолосый варвар хмурился все сильнее. Ветерок трепал полу роскошного шелкового халата, который князь Тазим попросил надеть варвара. Длинная соломенная коса Брэка была спрятана под высокой, шитой золотом шапкой. Вплоть до мягких сапожек с загнутыми вверх носками, северянин был одет так же, как и худой, испуганно оглядывающийся по сторонам придворный, который шел рядом, но имени которого Брэк не знал.

На усыпанном рубинами поясе варвара болталась крохотная бесполезная сабелка, формой напоминающая полумесяц. Варвар тосковал по могучему мечу, который вручили ему как символ дружбы опьяненные кровью токтские повстанцы. Но этот меч теперь был спрятан среди жемчугов и опалов, сапфиров и украшенного эмалью серебра в одном из сундуков с приданым принцессы Джордины.

Приданое осталось в выделенных для этого просторных покоях. Однако сундуки с приданым фактически уже принадлежали хозяину этого роскошного, богатого и странным образом пустынного скопления башен, шпилей и зубчатых стен, прилепившихся на базальтовой скале над горным перевалом. Сундуки станут собственностью хозяи-

на этого замка, если Брэк не решится сыграть роль наемного убийцы.

— Осторожно. — Украшенный драгоценными камнями халат Тазима, человека средних лет с серьезным лицом, заблестел в свете факелов. — Впереди что-то мерцает. Наконец-то мы встретим этого заносчивого разбойника, который пригласил нас к себе для того, чтобы ограбить.

— Кем бы он ни был, но мне жаль, что у него при дворе нет музыкантов, — заметила гибкая, красивая девушка, которая шла рядом с Тазимом.

Ручки и ножки ее были миниатюрны, волосы блестели, как начищенная медь, ротик походил на спелый, сочный плод. Но в манерах девушки было что-то капризное, отчего она с первого же взгляда не понравилась Брэку.

Девушка продолжила:

— Здесь, во дворце, только пустые залы и угрюмые стражники, хотя обстановка говорит о богатстве хозяина. Его владения так же скучны, как и владения Омера, этого ничтожества. Сестры говорят, что Омер правит сонным царством.

— Прекрати болтать, Джордина, — оборвал ее Тазим. — Неприлично говорить так о своем женихе-принце.

— Не я его выбрала себе в женихи, отец!

Белое платье девушки зашуршало на ночном ветерке.

Ветерок этот донес такой смрад, какого Брэк еще никогда не встречал за время своего путешествия по так называемому «цивилизованному миру». Тошнотворный аромат напоминал смесь вони портовых складов и разрытых могил. Он исходил от широкого бассейна, располагавшегося

в центре открытого двора, куда они только что вошли.

Двор освещал одинокий факел, пламя которого мерцало при порывах ветра. Несмотря на это, двор странным образом был полон света. Жуткое, неземное свечение исходило из глубины пруда, на поверхности которого плавали сотни нежно пахнущих лепестков.

«Никакие цветы не могли бы заглушить вони, идущей от пруда», — подумал Брэк. Это был запах смерти.

Князь Тазим и его прекрасная дочь уже подходили к арке в дальнем конце двора. За аркой горели масляные лампы. Когда Брэк и перепуганный придворный бросились догонять князя, слышались бульканье и всплеск.

Хотя все тело Брэка все еще болело, он резко обернулся, заморгал, отгоняя ужасное видение. Теперь на воде качались лишь цветочные лепестки. Но Брэк был уверен, что на какой-то кратчайший миг из-под воды показалось что-то ужасное — мелькнуло что-то белое, похожее на огромный клык, и быстро исчезло.

— Не зевай по сторонам, — прошептал тщедушный придворный, шедший рядом с варваром. — Князь сделал глупость, явившись в это проклятое место, и поступил в два раза глупее, уговорив тебя помочь ему. Ни один человек, даже некультурный чужестранец, не может...

Брэк сделал быстрое движение рукой. Ему начали снова надоедать вежливость и обходительность тех, кто считал себя цивилизованными людьми. Сильные пальцы Брэка сомкнулись на тонкой шее придворного.

— Ни слова больше, — прошептал варвар.

— Отпусти, — запищал придворный, извиваясь.

— Отпущу. Но если сделаешь хотя бы один знак, показывающий, что я не принадлежу к княжеской свите, эта игрушечная сабелька, прежде чем сломаться, выпустит тебе кишки.

— Я... я больше ничего не скажу, — проговорил придворный. Тогда Брэк отпустил его. Тот принялся растирать шею. — Не представляю, что князь мог предложить тебе за участие в этом маскараде.

Брэк нахмурился:

— Что ты имеешь в виду?

— Целого состояния не хватило бы на то, чтобы завлечь сюда здравомыслящего человека. У меня-то не было выбора. Но ты, разве ты не видел? В том бассейне только что... боги, даже не знаю, что это было. Но оно плавало там, живое, и оно...

Тазим позвал:

— Эй, слуги, шевелите ногами. Живее.

«Да, — подумал Брэк, чувствуя одновременно гнев и страх. — Там в бассейне скрывается что-то невообразимое и ужасное». Ладно, что бы то ни было, он с достоинством встретит опасность. Он ведь заключил договор с Тазимом.

Кроме того, люди князя похоронили Несторианца, порубленную лошадь Брэка, а сам князь всучил варвару бальзам, заживляющий раны... И еще Тазим пообещал Брэку половину содержимого сундуков с приданым.

Варвар не верил в обещания правителя. Однако, с другой стороны, если ему заплатят как обещано, он быстро и без всяких приключений доберется до Курдистана. В обмен на богатства Брэк должен был совершить убийство.

Тазима называли князем-пахарем из-за его любви к земледелию и миру. Княжество его лежало у подножия гор. Тазим знал о хозяине этого замка лишь понаслышке. Чтобы убедиться в достоверности этих легенд, Тазим направился через перевал, а не поехал более долгой обходной дорогой. Целью его путешествия было выдать замуж свою дочь-принцессу за Омера.

«Для миролюбивого князя Тазим обладает редкой храбростью», — подумал Брэк.

После победы восстания токтских рудокопов, свержения принцессы Вианы и установления власти Совета Старейшин Брэк задержался в Токте еще на месяц, отдыхая и развлекаясь до тех пор, пока ему не надоели постоянные драки и восхваления, которым осыпали его верные сторонники царя Узхирана. Потом Брэк отправился на юг. Он чувствовал зов Курдистана и знал, что не найдет покоя, пока не достигнет своей цели.

После нескольких дней спокойного путешествия он прибыл в землю, управляемую Тазимом, князем-пахарем. В караван-сарай его предупредили о том, что дорога через перевал небезопасна. Все согласились, что это самый короткий путь в Копт, но все же советовали...

Брэк оставил советчиков недоуменно почесывать бороды, когда уезжал прочь. По выражениям их лиц он понял, что местные жители сочли его сумасшедшим, раз он собирался отправиться столь опасной дорогой.

На поднимающейся в гору тропе Брэк встречал еще одного странника, несторианского священника. Брэк с подозрением относился к этой религии, но хорошо помнил доброе отношение к нему брата Джерома во время встречи варвара с Септенгундусом в Ледяном крае. Так

что Брэк очень вежливо поговорил со священником, и они поехали дальше вместе. Священник направлялся в Копт обращать язычников в свою веру.

Вскоре на них напали четыре всадника, находящиеся на службе у таинственного хозяина перевала. Один из всадников отобрал у священника висевший на груди крест и плюнул на святой талисман. Другой потребовал у Брэка лошадь и те немногие диншасы, что остались в кошельке у варвара. Тогда Брэк обнажил меч.

Численное превосходство было не на его стороне. Вскоре и Брэк, и Несторианец оказались привязанными к кипарису. Их нещадно высекли и оставили подыхать на солнце.

Огромный варвар все еще дышал, когда на закате небольшой караван князя Тазима, позвякивая колокольчиками, подошел к их стоянке. Тазим тоже, невзирая на предупреждения, выбрал самую короткую дорогу в Копт.

Придворные его свиты сняли с дерева мертвого священника и похоронили его. Они также вырыли яму для изрубленной в куски лошади Брэка. Среди запасов Тазима нашелся бальзам для ран, оставленных плеткой на спине северянина.

На рассвете в лагерь Тазима приехали трое слуг хозяина перевала. Они передали князю приглашение своего хозяина. Тазим должен был явиться в замок и обсудить условия брачного договора. Когда всадники ускакали, Тазим подошел к сидевшему у костра Брэку. Варвар с жадностью грыз жирную говяжью кость.

— Никто из моих людей со времен моего детства не решался перейти через этот перевал, варвар, — начал Тазим.

Брэк отложил кость:

— Ну и что?

— Нам это было не нужно. Рассказы, доходившие до нас, звучали слишком мрачно. В гостиницах мы советуем путникам ехать более длинной дорогой, вдоль реки, обходя горы стороной.

— Да, и мне советовали то же самое.

— Первые два посланника, отправленные принцем Омером из Копта, добрались до этого перевала, но так и не дошли до моих границ. Лишь с третьим посланником, пришедшим обходным путем, я заключил договор, касающийся Джордины.

— Зачем ты мне все это рассказываешь? Раз ты знал, что существует такая опасность, почему ты не взял солдат и не очистил горы?

— Уже многие поколения наша страна процветает, не имея армии, о которой можно было бы серьезно говорить. Ты сказал, что ты пересек мою страну. Ты где-нибудь видел солдат?

— Нет, только земледельцев и пастухов.

— Я мирный человек. Но сейчас пришло время применить силу. Меня не отпугнет горный разбойник, пользующийся людскими предрассудками. Я повез дочь и приданое этой дорогой по своей воле.

Брэк что-то проворчал.

— Я ехал этой дорогой и увидел тебя, — продолжал князь.

— Хозяин перевала заслуживает того, чтобы армия вышибла ворота его замка и вспорола живот этому бандиту, — заявил Брэк.

— Но у меня нет армии. Ты станешь моей армией, если нам не удастся договориться с тем, кто послал этих всадников.

— Я? Но я ведь один.

— Зато ты очень сильный. Разве ты не хочешь отомстить?

Брэк подумал о мертвом Несторианце, о своей лошадке, о том, как всадники налегали на плетки, терзая его голую спину.

— Да, очень хочу, князь.

— Очень хорошо. Я предложу тебе половину содержимого сундуков с приданым, если решу, что следует убить этого наглого разбойника.

Брэк задумался:

— И от чего будет зависеть твое решение?

— Если он будет настаивать на своих требованиях, переданных только что ускакавшими всадниками. А именно на том, чтобы я отдал ему все сундуки с приданым дочери, которую я хочу выдать замуж за принца Омера из Копта. — Глаза князя сверкнули. — А ты? От чего будет зависеть твое решение? Убьешь ли ты его по моей просьбе, чужестранец?

— А как же! — радостно согласился Брэк.

— Это может быть очень опасно, — продолжал Тазим.

— Да. Но ты ведь поддержишь меня и будешь рядом...

— Конечно. Нам ведь просто так не позволят уйти отсюда.

— Я слышал, как в караван-сараях говорили, что...

Тазим сощурил глаза:

— Что хозяин перевала обладает властью над колдовскими силами? Действительно, как я уже говорил, я часто слышал эти рассказы. Не знаю, правдивы ли они. Мы должны это сами проверить. Хорошо?

Брэк снова проворчал что-то и поднялся на ноги.

— Договорились. Я пойду.

— Прекрасно. Давай посмотрим, как нам тебя нарядить.

Теперь, направляясь к дальней арке, Брэк чувствовал угрызения совести. Ему действительно не нужны были мулы, груженные жемчугами и сапфирами. Полный кошелек с диншасами ускорил бы его путешествие на юг, в теплый Курдистан, но Брэк не был уверен в том, что захочет взять с собой слишком много золота.

Однако прежде всего варваром двигала жажда мести.

Вдруг ударил гонг. Звук задрожал в воздухе, постепенно затихая. Брэк почесался. Он очень неловко чувствовал себя в одежде придворного.

— Добро пожаловать в мое скромное жилище, — раздался голос из-под арки, куда как раз сейчас входили Тазим и его дочь. Брэк и придворный поспешили следом.

Зал под аркой был просторным, высоким и относительно хорошо освещенным. Брэк и его спутник, который весь дрожал, вошли в зал и отошли влево к задней стене. Вооруженных стражников нигде не было видно. Хотя отсутствие стражи должно было бы успокоить Брэка, это, наоборот, его насторожило.

Тазим и Джордина подошли к возвышению. На троне с низкой спинкой восседал хозяин замка. По правую руку от него стоял филигранный столик, на котором лежал ларец средних размеров из черного дерева. Стенки и изогнутая крышка ларца блестели в свете факелов.

Слева у возвышения лежали черные с прожилками камни, сложенные пирамидой. Хотя некоторые из камней казались немного меньше других, все они имели примерно одинаковую необычную форму.

— Если не возражаешь, мы можем обойтись без формальностей, — высокомерно заговорил Тазим. — Но сначала ты назовешь свое имя. Свое настоящее имя. Я не люблю разговаривать с безымянными ворами.

Брэк увидел, что фигура, сидевшая на троне, напряглась. У хозяина замка была желтоватая, болезненного цвета кожа. Щеки его ввалились, борода росла клочками. Глаза были дерзкими, черными, как ларец и как его доходящий до пят халат. Издали хозяина замка можно было принять за молодого обаятельного искателя приключений. Но вблизи становилась заметна нездоровая, дряблая кожа. Брэк решил, что человек, сидящий на троне, невообразимо стар.

Хозяин замка сомкнул кончики украшенных перстнями пальцев.

— С вором? Разве плохо взимать плату за проезд по собственной земле? Хотя ладно. Это мелочь. Но безымянный? Это совершенно не так. Разве подонки в твоём княжестве не знают моего имени, князь?

— Некоторые зовут тебя волшебником, знатком адских наук, колдуном, — ответил Тазим. — Я не верю ни одному их слову.

На бледных щеках колдуна появились два резко очерченных красных пятна.

— Мое имя Анкхма Ра, и так ты будешь ко мне обращаться.

Тазим фыркнул:

— Я не привык к тому, чтобы мне отдавали приказы какие-то...

Анкхма Ра вдруг вскочил с трона и сбежал с возвышения. Тазим замолчал от неожиданности.

— Придержи свой глупый язык, если хочешь, чтобы эта лисичка добралась до своего жениха в Копте. Я требую в качестве платы за проезд сундуки с ее приданым, и я их получу. Разве не лучше отдать еундуки, чем распрощаться с жизнью?

Брэк с ужасом посмотрел на рыжеволосую принцессу. Она кокетливо наклонила голову. Щеки ее залились румянцем, когда она взглянула на тощего человека, назвавшегося Анкхма Ра. Потом она заговорила тоном, в котором слышалось восхищение:

— Он смел, отец. Не многие решились бы так осадить тебя. И в этом дворце он, кажется, накопил достаточно богатства, чтобы доказать... э... что угрозы его чего-то стоят.

Тазим едва сдерживал ярость, его загорелые узловатые руки сжались в кулаки. Но он ничего не ответил. Анкхма Ра поклонился принцессе:

— Благодарю, крошка. Ты понятливый ребенок. И очень привлекательный.

Тазим заметил и то, как кокетливо смутилась его дочь, и то, как Анкхма Ра усмехнулся.

— Ты, пустоголовая потаскушка! — зашептал Тазим. — Из всех дочерей ты одна всегда была моим наказанием.

Никогда раньше Брэк не видел, чтобы девушка пожимала плечами более равнодушно, словно слова эти не имели для нее никакого значения. Анкхма Ра быстрым шагом подошел к ларцу на столике. Он положил на изогнутую крышку руку с длинными ногтями.

— Поговорим о деле. Отдаешь сундуки или нет?

Тазим гневно поглядел на разбойника:

— Я не стану даже отвечать на такой наглый...

— Терпение мое не безгранично, — снова прервал его колдун. — Не надо думать, что вы сможете покинуть замок по собственному желанию, хотя я и пригласил вас как гостей, чтобы вы могли подумать о том, что будет, если вы не примите моих требований. Если ты думаешь о своей свите, то мои люди, хотя их и мало, верны мне. Они знают все ходы в этом замке, в то время как твоим людям они не известны. Больше всего мои люди любят кормить мясом то замечательное создание, что я держу в бассейне. Между прочим, никто не знает, насколько глубок этот бассейн. Возможно, он тянется до самого ада. У меня есть навык обращения с природными веществами, и древними существами, живущими в этом бассейне, я вывел... но не стоит так долго говорить об этом. Достаточно сказать то, что Адский Клык проголодался.

Ладони Брэка покрылись холодным потом. Он ведь видел, как что-то мерзкое метнулось под синей поверхностью воды. Клык или бивень, но он был в длину больше человеческого роста.

— Но можно и проще, — продолжил Анкхма Ра, открыв черный ларец.

В ларце, будто красный цветок, лежал смятый в комок кусочек алого шелка. Ткань переливалась всеми оттенками красного.

Тазим сказал:

— Мне уже надоело это балаганное представление. Ты хочешь испугать взрослых людей простым платочком... ах!

Князь потянулся к переливающемуся шелку. Анкхма Ра с силой ударил его по руке. Тазим вскрикнул.

— Не изображай из себя знатока в той области, в которой ничего не смыслишь, — сказал

человек в черном. Он осторожно вынул из ларца большие железные перчатки с красной бархатной подкладкой, лежавшие там по обе стороны от кусочка шелка, и надел их. Лишь тогда Анкхма Ра взял алую ткань, подбросил ее и поймал снова.

На базарах во время своего путешествия Брэк часто видел фокусы с шелковыми платками. Однако он никогда не видел платка, материал которого постоянно переливался, играл, приобретая и тут же теряя все оттенки красного. Платок казался живым.

Анкхма Ра прошел мимо князя Тазима и девушки с волосами цвета меди. Он подошел к Брэку и его спутнику-придворному.

— Шелк Шайтана очень древний, — тихо говорил Анкхма Ра. — И очень редкий. Мне посчастливилось стать обладателем одного его кусочка. Вот этого. Брать его голой рукой очень опасно.

Он улыбнулся, остановившись в нескольких шагах от Брэка и тщедушного придворного. По могучему телу Брэка пробежала дрожь, когда Анкхма Ра на мгновение задержал на варваре взгляд.

Узнает ли он по описанию варвара, привязанного к кипарису? Анкхма Ра, конечно же, рассказывали о Брэке. Помешать узнать варвара может только одежда и шитый золотом головной убор. Брэк сжал пальцы, готовый в любой миг схватиться за саблю.

Но Анкхма Ра явно предпочел оскорбить человека менее грозного вида. Колдун посмотрел на придворного, стоящего рядом с Брэком. Бедняга так трясся, что едва мог стоять прямо.

Железная перчатка звякнула, когда Анкхма Ра смял кусочек алого шелка в маленький комочек.

— Шелк Шайтана в руках знающего человека обладает удивительной силой. Стоит лишь коснуться им кожи человека...

Анкхма Ра вдруг отшвырнул комок шелка. Тот ударился о горло придворного, сопровождавшего Брэка. Придворный выкатил глаза. Он выгнулся и закричал как безумный.

Смятый комок шелка, как пиявка, присосался к коже человека. В том месте, где он коснулся тела, плоть начала превращаться в серую слизь.

Анкхма Ра снова усмехнулся. Он нагнулся и оторвал от горла придворного комок шелка, который заметно набух и сделался намного больше.

Придворный снова заорал, когда серая слизь на горле стала исчезать. Застонав, он упал, задержал ногами и умер.

Аккуратно, даже нежно Анкхма Ра развернул шелковую ткань.

Князя Тазима вырвало. Брэк вытаращил глаза. Он почувствовал, как в животе его набухает холодный ком. Даже принцесса Джордина закрыла рот ладонью и прикусила ее.

В середине кусочка шелка, который держал в руке Анкхма Ра, пульсировало, билось человеческое сердце, вытащенное какой-то демонической силой из тела придворного. С сердца все еще стекала кровь. Густая, она вытекала из сердца, впитывалась в живую, такого же цвета ткань.

Анкхма Ра обернулся:

— Вероятно, теперь, князь Тазим, ты понимаешь, почему мне не нужно держать при себе много воинов. Мне достаточно поднести моему упрямому гостю такой платочек в подарок.

Затем губы колдуна скривились. Они начали произносить странные слова, значение которых

Брэк не понимал. Бьющееся человеческое сердце стало менять цвет, темнеть.

На лице принцессы Джордины Брэк заметил безумную, жестокую восхищенную ухмылку, а сердце в руке колдуна становилось все тверже и темнело.

Анкхма Ра презрительно швырнул окаменевшее сердце в кучу таких же камней, лежащих рядом с возвышением, где стоял трон. Окаменевшее сердце упало в кучу, и несколько подобных ему камней осыпались. Они со стуком покатались по полу.

— Когда взойдет солнце, ты откроешь сундуки с приданым, — сказал Анкхма Ра.

Колдун положил на место шелк и перчатки. Бросив напоследок загадочный взгляд на Джордину, он исчез за занавесом.

— Значит, все эти годы... — Князь Тазим вдруг словно постарел, ослаб. — Все рассказы... правда. Скорее бежим из этого адского места!

В покоях, отведенных им, Тазим и Брэк шепотом переговаривались при свете факелов. Брэк, вспомнив мертвого священника, изрубленную лошадь и погибшего придворного, сказал князю:

— Я попытаюсь убить колдуна.

— Попробуешь прикончить его на рассвете. — Тазим дрожал, совершенно расстроенный. — Это должно произойти на рассвете.

Заворчав, чтобы скрыть собственный постепенно растущий страх, Брэк повернулся, открыл бронзовый замок, поднял крышку сундука, окунул свои могучие руки в драгоценные камни и стал искать свой меч. Он нащупал его, вытащил и обернулся. Перепуганный Тазим уже ушел. Брэк остался один среди теней.

Дважды перевернув песочные часы с серебряным песком, Брэк отправился выполнять задание князя.

Чувства говорили ему, что стоит заняться этим делом сразу, как только он остался один в темноте, в сердце этого страшного замка. Лишь инстинкт сдерживал его.

В бескрайних северных степях варвар научился терпению, он мог подолгу выслеживать добычу. Так что теперь он стал расхаживать по роскошной комнате и в свете тускло горящих масляных ламп рассматривать блики, которые отбрасывали драгоценные камни, лежащие в открытых сундуках. Ночь стала прохладнее. Брэк постоянно бросал взгляд на текущий струйкой серебряный песок...

Когда же песчинки второй раз улеглись в нижней части песочных часов, он сжал в руке меч, задул все лампы и тихо вышел из комнаты.

В коридорах замка горело множество факелов, но богатые дворы и залы оставались, как всегда, пустыми. Брэк подошел к месту пересечения коридоров. Он остановился, задумавшись.

— Ну вот, — проговорил он очень тихо, — теперь куда?

По спине его побежали мурашки, когда по лабиринту разнеслось эхо: куда... куда... куда... куда...

Варвар почувствовал первый укол страха. Брэк старался выбросить из памяти картину быющего сердца на ладони Анкхма Ра, забыть то, как окаменевшее сердце ударилось о кучу других каменных сердец, доказывая, что колдун говорил правду, утверждая, что его требования не отклоняются. Брэк решил свернуть в правый коридор. Дальний конец этого коридора был залит жемчужным светом.

Рука Брэка, державшая меч, стала влажной от страха. Теперь его не стесняла одежда так называемых «цивилизованных людей», в которой он чувствовал себя крайне неудобно. Соломенного цвета коса свисала вдоль мускулистой спины, на которой еще не зажили рубцы от ударов плети. На варваре была лишь набедренная повязка из львиной шкуры.

Вскоре Брэк добрался до арки, за которой находился двор с бассейном. Гладкую поверхность воды лишь изредка беспокоил легкий ветерок. Бассейн по-прежнему светился тем же жутким цветом. На воде, будто крошечные рыбацкие лодочки, качались сотни цветочных лепестков.

Довольно долго Брэк простоял, притаившись под аркой, ожидая, не появится ли стража Анкхма Ра или та тварь, что якобы плавала в бездонном бассейне. Из этого укрытия варвар мог видеть часть покоев Анкхма Ра, находившихся по другую сторону бассейна. Он видел во мраке возвышение с тронem и пирамиду камней.

Послышался звук, похожий на приглушенный смех. Брэк насторожился. Он еще раз оглядел двор... Никого.

Возможно, это был птичий крик, долетевший сюда с базальтовых пиков. Брэк бесшумно пошел дальше, намереваясь обогнуть бассейн, войти в покои Анкхма Ра и пробраться за занавеси, за которыми скрылся колдун. Варвар решил, что подкрадется к спящему злодею и вгонит ему меч в живот.

Он уже почти обошел бассейн, двигаясь вдоль колоннады, словно призрака. Вдруг снова послышался тот же странный звук. Была поздняя ночь, и над головой варвара горели холодные звезды, вокруг что-то происходило. В этом Брэк был уве-

рен. А потом послышался женский смех. Ровную гладь бассейна нарушил тихий всплеск. Неожиданно под потолком зала заскрипели железные петли. Брэк посмотрел вверх.

Один за другим через люк в зал спрыгнули три воина в медных нагрудниках. Каждый из них, приземлившись, выругался. Первый воин тут же попытался нанести удар копьем, целя Брэку в живот.

Варвар отпрыгнул, одновременно парируя удар. Клинок его меча врезался в руку стражника чуть ниже локтя. Брызнула кровь. Брэк поднял ногу и ударил босой пяткой в медный нагрудник ближайшего стражника.

Тот отшатнулся. Копье его упало и покатилося к мозаичному бортику бассейна. Стражник потерял равновесие, вскрикнул и свалился в воду. Вокруг в воде облаком расплылась кровь из раны.

На поверхности бассейна появились буруны, словно что-то всплывало, привлеченное запахом крови.

Оставшиеся стражники наступали осторожно. Они начали кружить вокруг Брэка. Варвар присел, ожидая нового нападения, которое, как он знал, непременно последует. В голове у него звучал один вопрос: «Откуда они узнали, что он собирается...»

— Вперед, — скомандовал стражник. Оба ринулись на варвара с копьями наперевес.

Брэк сжал в кулаке рукоять меча и описал им широкий полукруг. Его движение испугало нападавшего справа. Брэк сбил стражника с ног. Тот упал и попытался нанести удар копьем, лежа на животе. Брэк проткнул его шею мечом. Но тут же на Брэка набросился третий стражник.

Варвар почувствовал резкую боль в правой руке. Он вскрикнул, попытался отпрыгнуть, но споткнулся о тело убитого.

Нападавший воин использовал это преимущество. Он нанес два резких удара и выбил у Брэка меч. Клинок со звоном упал на пол и откатился к краю бассейна. Брэк поднял руки, чтобы защититься от следующего удара. Ему так и не удалось встать на ноги. По правой руке варвара текла кровь. Следующий удар копьем был нацелен в лицо северянина.

Брэк увернулся, но удар все же отбросил его назад. Инстинктивно варвар схватился за древко и попытался вырвать оружие.

Он опоздал и упал навзничь, не удержавшись на ногах, свалился в бассейн и как камень пошел ко дну.

Брэк стремительно погружался в излучающую жемчужный свет глубину. Наконец боль в легких вынудила его немного прийти в себя, он начал судорожно работать руками и ногами, стараясь выбраться на поверхность. Где-то рядом промелькнула гигантская тень.

Копье все еще было зажато в правой руке варвара. Вынырнув на поверхность, Брэк принялся жадно глотать воздух. Он заметил, что его отнесло на середину бассейна.

Едва он набрался сил, чтобы подплыть к краю бассейна, недалеко от него высунулись из воды светящиеся шипы.

Яростно молотя воду руками, Брэк заметил, что шипы все больше поднимаются из воды. Его охватил ужас. Он увидел ребристую, покрытую зеленой слизью спину, на которой росли эти шипы.

К нему плыла тварь тонкая, но очень длинная. По обеим сторонам ее головы находились два

плоских белых, молочного цвета, слепых глаза. Голова казалась уродливой, так как была в двадцать раз толще длинного тела существа. Жаберные щели в длину превышали рост Брэка.

Огромная рыба открыла круглый рот, затем открыла его еще шире. Из этой пасти повеяло запахом портовых складов и разрытых могил.

«Адский Клык», — едва не закричал Брэк. Он изо всех сил попытался плыть еще быстрее. Но боль в правой руке и вес копья мешали ему.

Бивни существа, выведенного и выкормленного Анкхма Ра, казались невероятно большими и невероятно белыми. Злобная тварь, почуявшая добычу, быстро сокращала отделяющее ее от Брэка расстояние.

Варвар решил, что такие чудовища, должно быть, жили на Заре Времен. Тварь высунула из воды голову на длинной шее, совершая быстрые движения короткими лапами, расположенными вдоль всего чешуйчатого тела. Брэк насчитал восемь, десять, двенадцать пар перепончатых лап. Они, словно весла галеры загребая воду, гнали Адского Клыка вперед.

Зловонная пасть, розовая внутри, открывалась все шире. Все шире...

Пасть чудовища зияла, из воды торчали огромные клыки. Брэк едва не сошел с ума от страха.

Край бассейна находился еще слишком далеко. Крохотное копьё, зажатое в правом кулаке варвара, наверняка не сможет пробить твердой как броня чешуи.

Вода в бассейне бурлила. Вокруг кипели волны, поднятые Адским Клыком, несущимся по воде, чтобы проглотить еще одного человека.

Варвар решил умереть как можно достойнее. Он развернулся в воде и согнул раненую правую

руку, из которой в воду стекала кровь. Брэк решил метнуть копьё в пасть Адского Клыка, попытаться пробить мягкую кожу...

Брэк изо всех сил махнулся. Спина его ударилась обо что-то. Он повернул голову... В глаза ему полетели брызги от плавников уже почти настигшей варвара рыбы...

За спиной Брэка плавал труп стражника, который первым бросился на варвара.

Брэк поднырнул под труп. Он приставил наконец копьё к горлу трупа и затем, преодолевая сопротивление воды, с силой толкнул древко так, что мышцы его могучих рук заболели. В последний момент он выпустил древко.

Копьё с насаженным на него, словно наживка, телом стражника поплыло прямо рыбе в пасть. Брэк снова метнулся к краю бассейна.

Труп с копьём оказался в пасти чудовища. Челюсть с клыками захлопнулась, едва не откусив голову Брэка. Варвара отшвырнуло в сторону и с силой ударило о стенку бассейна. Он схватился левой рукой за край бассейна, пытаясь подтянуться и вылезти из воды.

Левую руку варвара прижал черный сапог.

Задышавшись, почти ничего не видя, Брэк запрокинул голову. На бортике бассейна стоял Анкхма Ра и протягивал варвару железную перчатку.

— Какая разница, как тебе умереть, наемный убийца, — сквозь звон в ушах с трудом разобрал Брэк.

Брэк повис, держась одной рукой за край бассейна, парализованный страхом, а Анкхма Ра нагибался все ниже. Он хотел приложить к щеке Брэка шелк Шайтана.

В голове варвара звучал смех Анкхма Ра. Время остановилось, а живой кусочек шелка все при-

ближался и приближался к коже варвара, чтобы вырвать из груди сердце северянина и превратить его в камень.

Краем глаза Брэк заметил блеснувший в свете факелов металл. Его упавший меч.

Шелк Шайтана, шурша, уже почти прикоснулся к щеке Брэка. Железная перчатка оказалась совсем рядом.

Превозмогая боль, Брэк выбросил вперед правую руку. Ладонь ударила по рукояти меча, лежавшего рядом с ногой колдуна. Затем, когда колдовской шелк уже, казалось, коснулся кожи варвара, Брэк подцепил концом меча уголок ткани и ткнул мечом вверх.

Вначале Анкхма Ра лишь удивленно вскрикнул. Давление на левую руку Брэка ослабло. Северянин быстро выбрался на бортик бассейна.

Острые меча вошло в шею колдуна. Брэк подошел и взялся за рукоять меча. Все его тело обожгла нечеловеческая боль, Брэк изогнулся и вскрикнул, но удержал меч и потянул его на себя. Меч освободился.

Шелк Шайтана остался в ране на желтой шее Анкхма Ра.

Как только Брэк вытащил меч, мучительная боль прошла. От рывка Брэк не удержался на ногах и упал. Анкхма Ра судорожно вцепился руками в кусок шелка, приставший к шее, и оторвал его железной перчаткой. Но плоть на шее уже начала превращаться в серую слизь. Мгновение колдун стоял неподвижно и глядел на собственное сердце, бьющееся на красном платке у него в руке.

Брэк бросился вперед. Он нанес удар рукоятью меча, столкнул обмякшее тело Анкхма Ра в бассейн. Варвар успел увидеть, как рука колдуна в железной перчатке сжала трепещущее сердце, пе-

ред тем как тело Анкхма Ра (живое или мертвое, Брэк не знал) скрылось под водой.

Снова мелькнули шипы Адского Клыка. Рассекая воду, чудовище мчалось к новой жертве.

Послышалось шарканье сапог. Брэк обернулся. Вид его был необычайно грозен: измазанный кровью, с мечом в правой руке, в промокшей львиной шкуре, обмотанной вокруг бедер. В темный двор тихо вошли еще шестеро стражников. Брэк шагнул в их сторону. В голове его шумело, его подгоняла жажда убийства.

— Подходите, — проговорил он охрипшим голосом. — Подходите. Колдун вас больше не защитит.

Варвар взмахнул мечом, приглашая их вступить в бой.

Один стражник вскрикнул, бросил копье и исчез среди теней.

Остальные последовали за ним. Шесть копий остались лежать на полу.

Брэк еще не пришел в себя, и поэтому резкая боль в спине оказалась для него совершенно неожиданной. Он вскрикнул и схватился рукой за колонну. И еще до того, как он обернулся, он уже знал, кого увидит у себя за спиной. На него напали сзади, со стороны покоев Анкхма Ра.

Держа в руке маленький кинжал, на конце которого блестела кровь Брэка, в расстегнутом платье, с распущенными волосами, раскрасневшаяся, пахнувшая вином, за спиной варвара стояла принцесса Джордина.

— Это был замечательный мужчина, — прошептала она. Ее глаза блестели. — Лучше, чем тот размазня, за которого отец чуть не выдал меня замуж. А ты убил его. Ты, безмозглый нищий дикарь.

— Твой возлюбленный был грязным колдуном, — ответил ей Брэк.

— Я бы осталась у него. Здесь много сокровищ. Много удовольствий.

Принцесса слегка качнулась, потом скривила губы в улыбке, которая ужаснула Брэка, поскольку в ней таилась чудовищная злоба. Варвар подозревал, что в этой девушке скрывается что-то злое, но теперь принцесса сбросила маску.

Брэк покачал головой.

— Я видел, как колдун посмотрел на тебя тогда в зале. И ты ответила на его взгляд. Будто нашла человека, который соответствует потребности твоей черной души в... — Брэк замолчал, взгляд его был переполнен презрением. — Так и должно было случиться. Ты пошла к нему по собственному желанию. И он послал стражников остановить меня.

— Да. — Принцесса Джордина презрительно вскинула голову. — Я прокралась к нему в спальню и рассказала о том, что ты убийца, нанятый моим отцом.

Брэк сделал несколько неуверенных шагов вперед. Он поднял меч правой рукой. По ней из раны текла кровь.

— Я собираюсь убить тебя, девушка. Я собираюсь убить тебя, чтобы князь Тазим никогда не узнал, кем ты стала во дворце колдуна, кем ты была для выроodka чародея. Отец сказал, что из всех дочерей ты одна стала для него наказанием. Я избавлю его от тебя. — Брэк указал острием меча на бассейн. Поверхность его снова успокоилась, лишь легкий ветерок колыхал лепестки цветов. — Я могу скормить тебя той твари и сказать, что Анкхма Ра сам убил тебя.

Девушка звонко засмеялась:

— Но ты этого никогда не сделаешь, варвар. Ты ведь человек чести...

— Но я все равно поступлю как решил, — с этими словами Брэк высоко поднял меч.

Девушка уверенно и дерзко посмотрела на варвара.

— Нет, — сказала она.

От красоты принцессы ничего не осталось, все уничтожила отвратительная, наглая улыбка. Брэк знал, что это за девушка, знал, чем она стала, когда сокрытое в ней зло ответило на зов колдуна. Он еще выше поднял меч, в висках его стучало.

Меч медленно опустился.

Брэк не мог нанести удар.

Девушка засмеялась. Она, дразня, приставила к обнаженной груди Брэка блестящий кинжал.

— У меня нет предрассудков, варвар, — весело сказала она, немного надавив на кинжал и порезав кожу на груди северянина.

Неожиданно кинжал перестал давить в грудь варвара. Схватившись за еще дрожащее древко, торчащее из середины своей груди, принцесса Джордина попыталась выдернуть его, но безуспешно.

Она попятилась, вскрикнула, потеряв равновесие, и упала. Брэк с отвращением наблюдал происходящее.

На поверхности показались шипы Адского Клыка. Открылась и захлопнулась пасть. Светящаяся вода вскипела, затем успокоилась.

Варвар медленно огляделся вокруг. Там, где лежали шесть копий, брошенных перепуганными стражниками, Брэк насчитал лишь пять. В тени арки, в том месте, где до этого прятался Брэк, стоял князь Тазим. Он закрыл лицо руками и отвернулся, чтобы варвар не видел его слез.

Прохладным утром на рассвете князь Тазим отправился назад в свое княжество. Со свежими повязками на ранах и единственной наградой — лошадью, принадлежавшей раньше кому-то из разбежавшихся людей Анкхма Ра, Брэк отправился в противоположном направлении, поехал по тропе, ведущей в Копт. Оставшуюся часть ночи он почти не говорил с Тазимом.

Он не стал напоминать князю ни о договоре, ни о сундуках с приданым.

Единственной наградой, которую он хотел, — возможность поскорее забыть о случившемся.

Руна 4

ПРИЗРАКИ В КАМНЕ



Когда янтарный вечер догорит,
Печальный пилигрим в ночном виденье
Ужасную картину вдруг узрит:
Заключены проклятием в гранит
Несчастные без права на спасенье
Там, в Чамбалоре.

Когда рассвет пустыню озарит,
Проснется пилигрим, и оглядится,
И снова в путь далекий поспешит.
Останутся, сокрытые в гранит,
Живые призраки в неизвестности томиться
Там, в Чамбалоре.

Родимандиас, песнь IV

Когда варвар Брэк открыл глаза, он подумал, что сошел с ума.

Уныло завывал ветер. Глаза резал свет огромного красного солнца, жаркий воздух обжигал лицо. Прошло немного времени, и лишь тогда Брэк начал вспоминать, что же случилось перед этим.

Произошло это день назад? Столетие? Варвар постепенно начал вспоминать, что же с ним случилось...

Брэк спустился с гор и оказался в Копте, откуда поехал на юг. За несколько недель он пересек пять царств. Наконец он достиг последнего пограничного столба и поехал дальше. Засушливые предгорья постепенно сменились песчаной пустыней.

В оазисе, в месте пересечения караванных путей, его предупредили, что самая короткая дорога в Курдистан не обязательно является самой безопасной. Если он поедет по прямому, но ныне заброшенному караванному пути, он окажется среди красных песков пустыни, где дыхание богов часто скрывает небо и землю непроглядной песчаной бурей, — так сказали ему кочевники.

Тем не менее Брэк отправился кратчайшим путем.

С запада налетела песчаная буря. Варвар заблудился. Буря прошла, и Брэк очнулся от тяжелого сна. Он вспомнил, как упал на песок в изнеможении, когда горячий ветер уже начинал сти-

хоть. По крайней мере он мог радоваться тому, что остался жив.

Сейчас солнце уже заходило. Брэк пошарил рукой в поисках меча. Тот был на месте. Варвар перекатился на живот.

Вокруг простиралась пустыня. То там, то здесь ветер поднимал отдельные облачка песка. Брэк увидел свою лошадь, она лежала там, где упала, ее глаза, уши, рот были залеплены песком, так что она казалась гротескной скульптурой из песка. В самый разгар бури, когда небо почернело, лошадь Брэка сломала ногу. Бедное умирающее животное спасло Брэку жизнь, так как варвар спрятался за ним, пока бушевал ветер.

Во рту Брэка пересохло. Варвар подполз к животному. Он положил ладонь на бок лошади, простился с ней. По крайней мере ему не нужно было самому убивать небольшую, но сильную лошадь.

Присев на корточки, Брэк начал обдумывать создавшееся положение. Он был совершенно один. У него не было ни пищи, ни воды. Он не знал, где находится, кроме того, что заблудился в самом сердце огромной пустыни. Варвар с горечью вспомнил предостережения горбоносых кочевников, оставшихся в оазисе. Лишь человек, чувствующий пустыню, лишь кочевники, родившиеся в этих краях, могут пересечь пустыню. Да и они пересекают ее в относительно безопасном месте.

Пустыня эта, как рассказали Брэку в оазисе, ужасна. Очень давно эта земля цвела и плодоносила. Но теперь над ней повисло проклятие, она высохла и опустела. И там бродят призраки.

Поднявшись, Брэк закричал:

— Ау! Ау!

— А-у, а-у, — загремело в ответ эхо. Затем его подхватил ветер, жутко исказив:

— У-у-у-у.

Утопая по колено в песке, Брэк взобрался на вершину бархана и снова закричал. На этот раз звук получился иным, более искаженным. Через мгновение варвар понял почему. Рядом находились какие-то строения. Он разинул рот от удивления.

— В оазисе я слышал об этом месте, — сказал он сам себе. — Помню, я подумал, что это сказка невежественных пастухов. Я даже могу вспомнить название этого места.

Вдруг, будто тысяча огромных гонгов, это название, еще не сорвавшееся с языка, загудело в голове варвара — Чамбалор.

— Как они его называли? Чамбалор, Город Золотых Колесниц. — Брэк насупился. — Хорошее место для захоронения.

Сцена, представшая перед ним, вызвала благоговейный трепет. От города Чамбалора ничего не осталось, кроме двух рядов колонн, уходящих вдаль. Все остальное засыпал кровавого цвета песок. В красных лучах вечернего солнца колонны выглядели одновременно пугающе и величественно.

Каким широким, должно быть, был этот проспект! Ряды колонн разделяло расстояние в поллиги. Брэк насчитал в каждом ряду по пятьдесят колонн, а дальше они терялись у горизонта. И каждая колонна была в сто раз толще человека и в пятьдесят раз выше. Вершины их упирались в красное небо.

Хотя варвар и не мог достаточно четко разглядеть того, что было вырезано на поверхности каменных великанов, эти узоры создавали странное

впечатление, будто колонны шевелились, словно живые.

Брэк стал вспоминать рассказы кочевников, и от этих воспоминаний по всему могучему телу варвара пробежали мурашки. Еще ему почему-то вспомнилась бледная копошащаяся кожа Септенгундуса. Странно, но при виде колонн Брэк вспомнил лицо колдуна, побежденного им в Ледяном крае. Громадные колонны, казалось, колыхались и трепетали.

Брэк собрался с духом и решил вблизи посмотреть на развалины Чамбалора. Утопая в песке, он начал спускаться с бархана. Коса волос соломенного цвета, доходящая до повязанной вокруг бедра львиной шкуры, болталась за спиной воина...

Варвар знал, если ночью ветер усилится, он сможет укрыться за одной из этих колонн. Солнце уже находилось над самой линией горизонта между двух рядов гигантских колонн. Скоро настанет ночь.

Неожиданно Брэк увидел базальтовый валун, с которого буря, очевидно, сдула песок. Проходя мимо, Брэк пнул этот камень. Он сделал еще два шага, но вдруг левую ногу обожгла боль.

Он поглядел вниз и замер. Вокруг его массивной загорелой ноги обматывалось отвратительное волосатое щупальце.

Брэк схватил рукоять огромного меча и оглянулся. За спиной у него не было никакого базальтового валуна. Вместо камня на песке лежало огромное бесформенное существо, полупрозрачное тело которого покрывал сложный узор вен. Существо проснулось и вылезло из песка, где спало до того, как варвар пнул его.

По венам под полупрозрачной поверхностью текла, пульсируя, какая-то мутно-голубая жид-

кость с черными точечками. Два мешка плоти, висевшие по сторонам чудища, открылись. На варвара уставились огромные белые глаза без зрачков. Из-под тела твари стали вытягиваться все новые и новые щупальца. Одно из них ухватило Брэка за левую руку. Кожу тотчас начало жечь.

С ревом, подняв облако песка, огромное, похожее на паука чудище поднялось на тонких ножках и побежало к своему врагу. Пасть чудища раскрылась и ритмично защелкала.

У Брэка на затылке зашевелились волосы, и он попытался отсечь щупальце, сдавившее ему руку. Меч едва оцарапал желеобразную поверхность. У твари было дюжины две ног и в два раза больше щупалец, которые метались в разные стороны в сгущающихся сумерках. Тварь приближалась к добыче.

Брэк принялся пилить мечом щупальце. Сердце варвара быстро колотилось в гигантской груди. Крепче ухватив рукоять меча, он поднял железный клинок над головой, чтобы с силой опустить его на щупальце чудища.

Тягучее щупальце лопнуло.

Отрубленный конец больно ударил Брэка по щеке. По подбородку потекли капли горячей, липкой жидкости, которая жгла, словно раскаленное железо. Боль от нее была намного сильнее, чем от щупальца, обмотавшегося вокруг голени. Мощным ударом Брэк перерубил и второе щупальце.

Тварь перестала щелкать. Глаза ее затуманились, сделались жемчужными.

Жалобно запищав от боли, чудище (судя по всему, какая-то доисторическая тварь, чьи собратья давно уже вымерли) развернулось и

побежало, решив, видимо, спрятаться среди барханов.

Хотя животное было большим, двигалось оно с удивительной скоростью. Брэк увидел, как над барханами, будто логово червей, извиваются щупальца. Затем животное скрылось.

Брэк еще некоторое время стоял с мечом в руке. Варвар боялся, что кошмарное чудовище вернется. Но он ничего не слышал, кроме воя ветра. Тогда северянин потер щеку. Кожу невыносимо жгло. Застонав, варвар опустился на колени.

Брэк взял горсть песка и стал яростно тереть им щеку. По телу начало распространяться онемение. Место, обожженное липкой жидкостью, все еще болело. Неужели жидкость ядовита и теперь впитавшийся яд распространяется по телу? Два ряда огромных колонн Чамбалора, казалось, начали извиваться, закачались. Брэк повалился на спину и закричал от нечеловеческой боли, пронзившей все его тело.

В агонии он стал бешено дергать ногами. Боль не отступала. С каждой секундой она становилась все сильнее. Брэк корчился на песке, но в бреду к нему все же пришла мысль о том, что он будет спасен. Ему показалось, что вдалеке на фоне бархана он увидел силуэты двух верблюдов. И еще ему показалось, что он слышит звон колокольчиков, привязанных к длинным шеям «кораблей пустыни».

От боли зрение варвара замутилось. Брэк стал перекатываться с боку на бок, все поплыло у него перед глазами и наконец, вскрикнув последний раз от боли, он погрузился в успокоительную темноту.

— Лапа лягушки... Листок конопли... Толченый сапфир... хмм, вот. Мешочек почти полон.

— Это нехорошо, отец. Торговаться с человеком, который, может быть, умирает.

— Конечно, умирает, дочь. Но не так быстро, чтобы оправдать твои обвинения и то, как ты заламываешь руки. Яд полностью разойдется по телу не раньше, чем взойдет солнце. Хотя жидкость т'мука смертоносна, действует она медленно... Хмм... Я думал, что караванчики уже давно прогнали последних тварей. Но полагаю, поскольку сейчас никто не смеет заходить в Чамбалор, эти чудовища все еще лежат в своих норах среди барханов. Мы видели одну тварь издали, но я уверен, этому огромному варвару убить ее не удалось. Т'мук по-прежнему бродит где-то рядом. А раненый он еще более злобен.

Брэк смутно слышал этот разговор, а также вой ветра и потрескивание костра. Он приоткрыл глаза, но вокруг было темно. Затем постепенно размытый, тусклый свет горящего костра разогнал тьму. На его фоне варвар разглядел разговаривающих: две фигуры в широких халатах, обе невысокие.

Звякнул медный колокольчик. Один из верблюдов громко закричал. Еле сдержав стон, Брэк сел.

— Щека, — с трудом проговорил он. — Она очень болит.

Человек в халате зашевелился, обошел вокруг костра. Первое, что Брэк заметил, был блеск изогнутого кинжала с резной ручкой. Кинжал сжимали тонкие пальцы очень древнего старца, укутанного в грязную белую ткань. Он носил остроносые шлепанцы с загнутыми вверх носами. Его голова, повязанная платком, походила на голову обезьяны: тонкие губы, тяжелый нос и тысячи

морщин. Однако по бледным зеленым глазам его возраст определить было нельзя. И хотя старик был очень худым, чувствовалось, что он обладает большой силой.

Мужчина остановился в нескольких шагах от Брэка. Он сказал:

— Будет и боль. И смерть. Если я не наложу мазей. У меня много специальностей. В том числе я профессиональный нищий, а кроме того, изучаю магию и неплохой врач. Еще я люблю заключать сделки. — Старик засмеялся и обнажил безупречные, ровные белые зубы. — И в последнем я не знаю себе равных.

Брэк увидел, что у старика с безжалостными зелеными глазами к поясу привязан плотно набитый мешочек. На груди его висел на цепи золотой мистический символ — сияющая звезда.

Старик продолжил:

— Я с удовольствием приготовлю необходимую мазь при условии, что ты согласишься помочь мне в деле, которым я сейчас занимаюсь. Мне понадобится вся твоя сила и, возможно, твой меч. — Он поднял морщинистую руку с ногтями длиннее, чем у женщины. В тусклом лунном свете Брэк увидел уходящие в темноту странные колонны Чамбалора. — Я направляюсь туда.

— Кто ты? — спросил Брэк. — Главарь разбойников?

— Нет, чужестранец, я торговец, — ответил, усмехнувшись, старик. — Зовут меня Зама Хан.

— Мне отвратительна твоя жестокость! — произнес второй человек, до этого молча сидевший у костра.

Зама Хан резко обернулся.

— Я не хотел, чтобы ты отправлялась со мной в это путешествие, Дарит. — Затем, злобно скри-

вив обезьяньи губы, он обратился к опустившемуся на песок варвару: — Моя дочь Дарит подвержена странной болезни, чужестранец. У нее приступы совестливости.

Теперь Брэк полностью пришел в себя и разозлился. Однако, прежде чем он успел заговорить, подбежала Дарит. Она остановилась перед отцом.

— Я сопровождала тебя, когда ты занимался своими бесчестными делами, надеясь изменить тебя, надеясь смягчить твой характер, но видела лишь то, как ты становишься все более жестоким, все более жадным. Однако в этот раз ты превзошел самого себя. Тебе не достаточно было того, что ты подсыпал снотворное в вино того купца в Вишугине и затем бежал из города, прихватив с собой мерзкие глиняные таблички. Теперь ты бредишь несуществующим сокровищем, и от этого ты окончательно спятил! Ты заставляешь ни в чем не повинного человека либо участвовать в твоей безумной аванюре, либо поплатиться жизнью за отказ.

— Серебряные двери окислились от времени, — возразил Зама Хан. — Вдвоем нам их не открыть.

— Значит, этот несчастный путник, умирающий от поцелуя т'мука, должен помочь тебе, иначе ты не станешь помогать ему?

Брэк проворчал:

— Вы говорите много непонятного. Кто вы? Что за сокровище вы ищете? И что такое т'мук?

Зама Хан облизал губы и склонился над варваром. Он все еще сжимал в руке кинжал.

— Т'мук — это древнее название примитивного песчаного паука, напавшего на тебя. Караванщикам он известен как Ползучая Тварь. Паук,

которого ты ранил, я уверен, прячется где-то рядом. И это еще одна причина убраться отсюда до того, как зайдет луна.

Зама Хан провел большим пальцем по блестящему клинку кинжала. За спиной старика Брэк увидел личико Дарит, освещенное пламенем горящего костра из кизяка. Худое, даже истощенное лицо. У девушки были черные овальные глаза, оливкового цвета кожа. Дарит казалась очень красивой, несмотря на выражение страха на лице. Девушка чувствовала зло, таящееся в ночном воздухе пустыни, оно пугало чем-то, что скрывалось в зеленых жестоких глазах, смотрящих сейчас на Брэка. «Что же все-таки здесь происходит?» — подумал Брэк.

Постаравшись подавить злость, Брэк решил, что, возможно, сумеет сговориться с этим странным стариком. Он сказал:

— Проходя по вашей земле, я слышал о Чамбалоре. Что ты здесь ищешь?

— Сначала скажи, зачем ты пришел сюда, — быстро ответил Зама Хан.

— Меня зовут Брэк. Я родился в северных степях и направляюсь в Курдистан, лежащий на юге.

Зама Хан фыркнул:

— Так ты варвар! Человек, ничего не смыслящий ни в буквах, ни в цифрах, ни в магии. Ладно, чужестранец Брэк, это не имеет значения. Спина у тебя широкая и мускулистая. Уперевшись спиной в серебряные двери сокровищницы, ты наверняка их откроешь. Затем по табличкам, которые я... э... добыл у купца в Вишузине, я прочту магические слова, я разобью колдовское заклятие, охраняющее сундук из слоновой кости, который прикреплен к мраморной

глыбе, как говорят таблички. Если бы он не был прикреплен, я бы увез его вместе с глыбой. Содержимое погрузим на верблюдов, так что работа одной ночи вознаградит нас за все те годы нищеты, за унижение перед богачами и чиновниками.

— Никогда еще, отец, я не видела тебя таким... — тихо сказала Дарит. — Зло так пропитало тебя, что его уже не удалить.

— Замолчи! — крикнул Зама Хан. — Ты плоть от плоти моей, но ты мне противна.

— Не больше, чем мне противно видеть то, что ты есть на самом деле.

У Брэка снова начало жечь и дергать щеку. Он скорчился от боли и проговорил, задыхаясь:

— Ты... мне не врешь? В твоём... мешочке... есть средства, чтобы... сделать мазь... и она спасет меня от... яда чудовища?

— Да, — ответил Зама Хан. — Я дам ее тебе как плату, за это ты пойдешь со мной и моей дочерью и поможешь мне открыть дверь.

Тихо простонав, Дарит отвернулась. Брэк немного помолчал. Он думал, не пытаются ли его искусно обмануть. Гнев его вдруг вспыхнул с новой силой. Брэк схватился за рукоять меча. Зама Хан оказался быстрее. Он прыгнул. Сверкнул кинжал — и вот Зама Хан уже сидел рядом с варваром и лезвием кинжала давил на запястье северянина, так что тот теперь не смог бы быстро выхватить меч.

Хотя зубы Зама Хана были безупречно белыми, когда он зашептал, Брэк почувствовал отвратительный запах, идущий изо рта купца.

— Если обнажишь меч, чужестранец, не доживешь до вечера. Я обещаю.

Брэк бросил взгляд на Дарит. Она кивнула:

— Он говорит правду, Брэк. Даже если ты отнимешь у него мешочек, ты не сможешь сам смешать мазь. И я не смогу.

«Т'мук, — подумал Брэк. — Ползучая Тварь». Яд ее жег тело, варвару было больно, очень больно...

— Ладно, — тихо проговорил северянин. — Я попробую открыть твои серебряные двери. Но сначала приготвь и наложи мазь.

Посмеиваясь, Зама Хан поднялся. Он вложил кинжал в ножны.

— Конечно, мой друг Брэк. Твое положение невыгодно. Я знаю, что ты сдержишь свое обещание. В то время как я... — Зама Хан пожал плечами, — ... ну, ты просто должен мне верить.

Старик развязал мешочек, достал оттуда каменную ступку, маленький каменный пестик, несколько флаконов. Брэк наблюдал за приготовлениями мази, трясясь от злости. Зама Хан сразу распознал бесхитростный характер варвара: если уж Брэк заключил договор, то непременно выполнит условия. Так что северянин оказался в невыгодном положении.

Сколько хитрости и обмана в мире, где в поисках своей судьбы путешествовал Брэк! Единственной наградой, которую принесло Брэку его согласие, был грустный и одновременно благодарный взгляд Дарит. Она сидела у костра и ежилась при каждом завывании ветра.

Через некоторое время Зама Хан наложил на щеку Брэка желтую клейкую массу. Сверху он прилепил несколько сухих листьев.

— Придержи их рукой. Подействует быстро.

Это, по крайней мере, оказалось правдой. Вскоре боль начала утихать. Наконец Зама Хан

передал Брэку серую тряпку, чтобы тот вытер щеку. Варвар спросил:

— Что ты ищешь в Чамбалоре, старик? Ты говорил о сокровище. Его тут, конечно, нет. Хотя я и чужестранец, но я слышал много легенд по пути сюда. Чамбалор был цветущим городом очень давно, еще в незапамятные времена.

В зеленых глазах Зама Хана блестящими искорками отражался огонь костра.

— Да. Но посмотри на эти каменные колонны. Ты видел их вблизи?

— Нет. Я дошел только до норы т'мука.

— Тогда погляди на них, когда мы подойдем поближе. На них или даже скорее в них заключены в камне и пребывают в вечных муках принцы и придворные Чамбалора. Полководцы и женщины, сделавшие когда-то Чамбалор страшным и жестоким царством.

Зама Хан замолчал и стал раскачиваться. Глаза его неотрывно глядели на освещенные луной каменныеobelisks.

— Это была клоака мира. Сточная яма, полная жестокости, насилия и животной ненависти. Таким был Чамбалор. Один человек, один великий вождь привел этих людей к глубинам порока.

— Царь? — тихим голосом спросил Брэк.

— Нет, колдун. Он называл себя Септенгундусом.

Имя это прозвучало в голове Брэка, будто приглушенный зловеющий удар колокола. «Но ведь все это происходило в незапамятные времена, — подумал Брэк. — Как такое возможно?»

Ответ пришел сам собой. «Но ведь Септенгундус никогда не умирает, он бродит по миру и сеет зло».

— Князю Чамбалора — надоело творящееся вокруг зло, и он вонзил кинжал в сердце колдуна, — продолжал Зама Хан. — Легенда рассказывает, что, когда клинок пронзил грудь мага, не пролилось ни капли крови. И Септенгундус не умер... На Чамбалор налетел ураган, Септенгундус, перед тем как исчезнуть в дыму, проклял этот город. Его заклятие хранит сокровище Чамбалора — изумруды, горы изумрудов из когда-то процветавших копей великого города. Все сокровища спрятаны в сундуке из слоновой кости, сокрытом за серебряными дверями. И чтобы отомстить князю Чамбалора, колдун обратил весь народ в камень, даже своих последователей. В каждой колонне из тех, что выстроились вдоль главной улицы, он заключил тысячи людей, и все это произошло в считанные мгновения. Прежде чем столицу царства окутал дым, колдун исчез. Немного позднее некий бродячий нищий — звали его Джухад — утверждал, что встретил этого колдуна Септенгундуса. После чего до конца своих дней Джухад носил с собой глиняные таблички с надписями. Таблички эти содержали слова, которые однажды освободят страдающие души жителей Чамбалора и вместе с ними и сокровища. Джухад защищал таблички от желавших отнять их, говоря, что его учитель Септенгундус, которому он был представлен в юности, сам решит, когда прекратить страдание Чамбалора. Но вот нищий исчез во время песчаной бури, подобной той, что едва не убила тебя, варвар, а глиняные таблички сохранились. Их в течение веков бережно передавали из рук в руки. И я... э... взял их на время, как я уже говорил, у купца, которого случайно встретил в Вишпузине.

Варвар не мог не фыркнуть, выразив этим свое недоверие.

— Старик, это сказка.

Дарит поежилась:

— Ты не прав, варвар. Никто не разграбил этого сокровища как раз потому, что рассказы о нем истинны. Говорят, многие хотели прийти сюда. Одних отпугнули ужасные т'муки. Других... то, что Чамбалор проклят. Кроме этого злобного человека, моего отца, не нашлось никого столь жадного и столь безумного, кто посмел бы...

Зама Хан вскрикнул и ударил девушку, Брэк вскочил на ноги и выхватил меч. Кривой, как полумесяц, кинжал Зама Хана, блеснул в лунном свете.

— Не стоит, — сказал старик. На его обезьяньем лице расплылась улыбка. — Договор есть договор.

— Тогда идем! — проворчал Брэк.

Он был уверен, что старик выжил из ума. Несмотря на то что он и сам встречал Септенгундуса, варвар был убежден, что от легендарного сокровища Чамбалора остались лишь мечты и сказки, передающиеся из поколения в поколение. Но когда Дарит начала плакать, у Брэка появились сомнения.

Брэк положил руку на плечо девушки. Сделав ехидное замечание по поводу заботливости варвара, Зама Хан скрылся в темноте, отправившись присмотреть за верблюдами.

Обнимая дрожащую Дарит, Брэк впервые в жизни почувствовал сильное желание нарушить данное слово. Ему даже захотелось подкрасться к Зама Хану сзади и зарубить его мечом. Удержала его лишь дочь кладонисателя.

Девушка вся дрожала. Она была хрупкой. Брэку не хотелось оставлять ее одну с этим старым сумасшедшим, который уже вернулся к костру, держа в руках какой-то грязный сверток.

Пальцы Зама Хана дрожали, когда он разворачивал его.

— Это таблички Джухада, — произнес он шепотом. Лицо его блестело от пота, нижняя губа дрожала от нетерпения. — Воспользуемся ими. Возьми с собой меч, варвар, и девчонку, если она сможет идти. Или если она хочет, то пусть останется здесь.

— Нет! — громко закричала вдруг Дарит. — Я не останусь здесь одна. Это место проклято.

Три тени скользнули по барханам, и вскоре кладоискатели достигли начала засыпанной песком главной улицы мертвого города.

По обеим сторонам от них возвышались грандиозные колонны, они выделялись черными силуэтами в свете луны и отбрасывали еще более черные тени. В желудке у Брэка сжался комок, его стало тошнить, когда он рассмотрел резьбу на уходящих в небо столбах.

Вокруг каждой колонны спиралью шло рельефное изображение принцев Чамбалора и их женщин. Изображение выглядело таким живым, что Брэку показалось, что на него глядят тысячи полных страдания глаз.

Одежда и предметы, окружающие фигуры, были действительно роскошны, хотя и выглядели очень древними. Но сами фигуры...

Почувствовав сильную тошноту, Брэк отвернулся от рельефа на первой колонне. На нем солдаты в доспехах разбивали головы младенцам.

Убийство, грабеж, пытки — все виды греха были представлены здесь... Невозможно было поверить в существование стольких пороков. Хотя Брэк видел много странных народов, но здесь он встретил то, о чем не мог даже помыслить.

Однако самое сильное отвращение вызвало выражение лиц этих людей. Брэк хорошо видел их в лунном свете. Все лица скривились в страшной муке.

Варвар помнил, что такое выражение лиц было у созданий, копошащихся в коже посланца Зла на земле.

Колдун, варвар и девушка шли все дальше.

— Вон там, — воскликнул наконец Зама Хан и бросился вперед. Брэк уже насчитал с левой стороны пятьдесят пять колонн. Сейчас он видел впереди еще по крайней мере дюжину. — Сокровище под последней колонной слева, — крикнул Зама Хан. — Там находится подземная комната.

Вдруг варвар остановился. Дарит схватила его за руку:

— Ты ничего не слышал, варвар?

— Так, показалось, — ответил Брэк шепотом. Он оглядел черные, посеребренные лунным светом барханы. Не донес ли ветер до них тихое щелканье?..

Нет, это ему показалось.

Когда они подошли к последней колонне слева, Брэк увидел у основания каменного колосса черное отверстие в земле. Перед ним стоял, вцепившись руками в сверток, Зама Хан. Там, где сверток чуть развернулся, блестели серые глиняные таблички. На них были видны черные строки старинных древних знаков, нанесенные палочкой еще тогда, когда глина не затвердела. Брэк вдруг поверил в то, что...

Зама Хан был по-своему безумен. Но ведь рассказы о проклятии Чамбалора могут оказаться правдой... Невозможно!

Брэку стало казаться, что в колоннах с мерзкими изображениями начала пробуждаться, словно ожидая освобождения, таинственная сила?

— Вот трут, — прошептал Зама Хан. — Я высеку искру.

Вскоре старик зажег коптящий факел. Когда кладоискатели начали спускаться по винтовой лестнице, в ноздри им ударил запах разложения и пыли.

Они вошли в широкий, выложенный камнем зал. В дальней стене тускло блеснули огромные серебряные двери, покрытые зеленовато-синей плесенью.

— Правая лишь немного подается, — заметил Зама Хан. — Левая вообще не движется.

— Это нехорошо. — Дарит все тряслась. — Нехорошо входить сюда и будить древнее зло. И слишком опасно. Отец, — она схватила старика за руку, — подумай, почему до нас никто не приходил сюда? Потому что они знали...

— Не мешай! — прикрикнул на нее Зама Хан и ударил ее ладонью. Звук удара получился громким, резким. Дарит упала и заплакала.

Брэк посмотрел на Зама Хана и насупился. Старик облизал губы.

— Уговор, — сказал тихо колдун, сверкнув зелеными глазами. — Мы договорились о том, что ты откроешь дверь.

Брэк повернулся и толкнул плечом правую серебряную дверь. Она громко скрипнула, но почти не поддавалась.

Он уперся в дверь ладонями и стал толкать сильнее. На могучих плечах и руках вздулись и

заиграли мускулы. Ладони его вспотели. Тогда варвару пришлось остановиться и вытереть ладони о повязанную вокруг его бедер львиную шкуру.

Потом он снова стал толкать дверь все сильнее и сильнее. Она отворилась на ширину двух ладоней.

Через щель хлынул зловонный воздух. За спиной варвара судорожно дышал Зама Хан. Брэк толкнул дверь изо всех сил. Мышцы живота его вздулись. Спина напряглась. Три ладони... четыре...

— Еще немного! — закричал Зама Хан, размахивая факелом. — Еще немного — и с договором покончено.

Брэк всем телом толкнул дверь, почувствовал, как она подалась, услышал, как заскрипели петли. Дверь распахнулась внутрь. Одновременно с этим раздался крик Дарит:

— Брэк!

Взмахнув соломенного цвета косой, варвар резко развернулся. Зама Хан воткнул факел в ржавое гнездо на стене. Полумесяц кинжала, сверкая, поднимался все выше и выше.

— Я сдержал свое слово, — проговорил, разбрызгивая слюну и обнажив белые зубы в улыбке, Зама Хан. — Условия договора выполнены, и лишь я пройду сквозь эту дверь к сундуку с...

Взмах меча Брэка оборвал слова Зама Хана. Из перерубленной шеи хлынула кровь.

Но колдун был еще жив. Он еще какое-то время стоял раскачиваясь, и его зеленые глаза постепенно стекленели. Халат Зама Хана пропитался кровью, хлещущей из раны на шее. Но вот колдун разжал руки, выронил кинжал и таблички Джухада.

Глиняные таблички, упав, раскололись.

Как только таблички разбились, раздался гром, и полыхнул белый, как молния, свет. Брэка отшвырнуло к стене. Дарит пронзительно закричала. Яркий свет падал из-за полуоткрытой серебряной двери. Сундук из слоновой кости, прикрепленный к мраморной глыбе, превратился в облако дыма.

В центре сияния выросли зеленые цветы, которые затем осыпались в воздухе и упали зеленым дождем. Трясаясь от страха, Брэк отошел от стены. Основание огромной колонны начало раскачиваться. Подул сильный ветер, казалось, сам воздух потемнел.

Затем вдруг откуда-то донесся хор голосов — тысячи проклятых душ стали рыдать и выть.

— Сейчас все рухнет, — крикнул Брэк, хватая худую руку Дарит и оттаскивая девушку к лестнице, ведущей наверх. — Таблички разбились, заклятие разрушилось. Но, должно быть, разрушилось что-то еще, так как...

С вершины лестницы на Брэка уставились огромные круглые молочно-белые глаза.

Под полупрозрачной поверхностью бесформенного тела т'мука пульсировала бледно-голубая жидкость. Чудовище зацелкало. Два его щупальца беспомощно болтались. Ползучая Тварь начала спускаться по лестнице, направляясь к ранившему ее врагу.

— Дарит, назад! — крикнул варвар. — Спрячься внизу.

— Колонна раскачивается, земля дрожит, — простионала Дарит.

— Вниз! — крикнул Брэк. — Больше некуда...

Ползучая Тварь, лязгая, размахивая щупальцами, перегородила своим мерзким телом весь про-

ход. Она спускалась вниз по винтовой лестнице. Брэк взбежал на полдюжины ступеней вверх и замахнулся мечом. Но его вдруг охватил смертельный ужас.

Только удар по щупальцу, только переруби один из отвратительных червеобразных отростков, и снова хлынет ядовитая жидкость.

А Зама Хан мертв. И лишь Зама Хан умел готовить противоядие.

Брэк замер в нерешительности.

Снова послышалось щелканье. Из древних времен, из забытого мира выполз т'мук. Сейчас он крался по лестнице, и Брэк, дрожа от усталости и отчаяния, вынужден был отступать шаг за шагом.

Если он умрет, Дарит тоже погибнет.

Брэк снова оказался у основания лестницы. Колонны раскачивались. Вой и стоны усиливались. Множество звуков доносилось сверху.

У варвара и девушки остался единственный шанс, и Брэк должен был попытаться им воспользоваться. Свой меч Брэк мог использовать лишь единственным образом.

Он взялся правой ладонью за остро наточенный клинок, сжал руку и до боли прикусил губу, так как лезвие глубоко врезалось в плоть. Но иначе никак не получилось бы.

Затем Брэк отвел назад правую руку и метнул меч наподобие копья, не обращая внимания на то, что клинок ранил ладонь. Меч вошел по самую рукоять в глаз Ползучей Твари.

Пасть чудовища широко открылась. Тонкие волосатые ноги задрожали. Брэк, качаясь, отошел туда, где, сжавшись в комок, сидела Дарит. Он заслонил ее своим потным телом. Из правой ладони варвара текла кровь. Древний т'мук начал

биться, дергаться и наконец сдох, загородив собой выход.

Брэк проговорил неровным голосом:

— Теперь... нам надо перебраться через него. Жидкости из глаза вытекло немного. Мы сможем пройти и не вляпаться....

Но, подойдя к лестнице, они почувствовали вонь, исходящую от чудовища. Дарит закричала и лишилась чувств. Брэк взвалил ее себе на плечо.

Варвар постарался полностью сосредоточиться на своих действиях. Он поставил ногу на отвратительное, поросшее черными волосами тело мертвого чудовища. Хватаясь за волосы на бесформенном теле, Брэк начал карабкаться вверх.

Один раз он поскользнулся.

Он сумел удержаться, хотя нога его повисла на расстоянии толщины пальца от блестящей жидкости, текущей из пробитого глаза.

Медленно, напрягая все мускулы, варвар сумел снова найти опору для ноги. Он полез дальше, оставив меч в глазнице чудовища.

Снаружи бушевала настоящая буря.

Поднялся сильный ветер. В ночном воздухе проносились тучи песка. Брэк попытался идти, но вынужден был пригнуться, чтобы его не сдуло. Что-то подсказывало варвару, что эта буря совсем не похожа на ту, что застала его чуть раньше. Ветер кружил вокруг колонн и поднимался живым столбом к небу. В черных клубящихся облачках корчились, извивались, переворачивались, стонали и стонали люди...

Варвар с Дарит на плече, качаясь, сумел дойти до конца гигантского проспекта, и там от ветра, бьющего ему в лицо, жутких стонов и усталости он без сознания рухнул на землю.

На рассвете, уже перевязав тряпкой руку, Брэк решил вернуться в сокровищницу под колонной, чтобы забрать тело Зама Хана.

Заглянув в комнату за дверью, он не увидел ничего, кроме голых опаленных черных стен, на полу валялись кусочки слоновой кости, и повсюду лежала зеленая изумрудная пыль. Сокровищ больше не существовало.

Брэк вернулся в лагерь и помог Дарит похоронить старика. Поскольку варвар не исповедовал никакой религии, он подумал о Безымянном боге брата Джерома. Брэк соорудил грубый несторинский крест из двух палок и установил его над могилой. Возможно, это хоть как-то поможет душе купца.

Дарит стояла опустив голову. Брэк вытер рот рукой. Он чувствовал себя виноватым.

— Его убил мой меч, — проговорил он. — Мне... мне очень жаль.

— Не имеет значения, — равнодушно проговорила девушка. — Нам надо уходить отсюда.

— Мы поедем на этих животных. — Брэк чувствовал себя виноватым перед девушкой. — Пойми, я должен был убить твоего отца.

— Это не имеет значения, — повторила Дарит. — Он был злым. Жадность привела его туда, куда не заходил ни один здравомыслящий человек, сделала его чужим мне. Он не был мне отцом.

Но несмотря на эти слова, она заплакала.

Брэк обнял ее за плечи:

— Дарит, мне только что пришло в голову, что ведь у таинственных богов необъяснимые пути. Отец твой пришел сюда грабить. Однако разбившиеся таблички освободили тысячи мучившихся душ из тюрьмы, в которую их заключил колдун. Хотя и невольно, но твой отец прекратил их стра-

дания. Так что есть за что его благодарить. Всех людей надо за что-то благодарить так или иначе.

Вокруг жалобно завывал ветер.

— Дарит, я говорю правду. Ты сама можешь убедиться. Смотри. Ты должна посмотреть.

Девушка подняла голову и, вероятно, только сейчас увидела, что гигантские колонны Чамбалора стали гладкими. Украшавшие их барельефы исчезли.

Дарит устало вздохнула:

— Да. Вижу. Он их освободил. Нам надо позаботиться о верблюдах.

Через час Брэк и девушка верхом на верблюдах покинули руины древнего города.

Руна 5

КОВЧЕГ ДУШ



С севера ехал отчаянный варвар,
С севера ехал с мечом в руке,
С севера ехал Брэк, дикий воин,
Далекую землю искал налегке.

Ехал на юг, в Курдистан — теплый город,
Ехал на юг к куполам золотым,
Ехал на юг одинокий варвар,
Ехал, мечтой золотою храним.

Черною болью истерзано сердце,
Черною болью по деве с холмов,
Черною болью томим дикий варвар —
И бродит теперь, словно ветер песков.

Тиресий. Песнь о Брэке

Варвар ехал по извилистому, давным-давно высохшему руслу ручья, уходящему вдаль и теряющемуся у горизонта. Следуя его изгибам, он подъехал к обсидиановой скале, похожей на столб, спешил, решив отдохнуть, и только потом услышал чей-то отчаянный крик, доносившийся из-за скалы...

Брэк сидел на корточках на склоне высохшего русла, пока лошадка его отдыхала. Услышав крик, он вскочил на ноги. Когда варвар услышал этот вопль ужаса и странный звук, который за ним последовал, в животе его сжался комок.

Странный звук походил на громкий шорох, словно грубая мозолистая ладонь какого-то существа терла камень. На этом сходство и ограничивалось. Звук был очень громким. А Брэк был высоким воином.

Снова раздался шорох. Зловещий звук повторился.

Брэк заколебался. Ему не хотелось ввязываться не в свое дело. Снова кто-то застонал. Определенно это был человек. Потом наступила тишина, и снова раздался шорох. Стонал явно один и тот же человек, чей крик только что встревожил Брэка.

Варвар спустился на дно русла и похлопал свою лошадку по вспотевшему крупу.

— Хватит отдыхать. — Он вскочил в седло. — Посмотрим, кто там скребет по камням и кто этого так боится.

Варвар слегка прищипорил лошадь и положил руку на рукоять огромного меча.

Смеркалось.

Страна, по которой уже шесть дней путешествовал Брэк, представляла собой пустыню с нагромождениями блестящих камней. Казалось, что какой-то злой бог кулаками разбил огромную скалу, и та разлетелась на множество осколков, некоторые размером с валун, некоторые с небольшую гору. Но почти все осколки были глянцевочерными. Если не считать промелькнувших вдали боевых колесниц, двигавшихся в противоположную сторону (Брэк ехал на юг), то северянин уже дней шесть не видел никаких следов человека...

Когда он подъехал к тому месту, где высохшее русло делало очередной поворот, по спине у него поползли мурашки. Брэк успокоил лошадку, потянул ее за гриву, чтобы замедлить шаг.

Первый звук — изданный человеком (охваченным болью или ужасом, а может, тем и другим) низкий протяжный крик, нечленораздельный, если не считать сдавленных хрипов, являющихся, вероятно, попыткой позвать на помощь. Затем слышались шорох и скрежет, будто кто-то волочил по камням что-то огромное.

— Наверное, тащат что-то большое, — тихо сказал сам себе Брэк.

Он остановил лошадь у обсидианового столба, вынул меч из ножен. Унылый, рассеянный свет вечерней зари навевал тоску. По южной части неба тянулись огромные чернильного цвета шлейфы дыма, источник которого теперь находился ближе, чем тогда, когда варвар впервые заметил его.

Неужели где-то там идет война? Такое предположение казалось логичным, принимая во внима-

ние грохочущие боевые колесницы, мчащиеся на север.

Брэк не имел никакого понятия о том, кто там может сражаться.

Когда колесницы пронесли мимо Брэка, возница той колесницы, что неслась впереди остальных, истошно кричал:

— Рогатая Дева, защити меня! Рогатая Дева, возьми мою душу и отнеси ее за Темную Завесу в рай. Подари мне вечную жизнь в раю! Пусть моя душа найдет в твоём объятии вечный мир, успокоение и утешение, о Рогатая Дева...

Колесница исчезла за дюнами.

Ударив босыми пятками в бока лошадки, Брэк поскакал вперед. Теперь же возница выкрикивал слова молитвы, как человек, которому недолго осталось жить.

— Рогатая Дева, благослови меня и прими в свои объятия. — В голосе его слышался ужас.

Брэк выскочил из-за скалы. В том месте, где русло становилось шире, между светом и тенью пролегла четкая граница... Соскочив с лошади, Брэк окинул открывшуюся ему сцену одним взглядом и сразу понял, что здесь произошло.

Бронзовая колесница с огромными колесами перевернулась и выбросила седока. Из загибающей наружу верхней кромки колесницы на расстоянии примерно в три пальца друг от друга торчали блестящие ножи. Возницу пропороли два из этих тонких кинжалов, которые должны были помешать нападающим запрыгнуть в колесницу.

На передней ее части находилось бронзовое изображение богини, красивой женщины выше пояса без одежды и украшений, если не считать тонкого кинжала, висящего между грудей на це-

почке. На ее бронзовом лбу росли закрученные винтом рожки. В одной поднятой руке она держала сноп колосьев. В другой руке была раздвоенная небесная молния.

Рогатая Дева. Образ воинственной богини освещал красный свет вечерней зари. Бронзовые глаза дерзко глядели на Брэка и, казалось, бросали ему вызов.

Все эти подробности варвар разглядел в несколько мгновений. Вдруг он снова услышал шорох и скрежет, но на этот раз звук был таким громким, что причинял боль.

Брэк обернулся. На верхней части склона он увидел то, что издавало этот звук, и едва не вскрикнул. Там ползала тварь, длиной в шесть раз превышавшая рост Брэка, похожая на гигантского слизняка. Наверху в обсидиановой скале зиял черный вход в нору. Должно быть, оттуда и вылезло это чудовище.

По всей длине его цилиндрического тела торчали короткие белые рыхлые отростки — жалкое подобие ног. Передвигался этот слизняк ползком, огибая валуны. Он полз к умирающему вознице. Защищала его тело не кожа, а блестящие, как у ящерицы, пластины, будто сделанные из серого металла. Пластины соединялись между собой влажной розовой мембраной. Они скрежетали, когда терлись о камни.

Чудовище ползло к жертве, лежащей под колесницей, и пластины брони на червеобразном теле терлись о камни и крошили их в пыль.

Броня, крошащая обсидиан? Это не укладывалось у Брэка в голове.

В передней части червя светились два переливающихся разными цветами круглых глаза размером в два раза больше головы Брэка. Тварь уже

почти спустилась на дно сухого русла, но половина тела чудовища еще не перевалила верхний край склона. Вдруг в нижней части головы твари открылась щель.

Брэк напряженно ждал, присев и сжав в руке меч. В его висках пульсировала кровь. Все попытки выдать себя за цивилизованного человека были забыты, лицо варвара превратилось в ужасную маску. Отсветы заката блестели на клинке. Брэк был варваром — сильным, мускулистым воином, выносливым, как те звери, за которыми он охотился в северных степях, подаривших ему жизнь.

Возница продолжал в бреду бубнить свою молитву. Из похожего на прорезь рта чудовища медленно, очень медленно начал выдвигаться влажный, отвратительный, ядовито-красный язык. На поверхности длинного языка раскачивались крохотные присоски.

Тварь волной подтянула заднюю часть тела и снова стала вытягивать переднюю, перетекая через небольшой валун. Послышались скрип и скрежет крошащегося камня. Валун раскололся.

Длинный язык чудовища вытягивался все дальше и дальше. Он тянулся по дну русла ручья, словно обладал собственной жизнью. Затем тварь почувствовала присутствие Брэка, язык резко повернул в его сторону.

Мерзкие присоски стали раскачиваться еще сильнее. Язык, однако, тут же снова потянулся в сторону возницы.

Возница приподнялся на руках. Он наблюдал за этой сценой безумными от ужаса глазами. Ниже пояса тело его закрывала колесница. Он закричал, когда язык вновь направился к нему. А за языком следовало тело, защищенное крошащей камни броней.

Свободной рукой Брэк схватил небольшой, гладко окатанный камень, с силой размахнувшись, швырнул его. Глаз у северянина был верный. Камень ударил в невероятно длинный язык.

Из раздавленных присосок брызнула мерзкая жидкость. Тварь аж подпрыгнула, разбив на куски два гигантских валуна. Острые обломки посыпались на светловолосого варвара.

Переливающиеся глаза твари повернулись в сторону Брэка. Вокруг колесницы воздух был наполнен запахом крови, и Брэк заподозрил, что чудовище каким-то образом чувствует этот запах. Тварь снова нацелила свой язык на придавленного возницу.

Брэк понял, что он должен делать, помчался вперед, длинными прыжками, крича:

— Прикрой голову! Спрячь лицо и молись о том, чтобы в тебя снова не впились железные зубы!

Брэк добежал до колесницы. Он надеялся, что колесница, если ее столкнуть с места, сама докатится куда ему нужно. Обегая вокруг колеса, Брэк задел его, отчего оно начало вращаться, потом варвар уперся плечом в днище колесницы и с силой толкнул.

От усилия из горла варвара вырвался стон.

Бронзовая колесница оказалась очень тяжелой. Еще хуже было то, что возница снова начал хрипеть, не желая оказаться раздавленным или, что более вероятно, от страха перед языком, усаженным присосками, который был уже где-то рядом и готов был... к чему?

Брэк напрягся и толкнул колесницу изо всех сил. Начала болеть спина. Левая нога поскользнулась. Когда варвар попытался удержать равно-

весие, он порезал стопу до крови об острый осколок камня.

Колесница качнулась.

Он должен ее сдвинуть, должен перевернуть ее. Виски сдавило от боли, а Брэк толкал все сильнее и сильнее.

Грохот, такой громкий, что, казалось, звук вытеснил все остальные звуки вселенной, зловеющий скрежет сообщил о том, что бронированный слизняк почти добрался до своей жертвы.

Брэк напрягся изо всех сил, пытаясь перевернуть колесницу. В голове его громко стучало. Вдруг колесница резко качнулась, но с места не сдвинулась.

Возница заорал, Брэк никогда не слышал, чтобы люди так кричали. Варвар понял, что присоски чудовища коснулись тела возницы. Яростно взревев, Брэк всем телом ударил в колесницу и сам едва не потерял сознание от такого удара. Но в этот раз ему удалось задуманное.

Колесница задержалась на мгновение, еще сохраняя равновесие. Затем опрокинулась.

Брэк отпрыгнул. Возница скорчился, когда один из ножей, укрепленных по верхнему краю колесницы, полоснул его по бедру. Вот колесница с грохотом покатила вниз по склону...

...И ряд ужасных ножей вонзился в язык с присосками, припилив его к дну сухого русла.

Бронированный хвост чудовища начал хлестать во все стороны и крошить попадающие под него камни. Один довольно большой осколок попал Брэку в лоб, когда варвар ухватился рукой за колесо. Он запрыгнул на опасно раскачивающуюся повозку.

Чудовище попыталось выдернуть свой пронзенный язык, и от этой попытки колесница сильно

качнулась. Брэк уцепился босыми ногами за обод и нагнулся вперед. Он свесился, держась левой рукой за колесо, потянулся и вогнал меч в переливающийся правый глаз твари.

Словно обезумев, он снова и снова рубил глаза чудовища, нанося удар за ударом, пока оба глаза не превратились в две лужи кровавой грязи. Затем отступил и спрыгнул с колесницы.

Чудовище дернулось последний раз. Эта предсмертная судорога, казалось, встряхнула основание земли. Затем, когда поднятая пыль осела, тварь замерла без движения.

Тяжело дыша, Брэк поднялся. Он обтер песком меч и вложил его в ножны. Качаясь, варвар подошел туда, где лежал возница. Солнце зашло. Брэка и возницу окутала тьма.

Варвар опустился на колени рядом с умирающим.

Возница проговорил:

— Теперь меня... опозоренного... не примет Рогатая Дева.

— Ты все равно не мог драться с чудовищем, — сказал Брэк. — Тебя ранили ножи.

— Рогатая Дева... требует... достойной смерти. По крайней мере тогда, когда колесница... опрокинулась... я преследовал врагов.

— Была битва, — вздохнул Брэк. — В воздухе висит дым.

— Да, битва. — Возница с трудом дышал сквозь стиснутые от боли зубы. — Мы... народ Рогатой Девы... дети Фриксоса, у Сверкающей реки... мы обратили в бегство армию волосатых людей из Гата. Мы сражались там...

Пошевелив рукой в перчатке, он указал на юг, а потом, задышав, продолжал:

— Люди Гата нам с давних пор угрожали. Фриксос — это... узкая полоса плодородной зем-

ли... по обеим сторонам Сверкающей реки. Мы защищали свою землю. Людей Гата было в десять раз больше, но мы обратили их в бегство... Однако это дорого нам обошлось. Многим из нас... дорого обошлось.

Возница вдруг начал кашлять. Брэк прикусил губу.

— Есть ли в вашей армии врачи? — спросил варвар.

— Они ушли, — услышал он в ответ. — Вернулись в города у Сверкающей реки. Меня послали преследовать бегущего врага... Колесница перевернулась... и ножи собственной колесницы смертельно ранили меня. В пыли, в шуме... мои товарищи не заметили случившегося... и поехали дальше. Собственные ножи! — Он сильно закашлялся. — Злая шутка, правда? Врач тут не поможет. Но ты помог мне, незнакомец. Умереть, когда ты не в силах вступить в бой с мерзкой тварью... это позорно. Скальные черви живут в этих местах с незапамятных времен. Но умереть без боя... Рогатая Дева все узнает. Она может не пожелать унести меня вниз по Сверкающей реке и дальше, сквозь Темную Завесу в рай. Прошу тебя... — Его ослабший голос вдруг зазвучал громче. — Я не могу обнажить свой меч. У меня нет сил. Помогите мне.

— Так, чтобы увидела богиня? — спросил Брэк.

Воин едва заметно кивнул. В темноте Брэк чувствовал запах крови, и теплая кровь осталась на пальцах, когда он вынул из ножен возницы небольшой меч и вложил его в уже остывающую руку.

Брэка угнетала мысль о том, что он ничем не может помочь этому человеку.

— Что еще я могу сделать? Я не могу оставить тебя здесь умирать.

— Помочь уже нельзя, — тихо ответил воин. — Но это и неважно, так как теперь... Рогатая Дева узнает... Жаль, что не могу ничем отплатить тебе. Интонации твоей речи мне незнакомы. Ты чужеземец?

— Да. Имя мое Брэк.

— Если судить по виду, ты варвар, хотя лицо твое скрыто в тени.

— Я проделал долгий путь. Родился я на северных равнинах.

— Пусть Рогатая Дева хранит тебя в пути.

Возница забился в агонии. Брэк поднялся на ноги. После битвы с чудовищем все тело варвара болело. Он грустно покачал головой. Воин в блестящих доспехах умирал, и Брэк помочь ему не мог.

Варвар постоял некоторое время, глядя на воина. В это мгновение последний лучик вечерней зари, пробившийся между скал, осветил черты лица варвара.

Умиравший застонал.

— Что случилось? — спросил Брэк, перепугавшись. — На тебе лежит какое-нибудь черное заклятие?

— Не переходи Сверкающей реки, — прохрипел умирающий. — Варвар, не переходи! Я только сейчас увидел твое лицо. Возвращайся на север. Возвращайся.

«Может, умирающий воин сошел с ума?» — Брови Брэка сошлись у переносицы.

— Не понимаю, что ты хочешь сказать. Я должен ехать на юг.

— На юге лежит Фриксос, там Сверкающая река! — проговорил, задыхаясь, возница. — Поворачивай назад! Возвращайся!

— Объясни почему.

— На лице твоём знак. На лице твоём знак...

Возница захрипел и напрягся. Его ноги дернулись, и он замер...

Брэк покачал головой и пошел искать свою лошадь. Он не понял безумных слов воина. Кроме того, как он может вернуться? Ведь он отправился на поиски своей судьбы в теплый Курдистан, лежащий на юге.

Несколько недель назад Брэк с девушкой Дарит оставили развалины Чамбалора. Их путешествие по пустыне заняло много дней. Наконец они добрались до города, лежащего южнее огромной пустыни, но севернее страны, по которой ныне путешествовал варвар. В этом городе Брэк попрощался с Дарит, передав девушку на попечение ее дальнему родственнику, удачливому торговцу шкурами и кожей.

В том же городе Брэк спросил дорогу у старого гадателя, сидящего на городском базаре. Иссохшийся старик нарисовал концом своей клюки на песке карту, начертил длинную извилистую линию и объяснил, что это река, на которой лежит Фриксос, и что Брэк должен перейти ее, если путь его лежит на юг, в золотой Курдистан. Ходили слухи о жестоких народах, обитающих в тех краях. Старый гадатель сказал, что в тех землях Брэк легко может погибнуть от меча или колдовства, если его собственный клинок не окажется достаточно быстрым.

Значит, нужно переправиться через реку. Называлась она Сверкающая...

Брэк снова залез в седло. Слова возницы наверняка были предсмертным бредом.

Варвар прищипорил лошадь и поскакал по сухому руслу. Брэку хотелось скорее уехать подаль-

ше от мертвого червя и от мертвого воина, который увидел лицо Брэка в красном свете зари и пришел в ужас.

Знак на лице? Какой знак?

Неважно. Брэк понимал, что должен перейти реку. В этом нет ничего опасного.

Однако пока он ехал по зловеще черной земле под уже разгорающимися звездами. Дым, поднимавшийся из-за горизонта на юге, становился все гуще. И все острее чувствовал Брэк надвигающуюся опасность.

Весь следующий день после встречи с возницей он ехал по опаленной равнине, где армия царства Фриксос обратила в бегство волосатых людей Гата.

Брэк достиг края поля смерти на рассвете. Границу его отмечали груды трупов приземистых кривоногих людей в кожаных доспехах. Тела этих людей густо покрывала шерсть, массивная нижняя челюсть выдавалась вперед. Даже после смерти маленькие глазки этих созданий казались злобно прищуренными.

Первую кучу трупов Брэк заметил, когда лошадь выехала из-за одной из множества скал, тут и там возвышавшихся на равнине. По мере продвижения вперед он встречал все меньше и меньше мертвых. Брэк выехал из обсидиановой пустыни, и теперь местность стала понижаться, словно Брэк спускался к реке.

Размеры поля брани определить было трудно. Во время боя сожгли множество обозных телег и шелковых шатров. От их все еще дымящихся останков и шел дым, который издали заметил варвар. Когда же Брэк проезжал между горами тру-

пов, дым сделался таким густым и едким, что почти ничего не было видно. Лошадь стала часто спотыкаться.

В полдень солнце показалось северянину лишь бледным серебристым диском, свет его еле-еле пробивался сквозь мрак. Повсюду лежали людские тела, целые или расчлененные, их кровь смешивалась с более густой и темной кровью лошадей, зарубленных сотнями. Брэк видел обломки боевых машин и всевозможные детали снаряжения, оставшиеся после гигантской битвы.

Земля под копытами его лошади стала мягкой. Многие тела оказались частично засыпаны илом. Было видно, что армия Гата потерпела жестокое поражение, так как число убитых волосатых людей намного превышало число погибших воинов в металлических доспехах с изображением Рогатой Девы.

Но Фриксосу победа далась нелегко.

Весь день пробираясь в дыму, Брэк время от времени слышал стоны раненых. Дважды он останавливал лошадь, дважды пытался отыскать место, откуда доносился стон. Но ему мешала полутьма, клубящийся дым и колышущиеся на ветру порванные шелковые знамена. Поэтому ни в первый, ни во второй раз он так и не смог отыскать стонавшего раненого.

Трижды Брэк замечал группы людей, бродивших, будто привидения, по полю битвы. Эти люди несли в руках длинные свечи, которые жутко мерцали среди клубов дыма. Люди перекликались друг с другом. Отряд из Фриксоса, оставленный похоронить убитых? Но Брэк избегал встречи с этими людьми и неподвижно сидел в седле, пока бродившие по полю боя не уходили за пределы слышимости.

Чем дальше ехал варвар, тем меньше нравилось ему это путешествие. Он чувствовал себя мароде-ром вроде ужасных птиц с белыми клювами, которые кружили среди дыма, пронзительно крича, и время от времени садились выклевывать у трупа глаз или оторвать кусок мяса. Но несмотря на отвращение, Брэк трезво оценивал ситуацию, в какой находился.

За время путешествия в Курдистан кошелек его бывал то полон, то пуст. В данный момент в его небольшом кошельке, привязанном ремешком к львиной шкуре, обернутой вокруг пояса, не было ни единого диншаса. Брэка деньги не интересовали, но иногда они все же были необходимы.

И поэтому Брэк внимательно смотрел по сторонам. Он решил временно отбросить предрас-судки и, если, конечно, подвернется случай, поживиться, забрав у мертвых какое-нибудь украшение или какой-нибудь предмет вооружения, чтобы потом в обмен на него получить пищу и ночлег.

Но брать у мертвых было нечего. Солнце за-шло. Варвар увидел за обгоревшей телегой укра-шенную драгоценными камнями саблю. Но когда Брэк слез с лошади и подошел ближе, то обнару-жил, что замеченный им клинок торчит из спины солдата армии Фриксоса.

Брэк понимал, что, с точки зрения практично-го человека, его можно было бы назвать дураком. Однако он не посмел грубо нарушить покой мерт-вого. Так что он поехал дальше с пустыми ру-ками.

Небо потемнело. Подул легкий ветерок, и пла-мя тысяч догорающих костров заколыхалось, от-брасывая скачущие тени. Брэк уже едва мог пере-

носить запах гари. Он надеялся, что ветер немного очистит воздух.

По мере того как темнело, ехать вперед стано-вилось все труднее.

Вскоре Брэк понял, что необходимо остано-виться на ночь. Сверкающая река оказалась много дальше, чем он предполагал.

Наконец он расположился на склоне холма, наткнувшись на остатки большого шелкового шат-ра. Колья, поддерживающие шатер, повалились. Сам шелк уже наполовину был засыпан летящим по воздуху пеплом. Брэк слез с лошади. Свет уже почти померк. Это было хорошо, так как в темноте не видно гор трупов.

Брэк воспользовался несколькими переломан-ными пополам кольями для того, чтобы соорудить себе небольшое укрытие из кусков красного и зо-лотого шелка. Работая, Брэк заметил на земле знаки того, что здесь уже побывали мародеры. Свежие следы телеги говорили о том, что здесь погиб какой-то важный вельможа. Земля вокруг была тщательно перекопана.

Брэк при помощи меча отломал несколько спиц от колеса разбитой телеги. Он сложил спицы в небольшое углубление в земле, высек искру и дул до тех пор, пока не разгорелся небольшой костер. Сев на корточки рядом с пламенем, вар-вар стал жевать кусок жесткого мяса, лежавшего у него в сумке. Затем, положив руку на рукоять меча и накрывшись еще одним куском красного шелка, Брэк перекатился на бок и попытался уснуть.

Вначале он не понял, снится ему это или нет.

На покрытой туманом равнине сошлись две ги-гантские армии. Воины кричали. Варвар слышал

мучительные стоны, погребальный плач десятков тысяч голосов. Брэк проснулся и сел.

Темнота вокруг сгустилась. Перед глазами варвара плясали горящие точки. Через некоторое время он распознал в них догорающие угли разведенного им же костра. Брэк сбросил красный шелк, быстро поднялся на ноги и прислушался.

Где-то, по другую сторону сооруженной им шелковой ширмы, что-то шевелилось, шуршало, ползая по земле. Ладонь Брэка, державшая меч, похолодела.

Небо, пока он спал, прояснилось. Было видно несколько ярких звезд, и лишь иногда по небу проплывали клочки облачков дыма. Размытый сероватый свет на востоке говорил о приближении восхода.

Ветер в этот жуткий час стал холодным. Случайные его порывы трепали шелк временного укрытия Брэка. «Ветер достаточно сильный, — заметил Брэк. — Он занесет пеплом следы мародеров».

Вдруг до него донесся голос:

— Ты где-то совсем рядом, любимый. Я изда- лека пришла за тобой. Я чувствую, твоя душа так близко, что я могу коснуться ее.

Женский голос!

Несомненно, звучный скорбный голос, с несколько странными интонациями. Но почему-то он показался Брэку не совсем реальным. Варвар замер недоумевая. В пустом животе его сжался холодный ком.

Что-то в этом голосе было неестественно.

Очень медленно и осторожно варвар, присев, сдвинулся влево. Он выглянул из своего укрытия, решив узнать, кто же прячется в темноте.

Голос становился то тише, то громче. Варвару даже стало казаться, что он слышит плач и разбирает слова: «... они мчались по полю скорби и вернулись, чтобы сказать, что звери из Гата хорошо поработали. Мне нечего с собой взять за Темную Завесу. Мне очень страшно здесь, но я должна найти тебя, любимый. Я потерплю, так как мне надо тебя найти... Иначе река будет темна, а рай пуст... Я знаю, что священники не правы, я знаю, что тебя можно отыскать. Я почти нашла... Я чувствую твою душу, ее тепло».

Голос звучал так явственно, что Брэк уже приготовился увидеть женщину. Для этого ему надо было сделать всего один шаг влево. Он осторожно перенес вес с ноги на ногу.

И тут левая нога наткнулась на что-то твердое. Поглядев вниз, Брэк различил в темноте какой-то тусклый блеск. Налетел ветер. Ни о чем не думая, варвар протянул руку к блестящему предмету. Пальцы его ухватили загнутую закругленную кромку чего-то очень тяжелого.

Брэк потянул на себя. Из-под нанесенного ветром пепла показался огромный щит.

В тот момент, когда Брэк поднял щит, налетел новый порыв ветра. Один из кольев наспех сделанного укрытия повалился. Куски шелка один за другими упали.

Брэк стоял, пропустив левое предплечье в ремни на внутренней стороне щита, когда упал последний кусок шелка. И тогда он увидел ее...

У Брэка внезапно закололо в висках. Он был уверен, что сошел с ума.

Женщина, искавшая что-то ночью на равнине, оказалась стройной, величественной, красивой и относительно молодой. Локоны ее черных во-

лос достигали талии. Но они плавали в воздухе за ее спиной, будто женщина находилась под водой.

Звезды уже побледнели. Рассвет был совсем близок. Но света хватило для того, чтобы Брэк увидел, что широко разведенные руки женщины мягкие и белые. Ее одежда также казалась белой, если не считать пятна на груди. Брэк похолодел, когда разглядел на груди ее черное пятно запекшейся крови, запекшейся давно. Но пятно было таким большим, что рана явно была смертельной.

Каким-то необъяснимым образом Брэк понял, что эта молодая женщина принадлежит царскому роду. Она и вела себя соответствующим образом. Но в том месте, где из-под подола должны были виднеться кончики туфель, был лишь черный размытый туман.

Сквозь ее лицо, ее тело, сквозь уставившиеся на него черные глаза Брэк видел небо и звезды.

Варвар инстинктивно поднял меч. До него долетел тихий вздох:

— Они плохо искали. Я нашла тебя. Лицо у тебя странное, но это ты. Ты держишь большой щит...

Призрак женщины поплыл к Брэку.

— Скорее, любимый! Дай мне руку. Притронься ко мне. И тогда мы вместе уйдем отсюда.

Женщина-призрак грустно улыбалась и подплывала все ближе и ближе. Все ближе и ближе.

Варвар чувствовал себя беспомощным. Как он может драться с привидением? Однако он чувствовал, что, как только эти призрачные пальцы коснутся его тела, он станет таким же, как и эта женщина... Мертвым.

— Любимый? Любимый, иди коснись меня. Гроб, стоящий рядом с моим, не будет больше пустым.

Пальцы вытянутой руки призрака уже почти касались плеча Брэка.

Брэк сглотнул. Он зажмурил глаза и покачал головой. Неожиданно подул прохладный ветерок. Призрак застонал...

Брэк открыл глаза. Он стоял на вершине холмика один, а кучи смердящих трупов освещало взошедшее на востоке розовое солнце.

Кто эта женщина? Почему он был ей нужен? Из-за щита? Варвар медленно повертел щит в руках.

И тут он с удивлением заметил, что щит вовсе и не бронзовый. Брэк потрогал богатое украшение. Золото! Чистое золото со странным чеканным узором. В середине щита находилось сверкающее рельефное изображение Рогатой Девы. Брэк видел разное оружие, валяющееся на поле боя, но ничего подобного этому щиту он не встречал.

Кому тот принадлежал? Царю? Брэку захотелось вышвырнуть этот щит. Но затем он вспомнил о своем пустом кошельке.

Возможно, этот щит является священной реликвией. Вероятно, в каком-нибудь городе Фрик-соса за него можно получить ночлег и набить сумку едой. Постепенно свет все выше поднимающегося солнца помог Брэку избавиться от страха после встречи с бесплотной, мертвой и все же живой красавицей.

На земле, покрытой мягкой пылью пепла, не осталось никаких отпечатков, которые остались бы, если бы женщина была материальной.

Брэк задумался. Случившееся начинало приобретать какой-то другой, зловещий оттенок. Одна-

ко он принял случившееся как неизбежное. У него не было выбора, кроме как идти дальше и пересечь Сверкающую реку, поскольку цель его путешествия лежала в том направлении.

Затоптав последние угольки костра, Брэк сел в седло. Варвар одел лямку щита на левое плечо так, чтобы тот висел на спине, поехал дальше и вскоре, покинув поле битвы, оказался в роще.

Хотя было уже утро, среди деревьев еще царил полумрак. С жутким криком пролетела птица с красными глазами. Брэк прикусил губу. Он попытался вспомнить, что говорила ему женщина-призрак. Что-то о том, что лицо у него странное.

Странное... Он вдруг вспомнил, как возница говорил о каком-то знаке.

Благоразумие подсказывало Брэку, что стоит выкинуть щит. Но варвар был голоден, и ему очень хотелось продолжить путешествие на юг, так что он отправился дальше и вскоре выехал из рощи.

Он проехал по хорошо наезженной дороге мимо грубых хижин, стоящих среди плодородных полей. Вдалеке по правую руку от дороги заблестели шпили города. Однако варвара больше интересовало то, что лежало прямо перед ним.

На горизонте, едва различимая, сверкала на солнце серебряная полоска реки.

Брэк поехал дальше, но до реки оказалось не так уж близко. Ему пришлось ехать весь день, прежде чем он выехал на берег...

Огромная лента воды свинцового цвета выходила из-за линии горизонта слева и терялась за горизонтом справа, вокруг протянулась возделанная земля. Долина круто спускалась к реке.

У берега реки прямо перед собой Брэк увидел убогий покосившийся трактир и рядом с ним полуразвалившийся причал. У причала стояла, кача-

ясь на волнах Сверкающей реки, пустая лодка перевозчика.

На этой лодке Брэк и решил убраться из этого непонятного, околдованного царства.

Забросив большой золотой щит за спину, варвар поспешил к трактиру на берегу. И вдруг он резко остановил лошадь.

На полдороге между ним и трактиром наезженную грунтовую колею пересекала другая широкая дорога. Она была сложена из массивных, точно подогнанных друг к другу синеватых глыб и шла вдоль берега реки. Без сомнения, эта дорога вела в город, башни которого туманно проступали вдали.

На мощеной дороге слева показался отряд — полудюжина всадников, которые скакали в сторону Брэка.

Варвар осторожно сжал коленями круп своей лошади. Он и всадники должны были достигнуть перекрестка примерно в одно и то же время. В животе Брэка сжался ком.

Это, без сомнения, были солдаты. Однако их одежда выглядела необычно: за спиной каждого воина висела желтая с черными полосами накидка, напоминавшая Брэку шкуры тигров, которые он не раз видел на базарах разных городов.

Зловещие тигровые шкуры развевались на ветру за спинами всадников. Мечи воинов позвякивали. Отряд, скакавший в сумерках на черных лоснящихся лошадях, выглядел впечатляюще. То, что лошади и темная одежда всадников были одного цвета, сказало Брэку, что он, вероятно, видит перед собой свиту какого-то представителя местной знати.

Хотя Брэк и не стал избегать встречи с этими людьми, он прекрасно понимал, что поскольку он чужеземец, то ему не очень-то выгодно привлекать к себе внимание. Так что он немного замедлил шаг своей лошади. Он собирался дать всадникам первыми пересечь перекресток.

Всадники скакали быстрым галопом. Копыта черных лошадей высекали зеленые искры на огромных камнях дороги.

Брэк, то и дело поглядывая на переправу, медленно ехал вперед.

Он хотел добраться до причала и переправиться через Сверкающую реку. Столкновений лучше избегать.

Однако что-то внутри Брэка запротестовало, когда он поглядел на отряд, лихо несущийся по дороге. Брэка и самого начала раздражать собственная необъяснимая злость. Хотя он и варвар, но его приключения научили его тому, что в некоторых ситуациях стоит вначале немного подумать и лишь потом действовать.

Так что Брэк решил слиться с тенями. Но варвару не повезло. Один из воинов посмотрел в его сторону и тут же натянул поводья. Его черная лошадь застыла на месте как вкопанная.

Всадник вытянул руку в перчатке, указывая на Брэка.

Его спутники тоже остановились. Один из них ростом был выше, чем остальные. Лицо его было бледным и очень худым. Он приложил ко рту руку и крикнул:

— Чужестранец! Подъедь-ка поближе. Мы хотим поговорить с тобой.

Брэк заколебался. Рука его опустилась к рукояти меча. Ему очень мешал висящий за спиной тяжелый щит. Он замер, решая, как ему по-

ступить. Воины принялись оживленно беседовать, привстав в седлах и вытягивая шеи так, чтобы разглядеть Брэка получше, так как стало уже почти совсем темно.

— Это какой-то презренный бродяга, командир, — услышал Брэк голос одного из воинов. — Да и видно плохо.

— Нет, я очень хорошо разглядел его лицо, — ответил тот, который первым увидел Брэка. Он выхватил узкий блестящий меч. — Хотя сходство и не абсолютное. Однако достаточно близкое для того, чтобы... — Солдат заметил, что Брэк не собирается ехать ему навстречу. — Эй, ты! Ты слышал? Подъедь к нам сейчас же!

Другой воин толкнул локтем своего командира:

— Что это у него за спиной?

Брэк осторожно вынул меч. Он ждал, сидя на лошади.

— За спиной?

Командир приподнялся в седле и тут же сел снова, содрогнувшись всем телом. Вид у него был перепуганный. Брэк догадался, что воин разглядел рисунок на щите. Лошадь Брэка отошла в сторону и развернулась вполоборота. Теперь с мощной дороги можно было смутно различить золотое украшение щита.

— Рогатая Дева, защити нас! — проговорил дрожащим голосом командир. — Это, наверное, просто мародер. У него боевой щит Никора.

Эти слова вызвали панику среди всадников, которые начали перешептываться и делать знаки, защищающие от сглаза.

— Если это так, хотя я и не могу ясно разглядеть этот проклятый щит, то мы должны отрубить святотатцу руку и забрать щит.

Старый воин выхватил меч:

— Стой!

Но даже после команды воин не придержал свою лошадь. Тогда командир ударил плоской стороной меча по предплечью не послушавшего его воина так, что тот вскрикнул.

— Я сказал, стой! — крикнул командир и схватил за узду лошадь слишком рьяного воина. Он дернул за узду так сильно, что всадник едва не вывалился из седла. — Я не притронусь к этому щиту, и ты тоже этого не сделаешь. — Потом командир закричал, обращаясь к Брэку: — Чужестранец! Вложи меч в ножны. Подъедь к нам. Мы не причиним тебе вреда.

Вполне естественно, Брэк не поверил обещанию. Он положил меч на колени и медленно подъехал поближе. Если он не отделается от этих всадников, то может случиться драка, погоня или что-нибудь похуже. Так что самым разумным было не нарываться.

Подъезжая к перекрестку, Брэк обратил внимание на то, с каким ужасом взирали все на большой щит, висящий у него за спиной. Всадники уважительно расступились. Все вложили мечи в ножны.

Копыта лошади Брэка громко застучали по синеватому камню дороги. Всадники пристально разглядывали варвара. Они оглядели его могучую фигуру, его косу цвета выгоревшей соломы, львиную шкуру, повязанную вокруг пояса.

— Я был прав, назвав тебя чужестранцем, — сказал командир. — Ты явился издалека.

Брэк все еще держался настороже, но не так напряженно, как несколько мгновений до того.

— Да, и я всего лишь хочу без всяких неприятностей поехать дальше.

— Куда ты держишь путь?

— На юг, в Курдистан.

Послышался шепот.

— Это далеко, — сказал командир всадников. Он помолчал. Затем осторожно спросил: — Где ты достал этот щит?

— Я проезжал по полю битвы, — ответил Брэк. — Я нашел его, значит, это моя добыча. Если он принадлежит какому-нибудь важному в вашей земле человеку, я готов обменять его на несколько монет.

Командир усмехнулся:

— Для варвара у тебя неплохие деловые качества.

— Кому принадлежит щит? — прямо спросил Брэк. — Человеку, убитому в бою?

Уголки рта командира напряглись.

— Это не имеет значения. Присмотревшись, я убедился, что это совсем не тот щит.

Брэк понимал, что ему солгали. Ответ прозвучал слишком быстро и показался слишком равнодушным. Взгляд маленьких черных глазок командира бегал по лицу Брэка. Командир взмахнул черной перчаткой:

— Да, мы ошиблись.

Его строгий взгляд остановил остальных воинов. Командир отъехал, почтительно, но со скрытой угрозой, которую заметил Брэк.

— Ты можешь ехать дальше, чужестранец. Прошу прощения за то, что побеспокоил тебя. Как сказал один из моих людей, сейчас слишком темно. Пусть боги дадут тебе попутный ветер.

Натянуто, неискренне улыбнувшись, командир поскакал дальше. Теперь Брэк мог свободно пересечь мощеную дорогу.

Варвар не колебался. Он чмокнул губами, и лошадка его пошла дальше.

Снова оказавшись на наезженной колее, Брэк погнал лошадь как можно быстрее вниз по склону. У причала рядом с трактиром возились несколько человек. Зажегся фонарь и осветил грязь во дворе. Брэк отъехал некоторое расстояние, затем заставил лошадь замедлить шаг и оглянулся.

На дороге, зловеще выделяясь черными силуэтами на фоне красного горизонта, стояли воины и наблюдали за ним. Брэк понял, что последние слова командира, обращенные к нему, были неискренними. И еще он понял, что на своей спине несет боевой щит, принадлежащий какому-то важному человеку. Чем скорее он избавится от щита и переправится через реку, тем лучше.

Ветер шевелил соломенную косу Брэка, когда он стоял и смотрел на всадников. Послышалась резкая команда. Отряд в тигровых плащах, высекая искры, поскакал прочь.

Брэк наблюдал за всадниками, пока они не скрылись из виду. Затем он отвернулся и направился к причалу. Вдруг он вскрикнул от отчаяния и ткнул лошадь пятками в бока.

— Перевозчик! Подожди! Эй! Послушай...

Но было уже поздно.

Пока Брэк глядел на дорогу, люди, что вышли из трактира, уселись в ветхую лодку, и теперь перевозчик уже толкал ее шестом, направляя в сторону огней, горевших на другом берегу. Наверное, это были огни какой-то деревни.

Лошадь Брэка с топотом ворвалась во двор трактира. Там жирный человек в грязной, засаленной одежде, с огромной рыжей бородой, в испачканном кожаном фартуке, держа в руке лампу, собирался войти в дом. Брэк соскочил с лошади:

— Хозяин, верни лодку, я хочу переправиться на ту сторону.

Бородатый мужчина поднял фонарь:

— Это невозможно, незнакомец. В темноте нельзя плыть через реку. На рассвете перевозчик вернется.

Свет от фонаря упал на лицо Брэка. Желтые блики вспыхнули на загнутой кромке перекинутого за спину щита. Лицо хозяина позеленело.

— Где ты взял?.. — начал было он. Затем без всякого предупреждения он сделал какой-то таинственный знак рукой. — У нас нет места. Трактир переполнен постояльцами. Тебе придется поехать дальше.

Хозяин повернулся к двери своего полуразвалившегося и явно пустого трактира:

К этому времени Брэк по-настоящему разозлился. Он подскочил к хозяину трактира, схватил его за плечо, развернул к себе и припер спиной к стене.

— Мне уже надоело, что все, кого я встречаю в этой стране, закатывают глаза, вскрикивают и дрожат. Мне нужна еда, бурдюк вина и место, где я могу выспаться. Я хочу перебраться через реку. За это ты можешь взять эту блестящую игрушку, которая, кажется, знакома каждому в этой стране.

Брэк снял со спины щит и вручил бы его хозяину трактира, если бы тот не поднял руки и не попятился боком вдоль стены, словно краб, боясь даже прикоснуться к этому золотому предмету.

— Нет, оставь его себе!.. Не могу... То есть он мне не нужен... Если хочешь, можешь лечь спать в конюшне. Я распоряжусь накормить тебя. Только не оскверняй... не входи в мой трактир. Прошу

тебя. — На жирном лице хозяина трактира расплылась слащавая, умоляющая улыбка. — На Фриксос итак выпало столько бед... Мы не хотим больше...

Он указал рукой на кусок черной траурной ткани, приколотой к двери трактира. Хозяин постоянно переводил взгляд то на большой золотой щит, то на лицо Брэка. При свете фонаря было видно, что хозяин обливается потом, который стекает на его рыжую бороду. У этого олуха даже сопли потекли!

Брэк попытался скрыть свое презрение.

— Хозяин?

— Что?

— Меня боятся?

— Не понимаю.

— Я какое-нибудь чудовище? Почему все пугаются, увидев мое лицо? И я слышал еще о каком-то Никоре. Кто он такой?

— Никор! Богохульство, богохульство! О боги, меня постигнет кара!

— Этот щит принадлежал Никору. Кто он такой?

Хозяин засопел носом и попытался снова скрыться.

Брэк выхватил меч:

— Ты, сопливый боров! Я разрублю тебя до пояса, если не прекратишь ныть и не ответишь мне!

Хозяин вырвался, отбежал в сторону, проскользнул в дом и захлопнул дверь. Загремел засов.

Брэк слышал, как плещется вода у гнилого причала. Хозяин смотрел сквозь глазок, не ушел ли варвар. Потом на фоне тускло освещенного окна появилась размытая тень. Хозяин делал Брэ-

ку отчаянные знаки, чтобы он отошел подальше от его дома.

Варвар тихо, но от души выругался. Он надел на плечо золотой щит и... пошел, держа в руке меч, искать конюшню для того, чтобы покормить свою лошадь.

Лампа едва освещала вонючую конюшню. Брэк покормил свою лошадь. Пока он этим занимался, хозяин трактира прокрался к дверям конюшни, а потом вернулся, и Брэк нашел у дверей глиняный кувшин, блюдо с куском мяса и ломтем хлеба.

Варвар жадно накинулся на хлеб, мясо и некрепкое кислое вино и вскоре все съел и выпил. Он вытер рот рукой. Раздражение начало постепенно проходить. Если его боятся — какова бы ни была причина страха, — это даже хорошо. Хозяин был готов накормить его, лишь бы Брэк сам не заходил в трактир.

Варвар устроился на копне душистого сена, положил меч у своих ног и задул лампу. Он начал обдумывать странные случаи, происшедшие с ним до этого. Но усталость вскоре одолела его. Вероятно, ему не терпелось дождаться рассвета и вместе с ним возвращения перевозчика; он хотел поскорее убраться из этого царства сумасшедших. Во сне время летит быстро.

Вот он зевнул и закрыл глаза.

Ночью же, когда Брэк спал, его схватили.

Он проснулся от звона доспехов, стука копыт и яркого света лампы. Неожиданно раздался крик, и могучее тело варвара опутала сеть.

Завопив, Брэк вскочил на ноги. Он принялся рубить мечом большую и тяжелую сеть, сброшен-

ную на него людьми, тихо забравшимися на стропила.

— Отобрать у него меч! — слышалась резкая команда. — Но чтобы не было никаких ран!

Брэк бил, рвал, бушевал, дрался. Он еще не совсем проснулся. Вокруг него бегали люди и все плотнее обматывали его сетью. Варвару удалось перерубить одну из веревок сети, затем вторую, третью... Он попытался вырваться через получившееся отверстие.

И тут кто-то ударил древком копья Брэка по голове.

Удар был сильным. Брэк упал на колени. Сеть окутала его еще крепче.

Вытянутую руку Брэка неожиданно придавил сапог. Меч у него вывали. Скрипнули блоки. Брэк упал на спину, и его вместе с сетью подняли при помощи блоков над полом конюшни.

Задышавшись, с врезавшейся в лицо веревкой, Брэк болтался в сети прямо перед двумя всадниками, которые въехали в конюшню и, видно, не собирались спешиваться, в то время как вокруг них бегали пехотные воины, сверкая клинками в свете факелов.

Брэк яростно взревел, так как веревки сети очень сильно впились в его лицо. Он разглядел четыре десятка людей, многие из которых с луками засели на стропилах. Все они были в шлемах и сапогах, черных и ярких тигровых накидках.

Человек, возглавляющий этих воинов, — один из всадников — был высоким худым, нездорового вида мужчиной. Но он был силен и быстр. Выхватив узкий меч, он приставил его к груди Брэка.

Этот всадник был одет так же, как и его подчиненные. Выделяло его единственное украшение: застежка из огромного когтя тигра. Она удержи-

вала его плащ. Всадник слегка пошевелил рукой, и острый конец меча на полную впились в грудь Брэка. Клинок до середины покрывали темные, ржавого цвета пятна.

— Мы не знаем твоего имени, варвар. Меня же зовут Хел, Повелитель Тигров. Я действую от имени Ее Высочества.

Он указал на второго всадника, женщину, восседающую на белом коне. Хотя на ней и была изумрудная накидка, вуаль, и часть лица ее закрывала ткань, было видно, что она обладает явным сходством с призраком, которого Брэк повстречал на поле боя, — темные волосы, лучистые глаза. И еще она была до умопомрачения красива.

Однако дама, казалось, чувствовала себя несколько неуютно рядом с жестоким и властным повелителем Хелом, который снова заговорил:

— Я полагаю, мне необходимо кое-что объяснить тебе, скотина. — Повелитель говорил неприкрытым тоном, словно привык каждый день беседовать с огромными варварами, подвешенными перед ним в сетке. — Все довольно просто. Царица Рея, присутствующая здесь, теперь правит Фриксосом, лежащим на Сверкающей реке, так как ее старшая сестра царица Жоенна погибла на поле битвы. Она погибла тогда, когда наша армия уже гнала войска Гата. Муж царицы Жоенны, принц Никор, также был убит в этом бою. К сожалению, тело его не обнаружено. Прежде чем царица Рея официально взойдет на престол, необходимо провести определенную церемонию, во время которой тела Жоенны и Никора должны быть спущены вниз по реке так, чтобы они прошли сквозь Темную Завесу и попали в рай. В противном случае жрецы будут искать правителя в другом царствующем доме. Вот почему, когда ко мне

примчались мои воины, которых ты повстречал вчера по дороге, и рассказали о чужеземце, прибывшем в наше царство по причине, мне неизвестной и мало меня интересующей, я поспешил сюда... Мои люди сказали мне, что ты направляешься в Курдистан... Точнее, направлялся...

Повелитель Хел усмехнулся. Смех его звучал холодно, злобно. Царица Рея нагнулась к Хелу:

— Если нам придется сотворить такое злодейство, то давай по крайней мере сделаем это быстро. Этот человек ни в чем не виноват. Он ничего не знает о наших обычаях.

Повелитель Хел раздраженно поерзал в седле. На плече блестела застежка из когтя тигра.

— Прости меня, если я назову твои слова неуместными, моя царица. Я полагаю, ты понимаешь, что поставлено на кон. Твое вступление на престол зависит от того, будет ли совершен ритуал и отправятся ли на священном ковчеге в рай вместе тела твоей сестры и ее мужа Никора. Труп Жоенны уже лежит набальзамированный. И вот теперь у нас есть Никор.

— Мне не нравится твой тон. Ты слишком много на себя берешь.

— Моя царица, я лишь...

— И ты проявляешь чрезмерное рвение, стараясь убедить народ в том, что мы нашли тело Никора.

— Моя царица, это все ради твоей же пользы! — уверил ее Хел раздраженно.

— И для своей, раз мы уже помолвлены!

Повелитель Тигров красноречиво пожал плечами:

— Как пожелаешь, моя царица. Я без всякого сожаления могу использовать этого чужестранца и достигнуть желанной цели. К тому же случай

помог найти ему священный щит Никора, который мы безуспешно искали. Кроме того, этот человек внешне подходит для того, чтобы сыграть роль мертвого правителя. Придворным косметологам не придется много трудиться.

— И тебя не будут мучить угрызения совести?

— Нет, моя царица. Твое восхождение на престол зависит от нашего успеха. Кроме того, кем бы ни был этот чужестранец, он должен быть доволен. В каком бы хлеву он ни родился, но, когда это случилось, боги улыбались. Ведь не каждый деревенщина может сыграть роль трупа мужа царицы... А, варвар?

Повелитель Хел подъехал ближе к болтавшемуся в сети Брэку.

Из-под рубахи Хел вынул что-то круглое и золотое. Он поднес этот предмет к глазам разъяренного Брэка. В это мгновение Брэк о многом вспомнил.

Слова возницы. Голос царицы, разыскивающей на поле боя своего мужа-соправителя.

Брэк долго разглядывал предмет, который держал в руке Хел. Это была круглая монета с написанными по краю незнакомыми знаками — словами. Монета блеснула в свете факелов.

С той стороны, на которую смотрел Брэк, было изображено женское лицо. Эта женщина очень походила на царицу Рею. Это было лицо мертвой царицы, чей призрак Брэк встретил на поле боя.

Монета еще раз блеснула, когда Хел перевернул ее. Его темные глаза были полны злорадства.

— Посмотри внимательно, варвар.

На другой стороне монеты тоже было изображено лицо, но на этот раз мужское. Без сомнения, это был Никор, муж умершей Жоенны.

От ужаса, охватившего его, Брэк начал извиваться в сети.

Мужчина, изображенный на монете, был почти неотличим от Брэка.

Туман, окутывавший сознание, начал медленно рассеиваться, и Брэк услышал какофонию жутких звуков. Самым громким из них был высокий пронзительный свист. Он вызывал невыносимую боль.

Брэк лежал неподвижно. Глаза его были закрыты, но в темноте постоянно мерцали и плавали странные огоньки. Брэк каким-то образом чувствовал, что прошло очень много времени, возможно даже несколько суток, с тех пор, как он беспомощно болтался в сети. Он начал вспоминать...

...Быстрым движением Хел, Повелитель Тигров, снова спрятал монету.

Затем, хлопнув ладонями, он подозвал к себе седого скрюченного старика. До того момента старый шаман стоял где-то в тени, ожидая сигнала. Теперь же он, шурша просторным коричневым халатом, начал совершать какие-то пассы и произносить непонятные слова, встав прямо под сеткой с варваром.

Неожиданно шаман выудил что-то из складок своей грязной одежды и забубнил, неприятно кривя губы. Сумасшедшие глаза старика вращались, и сам он походил на алхимика или юродивого.

Старик поднял руку и провел чем-то по обнаженному бедру варвара. Это оказалась ржавая кривая игла с множеством зазубрин, обмазанная густой блестящей желтой смолой. При первом же уколе иглы у Брэка зазвенело в ушах. Тело его сделалось тяжелым, словно было отлито из свинца, и он уже не мог даже пальцем пошевелить.

Последним, что запомнил Брэк, теряя сознание, были два лица, освещенные светом факелов: самодовольное лицо Хела и лицо царицы Реи, на котором отражалась неуверенность, словно царице не нравился план, задуманный ее женихом...

Когда Брэк пришел в себя, его переполнила яростная злость, перемешанная со страхом. Скорее всего, он был обречен.

Он попытался пошевелить руками. Безуспешно. Они совершенно не слушались его. Руки лежали по обе стороны его тела, словно бревна. Брэка затопила волна ужаса и отчаяния.

В ушах зазвенело. Варвар понял, что он все еще находится под действием какого-то зелья. Сердце его тяжело стучало.

«Спокойно, спокойно!» — сказал он сам себе. Казалось, что все вокруг плавно раскачивается. Брэк вдруг понял, что находится на борту какого-то медленно плывущего судна. «Спокойно, — подумал он. — У тебя хватит сил открыть глаза, стоит тебе только захотеть. Сделай хотя бы это, чтобы узнать, где ты находишься. Затем найди какой-нибудь меч, и клинок выведет тебя из этой... страны мертвецов».

Брэк чувствовал, что на бедре его больше нет меча, так как, хотя остаточное действие зелья лишало его возможности двигаться, он ощущал все свое огромное тело. Он лежал на чем-то твердом. Торс и нижняя часть тела были завернуты в шелковую и льняную ткани. На руках ощущалась тяжесть металлических украшений.

А в ноздри ему ударила вонь, подобная той, которой он вдоволь надышался в одном большом городе, через который проезжал в тот день, когда там хоронили наследника престола. Это воняли

сладковатые мази, используемые для мумифицирования.

Охваченный невыносимым ужасом, Брэк открыл глаза. Он лежал и глядел на колышущуюся стену огня.

Перед ним качались яркие языки оранжевого пламени. Прошло несколько секунд, и Брэк стал смотреть на эту пылающую стену уже более спокойно. Теперь с большей ясностью он различил отдельные детали.

Оказалось, он смотрел сверху вниз под углом на ряд часто стоящих факелов. Каждый из них был установлен на белом шесте высотой в два человеческих роста.

Потом звуки... Они смутили варвара. Но постепенно Брэк разобрался и в них. Во-первых, он слышал тихий плеск волн о борта судна, идущего вниз по течению. К нему примешивались звон бубенцов, бой барабанов и завывания — панихида в исполнении жрецов-кастратов.

Эти звуки иногда заглушали взрывы хохота, разговоры и шум попойки.

Наконец Брэк расслышал еще и доносящуюся издали песню, какой-то гимн, который пело множество голосов. Вокруг варвара плавал липкий запах цветов, от кадил поднимался зеленый дым благовоний. Так же пахло его собственное набальзамированное тело.

Варвар обнаружил, что с каждым мгновением тело его все больше высвобождается из оков наркотика; неужели зелье перестает действовать?

Затратив неимоверное усилие, Брэк сумел перекатиться на левое плечо. Приглядевшись, он едва не вскрикнул и с силой прикусил нижнюю губу, чтобы окончательно очнуться.

Но видение не исчезло.

Брэк лежал на золотом катафалке. Тот стоял на высокой кормовой надстройке широкого судна. Вдоль палубного ограждения на высоких шестах располагались факелы. За рядом факелов слева от себя Брэк увидел темную воду Сверкающей реки, где отражались желтые и красные огни факелов ковчега, фонарей и ламп.

Приглядевшись, Брэк увидел, что местность изменилась. Это говорило о том, что ковчег уже некоторое время находится в пути.

Несмотря на полутьму, Брэк смог разглядеть множество подробностей. Вместо низких берегов долины вокруг возвышались крутые обрывы. На краю их горели тысячи и тысячи огоньков.

Факелы...

Неожиданно варвар вспомнил все. Он вспомнил, кто он, и понял, где он находится. С далекого берега он, Брэк, лежащий здесь и освещенный факелами, покажется тем самым человеком, чье тело якобы направляется сквозь Темную Завесу в рай.

Он теперь царь Никор, лежащий на похоронной ладье. С окружающих утесов на него взирают тысячи жителей Фриксоа и распевает траурный гимн.

Бежать! Бежать, вырваться из этого проклятого места, рассеять злой обман. Брэк обнаружил, что уже может пошевелить ногами. Взявшись рукой за край катафалка, он собрался слезть с него, но, когда Брэк повернул голову, его взгляд упал на собственную руку. Он в ужасе поднес ее ближе к глазам.

Кожа руки была белой, как кость. Он понюхал руку. Брэк припомнил, что Хел говорил что-то о дворцовых косметологах. Потом варвару захотелось дико расхохотаться. Теперь же он труп, на-

ряженный в одежды мертвеца, и кожа его выкрашена в белый цвет, как у трупа.

Брэк тут же отдернул руку и положил ее на место. Он лежал неподвижно, словно окаменев, и глядел прямо вверх на канареечный полог над катафалком. Цветные боковые занавески были отодвинуты так, чтобы смотрящим с берега хорошо были видны направляющиеся в рай тела. Варвару не следовало подносить руку к лицу. Этот жест могли увидеть с берега.

Но люди не прервали пение. Брэк немного успокоился, однако по-прежнему не двигался. Не стоит сердить зрителей, устроив воскрешение из мертвых.

Мертвых... Снова по его спине пробежали холодные мурашки, значит, он изображает супруга прежде царствующей особы, а какой-то хвастливый принц, помолвленный с...

Брэк повернул голову направо. Там, на таком же катафалке, лежало тело царицы Жоенны.

Голубоватые веки ее были закрыты, руки сложены на груди, губы накрашены красным. Голову украшала простая жемчужная диадема. За телом царицы, на правом берегу реки, тоже горели факела. С этой стороны на обрывистом берегу тоже, насколько хватало глаз, стояли тысячи людей с факелами и пели.

У Брэка появилось недоброе предчувствие. Царица лежала мертвая. Та же самая царица, чей полупрозрачный образ встретил он на поле боя, когда она искала тело своего мужа.

Где же сейчас ее бродячий призрак?

Рядом, очень близко. Брэк это чувствовал. Душа царицы, возможно, притаилась в этом бледном теле, лежащем неподвижно и в то же время (или боги лишили его разума?) кажущемся живым.

Никогда Брэк не чувствовал себя более беспомощным, чем сейчас, направляясь вниз по реке на освещенном факелами судне. Все его спокойствие уже улетучилось. Он был безоружен. Как только он слезет с катафалка, тысячи людей, стоящих на берегу, заметят это и закричат.

Очень осторожно варвар приподнял голову и посмотрел вперед поверх тесных белых сапог, натянутых ему на ноги. Ему хотелось определить размеры ковчега и число находящихся на нем людей.

Брэк решил, что это судно самое большое из тех, что ему приходилось видеть за свою жизнь. Размеры он перевел в привычные для себя единицы. Длина ковчега была такой, что вдоль него могла встать сотня серых слонов один за другим, а по ширине могло поместиться двадцать пять слонов. Исполинские размеры. Завывание жрецов, музыка и шум пирующих доносились снизу, со стороны небольшой освещенной площадки, расположенной на носу судна.

Там, под шелковым пологом немного меньших размеров, собрались по крайней мере дюжины три людей. Звенели чаши с вином.

Между павильонами на носу и на корме не горело ни одного факела. Вероятно, раньше судно имело скамьи для гребцов, теперь же ковчег несло вперед лишь быстрое течение Сверкающей реки. Не было видно ни весел, ни парусов. На той палубе, где раньше сидели гребцы, стоял квадратный каменный алтарь, тускло освещенный тремя лампами странной формы, установленными на треножниках. Лампы коптели и давали мало света.

Брэку показалось, что он увидел кого-то рядом с алтарем. Тень, что-то живое, промелькнуло

на краю круга тусклого света, падающего от алтаря. Брэк заморгал, не уверенный в том, что видел.

Порыв ветра пошевелил занавески дальнего павильона. Брэк заметил, что среди людей, пирующих на носу, много воинов, одетых в тигровые плащи. Когда же все они покинут ковчег? Без сомнения, перед тем как судно нырнет за Темную Завесу, чем бы та ни являлась на самом деле. Но жрецам и пирующим понадобится какая-то лодка, чтобы в нужный момент покинуть ковчег. Где же она?

Лежа абсолютно неподвижно, Брэк внимательнее прислушался к плеску воды. Он понял, что существует два отдельных источника звука. Одним был грузный корпус ковчега. Другим было какое-то судно, меньших размеров, привязанное за кормой.

Внимание Брэка привлекло что-то блестящее, находящееся сзади. Варвар выгнул шею и увидел огромный золотой боевой щит принца Никора, подвешенный на шелковых шнурах между двумя катафалками. Щит качался на ветру. Со щита на Брэка взирала Рогатая Дева, держащая трезубец молний и сноп колосьев.

— Варвар!

От этого шепота у Брэка зашевелились на голове волосы. Его длинная коса была спрятана под повязанную на голову ткань, которая неудобно съехала на сторону, когда он повернул голову на звук.

Неужели вновь появился дух мертвой царицы?

— Варвар? — Голос послышался снова, приглушенный, искаженный, но знакомый. — Не поворачивай слишком сильно голову. Я прокралась сюда от алтаря.

Значит, он действительно видел, что там кто-то двигался.

— Где ты? — спросил Брэк шепотом.

— Я прячусь здесь, между катафалками. Очень необычная и даже унижительная поза для... для царицы.

Брэк узнал голос.

— Царица Рея?

— Да.

— Но зачем ты?..

— Не спрашивай меня! — Ответ прозвучал резко. Девушка всхлипнула, или Брэку показалось? На фоне плеска воды определить это было невозможно. — Я могу передумать и решить, что сохранить за собой царскую власть важнее, чем спасти жизнь одному безымянному чужестранцу. Однако я принесла кое-что, что поможет тебе вырваться на свободу, если ты решишь попытаться... Сейчас я должна возвращаться. Даже накидка моей служанки, надетая на меня, не сможет скрыть моего отсутствия.

— Ничего не понимаю, — удивился Брэк. Он глядел прямо вверх и старался не шевелиться. Но сердце его тревожно заколотилось, когда он сквозь шелковый полог увидел, что звездное небо быстро затягивают тучи. — Я почти ничего не знаю о том, что задумал этот негодяй. Меня ведь усыпили. Но я думаю, что, если мое тело не проделает полный путь на этом погребальном ковчеге, жрецы сочтут это дурным знаком, и трон тебе не достанется.

— Трон стремится получить Хел, Повелитель Тигров, а не я.

— Разве ты не хочешь стать царицей?

— Конечно, хочу. Безмозглый дикарь! Попридержи язык, а то я передумаю и заберу то, что принесла.

— Хорошо, — ответил Брэк. — Но я должен знать причину.

— Дело в том, что я настолько глупа, что ценю человеческую жизнь, даже твою. Предупреждаю, что если ты потратишь слишком много времени на разговоры, то не успеешь прыгнуть за борт. Мы приближаемся к тому месту, где жрецы и пирующие должны оставить ковчег. Течение тут уже довольно сильное... Ты видишь небо? В небе уже появились первые клубы Завесы.

— Что это за Завеса?

— Огромное облако, перегораживающее Сверкающую реку от берега до берега.

— А что находится за ним?

— Рай, — произнесла Рея тихо. — Или, возможно, ад. Оттуда доносится грохот. Густые облака покрывают огромное пространство земли вокруг. Это священное место, куда никто не смеет заходить. Если попытаться подойти к Завесе по земле, то упрешься в непроглядное облако. И что там находится, я не могу сказать. Это место считается священным с незапамятных времен. Возможно, за Завесой река низвергается водопадом в самые недра земли. Но жрецы утверждают, что там рай... Глупый дикарь! Ты собираешься без конца задавать мне вопросы? Мне ведь тоже грозит опасность.

Брэк задумался:

— Если я зашевелюсь, зрители, стоящие на берегу, закричат.

— Конечно, закричат. Но если ты прыгнешь в воду и у тебя хватит сил плыть против течения, если тебя не затянет за Завесу, то, возможно, ты спасешься.

— А как же ты? Как же трон?

Ответ ее прозвучал одновременно и ядовито, и грустно:

— Я бы не пришла, если бы трон был для меня важнее человеческой жизни. Мир не весь состоит из Хелов. Возможно, именно я должна это доказать. Жоенна всегда была твердой, дерзкой — царицей-воительницей. Я моложе ее. И вероятно, мягче. Однажды придворные гадатели назвали меня плаксой. Я плакала из-за козленка, которого зарезали в праздник на алтаре. Не спрашивай, почему я решила рискнуть навлечь на себя гнев Рогатой Девы и потерять трон... Я уже слишком долго здесь говорю. Я должна уходить, я...

Она всхлипнула, и послышался шорох одежды. Красивая темноволосая девушка поднялась из укрытия. Ее черты скрывала грубая накидка с капюшоном, но Брэк заметил, что на щеках блестят полосы от слез.

Теплая, слегка дрожащая рука Реи на мгновение коснулась подбородка Брэка.

— Разве я должна все это рассказывать тебе, варвар? Ты как тот козленок, по которому я плакала в детстве. Я не могу видеть, как умирает невинное существо.

Рея на мгновение приложила свои губы к его губам. Затем она исчезла. Брэк слышал, как она крадучись пробирается к алтарю. До варвара доносилось ее последнее предупреждение:

— Как только нырнешь, плыви изо всех сил. Течение здесь сильное... Но ты уже должен был оправиться. Когда тебя должны были уколоть последний раз, я пошла на обман и вытерла иглу подолом платья. Да простит меня Рогатая Дева за то, что я сделала!

Наступила тишина.

Лампы на алтаре коптели и тускло горели. Царица растаяла во мраке.

Брэк почувствовал, как к нему возвращается надежда. Ковчег набирал скорость. Сквозь тонкий шелк варвар видел, как быстро неслись мимо густые облака тумана.

Занавески вокруг катафалков трепетали на ветру, так же как занавески носового павильона. Ветер стал еще сильнее.

Губы Брэка еще хранили воспоминание о поцелуе Реи. Поцелуй красноречиво говорил о той борьбе, что шла в душе девушки, прежде чем она решилась рискнуть всем ради его спасения. Он должен постараться сделать так, чтобы смелость ее не оказалась напрасной.

Брэк осторожно спустил правую руку с катафалка, пошарил и нащупал клинок своего стального меча.

Она принесла меч! Пронесла его под накидкой. Да возблагодарят ее боги!

Шум в ушах — последствие уколов иглой — ослаб. Брэк понимал, что должен слезть с катафалка. Он крепче сжал рукоять меча, вдохнул воздух и привстал.

Он спустил ноги с левой стороны катафалка и с глухим стуком спрыгнул на палубу, освещенную факелами. Корабль сильно качало. Он несясь по реке все быстрее. По глади реки пошла зыбь. В воздухе повисли холодные клочки облаков. Одно такое низкое облако налетело на Брэка, но тут же рассеялось, ударившись о грудь северянина.

Свободной рукой варвар сорвал мешающую ему украшенную драгоценностями ткань, которой была обмотана его голова. Он яростно мотнул головой и высвободил свою косу. Звук голосов, доносящийся с берегов, вдруг изменился.

Толпа заревела, закричала. Брэк зло оскалился. Зрители увидели, что мертвый ожил и спрыгнул с катафалка.

— Эй, на ковчеге! На ковчеге! Берегитесь!

Услышав этот крик, Брэк подбежал к ограждению. Голос принадлежал одетому в тигровый плащ воину, стоявшему в большой лодке, прикрепленной канатом к правому борту судна. Кричавший воин размахивал фонарем. Он вопил, обращаясь к роскошно одетым женщинам, офицерам в тигровых плащах и жрецам, которые высыпали из павильона на нос судна и осветили лампами и факелами его среднюю часть.

Воин в лодке приложил к губам руку и снова прокричал:

— Господа! Повелитель Хел! Ваше Высочество! Я прошу вас перейти в лодку. Река становится все беспокойнее. Мы уже прошли место, где следовало бы покинуть ковчег. Я боюсь... — Он выругался, поднял руку и схватился за руку товарища, иначе свалился бы в черные бурные воды Сверкающей реки.

Брэку показалось, что он заметил диадему, блеснувшую в волосах одной из женщин. Значит, первой оставит ковчег царица Рея. Брэк решил, что не станет оспаривать ее право. Он все равно их всех опередит.

Схватившись за один из шестов с факелами он лихо соскочил на палубу.

— Никор!

— Никор!

— Принц Никор ожил!

Наконец можно стало разобрать отдельные слова в громе тысяч голосов беснующейся толпы на берегу. Их слышали и собравшиеся на палубе. Они принялись кричать, выхватили мечи.

Вперед выскочил Повелитель Хел. Он отдал приказ нескольким воинам, и те направились на корму.

Их тигровые плащи развевались на ветру, в руках блестели клинки. Брэк в нерешительности остановился у борта. В сердце его бушевала дикая ярость, которая требовала хотя бы одной жизни в уплату за то, что его пытались использовать в заговоре, собираясь при этом обмануть целое царство.

У катафалка, который только что покинул Брэк, лежало ритуальное копье. Варвар нагнулся, переложил меч в левую руку и взял копье в правую. Оскалясь, он подождал, пока грудь первого воина в черных доспехах не появилась над узким трапом, ведущим на кормовую надстройку.

Вот тогда Брэк с силой метнул копье.

Воин вскрикнул и взмахнул в воздухе руками. Он споткнулся о последнюю ступень и упал. Его товарищи, взбравшиеся по трапу следом, инстинктивно оттолкнули его, и пронзенный копьем воин, перевалившись через ограждение, полетел за борт.

Крики стали громче. Брэк поглядел вниз и увидел, что воин, стоявший на носу лодки, оказался сбит упавшим телом. Канат, крепивший лодку к борту ковчега, каким-то образом отвязался.

За считанные мгновения пространство черной бурной воды, разделявшее два судна, увеличилось в несколько раз. Судьба распорядилась так, что в тот момент, когда упал пронзенный копьем воин, путь к спасению оказался отрезан.

На палубе слышались крики и ругань.

С досадой Брэк отошел от ограждения. Все произошло из-за его упрямого желания отомстить. Но поздно было ругать себя. Варвар принял бое-

вую стойку, увидев, что воины Хела снова поднимаются по трапу.

С отчаянием на лице Хел сам шел по трапу следом за ними, колотя воинов кулаками в спины и крича:

— Взять его! Взять и выпотрошить его вонючие кишки! Из-за него нам придется погибнуть на этом ковчеге! Прикончить его, а потом уже прыгать за борт!

Четыре воина Хела, выставив перед собой клинки, осторожно начали приближаться к варвару. Судно качнулось. Оно все еще набирало скорость. Туман вокруг сгустился. Многотысячная толпа зрителей, кричащая на берегу от страха и гнева, была почти неразличима; свет факелов, горящих на берегу, казался расплывчатым оранжевым сиянием. Брэк поднял меч.

Теперь он готов был погибнуть. За спинами наступающих воинов Брэк увидел еще одну картину: Хел вернулся, отыскал царицу Рею, схватил ее за руку, притянул ее хрупкое тело к алтарю и принялся ругать царицу.

Неужели он догадался, что Рея помогла ему? Брэк не знал этого, но Рея безвольно болталась в руках Хела, лицо ее блестело от слез.

— Нападайте слева, — прорычал один из воинов в тигровых плащах, приближаясь к варвару.

Двое воинов перешли на лестницу, поднимающуюся вдоль левого борта. Брэк, тяжело дыша, попятился и натолкнулся на катафалк. Он взобрался на него. В мозгу варвара появилась отчаянная мысль. Один из воинов сделал выпад.

Брэк с силой ударил мечом. Нападавший отлетел назад, сжимая руками перерубленное горло, упал и задрывал ногами, в агонии. Брэк развернулся и сорвал с себя шелковую рубаху, мешав-

шую движениям. Ковчег снова качнулся, он неся все быстрее и быстрее среди нарастающего рева воды.

Брэк, пытаясь сохранить равновесие, взмахнул рукой. Он схватился за загнутый край боевого щита Никора.

С силой рванув его, Брэк сорвал огромный щит, качнулся под его весом, но все же он надел щит на левую руку. Стоя на катафалке, Брэк начал разворачиваться, чтобы лицом к лицу встретить врагов, и уже занес меч для следующего удара.

И вдруг Брэк замер.

С катафалка, на котором по-прежнему лежало тело мертвой царицы Жоенны, поднялся невесомый полупрозрачный призрак.

Сквозь тело привидения изумленный Брэк видел, как наступают воины в тигровых плащах.

Неужели они не видят ее? Неужели воины не видят обращенных на них черных, как угли, глаз? Не слышат ее голоса, заглушающего крики, ругань и рев воды.

— Любимый... любимый? Я мирно спала, пока не почувствовала, что ты рядом и шевелишься. Но сейчас ты взял щит и уходишь, я не могу позволить тебе уйти, любимый. Мы должны вместе войти за Темную Завесу. Вместе...

Она протянула призрачную руку и схватила Брэка за предплечье.

Великан варвар с ужасом заметил, что в том месте, где рука привидения коснулась его плоти, кожа превращается в красную слизь. По всему телу варвара начал растекаться холод, сковывающий движения, холод могилы, холод застывших тысячелетий, холод смерти, затягивающий, отнимающий жизнь.

Брэк попытался поднять меч, попытался пронзить тень царицы. Но его правая рука не слушалась, не могла освободиться от сжавших ее бесплотных пальцев.

Царица подбиралась все ближе... Все ближе.

Правая рука Брэка, покрытая белой краской, стала краснеть. Воины в тигровых плащах приготовились к последнему броску, но их растолкал разъяренный от отчаяния Хел.

Все это Брэк видел очень смутно. Качаясь, извиваясь, пытаясь вырваться из рук призрака мертвой царицы, варвар решил, что воины действительно не видят призрака. Им варвар, вероятно, кажется одержимым какой-то болезнью, заставляющей его тело дергаться и извиваться. Хел топал ногами:

— Взять его! Заколоти! Бей мечом в спину, подонок!

— Это священная болезнь, — крикнул в ответ Хелу один из офицеров в тигровом плаще. — Смотри, как он извивается и корчится.

Рука Хела в черной перчатке ударила по скуле возражавшего ему воина. У того из носа потекла кровь.

— Не подчиняетесь?! — заорал Хел. — Взять его, больного или здорового! Ты, Фидор! Заколи его, ты стоишь ближе всех к нему!

Все это Брэк наблюдал, словно сквозь качающуюся полупрозрачную шелковую занавеску. Происходящее казалось варвару нереальным. Истинной, ужасной реальностью были лишь голос призрака и образ мертвой царицы, подступающей все ближе.

— Я не отпущу тебя от себя. Не отпущу!

В голове варвара гудело. Казалось, что у призрака сотня рук и он касается ими плеч Брэка, лица, ног, замораживает его льдом смерти.

— Бей, Фидор, бей! — орал, заглушая ветер, Хел.

Офицер, к которому обращался Хел, отстранил своих товарищей и нанес удар, метя Брэку в ребра.

Светловолосый варвар лишь краем глаза увидел блеск меча. Он дернулся изо всех сил, пытаясь вырваться из объятий мертвой царицы, шагнул в сторону, и удар, который мог бы убить Брэка, пришелся в пустоту.

Острые клинка, казалось, скрылось в тумане. Офицер в тигровом плаще отшатнулся назад, выронил меч и стиснул от боли зубы. Затем, будто в кривом зеркале, Брэк увидел, как кожа на руке этого воина разжижается и стекает с костей, будто багровый речной ил.

Воин побежал к ограждению. Он повис на нем. Из рта у него пошла пена, он стал выть, как собака.

Брэк никогда не участвовал в более необычном поединке, чем этот.

Одна часть его уже помутненного сознания говорила, что ему следует остерегаться десятка клинков воинов, стоящих слева и сзади него в свете факелов. Он понимал, почему воины расступились, ведь он казался им корчащимся безумцем. Но он должен был продолжать борьбу с тенью царицы.

Лицо царицы Жоенны пододвинулось еще ближе. Сквозь него Брэк видел факелы, туман, ковчег, и все это, будто во сне, становилось все более тусклым и расплывчатым. Грустные, тоскливые глаза привидения, казалось, росли, делались ошутимее, реальнее, и наконец Брэку показалось, что его окутала жемчужная дымка. Он начал терять силы. Тело больше не повиновалось ему... А губы

царицы все приближались. Еще мгновение — и они коснутся его рта, вытянут остатки жизни из его тела...

Тигровые плащи снова закричали. Лица воинов казались Брэку бесплотными, так же как и закрепленные на шестах факелы.

— Повелитель, прикоснуться к этому человеку — верная смерть, — крикнул один воин.

— Ты умрешь от моей руки, если не прикоснешься к нему! — закричал Хел, проталкиваясь вперед. — Молокососы! — В свете факелов показалось болезненное лицо Хела, он сыпал проклятиями. — Я сам его заколю. Не мешайте мне!

На пути Хела оказался один из воинов. Он споткнулся и упал. Повелитель пнул его сапогом в лицо, и из глаза несчастного брызнула кровь.

Прилагая нечеловеческое усилие, Брэк попытался проследить за мечом, который выхватил Хел из богато украшенных ножен. Однако тень царицы все плотнее обнимала Брэка, так что теперь все его бронзовое тело, обмазанное белой краской, покрылось влажными багровыми пятнами.

Когда повелитель Хел уже начал делать выпад, Брэк увидел то, что он заметил еще в конюшне, когда висел в сетке.

Клинок Хела был больше чем наполовину длинны покрыт пятнами почерневшей крови какого-то давно убитого врага.

В последнее мгновение, когда все чувства разом обострились, Брэку показалось, что на пятнах крови блестят маленькие серебряные крупинки. Опилки точильного камня, которым пытались счистить кровь, но который все же не смог этого сделать.

— Любимый, любимый, любимый, — шептала мертвая царица.

Повелитель Хел вложил в удар всю силу. Словно серебряная молния, клинок его устремился к широкой спине Брэка.

«Я не Никор! — Брэк пытался заставить свой не ворочающийся язык произнести эти слова. — Я не...»

Но говорить он не мог. Он был нем.

Он попытался мысленно отчетливо произнести каждый слог. От натуги у него едва не раскалывался череп.

«Я не Никор».

Время словно остановилось, и агония Брэка длилась вечность; клинок Хела медленно плыл в воздухе, ярко блестя там, где не было пятен крови. Брэк же безуспешно пытался увернуться. На нем висел призрак царицы, и кричал он так, что варвару казалось, словно в мозг его вгоняют кинжал за кинжалом:

— Любимый. Темная Завеса ждет...

Голос призрака звучал как гром, как нежный рев, наполняя собой все сознание и тело Брэка. Царица касалась варвара в сотне мест, была рядом с ним и внутри него — ведь она была душой умершего человека. А теперь она пыталась вытянуть душу из варвара.

Виски Брэка ломило от боли, но варвар запрокинул голову, набрал в грудь воздух и прокричал:

— Я не принц Никор!

Ночь наполнилась воплями.

Брэк увидел, что между факелами летят клубы облаков. Сверкающая река бушевала. Ковчег вошел во мрак, погрузился в Темную Завесу, и теперь его несли черные бурлящие волны. Все это Брэк успел заметить в те мгновения, пока клинок Хела приближался к его спине, но вдруг направление удара резко изменилось из-за того, что ков-

чег качнулся. Время, текшее мучительно медленно, снова побежало быстрее. Из последних сил Брэк вырвался из рук тени мертвой царицы и закричал:

— Я... не... принц...

Загремел гром! Еще раз! Еще один раз!

Вокруг все грохотало. И тут Брэк услышал, как жуткий, загробный голос заканчивает начатую им фразу:

— Никор...

Повернув голову, Брэк увидел лицо Хела. Повелитель Тигров стоял рядом с варваром. Глаза Хела выпучились, будто виноградины. Его выпад не достиг цели, меч, едва не задев Брэка, ударил лишь темноту. И тут ярко, так что Брэк вынужден был, чтобы не ослепнуть, прикрыть глаза, вспыхнули, словно огненные письма, следы крови на клинке Хела.

Сквозь гром зазвучал голос:

— Никор, Никор, Никор, Никор...

Вспышка, клубы светящегося тумана...

Казалось, что-то переливающееся разными цветами и вполне осязаемое поднимается с клинка Хела, наполовину погрузившегося в тень царицы.

Хел попытался отшвырнуть меч. У него не хватило сил это сделать. Он начал корчиться, извиваться всем телом.

— Никор, Никор... — грохотал клубящийся туман, поднимающийся от пятен крови на клинке. Брэк увидел, что его рука начала снова белеть. Багровые пятна начали исчезать. И пока Хел стоял, полностью выполнив выпад и еще не способный выдернуть назад клинок, с которого не смог окончательно счистить следы крови, Брэк понял: вот он — убийца Никора.

Брэк прокричал это слово:

— Убийца! — Варвар уже мог немного двигаться и выдернул левую руку из ремней щита. — Вот он — Никор. Все, что от него осталось! Пятно на твоём мече. — Брэк судорожно вдохнул воздух, захохотал, схватил обеими руками свой меч, поднял его над головой и снова крикнул: — Убийца!

Офицеры в тигровых плащах почувствовали, что им тоже грозит опасность. Они разом бросились вперед, метя мечами в незащищенный живот Брэка. А варвар все кричал:

— Убийца! Ты убил принца! Ты убил его, чтобы получить Рею и трон!

Брэк с силой опустил меч, и из расколотого черепа Хела во все стороны полетели красные и серые брызги.

Преображение произошло мгновенно.

Призрак царицы Жоенны потерял форму. Он сделался частью клубящегося облачка, в котором смешались душа мертвой царицы и то призрачное вещество, которое поднималось от следов крови Никора на мече Хела.

Облачко делалось все больше и тянулось вверх, а ковчег начало раскачивать и кидать из стороны в сторону. Через палубное ограждение стали перелетать вода и пена. Брэк, стоя на катафалке, принялся размахивать мечом, отсекая руки и головы нападающих.

Один из нападающих рассек мечом икру варвара. Вскоре Брэк уже стоял в луже собственной крови, то и дело поскальзываясь и с трудом сохраняя равновесие. Однако он сумел вогнать меч в грудь воину, ранившему его.

Ломая кости, Брэк выдернул меч из грудной клетки противника. Косу варвара трепал за спиной ветер. Вдруг налетевший порыв ветра заста-

вил варвара опуститься на колени. Этот порыв, этот вихрь сопровождал возносящиеся души мертвой царицы и принца Никора. Душа Никора представляла собой некую сверхъестественную жизненную силу и сохранилась в запекшейся крови, которую никак нельзя было счистить с клинка Хела, пока не свершилась месть.

Внизу, столпившись у катафалка, собрались воины в тигровых плащах. Они пытались нанести удар по ногам Брэка. Варвар отрубил еще одну голову. Затем нанес еще один удар и отсек руку другого нападавшего. Но сознание его по-прежнему было затуманено. Брэк подозревал, что приближается его смерть. Он мысленно повторял только одно: «Душа в пятнах крови на мече... Душа Никора. Тело уничтожили, но душа принца осталась, и Жоенна нашла ее, прикоснувшись к ней, она освободила ее и наконец увидела, что я не Никор».

Эти странные мысли кружились в голове варвара, словно песня, все то время, пока он сражался с людьми Хела. Текли потоки крови, один труп падал на другой, а Брэк все еще сражался с тигровыми плащами. Ковчег несся все быстрее. Шелковые павильоны сдуло ветром, унесло в клубящийся туман. По обеим сторонам ковчега показались мокрые черные валуны. Ковчег все быстрее несся по темному ущелью.

Брэк рассек щеку одному нападавшему, придал ногой руку другого, который пытался подкрасться сзади и повалить варвара. Вдруг Брэк услышал сквозь звон стали иной звук.

Это священное, по мнению жителей Фриксоса, место представляло собой не что иное, как окутанное туманом ущелье, где большая река бежала по пенным порогам и, если слух не обманывал

Брэка, обрушивалась в бездну исполинским водопадом.

Брэк убедился в истинности своих подозрений, когда ковчег снова качнулся, ударился о скалу и едва не перевернулся. Огромная волна погасила почти все факелы, вырвала шесты, державшие их, по левому борту. Последние тигровые плащи побежали к ограждению, перепрыгнули через него и, крича, скрылись в бурлящей пене.

— Варвар? Варвар! Огни погасли, где ты?

Перекрывая рев ветра и воды, вопли жрецов и придворных льстецов, бегущих с обреченного судна, будто игрушка несущегося через все более бурные пороги, до Брэка донесся тоненький голосок. Из всех сил варвар закричал в ответ:

— Я здесь! Царица Рея, иди сюда! Я на корме. Держись за ограждение и смотри, чтобы тебя не сбили катающиеся по палубе трупы.

— Я боюсь, варвар. Мы зашли за Темную Завету.

— Я вижу тебя, — прокричал Брэк, хотя на самом деле он едва ли что-то видел. Волны постоянно грозили смыть его со скользкого катафалка. Тогда он опустился на колени и начал вглядываться в темноту, пытаясь отыскать царицу Рею. Его с ног до головы окатила большая волна.

По правому борту еще горели несколько факелов. В их свете Брэк увидел ужасный призрак. На варвара мстительно глядела из темноты женщина с золотыми грудями и блестящими рогами.

Женщина, изображенная на щите!

— Иди сюда! Иди на мой голос, Рея. Сюда!

Брэк кричал, надрывая горло. Одновременно он нагнулся и схватил огромный щит, пока его не смыла вода. Этот трофей Брэк решил сохранить, если спасется сам и спасет царицу, которая вдрут

появилась перед ним в мокрой накидке служанки. Она пробралась между трупами и устало опустилась на палубу возле катафалка.

— Мы совершили кощунство, — стонала она и мотала головой.

— Перестань причитать и держись за мою руку, — приказал ей Брэк. Он слез с катафалка и тут же обнял Рею обеими руками, так как налетела волна, подхватила их и с силой швырнула на палубное ограждение. Ковчег кружил в темноте, словно пробка. Рев водопада оглушал.

Рея всхлипывала, пинала варвара ногами, царапалась и кричала в ужасе:

— Мы прогневали Рогатую Деву! Мы живыми вошли в рай. Мы заслуживаем...

Брэк, разозлившись, запустил руку ей в волосы и запрокинул ее голову так, чтобы она смотрела ему в глаза.

— Слушай, Рея, — закричал он. — Мы погибнем, заслуживаем ли мы того или нет, если только сейчас же не прыгнем за борт. Эта райская река водопадом низвергается в бездну. Держись за меня!

И, теряя силы, он подхватил девушку левой рукой, на которой уже висел щит. Брэк вложил меч в ножны, освободившейся правой рукой схватился за один из шестов и, таща на себе двойной груз, перегнулся через ограждение.

Он прыгнул в бурлящую, грохочущую пену.

Их подхватил бурный поток и стал швырять из стороны в сторону. От этого сознание Брэка затуманилось. Позднее, когда он пришел в себя и почувствовал боль в раненой ноге, из которой все еще текла кровь, он не мог понять, как они оказались в этом месте.

Их временным убежищем стал большой гранитный валун, один из нескольких камней, торчащих из потока там, где Сверкающая река вскипала, перед тем как водопадом обрушиться в бездну, скрытую медленно клубящимся туманом.

Теперь Брэк вспомнил, что, барахтаясь в воде, в какой-то миг почувствовал сильный удар, словно волна сама выбросила их на камень. Брэк обнаружил, что руки его от кончиков пальцев до локтей в крови, хотя вода постоянно омывала его тело.

Он посмотрел на царицу Рею, всю мокрую, прижимавшуюся к его могучей груди. Брэк понял, что они просидели, вцепившись в эту скалу, всю ночь. Сквозь туман уже начал просачиваться тусклый свет восходящего солнца.

— Мне кажется, что светлее здесь не бывает, — проговорил Брэк. Он оглядел пороги. Им предстояло проделать долгий и опасный путь, чтобы выбраться из этого места. Но выбора у них не было.

— Царица? Царица, мы должны...

Брэк вдруг рассмеялся. Он вспомнил, что в то мгновение, когда они, оставаясь еще на ковчеге, находились ближе всего к смерти, он отбросил все притворства и крикнул ей просто «Рея».

— Рея? Слушай.

— Рогатая Дева нас погубит, — пробормотала Рея. — Мы совершили кощунство.

— Кощунство совершил Повелитель Тигров, — сказал ей Брэк. — Он предательски убил Никора и уничтожил его тело, надеясь на то, что, когда он женится на тебе, ему достанется трон. Но он не смог уничтожить душу Никора. Она продолжала жить.

Голос варвара затих. Брэк понял, что разговаривает сам с собой. Царица от страха не могла ни слушать его, ни тем более понимать.

Брэк обнимал царицу и мысленно удивлялся. За время своего долгого путешествия он повидал много чудес: и ужасных зверей, и фокусы колдунов. Но он никогда не встречал любви такой силы, как любовь мертвой царицы Жоенны к Никору. Это была любовь, неподвластная смерти; любовь заставившая душу царицы искать душу Никора до тех пор, пока она таки не нашла ее или то, что от нее осталось, — то, что было сокрыто в мече убийцы. Брэк сомневался, что сможет когда-либо забыть, как над ковчегом в облачном столбе возносились на небо две души, поднимались в рай, который уготовили им их боги.

Налетела волна и окатила спину Брэка. Он поглядел на грустное, мокрое, но все же красивое существо, дрожащее рядом с ним, накрытое побитым золотым щитом. Брэк продрог, устал, у него почти не осталось сил. Однако лицо девушки показалось ему необычайно трогательным.

— Вообще-то, — сказал он сам себе (или, возможно, только подумал), — помни, что она царица.

Наконец Брэк собрался с силами и отправился в медленное, мучительное путешествие по омываемым волнами и пеной камням. И сумел вместе с царицей переправиться на сырой каменный берег.

Добравшись до берега, Брэк опустился на четвереньки. Золотой щит откатился в сторону. В глазах варвара потемнело, и он потерял сознание.

Далеко к югу от Фриксоса варвар Брэк на лошади проехал мимо фиговой рощи. Вдали сверкали позолоченные луковичы куполов большого города, куда он и царица Рея прибыли несколько месяцев назад.

С момента их спасения прошло много времени. Брэк направился в этот город, отсоветовав Рее до поры до времени возвращаться во Фриксос. Варвар напомнил ей о тех тысячах людей, что стояли по берегам реки той ночью, когда ковчег вошел туда, где, как считалось, находится рай.

Зрители видели, как труп Никора встал и вступил в бой. Таким образом, если царица Рея захочет занять трон, она должна сослаться на знак или символ, который оказался бы более значительным, чем дурное предзнаменование, которое жрецы могли прочесть в том, что случилось на ковчеге.

Вместе варвар и царица придумали, что должно явиться нужным им знаком и символом.

Брэк на шесть лун нанялся на работу в лежащий рядом с городом пыльный карьер, где добывают гранит. Он и Рея сняли убогое жилище в грязном квартале. Они спали на матрасах, отделенные друг от друга соломенной ширмой, и жили все эти месяцы как брат и сестра, хотя несколько раз ночью, когда спина варвара болела после тяжелой работы, ему очень хотелось поговорить с царицей по душам.

Но он так и не поговорил с ней, так как понимал, что, если он поговорит, слова свяжут его навсегда.

Однако он был благодарен Рее за то, что остался жив. И по этой причине Брэк терпел десятихвостые плети надсмотрщиков в карьере. Он терпел ухмылки и издевательства рабочих, которым не нравилась его варварская внешность и привычки. Каждую неделю он и Рея добавляли небольшую кучку блестящих диншасов к тем, что уже находились в кожаном кошельке, который день и ночь охраняла Рея.

Наконец денег оказалось достаточно.

Прошли еще недели, пока работали чеканщики. Брэк спал у них в мастерской, положив меч на колени и следя за тем, чтобы не было обмана. Наконец он и девушка пришли в караван-сарай, наняли двух верблюдов и одного подозрительного на вид, но надежного погонщика. Этот человек ждал их теперь, стоя недалеко от рощи. Погонщик задумчиво ловил блох в шерсти верблюдов и в своей грязной одежде.

Волосы Рея покрыла простым небесно-голубым платком. Халат ее был из дешевой льняной материи, но был новым и чистым. В глазах Реи блестели отражающиеся от позолоченных и посеребренных куполов лучи заходящего солнца. Брэку царица казалась до умопомрачения красивой.

— Брэк, нет слов... — начала она.

— Слов все равно не хватит, — негромко ответил варвар и скрыл свое смущение за улыбкой. Лошади, на которой он сидел, не терпелось отправиться в путь. — Ты спасла мне жизнь. За это я даю тебе гораздо меньше. Всего лишь один металлический предмет.

Он снял его со спины и передал Рее. Она чуть не вскрикнула, не ожидая, что большой золотой щит окажется таким тяжелым, но сумела удержать его в руках.

— Помни, — предупредил варвар, — ничего никому не рассказывай. Повторяй, что тебя унесли за Темную Завесу в рай, но затем послали назад для того, чтобы ты правила своим народом. Покажи им этот знак как свидетельство того, что твоя богиня, Рогатая Дева, спасла тебя от смерти и будет теперь покровительствовать тебе в твоих деяниях. Этот знак должен их убедить.

Брэк указал могучей рукой на поверхность щита. Она блестела. На ней не осталось ни вмятин, ни царапин. Освещенная красным вечерним светом Рогатая Дева воинственно взирала на мир, держа в руках молнии и колосья. Но чеканщики умело подправили лицо богини. Мысль сделать это пришла Брэку тогда, когда он вспомнил монету, которую держал в руке Хел.

Рогатая Дева, изображенная на щите, имела теперь лицо Реи.

Девушка коснулась руки варвара. На ее щеке заблестела слеза. Брэк из всех сил напрягся. Боль, которую он чувствовал сейчас, превосходила всю ту боль, что он испытал в своей жизни.

— Брэк, поедem со мной на север. Вместе мы...

Брэк заставил себя улыбнуться:

— Но Курдистан ведь на юге...

— Эти месяцы в каменоломне, они были невыносимы для тебя, правда?

— Я был в долгу перед тобой, — ответил он, хотя Рея сказала абсолютную правду.

— Ты... ты должен ехать на юг?

— Да, там лежит Курдистан, Ре... моя царица. Я должен ехать туда.

— Это очень трудное и опасное путешествие.

— Да, это так. — Брэк вдруг вспомнил и темные глаза Арианы, и лицо Септенгундуса, заместника Зла на земле. Септенгундус никогда не простит его. Он знает о том, что Брэк направляется в Курдистан и когда-нибудь преградит варвару путь. «Я последую за тобой», — пообещал Септенгундус Брэку в Ледяном крае. Варвар, однако, не собирался сворачивать с намеченной дороги. — Я просто должен идти дальше, вот и все, — сказал он.

— Почему? — тихо спросила царица, но в голосе ее слышалась мольба.

— Если бы я это сам знал наверняка, — медленно заговорил Брэк, размышляя вслух, — тогда мне не надо было бы никуда ехать. Отчасти я должен ехать туда потому, что меня изгнал собственный народ; отчасти потому, что легенды о Курдистане не дают мне покоя с того времени, как я их услышал. Но самую важную причину я не понимаю и сам... назови это Жребием Судьбы. Сложилось так, что моя дорога лежит в том направлении, и спрашивать больше нечего.

Девушка вдруг прижалась к нему. Рея поцеловала толстую мускулистую шею Брэка. Погонщик, успокоив позвякивающих колокольчиками верблюдов, громко кашлянул.

— Когда поедешь обратно, заверни во Фрик-сос, — прошептала Рея. — Пусть даже вернешься через десять лет. Или через сто. На троне Фрик-соса будет одинокая женщина, без мужчины рядом. Без мужчины, всегда... если только ты не вернешься.

— Возможно, я и вернусь. Но до этого еще далеко. И я... — У варвара с такой силой сжалось сердце, что он вынужден был говорить так, будто отдает приказ: — Царица, погонщику не терпится отправиться в путь. Солнце заходит. Возьми щит и хорошо правь своим царством. Прощай.

— Брэк!

Он поехал мимо фиговой рощи, и Рея пробежала следом за ним несколько шагов. Голос ее был полон нежности, но варвар так и не обернулся. Он не посмел.

Когда же он спустился с поросшего фиговыми деревьями холма и решил оглянуться, Рея, погон-

щик верблюдов и сами верблюды уже исчезли за освещенной солнцем вершиной холма.

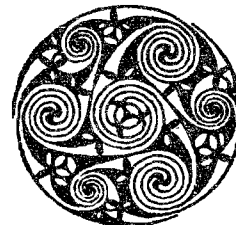
Варвар похлопал по шее свою лошадь.

— Надеюсь, ты поторопишься, подружка. Мы потеряли слишком много времени. И не только времени. Только тебе, и никому больше, скажу что я едва не поехал с ней... Едва не... Ладно, хватит...

Сказав это, варвар поскакал к оживленной дороге, ведущей в город. А оказавшись в городе, стал наводить справки о тех землях, что лежат на юге.

Руна 6

ЗНАК ДЕМОНА



Глава 1

БЛИЗНЕЦЫ

Который был час? Утро ли, вечер? Началась ли буря недавно или целую вечность назад — этого высоченный, крепко сложенный варвар сказать не мог.

Борясь с ветром, сильно наклоняясь вперед, он с трудом продвигался по каменистой равнине, забирая то левее, то правее, словно стараясь найти какой-то ориентир в незнакомой местности. Не заметив острого выступа камня, он распорол себе лодыжку и, потеряв равновесие, упал на землю.

Его падение не было похоже на пружинистое приземление тренированного воина и охотника. На этот раз он рухнул, как мешок с костями. Медленно подняв голову, человек выплюнул набившиеся в рот песчинки и еще раз огляделся. Вокруг него расстилалась однообразная серая равнина каменистого плато, цветом лишь чуть темнее скрытого бурей неба.

Гнев засверкал в глазах могучего варвара. Ему захотелось ударить ветер, убить его. Стоя на четвереньках, человек напоминал дикого зверя, борющегося с враждебной стихией.

Но мгновение спустя, взяв себя в руки, он все же встал на ноги, закусив губы, чтобы не застонать. Добравшись до груды камней, варвар спрятался между ними от ветра и попытался привести в порядок свои мысли.

На постоялом дворе, еще в благодатных саваннах во многих лье к северу, беззубые старики, гревшиеся у очага, предупреждали его об опасностях, которые таило в себе проклятое, дьявольское место — плато Логол. Не желая задерживаться в пути, варвар сделал вид, что не понял, о чем идет речь, и постарался забыть эти предупреждения. Теперь приходилось пожинать плоды собственного легкомыслия.

Ни один благоразумный человек не рисковал пересекать плато Логол и лежащую к югу от него пустыню в это время года. Великан-варвар рискнул. Теперь, сидя в узкой щели между камнями, он вспоминал, как называли старики на постоялом дворе страшный ветер, которым славилось плато Логол.

Снимающий Скальпы. Снимающий Скальпы ветер Логола.

Об этом урагане рассказывали, что он налетает неожиданно, мгновенно покрывая черными тучами небо. Свое название «Снимающий Скальпы» он получил за то, что его порывы могли сорвать кожу и мясо с лица и головы человека. Еще несколько дней назад могучий варвар только посмеивался над этими легендами.

Подумав, он вспомнил, что Снимающим Скальпы старики называли ветер, дующий над пустыней Логол, лежавшей за этим плато. Но и эта буря, пусть не такая и страшная, была не подарком. Варвар подумал, что ему, пожалуй, и не увидеть никогда Снимающего Скальпы урагана, если он не выберется наконец с этого каменистого серого плато.

А от того, что ты сидишь между камнями и жалуешься сам себе на судьбу и погоду, — путь короче не станет.

Человек усилием воли заставил себя покинуть убежище. Налетевший ветер трепал обмотанную вокруг его тела львиную шкуру, играя болтавшейся в воздухе кисточкой хвоста. Широкий меч свисал с кожаного ремня на поясе варвара. Грубый плащ, за который он отдал последние монеты на постоялом дворе, уже частично пошел на обмотки для ног. Устилавшая плато каменная крошка была так остра, что резала в кровь даже его грубые и привыкшие к ходьбе босиком подошвы. Перемотав одну из ног так, чтобы повязка закрывала новую кровоточащую ссадину на лодыжке, варвар, борясь с ветром, тронулся в путь.

Краткий отдых чуть освежил его, однако положение казалось почти безнадежным. Варвар окончательно заблудился среди скал и валунов; еды у него с собой не было. За спиной его булькал полупустой бурдюк с вином. Вино и меч — пожалуй, этого будет мало, чтобы выжить в этой каменной пустыне. Лошади, на которой варвар въехал на плато, повезло больше. В первый же день она провалилась в узкую трещину и сломала себе передние ноги. Человеку ничего не оставалось, как запрокинуть животному голову и одним ударом меча оборвать его мучения.

Варвар, проклиная все на свете и себя за свою слабость, продолжал идти. Его звали Брэк, родом он был из суровых, диких северных равнин. Чтобы добраться до этих мест, ему пришлось проделать долгий путь. И сейчас он не собирался сдаваться. Главное — не поддаваться усталости и не терять времени на бесполезный отдых, только уменьшающий вероятность найти дорогу.

Ветер выл все сильнее, но Брэк все так же медленно и упорно продвигался вперед. Прошел час, еще один... Небо из мутно-серого стало почти

черным. Вскоре плато должна была покрыть своим непроницаемым покровом ночная тьма.

Неожиданно Брэк остановился как вкопанный и прислушался. Да, именно прислушался, внимательно и напряженно. Сквозь густую пелену завываний ветра до его слуха донеслись какие-то другие, не похожие на шумы природы звуки.

Прижав к одному уху согнутую ладонь, Брэк стал медленно поворачивать голову из стороны в сторону, думая: «Или я действительно схожу с ума, или кто-то так же, как и я, заблудился в этих камнях и зовет на помощь».

Сделав шаг вперед, он наступил на сухую ветку невысокого кустарника — единственной растительности, прижившейся на плато среди скал. Отбросив ветку пинком ноги, Брэк прошел еще немного, забирая влево. Сомнений не осталось. Звук шел именно с той стороны.

Брэк побежал. Изрезанный плащ развевался за его плечами, как черные крылья. Пробежав немного, Брэк разобрал, что стонущие звуки издают два человека. Теперь он был в этом уверен.

А кроме того, он понял, что эти люди молили о помощи, явно встретившись лицом к лицу со смертельной опасностью.

Подбежав к каменистой гряде, из-за которой доносились жалобные крики, Брэк выхватил меч из ножен и стал карабкаться вверх по камням. От звука, прибавившегося к человеческим крикам, его прошиб холодный пот.

Не останавливаясь, Брэк быстро добрался до вершины гряды и на мгновение замер. Худшие его опасения оправдались.

По другую сторону гряды низко над землей, громко хлопая крыльями, кружилась в воздухе гигантская — раз в пять больше человека — пти-

ца. Ее круглые золотые глаза горели холодной ненавистью. На каждой ноге ее сверкало по одному, но длинному, как хороший кинжал, когтю. Из клюва, длиной с человеческую ногу, высовывался длинный, растроенный на конце, как вилы, язык.

Издав мерзкий клекот, чудовищная птица нырнула в щель между валунами, откуда вновь послышался слабый крик.

Подбежав ближе, Брэк увидел, что на узкой площадке между гигантскими камнями идет какая-то борьба. Оказалось, что, стоя в центре площадки, какой-то худощавый, не богатырского телосложения человек не очень успешно пытается отогнать птицу длинной веткой. Человек двигался как-то неестественно медленно, словно невероятно устал. Лишь чистая случайность спасла его от разящего удара когтя правой лапы птицы. Человек отмахнулся и сделал шаг назад, чтобы не потерять равновесия, — и острый кривой кинжал прочертил глубокую борозду в гравии на том месте, где он только что стоял. Но в следующий момент влажный, блестящий язык птицы хлестнул в воздухе, словно кнут, зацепив одним из концов человека. Тот со стоном откатился по земле к ногам своего спутника — такой же стройной, как он сам, женщины. Брэк успел отметить, что тела обоих незнакомцев сверкали россыпью разноцветных огоньков.

Не особо раздумывая над странным гардеробом попавшей в беду парочки, варвар бросился вперед, занеся меч для удара. Не заметив его, птица высвободила застрявший среди мелких камней коготь и подошла к людям, зажатым в угол между двумя обломками скалы. Мужчина обреченно поднял ветку перед собой. Пробегая по дну этой природной чаши, Брэк обратил внимание на другие

детали этой сцены: половина лошадиной туши и отдельные кости, груды сухих веток в одном углу — явно грубое подобие гнезда, а на ней — здоровенный камень, из-под которого виднелись обломки скорлупы раздавленных яиц. Брэк все понял. Странно одетой хилой парочке здорово не повезло. Они наткнулись не просто на гигантскую птицу, а на ее гнездо, к тому же — только что раздавленное свалившимся со скалы камнем. Обезумевшая от горя хищная тварь готова была убивать и убивать...

Огромное крылатое существо нависло над загнанными в угол людьми. Двигаясь медленно, словно во сне, мужчина попытался прикрыть собой женщину. Не дожидаясь дальнейшего развития событий, Брэк, которого чуть не выворачивало наизнанку от вони, шедшей от раздавленных яиц и мерзкой чудовищной птицы, нырнул под ее левое крыло.

Почувяв неладное, птица отпрянула в сторону, и удар Брэка не достиг цели. Покрытая роговыми чешуйками грудь птицы оказалась крепче, чем он предполагал, — меч оставил на ней лишь едва различимый шрам.

Заклекотав, гигантская птица повернула голову и увидела Брэка, выкатывавшегося из-под хлопающего по земле крыла.

В пыли, поднятой мощными крыльями, Брэк не заметил лежавшего на его пути камня и оступился. Упав, он успел перекатиться на спину, и тут тяжелое крыло придавило его к земле. Огромный клюв птицы раскрылся, и к лицу человека протянулся белый дрожащий язык.

Перехватив меч левой рукой, Брэк ткнул острием прямо в разинутый клюв, зацепив и торчащий наружу язык.

Из раны брызнула кровь, по запаху и цвету больше напоминающая черный гной. Крылья непроизвольно задергались — и Брэк сумел вырваться из-под прижимавшего его к земле крыла и встать на ноги.

Начался неравный поединок. Птица была намного крупнее человека, сильнее его и быстрее двигалась. Выпад следовал за выпадом. Удар клювом — за выброшенной вперед ногой. Брэк почувствовал, что начинает задыхаться. Давно ему не приходилось вести такой тяжелый бой. Варвар чуть замешкался, и острый коготь распол ему кожу на груди. Застонав от боли, Брэк вновь сделал неверный шаг и оступился. Лишь в последнюю секунду он успел увернуться от когтя, вонзившегося в землю в том месте, где он только что был. Не вставая, Брэк нанес неожиданный удар по лапе птицы. Еще один удар. Еще. Чешуя не выдержала, из раны брызнул гной. Не выдержав веса птицы, ее лапа подвернулась.

Брэк вскочил на ноги и, увидев нацеленный в его живот клюв, подпрыгнул высоко в воздух. Страшные клещи сомкнулись под ним. Упав на клюв и прижав его к земле весом своего тела, Брэк резким ударом вонзил меч в левый глаз чудовищной птицы.

Забившись в агонии, чудовище сбросило с себя человека. Брэк упал на спину, ударившись головой о камень.

Мир погрузился в серую пелену. Когда Брэк пришел в себя, он с трудом разомкнул веки и поднял голову. Все кружилось у него перед глазами, но главное ему рассмотреть удалось — огромная птица была мертва. Из ее левого глаза торчала рукоять его меча, вырисовываясь на фоне серого неба, словно крест — знак смерти.

Все еще пошатываясь, Брэк забрался на тушу поверженного противника, вынул меч из глазницы и обтер его о редкие жесткие перья огромной птицы. Затем, осмотревшись, он заметил стоявших неподалеку мужчину и женщину. Их одежда все так же загадочно сверкала разноцветными огоньками.

Брэк протер глаза, но сияние не исчезло. На какой-то миг он подумал, что перед ним — какие-нибудь безымянные боги этого необитаемого плато.

Подойдя поближе, он убедился в земном происхождении этого сияния. Даже сквозь слой пыли, покрывавшей дорожные костюмы этой пары — сапоги, куртки, шаровары и плащи, — было видно, что вся одежда странной парочки украшена сотнями драгоценных камней. Кто бы ни были эти двое — на себе они несли целое состояние. Держась за руки, незнакомцы пристально смотрели на Брэка.

Чтобы успокоить явно настороженную и испуганную пару, Брэк спрятал меч в ножны.

— Мы... мы премного благодарны и обязаны... — сказала слабым, тихим голосом женщина.

Брэк отметил, что скорее это была не женщина, а юная девушка, почти подросток. Черты ее идеально овального лица казались правильными. Черные волосы обрамляли лицо, чью красоту не мог скрыть даже покрывавший его слой пыли. В полутьме глаза девушки сверкали, словно две жемчужины.

Брэк старательно изобразил самую подобающую, на его взгляд, для такого случая улыбку.

— В этом забытом богами месте встретить человека — большая удача. Скажите, вы сбились с пути?

— Да, — коротко ответил мужчина и тотчас же спросил: — А ты?

— Да, и уже несколько дней назад. Я был... — Неожиданно могучий варвар сбилсЯ и замолчал.

Его юный собеседник — а он был именно юношей, примерно того же возраста, что и его спутница, — удивленно вскинул тонкие брови:

— Что-нибудь не так?

Брэк бросил взгляд на лицо девушки, затем вновь посмотрел на молодого человека. Черты овального лица юноши были столь же аристократичны. Тонкие бледные губы, впалые щеки. Но все же что-то в этом лице говорило о былом величии вырождающегося древнего рода. Глаза обоих незнакомцев напоминали прекрасные темные жемчужины.

— Вы так похожи, — наконец сказал Брэк. — Близнецы?

Девушка натянуто рассмеялась:

— А что, чужеземец? Неужели в ваших северных племенах не рождаются двойни?

— Да, конечно... Просто я не ожидал... И вообще...

Брэк посмотрел на небо, делая вид, что его больше всего интересует погода. На самом деле ему просто стало не по себе от того, что лица этих людей были столь схожи. Повернувшись к остаткам разрушенного камнепадом гнезда, он искоса взглянул на близнецов. Неожиданно для самого себя он почувствовал странное покалывание в ладонях и ступнях.

Действительно, никогда раньше Брэку не доводилось видеть людей, столь похожих друг на друга. Такой же бледный, как и его сестра, юноша мог быть с полным правом назван привлекательным или даже красивым. При этой мысли Брэка передернуло — он не привык оценивать красоту молодых людей.

Варвар решил, что странное ощущение неудобства вызвано роскошными, вышитыми драгоценными камнями нарядами близнецов. Несомненно, такая роскошь подразумевала высокое происхождение этой парочки, а Брэк всегда не очень-то уютно чувствовал себя в такой компании.

— Ладно, я думаю, пора заняться поисками места для ночлега, — оборвал возникшее молчание Брэк.

— Как ты себя чувствуешь? — поинтересовалась девушка.

— Нормально, — буркнул Брэк.

На самом деле у него кружилась голова, тело бил озноб. Кроме того, он два дня не ел, и чувство голода основательно мучило его.

Пытаясь побороть головокружение, Брэк продолжил:

— Надо найти местечко поспокойнее и развести костер. Лучше, если это будет подальше отсюда. У этой птички наверняка есть муженек, который не придет в восторг, увидев нас рядом с ее трупом.

Реакция юноши показалась Брэку странной.

— Как скажешь, чужеземец, — медленно произнес молодой незнакомец. — Веди нас. Мы постараемся следовать за тобой. Но за время пути мы с сестрой очень ослабели и не сможем идти быстро.

Предупреждение не оказалось излишним или преувеличенным. К тому моменту, когда Брэк взобрался на вершину окружавшей гнездо груды камней, близнецы сильно отстали. Двигаясь чертовски медленно, они походили на уставших от долгой игры детей, рукам и ногам которых недостает силы и выносливости.

Двигаясь полуобнявшись, бок о бок, близнецы очень медленно шагали следом за варваром. Брэк с трудом преодолевал росшее в нем раздражение.

Все чаще ему приходилось останавливаться и ждать, пока близнецы подойдут поближе. С трудом двигавшиеся против ветра, они все больше напоминали Брэку не детей, а сгорбленных, полуживых стариков. В мозгу варвара даже мелькнуло опасение, что оба они страдают от какой-то тяжелой болезни.

На плато опустилась ночь. Идти вперед стало невыносимо трудно, и Брэк решил остановиться на ночлег среди камней, дававших хоть какое-то укрытие от ветра. Он хотел попросить юношу помочь ему собрать хворост для костра, но стоило указать близнецам место ночлега, как они тотчас же сели на землю, прислонившись к каменным глыбам. Одного взгляда на них было достаточно, чтобы понять, что до утра они никуда отсюда не сдвинутся. Выругавшись про себя и перевязав все еще кровоточащую рану на груди, Брэк собрался с силами и пошел в ночь на поиски топлива для костра.

Несколько раз ему самому приходилось пережидать приступы сильного головокружения, прислоняясь к камням или сев на землю. Но все же Брэк довольно быстро набрал две охапки сухих веток и побросал их рядом с близнецами. Юноша и девушка даже не пошевелились.

Брэку стало не по себе. «Еще не хватало обнаружить утром рядом с собой двух покойников», — подумал он. Две мертвые статуи из слоновой кости, скончавшиеся в этой дикой глуши, в своих роскошных одеждах.

Сухое дерево загорелось быстро, давая сладковатый дым. Это легкое покрывало, повисшее между варваром и близнецами, делало всю сцену еще более нереальной. Ночь не принесла тишины — ветер, все так же завывая, носился над плато. Где-то наверху слышалось хлопанье крыльев, но вскоре стихло,

и Брэк отложил уже поднятый меч. Откинувшись спиной на жесткий камень, он вздохнул и сказал:

— Еды у меня нет.

— Мы не голодны, — безразличным голосом ответила ему девушка.

Брэк протянул им бурдюк.

— Зато у меня есть вот это. Вино не самое шикарное, но, по крайней мере, согреется.

— Нет, — ответил юноша. Помолчав, он добавил: — Благодарим тебя.

— Ну и ну, — пробормотал Брэк.

Решив не задумываться над странным поведением его спутников, он развязал горловину бурдюка и основательно приложился к его содержанию. Знакомое тепло побежало по телу. Но вместе с тем усилилось головокружение.

«Ничего удивительного — ведь крепкое вино попало в пустой желудок. Да какая разница!» — подумал Брэк. Голова у него кружилась не переставая с того момента, как он упал и ударился затылком о камни во время схватки с огромной птицей. Так почему бы теперь не превратить это ощущение хотя бы наполовину в удовольствие.

По другую сторону костра сидели, вытянув ноги, красивые юноша и девушка. Правая рука брата крепко держала левую руку сестры. Одежды обоих пылали тысячами искр и огоньков в неровном свете пламени костра.

— Я не знаю, как вас зовут, — сказал Брэк, глотнув еще вина.

— А как зовут тебя? — с трудом разжав губы, негромко спросил юноша.

Неприятно удивленный таким ответом человеку, спасшему им жизнь, Брэк все же вежливо ответил:

— Мое имя — Брэк. Как правильно догадалась твоя сестра, я родом с севера.

— Ты — наемник? — спросила девушка.

— Только тогда, когда это необходимо, чтобы заработать несколько монет.

Брэк рассказал кое-что о своих приключениях с тех пор, как он покинул родину. Он рассказал, как решил поискать счастья и богатства в далеком южном Курдистане, о начале своих странствий, о том, как его собственное племя изгнало его за нечестивое обращение к богам. Но о встрече с Септигундусом, жрецом Черного бога Йог-Саггота, и о клятве Септигундуса помешать ему добраться до цели он предпочел умолчать.

Когда Брэк закончил рассказ, юноша наконец сказал:

— Мое имя — Кай. Слышал ли ты что-нибудь о королевстве Джовис?

— Это на востоке? Где-то у Гор Дыма?

— Да, именно там. — Голос Кая не нравился Брэку. А кроме того, сидя по другую сторону костра, Брэк даже не мог определить, говорил ли с ним юноша или его сестра. Кай продолжил: — В Джовисе меня должны были называть Принц Кай. Хотя сейчас уже, пожалуй, просто Кай. А моя сестра Кайя...

— Кай, — неожиданно сам для себя перебил его Брэк, — Кайя. Имена-близнецы?

Большие глаза девушки внимательно смотрели на него сквозь пламя костра.

— Мы — единоутробные брат с сестрой. И изгнаны мы были вместе.

Брэк чуть не поперхнулся вином.

— Изгнаны? — переспросил он.

— Да. Наш дядя предательски захватил трон, на который мы должны были взойти по праву рождения.

Странно, но в голосе Кая не было слышно гнева. Речь его лилась, как мелодичная песенка.

— Когда мы с Кайей достигли совершеннолетия, дядя организовал заговор против нас. Благорасположение жрецов он купил щедрыми обещаниями. Военачальники тоже пошли за ним. Нас изгнали из Джовиса, и с тех пор мы странствуем по свету.

— Нам некуда идти, — добавила Кайя, — нигде нет для нас дома.

Брэк, наклонив голову так, что заплетенные в косичку светлые волосы упали ему на плечо, бросил на близнецов подозрительный взгляд. Девушка продолжала монотонно рассказывать:

— Мы идем из города в город, из страны в страну. Эти камни, — она показала рукой на россыпь драгоценностей на своей куртке, — мы продаем один за другим, когда нам что-либо нужно. За еду, за кров. Как и ты, мы хотели попасть на юг, где теплее, но заблудились на этом плато. Наш конь погиб еще раньше. Похоже, что это его останки притащила к гнезду чудовищная птица. Наверное, мы оказались около этого гнезда вскоре после того, как упавший камень разбил яйца. Остальное ты видел сам...

Слабый голос затих. Его эхо смешалось с завыванием ветра в скалах.

— Это место... — начал Брэк и отхлебнул еще вина. Теперь его желудок словно горел изнутри, приятно согревая все тело, несмотря даже на голод и усталость. — Так вот, это место называется Логол. Очень, очень... — Пауза, чтобы собраться и произнести следующее слово; Брэк чувствовал, что пьянеет на глазах, — опасное место для путешественника. Особенно в это время года. Неужели вас никто не предупреждал об этом? В каком-нибудь трактире? В караван-сараях?

Кай глядел в ночь жемчужными глазами.

— Нет.

— А как... как долго вы уже бродите здесь?

— Много дней. Несколько недель. Мы не знаем точно, — ответила Кайя.

— Боги! Да вы, должно быть, измучились побольше моего! — Брэк вновь протянул близнецам свой бурдюк. — Выпейте же хоть немного. Ночь, похоже, будет холодной.

Красивая и бледная Кайя взглянула в глаза Брэка. Ее улыбка была слабой и печальной.

— Нет.

Кай тоже отказался. Брэк только пьяно хмыкнул от удивления. Вообще-то поведение близнецов, отвергших предложение выпить, показалось ему оскорбительным. Словно желая отомстить им, он запрокинул голову и выпил все содержимое бурдюка залпом, а затем отбросил пустой кожаный мешок в сторону.

Ночная мгла окружала узкий круг света, очерченный вокруг костра. Холодный ветер дул все так же свирепо.

Брэк вытер губы ладонью. Он чувствовал себя разочарованным. Так обрадоваться встрече с людьми в этой пустыне — и получить в спутники эту непонятную парочку.

Дело было вовсе не в том, что близнецы принадлежали к высшему свету. У Брэка был опыт общения с аристократами, и он умел приспособиться к их обществу. Нет, эти бледнокожие братец с сестрой действительно беспокоили его.

Ничто в их поведении не выглядело угрожающим. Скорее наоборот. Красота, утонченность близнецов удачно сочеталась с бесстрастностью и холодностью. Оставалось лишь гадать, какие мысли скрывались за почти гипсовыми масками их

лиц. Даже напевный рассказ об изгнании звучал в устах Кайи совершенно спокойно, как будто речь шла о посторонних, чужих им людях.

Брэк на всякий случай пошарил в темноте и нащупал бурдюк. Пустой. Варвар негромко выругался. «Нет, — подумал он, — это от усталости я стал таким подозрительным. Эти ребята — Кай и Кайя — измучены побольше меня. И к тому же — здорово напуганы. Нет никаких оснований подозревать их в чем-либо».

Брэк отшвырнул бурдюк подальше, чтобы больше не вспоминать о нем, улегся как мог поудобнее на жесткую землю и поплотнее закутался в изрезанный плащ.

— Буря стихнет, — пробурчал он напоследок. — Завтра. Может быть, через день-другой. Но стихнет. Обязательно. Мы выберемся отсюда. Я уверен.

Не скоро после того, как затихло эхо его голоса, послышался ответ:

— Да. Спасибо тебе.

Брэк не разобрал, кто из близнецов произнес эти слова. Да это и мало интересовало его. Усталость словно залила свинцом веки. Огонь костра померк и вскоре совсем исчез в пелене сна.

Ледяной ветер хлестал Брэка по щекам. Проснувшись, он даже не стал открывать глаза, а лежал, прислушиваясь. В темноте раздавалось пение.

Это была странная, грустная песня без слов, единая мелодия, выводимая двумя сливающимися в один голосами. Песня то звучала сильнее, то удалялась. Станные звуки почему-то заставили Брэка застонать. Казалось, это звучал гимн какому-то далекому, недоброму богу. Не выдержав,

Брэк перекатился с боку на бок и открыл глаза. Перед его глазами засверкало золотисто-алое сияние. Догорающий костер, понял он. Пение продолжалось.

Опершись локтем о землю, Брэк попытался встать. Пьяное тело не хотело подчиняться ему, и он снова упал навзничь. Вскоре он уже громко храпел. Но музыка продолжала звучать в его ушах даже сквозь крепкий сон.

В какой-то момент прямо во сне что-то дотронулось до горла Брэка, пробежало по коже, словно многоногое насекомое. Прикосновение было осторожным, изучающим.

Рука!

Рука, сжимающаяся на сильном, могучем горле варвара-северянина. Душащая его рука!

Пробудившись от кошмарного сна, Брэк понял, что удушье не исчезло. Еще некоторое время он ощущал на горле давящее прикосновение невидимой руки. Наконец все кончилось.

Облизав сухие губы, Брэк сделал глубокий вдох.

Что же это было? Просто ночной кошмар? Слишком уж реальными для сна были удушье и прикосновение невидимой руки.

Сбросив остатки сна, Брэк обратил внимание, что уже рассвело. Ветер стих. Воздух был чище и прозрачнее, чем во время бури. Брэк мог видеть почти на лье вокруг.

По другую сторону черной груды углей мирно спали близнецы, все так же держась за руки. В лучах рассвета сверкали украшавшие их одежды рубины и изумруды.

Сама невинность. К тому же спящая. Нет, эта душащая рука ему только приснилась. Но чем больше Брэк смотрел на неподвижных близнецов, тем сильнее мучили его мрачные предчувствия.

Встало солнце — горящий сквозь неосевшие облака пыли багровый диск.

Разбудив близнецов, Брэк предложил немедленно отправляться в путь — на поиски выхода с плато. Кай согласился. Его монотонный, словно неживой голос продолжал беспокоить Брэка, как, впрочем, и внимательные взгляды девушки.

Перевязывая вновь свою рану, Брэк поймал на себе любопытный взгляд Кайи. Поняв, что ее знаки внимания заметили, бледная красавица опустила глаза.

Такое внимание, проявленное со стороны любой другой женщины, заставило бы заиграть кровь в жилах молодого варвара. Но даже признавая, что Кайя безусловно красива и прекрасно сложена, Брэк не мог отделаться от ощущения неприязни, возникавшего в нем при виде этой бледной кожи и жемчужного цвета глаз.

О своих кошмарных снах он предпочел умолчать.

Определив по солнцу направление на юг, Брэк повел за собой близнецов. Погода была намного лучше, чем накануне. Ветерок был даже приятен и совсем не походил на ту враждебную стихию, которая была днем раньше. Единственное, что отправляло Брэку дорогу, — это постоянно мучившее его чувство голода.

Как слабые близнецы смогли так долго продержаться без воды и пищи — Брэк мог только гадать. Как знать, может быть, там, во дворцах, таких, как они, учат стойко, без жалоб сносить любые трудности. Что касается самого Брэка, то через каждые пять-десять шагов он взрывался чередой ругательств и проклятий нерадивым богам.

Двигались они медленно. Кай и Кайя тащились за могучим варваром, словно полуживые инвалиды, не обмениваясь ни словом ни с ним, ни между собой. Брэку часто приходилось останавливаться, чтобы подождать их. К тому времени, когда солнце начало клониться к западу, он уже кипел от раздражения. Брат с сестрой время от времени извинялись перед ним, но от этого их движения не становились более быстрыми.

Стараясь не встречаться с ними глазами, Брэк сказал:

— Можете посидеть и отдохнуть немного, а я прогуляюсь вокруг и поищу дорогу. Кажется, плато здесь идет под уклон.

Не дожидаясь ответа, он развернулся и тотчас же исчез среди камней. От резких движений болела рана на груди, но все тело Брэка соскучилось по нормальным, быстрым движениям. Стараясь не думать о раздражавших и чем-то тревоживших его близнецах, варвар в мгновение ока вскарабкался на одну из скал, возвышавшихся над россыпями валунов на поверхности плато. То, что он оттуда увидел, вселило в него некоторую надежду.

Примерно в двух лье впереди плато заканчивалось, обрываясь неровным скалистым уступом, за которым лежал бескрайний, вытянувшийся от горизонта до горизонта, песчаный океан пустыни Логол.

Столь же неприветливая, как и плато, пустыня все же была долгожданной переменой пейзажа. Как знать, может быть, им троим удастся найти оазис. Колодец с водой. Финиковую пальму... Сглотнув слюну, Брэк вздохнул и начал слезать со скалы.

Кай и Кайя встретили его сообщение с вежливым интересом. Брэк никак не мог привыкнуть к их отстраненному отношению к окружающему ми-

ру. Эту ночь они провели у костра на самом краю плато. На сей раз Брэк лег спать, положив меч прямо под рукой. Засыпая, он вдруг подумал, как эта странная парочка смогла проделать такой путь по землям, славившимся своими грабителями и бандитами, и при этом сохранить на себе все свои драгоценности, словно специально выставленные на всеобщее обозрение. Вскоре сон сморил усталого и голодного варвара, и в эту ночь ни кошмарные видения, ни призрачные прикосновения не беспокоили его.

С рассветом они начали спуск с плато. Это заняло у близнецов, которым Брэк помогал перелезть со скалы на скалу, почти полдня. Ветер опять стал усиливаться. В воздухе повисли пылевые тучи, сквозь которые чуть заметным багровым пятном едва пробивалось солнце. Впереди до самого горизонта перед путниками расстилались огромные, похожие на морские волны барханы пустыни Логол.

Неожиданно Брэк остановился как вкопанный, поднял голову и прислушался.

— Слышали?

Кай покачал головой, а затем негромко сказал:

— Я ничего не слышал.

— Готов поклясться, — убеждал его Брэк, — я слышал звон бубенчиков.

Но больше звук не повторялся, и Брэк вместе с близнецами, увязая в мелком золотистом песке, начал взбираться по склону ближайшей дюны. Добравшись до вершины, Брэк вновь услышал далекий звон бубенчиков сбруи.

Резко повернувшись в сторону, откуда доносился звук, Брэк увидел вдалеке цепочку людей, верблюдов и лошадей или мулов, направлявшихся по гребню далекой дюны на юг.

— Караван! — воскликнул Брэк. — Клянусь всеми богами, нам повезло встретить того глупца, который рискнул идти через пустыню Логол в это время года.

Сложив руки рупором, варвар взревел изо всех сил. Еще раз и еще. На пятый раз порыв ветра, видимо, донес его крик до караванщиков, потому что они сбились в кучу, наверняка что-то обсуждая. Один из них показал рукой в сторону плато. Брэк достал меч, помахал им над головой и вновь что-то прорычал нечленораздельно, но оглушающе громко.

Вскоре от каравана отделился всадник верхом на верблюде и направился к бархану, на вершине которого стоял варвар.

Человек в седле был, судя по всему, опытным наездником. Он легко разогнал в галоп степенное животное. Повернувшись к близнецам, Брэк словно попал под холодный ливень — на утонченных лицах по-прежнему не отражалось никаких эмоций.

Брэк схватил Кая за плечо и крикнул прямо ему в лицо:

— Люди! Еда! Это стоит, в конце концов, хотя бы улыбки!

Кай сделал шаг назад, словно прикосновение руки чужестранца оскорбило его. Но все же он вежливо улыбнулся.

— Да, варвар, это приятная новость.

Кайя, не сводя глаз, следила за приближающимся всадником.

— Это невероятно, — вздохнула она.

Через некоторое время верблюд подбежал к подножию бархана. Всадник подозрительно рассматривал странную троицу. Особенно его внимание привлек Брэк. Незнакомец оказался крупным, плотно сложенным человеком. На нем была до-

рожная куртка, украшенная остатками некогда богатой вышивки. Теперь же большинство настоящих камней и золотых нитей было утрачено, а их место частично заняли заплаты и дешевые подделки. На ногах незнакомца были тяжелые дорожные сапоги, на голове — плоская войлочная шапка. «Судя по всему, — подумал Брэк, — родом он с севера, скорее всего с Ледяных болот». Крючковатый нос выделялся на выжженном пустынной жарой и выдубленном ветрами лице незнакомца, обрамленном огненно-рыжей бородой. Давно не стриженные рыжие волосы кудрями и космами спускались на его плечи, закрывая уши.

Выхватив из ножен кривую саблю, человек громко спросил:

— Эй, вы! Кто вы такие?

— Путники, заблудившиеся на плато, — ответил Брэк. — Мы встретились друг с другом чисто случайно.

— Эти двое за твоей спиной — люди благородного происхождения. А ты — нет. — Незнакомец подтвердил свое заявление плевком.

Могучие мышцы Брэка напряглись. Он уже привык к такому обращению и был готов к нему, но все равно ему стоило больших усилий сдерживать свои чувства. Преувеличенно спокойно он произнес:

— Мое имя — Брэк. А это — господин Кай и госпожа Кайя из королевства Джовис. Куда направляется твой караван?

— На юг, в Самеринд. Караван это не мой, меня нанял старина Хадриос.

— А, так ты, значит, проводник?

— Разуй глаза, болван. Может, ты еще скажешь, что я — простой охранник или, чище того, погонщик мулов? — Незнакомец гордо почесал пышную бороду. — Меня зовут Горзоф, варвар.

Учитывая мое происхождение и мою должность, тебе следует называть меня капитаном.

Брэк хмыкнул:

— Капитаном чего? Судя по твоей куртке — не многого.

Неожиданно холодные пальцы Кайи прикоснулись к руке Брэка.

— Не зли его.

Горзоф довольно фыркнул:

— У госпожи больше здравого смысла, чем у тебя, варвар. Это тебе и твоим спутникам нужна помощь моего хозяина, а не наоборот.

Проглотив обиду, Брэк кивнул:

— Да, нам нужна вода, еда и ночлег.

Осмотрев близнецов, капитан Горзоф согласился:

— Это можно устроить. Нужно только договориться о цене. Для начала что скажешь насчет четырех самых больших камней, которые найдутся на одеждах этой парочки?

— Мы переговорим о цене с хозяином каравана, и ни с кем другим... капитан, — заявил Брэк после долгой паузы.

— Неужели? А что, если я сейчас развернусь и, возвратившись к каравану, скажу хозяину, что вы — шайка бандитов и что нам нужно побыстрее уходить отсюда?

Глаза Горзофа горели презрением и злостью. Рука привычно сжимала рукоятку сабли.

— Ну что ж, капитан, — негромко ответил Брэк. — Тогда я буду вынужден воткнуть свой клинок тебе в спину прежде, чем твой верблюд сделает хоть два шага прочь отсюда. Мы голодны, нас мучает жажда. Мои спутники совершенно истощены. Но я не могу торговаться с вором и вымогателем.

— Попридержи язык, варвар!

Кай что-то сказал, но Брэк уже не слушал его. С обнаженным мечом спустился он по склону дюны, готовый к бою. Увидев это, Горзоф привычным движением заставил своего верблюда встать на колени, затем легко соскочил на землю и тоже приготовился к поединку. В этот миг со стороны каравана донесся призывный звук сигнального горна.

Брэк остановился. Горзоф посмотрел в сторону каравана, откуда доносились крики людей и ржанье мулов.

— Хозяин дергает пса за поводок, капитан, — сказал Брэк.

Горзоф заколебался, но, видимо, благоразумие и осторожность пересилили пылавший в нем гнев.

— Ну ладно, чужестранец, следуй за мной и сам договаривайся с Хадриосом. А мы с тобой поговорим как-нибудь в другой раз.

Вскочив в седло, он легко плашмя ударил верблюда саблей по спине. Животное плавно поднялось на ноги и послушно направилось назад к каравану. Вслед за ним потянулись и три пеших странника.

Кай и Кайя шли быстрее, чем за все то время, что Брэк знал их. Обернувшись и глядя через плечо, он заметил, что они о чем-то перешептываются между собой и даже улыбаются. Брэк не спешил разделить их радость. После встречи с мерзавцем Горзофом варвар ожидал еще худшего от встречи с его хозяином.

Приблизившись к каравану, Брэк насчитал в нем две дюжины верблюдов и примерно столько же вьючных мулов. Каждое животное несло на себе две большие корзины, а некоторые в два раза больше. В хвосте каравана столпилась дюжина молодых парней — погонщиков и одновременно

охранников каравана, наблюдавших за приближением незнакомцев. Среди них Брэк заметил мужчину в длинном сером одеянии и, к своему удивлению, седовласую старуху.

Горзоф повел чужаков к голове каравана. Разведчик спешился с верблюда рядом с бородатым пожилым человеком и женщиной, вышедшими навстречу незнакомцам. Горзоф тотчас же начал говорить что-то на ухо своему хозяину. Брэк прикидывал, стоит ли сразу рассказывать седому про то, как их встретил его разведчик и как он пытался в обход хозяина получить с них плату. Все теперь зависело от того, что скажет сам хозяин каравана.

Седобородый сделал шаг вперед. Его правая нога заканчивалась где-то у колена, а дальше, частично закрытый штаниной из некогда отличного синего шелка, превратившегося теперь в линялую тряпку, виднелся деревянный протез. Вообще было похоже, что вся одежда этого пожилого человека, как и он сам, видала лучшие времена. Седобородый старик не был враждебно настроен.

— Приветствую вас троих. Мой проводник сказал, что вы заблудились на плато.

Брэк кивнул. Махнув рукой на север, он сказал:

— Мы случайно встретились там. Меня зовут Брэк, а это — Кай и Кайя из Джовиса, королевства на востоке.

Об истории близнецов Брэк не стал распространяться, предоставив им самим право решать, нужно ли поведать караванщикам о том, что они пережили. Сказав, что сам он направляется в Курдистан, Брэк подытожил:

— Если вы сможете накормить нас и разрешите остаться на ночлег с вами, мы отблагодарим вас за гостеприимство.

— А почему бы и нет? — ответил старик. — В этих проклятых местах встретить человека — редкая удача. Единственный гость, которого мы ждем с утра до ночи, — это ветер, Снимающий Скальпы. Да, прошу извинить, я совсем забыл про приличия. Меня зовут Хадриос, я купец из города Самеринда, что в южном Копте. Иногда меня называют Хадриос-Идущий-По-Звездам. Я ведь всю жизнь вожу караваны, днем ориентируюсь по солнцу, ночью — по звездам. Вы уже познакомились с моим разведчиком-проводником...

— Вашим капитаном, — вставил Брэк, заметив, как покраснел и закусил губы Горзоф.

— А это моя дочь Илана.

Молодая женщина, стоявшая рядом с купцом, кивнула и улыбнулась. Брэк улыбнулся ей в ответ, заметив, что она симпатичная и хорошо сложена. На Илане была узкая, обтягивающая куртка, цветастая юбка и сапоги, подходящие для долгих переходов по пустыне. Несколько браслетов украшали ее руки. Брэк знал, что городские женщины часто красят себе лицо, чтобы выглядеть привлекательнее, но Илана не нуждалась ни в какой косметике. И без того ее большие серые глаза и полные алые губы привлекали мужское внимание.

— Отец, скоро стемнеет, — сказала Илана. — Нельзя ли сегодня остановиться на ночлег раньше? Пусть погонщики поставят второй шатер для гостей.

— Это было бы очень великодушно, госпожа! — вступил в разговор Кай. — Моя сестра действительно падает с ног от усталости.

— Мне кров не нужен, — сказал Брэк. — Только еда и вино.

— Ну, глядя на тебя, чужеземец, я так и подумал. — Хадриос смерил Брэка оценивающим взглядом, затем посмотрел на небо, принялся к

ветру. — Плохое время для перехода через Логол. Я думаю, ты-то это понимаешь, но... — Еще подумав, старик согласился: — Ладно, час-другой ничего не изменит.

Хлопнув в ладоши, Хадриос громко позвал:

— Сивикс! Сивикс, куда ты подевался, старая лиса? Стреножить животных и поставить второй шатер. Мы заночуем здесь.

Устройство лагеря заняло довольно много времени. Когда все животные были развьючены и стреножены, а изрядно потрепанные шатры установлены между дюнами, темнота уже поглотила пустыню. Холодная ночь негромко шептала что-то на своем непонятном языке, пересыпая песчинки под порывами ветра.

Сивикс — старший команды погонщиков — оказался и вправду больше всего похожим на старую, облезлую пустынную лису. Маленький, верткий, с бегающими глазками, он руководил своими подчиненными, крича на них, злобно подшучивая и подкрепляя слова пинками и щипками. Наконец был разведен костер, повешен котел и по кругу пущен бурдюк с вином. Вскоре Брэк уже сидел, поджав ноги, и наслаждался горячим куском мяса, только что вынутым из котла, кипящего над костром.

Причмокнув от удовольствия, Брэк облизал губы и поймал на себе заинтересованный взгляд Иланы. Она не отвела глаза, а, наоборот, весело улыбнувшись, подмигнула Брэку. Тот в свою очередь расплылся в довольной улыбке.

У входа в шатер, поближе к костру, сидели на небольших табуретках Кай и Кайя. Для них из спешно распакованного вьюка были вынуты две красивые тарелки, выточенные из слоновой кости. Брэк почти перестал обращать внимание на стран-

ности в поведении близнецов. Сам он, поев и выпив, чувствовал себя куда лучше, чем в последние дни.

Хадриос еще не ужинал, занятый лечением больного мула. Время от времени Илана подходила к костру, чтобы помешать похлебку в котелке. Неожиданно капитан Горзоф перехватил ее ногу, и потом его рука скользнула выше, туда, где юбка прикрывала не затянутую шнурованным сапогом кожу. Илана махнула ему в лицо черпаком, забрызгав рыжую бороду каплями жира.

— Не сегодня, капитан, — сказала она. — Не сегодня и никогда больше. Я ведь уже говорила тебе. Я скорее буду целоваться с черепахой, чем с выскочкой, сочиняющим себе титулы и звания.

Вспыхнув, Горзоф вскочил на ноги, к удовольствию наблюдавшего за этой сценой Брэка. Уже раскрыв рот, чтобы что-то ответить женщине, Горзоф заметил входящего в шатер Хадриоса. Тогда, схватив свой кубок с вином, самозванный капитан молча вышел и скрылся в темноте.

Хадриос выудил из котла кусок мяса и, кряхтя, уселся рядом с варваром.

— Чертов мул сдох. Уже третий мул за этот переход. Этот мерзавец Сивикс совсем не ухаживает за животными. Нет, этот караван точно проклят богами. А ведь худшая часть пути еще впереди. Не хватает только урагана.

— Могу ли я спросить, — осторожно поинтересовался Брэк, — почему вы идете через пустыню в это время года?

— Потому что мне нужно доставить эти тюки с золотом, камнями, специями и слоновой костью, зеркалами, гребнями и прочей ерундой в Самеринд! Почему же еще? В общем, мне нужно покрыть убытки. Водить караваны — ненадежное

дело. В былые годы судьба улыбалась мне. В последнее время боги отвернулись. Удача перестала сопутствовать моим караванам. Я потерял два каравана подряд. В первый раз человек, которого я нанял в проводники, оказался вором. Поверив ему, я отпустил его с грузом без присмотра, а он, продав товар где-то в другом городе, так и не вернулся в Самеринд. Второй караван был разграблен разбойниками, которых мы можем встретить со дня на день.

Илана пояснила:

— Отец говорит о всадниках Курана.

Брэк сказал, что ему это название ни о чем не говорит.

— Бандиты они, вот и все, — буркнул Хадриос и объяснил: — Куран — город-государство в самом центре пустыни Логол; он древнее, чем само время. Неужели ты никогда не видел людей из Курана? Хотя чего спрашивать — такого зрелища ты бы никогда не забыл. Все мальчишки в этом городе, достигнув определенного возраста, поступают в распоряжение жрецов. Им выжигают один глаз, а на его место вставляют алый рубин. Воспитание, которое они получают, делает их жестокими, отважными и свирепыми. Их король — его имя Ибрахим — и его жена, королева Схар, — опытные воины. Как и весь их народ, они невероятно сильны. Жизнь в этой пустыне не терпит слабых.

От входа в шатер донесся вопрос Кайи:

— Они сильнее, чем все обыкновенные люди?

Хадриос обернулся:

— Не то чтобы сверхъестественные, госпожа. Просто они очень выносливы и обладают большой силой. Иначе они не смогли бы выжить в землях Логола.

Кай вытер губы полкой плаща. Брэк заметил, что молодой аристократ едва притронулся к еде. Его жемчужные глаза как-то по-новому засверкали.

— Дело в том, уважаемый Хадриос, что моя сестра обожает силу, восхищается сильными людьми. Я полностью согласен с нею. Мы оба завидуем нашему спасителю-чужестранцу, его сильному телу и его образу жизни.

Брэк в ответ пробурчал что-то неодобрительное, и Кай снова принялся ковыряться в своей тарелке. Кайя же продолжала неотрывно следить восхищенным взглядом за недовольным варваром.

Долив себе вина, Хадриос продолжал рассуждать вслух:

— Очень может быть, что мы встретим всадников Курана и того... того, кто скачет вместе с ними.

Что-то в голосе старого купца заставило Брэка вздрогнуть.

— Это еще кто?

— Немой великан. Говорят, что некогда он был человеком, но его заколдовали и наделили сверхъестественной силой. Многие считают, что это просто обычный человек, но невиданно сильный. Вместо одного рубинового глаза — у него их два. Легенда? Как знать... Те, кто выжил после нападения куранцев на караваны, утверждают, что нападавших вел в бой этот великан. Нам же остается только молиться, чтобы Каменные Глаза не встретился нам на пути.

— Занятное имя, — отметил Брэк.

— Пусть оно останется для нас только именем, — вздохнул Хадриос. — Я на этот караван поставил все, чужеземец. Мне самому пришлось добираться до города Тимбелло на западе, покупать там товар и вести караван назад. Я потратил

все до последней монеты, чтобы купить то, что лежит сейчас в этих выюках и корзинах. Мне пришлось пожертвовать благоразумием и отправиться в переход через Логол в это время года. Выбора у меня не было. Либо я доведу этот караван, либо разорюсь. Разорюсь...

Брэк решил, что пришло время уводить разговор от мрачных предсказаний.

— Я собирался проделать путь на юг в одиночестве. Но, быть может, я могу дойти до вашего города вместе с караваном?

Старик вздрогнул и переспросил:

— Что?

— Отличная идея, — поспешила согласиться с предложением Брэка Илана. — Лишний меч в караване не помешает.

— А эти? — тихо переспросил Хадриос. — Что делать с этими доходягами-аристократами?

Брэк буркнул:

— Не думаю, чтобы от Кая было много толку, случись всем взяться за оружие.

Хадриос встал и подошел к близнецам поближе:

— Как далеко вы собираетесь идти с нами?

Кай мягко улыбнулся и ответил:

— До вашего города, до Самеринда, если вы, конечно, позволите, уважаемый хозяин.

— Я-то не против. Но сможете ли вы отработать свое содержание?

В шатре повисло напряженное молчание. Кай и Кайя явно понятия не имели, как отвечать на такие вопросы, заданные простолюдином. Сам того не желая, Брэк вдруг спросил:

— А мои услуги будут достаточны, чтобы оплатить содержание всех троих?

Хадриос резко развернулся на своей деревяшке. Его бледные глаза загорелись.

— Как знать, чужеземец, как знать... Понимаешь, старший команды погонщиков, Аноксимадер, умер восемь дней назад. Еще одно свидетельство того, что этот караван проклят! Этого шакала Сивикса ты сам видел. Даже хорошо не зная тебя, я с большей уверенностью возложу ответственность за погонщиков на тебя. Если ты справишься с этим делом и дойдешь с нами до Самеринда, я буду считать, что эти двое — не нахлебники.

Какой-то миг Брэк еще колебался, вспоминая мрачные предсказания по поводу предстоящей каравану дороги. Но тут его взгляд встретился с ласковым, чуть грустным взглядом Иланы.

«В конце концов, — подумал он, — что безопаснее — идти одному или вместе с отрядом, где худо-бедно есть дюжина клинков». Брэк кивнул:

— Договорились.

Хадриос оживился:

— Пойдем-ка обрадуем Сивикса. Мне не терпится посмотреть на его рожу, когда он узнает, что не получает больше дополнительную плату за безделье.

Дюжина лиц внимательно следила за тем, как у второго костра, в другом конце лагеря, Хадриос объявил Сивиксу о своем решении. Тот отреагировал на новость, плюнув Брэку под ноги.

— Что? Передать мое дело этому варвару? Да будь ты проклят, деревянная нога!

— Попридержи язык, — угрожающе одернул его Хадриос. — А не то — выгоню из каравана. Будешь добираться один.

— Лучше уж так, чем выслушивать указания этого чурбана!

По лицу Брэка медленно расплылась зловещая улыбка.

— Может быть, устроим маленькое состязание, чтобы определить, кто больше подходит на

роль командира? Что скажешь, Сивикс? На словах, на кулаках, на мечях? Выбор за тобой.

Сивикс снова плюнул.

— Не хочу пачкаться! — заявил он и пошел прочь.

Остальные погонщики не были столь дерзко красноречивы. Они с благоразумным уважением молча рассматривали могучую фигуру Брэка.

— Ну вот, — сказал Хадриос Брэку, когда они пошли назад, — я думаю, что пары зуботычин хватит, чтобы навести в этой компании порядок. Большинство из них — неплохие ребята. Хотя, сам понимаешь, на мои гроши я мог нанять только зеленых пацанов из трущоб Тимбелло. Но Сивикс — другое дело. Сам видел... — Старик взял Брэка за руку и потянул в сторону. — Пойдем, я познакомлю тебя еще с двумя членами нашего отряда. Оба они нелюдими и обычно готовят себе еду и спят у отдельного костра. Одна из них — моя родственница, другой...

Договорить Хадриос не успел. Его на полуслове оборвал Брэк, резко развернувшийся на звук шагов за спиной. В темноте что-то сверкнуло. Это кинжал, зажатый в руке Сивикса, метнулся к груди чужеземца.

Брэк резко поднырнул под клинок, перехватил руку Сивикса и, распрямившись, легко поднял нападавшего на плечах. Затем, перевернув его в воздухе, резко швырнул застонавшего Сивикса на землю, словно мешок, и обоими коленями уперся ему в грудь.

Прижав запястье Сивикса к земле, Брэк свободной рукой вынул из его кулака кинжал и замахнулся, целясь ему в грудь. Маленький человек жалобно взвыл и зажмурил глаза. Брэк резко изменил направление удара и вонзил кинжал в

песок между двумя пальцами прижатой к земле растопыренной ладони Сивикса.

Наступила тишина, нарушаемая только свистом ветра. Сивикс тяжело дышал, придавленный к земле коленями Брэка. В его взгляде смешались страх и ненависть. Неожиданно напряжение разрядили расхохотавшиеся над неудачливым мстителем погонщики.

Брэк медленно встал.

— Запомни, Сивикс. Это был первый раз, когда ты ослушался моего приказа. Посмеешь подойти ко мне спины еще раз или не сделать то, что тебе говорят, — можешь считать себя покойником.

Хадриос выразил одобрение поступку и словам Брэка; затем они вновь направились к горевшему в отдалении костерку. Загородившись от ветра корзинами и тюками, у огня сидела древняя старуха, чей почти лысый череп прикрывали лишь редкие белые как снег волосинки. Судя по ввалившимся губам, зубов у нее оставалось тоже не много. Все тело старой женщины мелко вздрагивало и тряслось как в лихорадке. Брэк издали обратил внимание на то, что одежда старухи представляла собой грудку разноцветных лоскутков. Вздвогнув, он заметил, что глаза женщины закатились и в свете огня сверкали влажным блеском одни белки.

Хадриос почтительно прошептал:

— Это сестра моего отца. В Самеринде о ней некому было позаботиться, вот я и взял ее с собой. Кстати, она вовсе не обуза для каравана. Иногда старая ведьма бывает очень даже полезна.

— Она что, колдунья?

— Ну, кое-что предсказать ей порой удается. А кроме того — видишь вон тот маленький мешо-

чек у нее на поясе? Это ее личная коллекция разных дурманящих порошков. Уже не раз они отлично справились с тем, чтобы утихомирить напившегося и буянящего погонщика.

Похоже, что Хадриос действительно с большим почтением относился к своей престарелой родственнице. Осторожно наклонившись над ней, он негромко спросил:

— Матушка Миль! Вы меня слышите? Это я, Хадриос.

Несколько пузырьков выступило поверх губ старухи. Запрокинув голову и сцепив сжатые кулаки, она дрожала всем телом и что-то неразборчиво бормотала. Брэк почувствовал, как волосы на затылке встали дыбом, когда он сумел частично разобрать ее слова:

— Мы идем во тьму. Скачем во тьму. Незнакомец ведет нас во тьму...

Хадриос поморщился.

В этот миг Брэк схватился за рукоять меча, потому что из-за груды тюков появился другой, незнакомый ему человек.

Стройный, средних лет, с большими залысынами на лбу, этот человек был одет в серую сутану. Одевание перехватывал на талии вышитый бисером пояс, с которого свисал резной каменный крест с лучами равной длины.

— Знакомься — брат Поль, — представил незнакомца Хадриос.

— Я отошел прогуляться по пустыне, — сообщил брат Поль. — Не думаю, что это кому-то повредит. Матушка Миль уже с час говорит во сне одно и то же.

Затем брат Поль вопросительно поглядел на Брэка. Тогда Хадриос представил его. Затем купец продолжал объяснять варвару:

— Брат Поль возвращается из Тимбелло в Самеринд. Он принадлежит к Ордену Несторианцев. Лично я не разделяю их учения о едином Безымянном боге, но, знаешь, иметь духовное лицо в путешествии по пустыне никогда не помешает. А кроме того, он заплатил за свою кормежку.

— Сама практичность, — отрекомендовал монах Хадриоса, криво улыбнувшись.

Брэк ничего не сказал. Ему уже доводилось встречать последователей учения, основанного экзальтированным пророком Нестором. Символическое значение каменного креста, висевшего на поясе Поля, было ему известно. В присутствии людей этой веры Брэк всегда чувствовал себя неуютно, поэтому он был очень доволен, когда Хадриос снова обратил свое внимание на старую женщину.

— Ну и что она говорила, Поль?

— По-моему, какую-то бессмыслицу, — ответил монах, бросив косой взгляд на Брэка. — По крайней мере, я ничего не разобрал.

Матушка Миль застонала в бреду:

— Во тьму, во тьму. Все вместе в беспросветную тьму. Ведет туда. Незнакомец ведет нас туда. Незнакомец ведет нас:

Хадриос повернулся к Брэку, глядя на него широко раскрытыми глазами, затем снова наклонился над старухой.

— Матушка Миль? Кто этот незнакомец?

— Вновь прибывший, — забормотала старая колдунья. — Дикий человек. Он притягивает зло. Он ведет нас во тьму.

— Не следует слишком серьезно относиться к бреду старой женщины, — попытался сгладить ситуацию брат Поль.

— Он притягивает зло! — выкрикнула матушка Миль, запрокинув голову.

— Какое зло? — едва не плача расспрашивал ее Хадриос. — Кто этот человек? Матушка Миль, вы должны, должны объяснить мне все!

Застонав, старуха повалилась на бок.

Монах с интересом разглядывал Брэка. Хадриос в растерянности смотрел куда-то в сторону, явно не желая обидеть нового знакомого своими опасениями. Но слова предсказательницы несомненно произвели на хозяина каравана сильное впечатление. Брэк понял, что ему лучше всего отойти. Буркнув что-то на прощание, он пошел к костру погонщиков.

Напоследок он бросил взгляд на лежащую без сознания старуху, чья сухая рука крепко сжимала мешочек с колдовскими снадобьями. «Он притягивает к нам зло...»

Не задерживаясь у ближайшего костра, Брэк проследовал дальше, не обращая внимания на уважительные взгляды отдохнувших погонщиков. Сивикса нигде не было видно.

Илана протянула Брэку одеяло, которое он расстелил на песке по соседству со спящими верблюдами. Увиденное и услышанное им здесь отбило у него всякую охоту провести ночь рядом с людьми. Все эти разговоры о кровожадных уродах из Курана, двое нажитых врагов в лице Горзофа и Сивикса, да еще и безумная чушь, которую молала старуха, — это было слишком много для человека, не привыкшего много думать и рассуждать.

Но сколько Брэк ни ворочался с боку на бок, в его мозгу продолжали звучать слова предсказательницы:

— Он притягивает зло... Он ведет нас во тьму...

Похоже, что поспать ему удалось совсем немного. Брэк проснулся от шума в лагере. Крича, караванщики беспорядочно метались по лагерью. Храпели верблюды, ржали мулы. Небо над пустыней ненадолго расчистилось от туч, и на нем россыпью бриллиантов засверкали крупные звезды.

Что-то эхом прозвучало в голове Брэка, что-то, уже слышанное им до пробуждения. Отбросив одеяло, варвар вскочил на ноги.

По пустыне пронесся дикий, отчаянный крик, переходящий в стон, полный страха и боли.

Великан-варвар рванулся туда же, куда уже бежали люди с факелами в руках. С ужасом он понял, что совершенно точно уверен: крик шел с того места, где остановилась на ночлег старая предсказательница — матушка Миль.

Глава 3

В ДОЛИНЕ ДЬЯВОЛЬСКИХ ЯМ

Брэк бежал навстречу предрассветному ветру, быстро догнав тех, кто проснулся раньше него.

Он обогнул неистово бьющихся на привязи мулов; где-то впереди замелькал огонь — костер, горевший между наваленными друг на друга тюками в том месте, где остановилась на ночлег матушка Миль. Неожиданно показалась движущаяся тень. Вблизи она превратилась в силуэт бородатого человека с факелом в руке.

— Я услышал крик, — воскликнул капитан Горзоф, оказавшийся первым у костра старухи. — Но ее здесь нет.

Справа подбежал Хадриос и крикнул:

— Она не могла уйти далеко, Горзоф! Она ведь еле стоит на ногах!

Брэк почувствовал, что кто-то остановился рядом с ним. Обернувшись, он увидел Илану, опасно жавшуюся к нему, смотрящую за тем, как Горзоф вновь обходит груды тюков, высоко подняв факел.

Со всех сторон подбегали погонщики — испуганные и заспанные. Откуда-то из темноты вынырнул брат Поль. В считанные секунды все рассыпались по пустыне в поисках исчезнувшей старухи.

Вдруг все разом замерли, услышав полный ужаса крик Горзофа:

— Сюда! Хадриос, сюда! Ради всего святого — скорее!

Брэк потащил Илану за собой вниз по склону дюны. Вскоре они увидели капитана, стоявшего на коленях перед сухим колючим кустом. Голые, почти безжизненные ветви шуршали и поскрипывали на ветру. Зоркие глаза Брэка рассмотрели на них нечто, напоминающее по форме человеческое тело с болтающимися на ветру руками и ногами. Голова трупа свешивалась на бок, и ветер играл белыми волосами.

Тошнота подступила к горлу даже издавшего вида Брэка. Илана тоже зажала рот рукой. Один из погонщиков не выдержал — его вырвало.

Горзоф с трудом поднялся на ноги и подобрал свой почти погасший факел. Хадриос вцепился в руку Брэка и повернул к нему полное слез лицо:

— Боги, сжальтесь над моим рассудком! Нет, нет! Такого ужаса не может быть!

Брат Поль поднял перед собой каменный крест. Похоже, монах тоже с трудом сдерживал тошноту.

— Не смотри туда, Хадриос, — сказал он.

Но хозяин каравана не мог отвести взгляда от страшного зрелища: тело матушки Миль висело на ветках, словно оставленная для просушки тряпка. Ее лицо, туловище, руки и ноги — все было выжато, раздавлено, словно побывав под гигантским прессом. В таком обезображенном теле не могло остаться ни единой кости, ни единой капли крови. От женщины осталась лишь тонкая оболочка.

Брэк до боли сжал кулаки и все время спрашивал себя, не сошел ли он с ума.

— Нож! — хриплым голосом потребовал Хадриос. — Кто-нибудь, дайте нож!

Илана попыталась отвести его в сторону:

— Отец, не надо. Не смотри на нее. Не тревожь душу...

— Нож!

Один из погонщиков, не решаясь подойти поближе, бросил Хадриосу нож рукояткой вперед. Старый купец схватил его и повернулся к останкам предсказательницы. Горзоф, с трудом глотая, отшатнулся. Хадриос поднял то, что осталось от правой руки старой женщины, — тонкую веревку, не толще большого пальца.

Хадриос аккуратно провел лезвием по сухой, перекрученной коже. Послышался характерный звук испаряемой ткани. Брэк увидел, как раскрылись края раны.

Из разреза упала в песок одна розовая капля. Только одна.

Хадриос выронил нож. Илана повисла на руке Брэка, почти потеряв сознание. Обливаясь потом, монах тербил свой крест.

Вздрогнув еще раз, Хадриос вновь стал рассматривать страшные останки. Через несколько мгновений, не поворачивая головы, он позвал:

— Есть кто смелый? Идите сюда, я покажу вам кое-что.

Брэк и Поль откликнулись на зов. Подойдя, они увидели, что Хадриос показывает пальцем на пергаментное плечо трупа.

— Видите? Вот три следа, — выдохнул старик.

Действительно, три точки, словно вершины невидимого равностороннего треугольника, отпечатались на коже еще совсем недавно живой женщины.

Брат Поль облизнул губы и предположил:

— Наверное, какое-нибудь животное.

— Нет, это не животное, — прошептал Хадриос. — Ни один хищник, обитающий в пустыне Логол, не может так высасывать кровь и плоть из тела, не повреждая к тому же кожу. Нет, это какое-то дьявольское порождение, какой-то демон, владеющий всей этой пустыней, схватил ее, убил и оставил свой знак. И ведь она предсказала это. Еще ночью она говорила...

Не выдержав, он бросил взгляд на Брэка. Полный невысказанной ненависти взгляд, впрочем тотчас же отведенный в сторону. Отвернувшись, старик дал выход своему горю в безутешных рыданиях.

«Он притягивает зло», — вспомнил Брэк слова старой предсказательницы. Нет сомнения, она имела в виду Брэка. И зло не заставило себя долго ждать. Но откуда оно пришло? Ветер, гнавший песчаную поземку по бескрайней пустыне, не давал ответа.

Наконец Хадриос взял себя в руки. Извинившись за несдержанность, он позволил Илане увести себя. Брэк посоветовался с братом Полем, и вдвоем они решили не трогать останки матушки

Миль, пока Хадриос не прикажет сделать то, что сочтет нужным. Брэк приказал Сивиксу и еще двоим погонщикам поочередно караулить тело. Нельзя сказать, что они пришли от этого в восторг, но никто, даже Сивикс, не осмелился перечить.

Уже собравшись уходить, Брэк вдруг заметил еще одну странность — мешок с колдовскими порошками матушки Миль куда-то исчез.

Направляясь к ревущим и рвущимся с привязей животным, Брэк слышал лишь один звук — шелест колышущегося на ветру бескровного тела, повисшего на ветвях. Варвар понял, что этот звук ему теперь не забыть до конца своих дней.

Вскоре после восхода Брэк и Горзоф по приказу Хадриоса навалили груды сухого хвороста под обезображенным трупом. Монах-несторианец что-то бормотал и водил крестом по воздуху. Наконец Горзоф поднес к сухим веткам факел.

Отвратительный запах пошел от погребального костра. От этого запаха Хадриосу опять стало плохо. Лишь два часа спустя караван тронулся в путь. Вскоре солнце вновь скрылось за черными тучами, а людям и животным опять пришлось идти, преодолевая сильный, дующий в лицо ветер.

Действуя где словом, где кулаком, а где и рукояткой меча, Брэк добился того, что погонщики выполняли свою работу более-менее быстро и слаженно. Один Сивикс, как назло, не торопился выполнять приказы. Брэк видел, что глаза маленького человечка полны ненависти. Но варвар решил делать вид, что не замечает этого, и не стал провоцировать Сивикса. Сорвись сейчас кто-нибудь из них — и тогда Брэку придется убить свое-

го противника, а он не хотел еще больше омрачать этот день.

Наступил вечер. Ночь прошла тихо, как и следующая. Пустыня все так же однообразно тянулась от горизонта до горизонта. Все чаще налетал сильный холодный ветер.

Брэк быстро и без особых трудностей освоил верховую езду на верблюде и нашел такой способ передвижения весьма приятным. Кай и Кайя все так же молча садились каждый вечер у входа в шатер и почти не притрагивались к еде. Но Брэк заметил, что они все же стали бодрее и здоровее с тех пор, как вернулись к какому-то подобию цивилизованной жизни. Один раз он заметил, как Кайя смотрит на него с легкой улыбкой на губах. Сам того не желая, он улыбнулся в ответ. Пятна румянца тотчас же покрыли бледные щеки девушки.

Прошло еще два дня. Караван продвигался вперед. Как-то вечером брат Поль вывел своего мула из цепочки каравана и, обогнав остальных животных, поравнялся с ехавшим на верблюде во главе отряда Брэком. Капитан Горзоф, высматривавший подходящее для ночлега место, черным пятном маячил где-то далеко впереди.

Брэк посмотрел на монаха и сказал:

— Судя по тем братьям из вашего ордена, которых я встречал раньше, осмелюсь предположить, что и вы — хорошо образованный человек.

— Так говорят, — осторожно согласился монах.

— Что убило старуху? Все молчат, словно воды в рот набрали, до того перепугались.

— Может быть, они и правы. В молчании скрывается высшая мудрость.

— Но ведь что-то ее убило. Как знать, не появится ли вновь...

— Что? Какой-нибудь зверь? — Монах обвел рукой пустыню. — Не думаю.

— Тогда что же это было?

— У тебя какой-то обостренный интерес ко всему странному и непонятному. Я думал, что у варваров не столь пытливый ум.

— Ты был прав. Дело не в особом интересе. Просто здравый смысл подсказывает, что лучше загодя узнать побольше о незнакомом противнике. Вот и все. Что скажешь?

Несторианец прокашлялся и ответил:

— Знаешь, я в общем-то особо и не задумывался над этим...

— Твои глаза говорят другое.

Монах посмотрел на мощную фигуру варвара, нависшую над ним со спины верблюда. Подозрительность и страх были написаны на его лице. С большим трудом ему удалось изобразить безразличие.

— Одно дело — личные размышления, варвар. Высказать их вслух — совсем другое. Я вовсе не уверен, что все уши в этой компании дружелюбно слушают мои слова. Так что я лучше оставлю свои мысли при себе. Тем более что, судя по твоей манере держаться, ты презираешь мой орден и мою веру.

Брэк поморщился.

— Слушай, жрец, согласишься, что ты скрываешь истинную причину своего молчания...

Но Несторианец уже повернул своего мула и направился назад, в хвост каравана.

В ту ночь, когда лагерь уже давно успокоился, Брэка разбудила музыка.

Он повернулся с боку на бок под одеялом. Ночь пахла верблюдами и мулами. Брэк прислушался.

Два голоса где-то вдалеке. Медленная, печальная песня без слов звучала то сильнее, то слабее. Где-то он уже слышал эту странную мелодию.

Брэк осторожно выбрался из-под одеяла и стал пробираться между спящими верблюдами, стараясь не привлекать к себе внимания. В стороне у костра погонщиков раздавались веселые крики — там вовсю шла игра в кости. Видимо, таинственная музыка шумной компании была не слышна. Кто же издавал эти тягучие, печальные звуки?

Неужели Кай и Кайя ушли одни в пустыню? Ради чего?

Безумие. И все же...

Брэк с час походил вокруг лагеря, пытаясь обнаружить источник звука. Но стоило ему выбрать, казалось бы, безошибочно верное направление, как невидимые певцы, словно по волшебству, переносились в другое место.

Вернувшись в лагерь, Брэк обнаружил, что все погонщики, даже самые заядлые игроки, легли спать. Видимо, музыка беспокоила только его одного.

Закутавшись в одеяло, Брэк стал гадать, что за странное помешательство овладело близнецами, заставляя их, словно лунатиков, ходить по ночной пустыне, упражняясь в бессловесном пении. Укрывшись получше, Брэк попытался уснуть, вдыхая земной, простой и привычный запах, шедший от лежавшего неподалеку верблюда. Но, сколько он ни затыкал себе уши, таинственная мелодия, звучавшая над пустыней, гнала сон прочь.

— Варвар, ты спишь?

От неожиданности Брэк вздрогнул и вскочил на ноги, отбросив одеяло.

На небе почти не было туч. Погода была лучше, чем за все время путешествия, но Хадриос предсказывал перемену к худшему на следующий день. Окончательно лишенный даже надежды на сон, Брэк решил прогуляться, чтобы успокоить нервы.

Вдруг навстречу ему скользнула чья-то тень. Затем в темноте знакомыми искрами засверкали драгоценные камни.

— А, госпожа, это вы. — Брэк приветственно махнул рукой подошедшей к нему Кайе. — Я и не заметил вас.

Девушка подошла к нему ближе.

— А почему ты не вместе со всеми? — спросила она.

— Так, просто... — Брэк снова почувствовал себя неуютно рядом с этой упакованной в драгоценности полуживой куклой. — Просто захотелось побыть одному.

— А не хотел бы ты провести это время вдвоем? Вдвоем со мной?

Кайя еще ближе подошла к нему. Ее рот был маняще полуоткрыт. Но Брэк ничего не мог прочесть в ее по-прежнему ледяных, похожих на жемчужины глазах.

Ладонь Кайи легла на руку Брэка. Это нежное прикосновение было в некотором роде приятно, но зазвучавший вновь бесстрастный голос вернул Брэку чувство неприязни и подозрительности.

— Не хочешь прогуляться со мной по барханам? — предложила Кайя. — Песок такой красивый, почти серебряный в звездном свете. Два человека могут легко заблудиться в таком свете. Потеряться... Вдвоем...

Еще одно нежное прикосновение, но Брэк уже взял себя в руки.

— Я предпочел бы потеряться в винном тумане. Пойду приложусь к бурдюку.

Не дожидаясь ответа, он развернулся и направился к спящему лагерю.

Уже сидя на песке с кружкой в руке, он сам удивился своему поведению. Почему Кайя была так неприятна ему? Молодая, красивая?

Быть может, дело в ее бесцветном, почти замозильном голосе? Во всяком случае, Брэку куда больше нравилась дочь хозяина каравана. Он просто наслаждался, разглядывая ее по вечерам у общего костра. Ему доставляло удовольствие просто сидеть рядом с ней, касаясь локтями, наливая ей время от времени вина.

Погода испортилась. Небо стало свинцовым, а ветер пронизывал одежды путников насквозь. Прошло еще три или четыре дня. Дюны становились все выше и круче, а сама пустыня — еще более неприветливой, если только такое возможно.

Брэк обратил внимание, что Кай и Сивикс проводят много времени вместе, шепчутся о чем-то, отойдя в сторону от всех остальных. Варвара удивляло, что общего нашел благородный принц с таким ничтожеством, как Сивикс.

Бывший старший погонщик перестал бросать гневные взгляды на Брэка. Он вообще стал каким-то вялым, медлительным, с трудом и еле-еле выполнял свою работу. Наблюдая за ним, Брэк, однако, не заметил, чтобы тот слишком уж прикладывался к крепкому вину.

Как-то в полдень Горзоф вернулся из разведки и сказал, что в половине дневного перехода впереди появился дым, исходящий из дьявольских ям.

Хадриос кивнул и сказал:

— Обойдем их с севера. Горзоф, подыщи место для лагеря, но не слишком близко к ямам. Слышал? Не слишком близко!

Брэк проследил взглядом за Горзофом. Вскоре караван поднялся на гребень очередной дюны, и варвар увидел далеко впереди поднимавшиеся над пустыней столбы желтого дыма. Повернувшись к Хадриосу, чтобы задать тому вопрос, Брэк обратил внимание на испуганно-озабоченное выражение лица старого купца.

— Хадриос, что это за дьявольские ямы? Это опасно?

— Потерпи, скоро сам все увидишь, чужеземец. Позади нас остался самый легкий участок пути. Теперь начинается опасный — например, эти бурлящие ямы, в которых демоны поселили какую-то кровожадную нечисть. Да к тому же Куран отсюда совсем недалеко.

Помолчав немного, Хадриос негромко сказал:

— Знаешь, Брэк...

— Что?

— Смерть матушки Миль камнем висит на моей шее. Я ведь был не лучшим племянником для старой женщины. Слишком мало внимания доставалось ей в последнее время... Но что, что убило ее? Что-то страшное и незнакомое. Я молюсь всем богам, чтобы оно осталось там, позади нас.

— Если бы я знал подходящих богов, я бы тоже молился, — ответил ему Брэк.

Почувствовав искренность сочувствия чужеземца, Хадриос чуть успокоился. Брэк не стал рассказывать ему о своих сомнениях и о разговоре с братом Полем, решив, что бесплодные предположения только добавят горя старику.

После обеда караван поднялся на гребень очередного бархана. Брэк остановил своего верблюда и стал разглядывать раскинувшуюся перед ним долину, в которую вел их капитан Горзоф.

Это было странное, пугающее место. Серая, темнее, чем свинцовое небо, долина протянулась на четыре-пять лье в обе стороны, надежно преграждая путь на юг. Путь каравану преградило множество бурлящих ям самого разного размера.

Тягучая желто-зеленая жидкость булькала в ямах. Лопающиеся пузыри выбрасывали в воздух какой-то газ, который Брэк издали принял за дым. От этих бурлящих ям шла невыносимая вонь, напоминающая запах горелой плоти. Мало того — во многих ямах Брэк заметил какое-то шевеление!

Из желтой мглы в воздух поднимались извивающиеся, расходящиеся несколькими лучами щупальца. Брэк поинтересовался у Горзофа, что за твари обитали в зловонных, бурлящих лужах, на что тот ответил, что никто из его знакомых не видел ничего, кроме извивающихся щупалец, и что только круглому болвану может быть интересно познакомиться с неизвестными чудовищами поближе.

Лагерь в ту ночь представлял собой отвратительное зрелище. Хотя Горзоф и выбрал место подальше от ям, скрытых к тому же за невысокой каменной грядой, но мерзкая вонь от этого меньше не стала, равно как бульканье и игравшее на гребне скал желтое свечение.

В тот вечер Брэк даже не доел свой привычный ужин. Отшвырнув объедки, он вытер руки о львиную шкуру и поискал глазами Илану, но девушка куда-то скрылась.

Вместо Иланы варвар встретился взглядом с жемчужными глазами Кайи. Ледяная, полуживая

красавица улыбнулась и направилась от своего шатра к костру, у которого сидел Брэк. Варвару не оставалось другого выхода, кроме как встать и пойти ей навстречу.

Уже разворачиваясь, Брэк успел заметить, как оставшиеся у костра Горзоф и Сивикс обменялись многозначительными взглядами и зашептались о чем-то. Это удивило Брэка, полагавшего, что новым приятелем Сивикса стал Кай.

Не тратя времени на обдумывание интриг, которые мог плести против него Сивикс, Брэк заметил, что на лице подошедшей к нему Кайи совсем не отразились тяготы перехода через пустыню, словно ее кожи не касались ни лучи солнца, ни несущие песок порывы ветра, — щеки принцессы были все так же нежны, округлы и румяны.

— Добрый вечер, госпожа, — преодолев внутреннее сопротивление, сказал Брэк.

— Ну что, варвар, сегодня тебе не так хочется забыться в вине?

Брэк смутился.

— Вы о чем?.. Ах да, госпожа Кайя, я...

— Не оправдывайся. Что было, то прошло и не требует извинений. Но я хотела бы знать, а сегодня ночью...

Кайя замолчала. Ее влажные губы раскрылись в полуулыбке, обнажив ровные, красивые зубы. Кончик языка медленно прошелся по нижней губе. Ничем другим, как приглашением, это быть не могло.

— ...Сегодня ночью не прогуляешься ли ты со мной? Я очень хочу посмотреть на эти ямы вблизи, но побаиваюсь идти одна.

Брэк выругался про себя, не в силах избавиться от неприязненной подозрительности по отношению к этой девушке.

Повисла напряженная пауза. В отблесках пламени костра глаза Кайи сверкали, как еще два больших драгоценных камня, прилагавшихся к украшавшей ее одежду россыпи.

— Ну, варвар...

— Что, госпожа?

В голосе Кайи послышались острые, режущие ноты:

— Что заставляет тебя избегать встречи со мной? Боишься сказать?

— Госпожа, я был бы рад прогуляться с вами вечером, но...

Глядя в сторону, Брэк вдруг увидел Илану, стоявшую у костра на том месте, где только что сидели Сивикс и Горзоф. Эти двое куда-то исчезли. Брэка осенило:

— Дело в том, что я обещал дочери Хадриоса, что уделю сегодняшний вечер прогулке с нею.

— Ты лжешь, — улыбнулась Кайя. — Скажи же правду. Что тебя останавливает?

Хрупкая на вид девушка явно оказалась сильнее, чем предполагал Брэк. Сейчас она просто дерзко бросала ему вызов. Это было ее ошибкой, ибо не в привычках варвара было подчиняться женщине или выслушивать ее приказания.

— Всего хорошего, госпожа, — сухо произнес он.

Хадриос с любопытством проследил за Брэком, направившимся прямо к Илане. Варвар взял девушку за руку и вежливо, но настойчиво отвел ее в сторонку.

— Илана, чтобы отвязаться от этой куклы, я сказал, что мы уже договорились вместе прогуляться к ямам. Я прошу тебя избавить меня от звания лжеца.

Илана внимательно посмотрела ему в глаза из-под упавших на лицо каштановых прядей.

— Близнецы пугают тебя, да?

Не в силах ответить, Брэк только помотал головой из стороны в сторону. Затем, собравшись с духом, он деловито пояснил:

— Не люблю я этих аристократов. С ними приходится продумывать каждое слово. Я так не умею... К сожалению, — добавил он, вымученно улыбнувшись.

— Ну хорошо, Брэк, — улыбнулась в ответ Илана. — Придется спасать от страшного греха твою душу. Заодно и посмотрим на ямы вблизи. А то отец видел их, а меня с собой ни разу не брал.

Молча шагая, Брэк гадал, поняла ли Илана все мучившие его чувства. В любом случае он был благодарен ей за тактичность.

По мере приближения к ямам бульканье становилось громче, а желтое свечение ярче. В какой-то миг Брэку показалось, что где-то позади послышались шаги крадущегося зверя. Резко развернувшись, он выхватил меч. Звук не повторился. Выждав, Брэк со звоном вогнал клинок в ножны.

Илана улыбнулась.

— Похоже, ты чувствуешь себя неуютно не только с нашими аристократами. Ты не веришь никому в этом караване.

— Дело не в недоверии.

— Именно в нем. Я по твоим глазам вижу. И не только я. Даже погонщики понимают это и потому побаиваются тебя. Но, похоже, есть одна вещь, на которую ты всегда рассчитываешь... — Илана дотронулась рукой до рукояти меча Брэка.

— Пожалуй, — кивнул северянин. — Я привык к нему, когда жил далеко-далеко отсюда.

— Там, откуда тебя изгнали за непочтительное отношение к богам, как ты рассказал отцу? И куда ты теперь направляешься?

— На юг. В Курдистан. Великий Золотой Курдистан. Говорят, это — большая страна. Она протянулась полумесяцем от Гор Дыма на востоке до Черных Столбов на западе. Богатое королевство. Рассказывают, что там даже некоторые дома облицованы листами золота. Подходи и бери, кто не боится. Идолы в этой стране тоже из золота. Так рассказывал наш шаман. А еще там никогда не бывает холодно.

Ветер трепал распушенные волосы Иланы, крепко державшейся за руку Брэка. Легкое прикосновение ее полной груди заставило закипеть кровь в жилах варвара, почувствовавшего вдруг себя себя виноватым перед Реей — королевой, которую он любил больше всего на свете.

— Я знаю, что в Курдистане тепло, Брэк. Четыре зимы назад мы с отцом были там.

— Ты была в Курдистане? — не поверил своим ушам Брэк.

— Да. И, как видишь, вернулась.

— Тогда расскажи мне все, что ты помнишь про эту страну. Все-все!

Брэк пошел быстрее и потащил за собой девушку. Он остановился, когда желто-зеленые ямы оказались совсем рядом. Из ближайшего провала, заполненного булькающей жижей, к ним потянулось белое щупальце. Стоя на безопасном расстоянии, Брэк бросил в сторону ямы обломок скалы.

Резко дернувшись, щупальце на лету схватило камень и быстро скрылось с добычей под поверхностью густой жижи.

Но ни вонь, ни страшные чудовища в ямах в двух шагах от него уже не могли отвлечь Брэка. Он усадил Илану на камень, а сам сел у ее ног в нетерпении услышать рассказ о далеких южных краях.

— Ну и местечко ты выбрал, — шутливо запротестовала Илана.

Но Брэк уже зажмурил глаза, приготовясь слушать.

— Ну рассказывай, — совсем по-детски попросил он ее.

Словно курильщик опия, вдыхающий ароматный дым, он слушал о фонтанах, бьющих на просторных площадях, о женщинах, покрытых золотистым загаром. Погруженный в свои мечты, Брэк не обратил внимания на раздавшийся неподалеку хруст камней под сапогами. Он вернулся к реальности как раз вовремя.

Вскочив на ноги, Брэк выхватил меч, одновременно оценивая свою позицию. К сожалению, из-за камней со стороны каравана их вряд ли кто-нибудь увидит.

— Эй, варвар, нам, кажется, есть о чем поговорить, — раздался иронично-приветственный оклик Горзофа, вышедшего из-за одной из скал. Зубы капитана сверкали в ухмылке над огненно-рыжей бородой.

— И мне тоже, — прозвучал еще один голос, и из-за камней с другой стороны показался Сивикс.

Сабля, сверкавшая в руках Горзофа, и кривой кинжал Сивикса не оставляли сомнений в их намерениях.

Усмехнувшись, Сивикс добавил:

— Мы с капитаном выяснили, что у нас к тебе одно и то же дело. Вот мы и решили выяснить его вместе.

Илана, онемев от ужаса, молча следила за происходящим широко раскрытыми глазами.

Выбирая позицию для боя, Брэк сделал шаг назад, затем еще один... Предупреждающий крик

Иланы разорвал ночную тишину. В тот же миг что-то белое метнулось от ближайшей ямы к ногам варвара, чуть не схватив его за лодыжку.

Горзоф и Сивикс, не теряя времени, подходили к Брэку с двух сторон.

Капитан поднял левую руку, демонстрируя какой-то предмет, зажатый в кулаке. Это был маленький кожаный мешочек.

— Видишь, варвар, как полезно первым окатиться у постели исчезнувшей матушки Миль.

— Ты взял это? — неприязненно спросил Брэк. — Украл вещи мертвой старухи?

— Слушай, Сивикс, — обратился Горзоф к своему сообщнику, — стоит ли этот степной чурбан того, чтобы отвечать ему?

Сивикс поиграл сверкавшим в желтом свете кинжалом. Получилось это у него не очень-то ловко. Да и вообще, вдруг вспомнил Брэк, в последние дни маленький, обычно верткий человек стал заметно более медлительным, слабым и к тому же здорово похудел.

— Я думаю, капитан, — откликнулся Сивикс, — что мы просто обязаны дать ответ. Именно так, как мы планировали.

— Ну тогда следи за ним.

Горзоф взял мешочек в зубы и свободной рукой быстро что-то из него достал. Прежде чем Брэк успел воспользоваться замешательством врага, Горзоф уже снова стоял в боевой позиции, убрав мешочек в карман. В левой руке капитана оказался маленький костяной флакончик.

— Один из чудодейственных порошков матушки Миль, — усмехнувшись, пояснил он, поигрывая флакончиком. — Снадобье, от которого люди сходят с ума. Как видишь, я хорошо подгото-

вился к нашей встрече. Я ведь задумал отомстить тебе с того самого дня...

— И ради этого ты убил старую колдунью!

— Нет! — голосом, не оставлявшим сомнений в его искренности, воскликнул Горзоф. На мгновение в его глазах промелькнул ужас. — Нет, это не моих рук дело. Но не стану отрицать, что я использовал ситуацию себе на пользу. Кое-что из вещичек старухи перекочевало ко мне. И вот сегодня наконец настал час расплаты. Пусть простит меня дочь уважаемого Хадриуса, но есть вещи, за которые каждый должен платить. Это вопрос чести, и расплачиваться в этих делах приходится кровью.

В другой ситуации Брэк только посмеялся бы над таким красноречием. Но Горзоф явно не шутил. В его глазах пылала ненависть. Скрежет его зубов, казалось, заглушал шум ветра. Капитан считал себя незаслуженно оскорбленным и видел только один способ отомстить — убийство.

— Говоришь, дело чести? — прошептал Брэк, выигрывая время, чтобы встать поудобнее. — Уж чего-чего, а чести тебе не занимать, капитан. Подкрадываться со спины, вдвоем на одного. Обшаривать трупы. Твои поступки достойны только жалкого труса.

— Наглый сукин сын! — прошипел Горзоф и бросился вперед.

— Капитан! — успел воскликнуть Сивикс, увидев, как Илана подняла камень.

В следующий миг увесистый обломок скалы рассек кожу на лбу Горзофа. Сивикс подскочил к Илане и ударил ее. Удар не был достаточно сильным, но оказался неожиданным. Илана, вскрикнув, упала. Брэк не мог больше ждать; издав боевой клич, он бросился вперед.

Легкий щелчок раздался между пальцами Горзофа. В сторону Брэка понеслось небольшое клубящееся облако какого-то мелкого порошка.

Не обращая внимания, Брэк сделал еще один шаг вперед. Еще один вдох...

Словно невидимая рука остановила его движения, сдавила горло и грудь. Брэк в ужасе запрокинул голову: его глаза ничего не видели.

Варвар взвыл. Где-то рядом стоном ответила ему Илана. Затем все заглушил смех Горзофа.

— Эй, скотина! — крикнул он. — Спляши-ка для нас. Нет, мы тебя не зарежем, как барана, — сразу. Я хочу еще удостовериться в том, что ты тупое, безмозглое животное.

Во рту у Брэка все пересохло и нестерпимо жгло. Но хуже всего было то, что его тело начало непроизвольно трястись, извиваться и корчиться в судорогах, — видимо, на это и был рассчитан порошок, припасенный старой колдуньей. С трудом понимая, что происходит, не в силах сдержать себя, Брэк запрокинул голову и дико завыл. На его губах выступила пена.

Последние проблески сознания твердили ему, что, ослепленный, дергающийся в конвульсиях, он станет легкой добычей для врагов. Но он ничего не мог с собой поделать. Вновь и вновь из его груди вырывался отчаянный рев.

Горзоф хохотал от души. Где-то по соседству ему вторил тонкий смех Сивикса. А Брэк все так же корчился, не в силах прорвать страшную пелену, окутавшую его.

«Они убьют тебя, — попытался взять себя в руки Брэк. — убьют тебя...»

Брэк понимал это. Но он был бессилен. Еще одна судорога изогнула его тело. Еще один стон сорвался с искусанных губ.

Желтое свечение, заливавшее долину, вновь проникло в глаза Брэка, которому удалось наконец открыть один глаз, а затем второй.

Толку от этого пока что было не много. Все предметы оставались расплывчатыми, к тому же его тело продолжало сотрясаться в конвульсиях, к горлу подступила тошнота. Невыносимая боль в каждой мышце, в каждом суставе заставляла выть и стонать.

Желтый свет стал ярче. И еще довольнее и истеричнее захохотали Горзоф и Сивикс. Брэк понимал, что ему грозит новая опасность, но не мог сообразить какая.

Вдруг он понял, что теряет равновесие, твердая почва уходит из-под ног, а сам он куда-то падает.

Время словно замедлило свой бег.

Все ярче и ярче било в глаза желтое сияние.

«Яма! Я падаю!»

Извернувшись, Брэк ухитрился извернуться в воздухе и упасть на край одной из ям. Но он чуть не окунулся лицом в светящуюся жижу. Брэк ощутил, что в его правой руке ничего нет — меч куда-то исчез. Прямо в глаза ему бил желтый свет. Густой, зловонный пар сильной струей поднимался к ноздрям.

Брэк почувствовал, что зрение вновь покидает его: либо колдовской порошок брал свое, либо дело было в свечении дьявольских ям.

Вонь усилилась — это один за другим лопнули на поверхности жижи несколько поднявшихся из глубины пузырей. Брэка вырвало. Собрав силы, он попытался отползти или откатиться от края

ямы, но лишь беспорядочно, словно полураздавленное насекомое, задвигал ногами и руками.

Вдруг словно молния расколола его мозг: «Илана! Спаслась ли она?»

Оставалось только надеяться, ибо сам он пока что не мог защитить даже самого себя. Тело не слушалось приказаний мозга. Далекие звезды веером огненных нитей плясали на небе... Нет, это пылающие искры рождались прямо в его мучающемся сознании.

«Нужно подняться», — твердил себе Брэк. Нужно отодвинуться от этой ямы во что бы то ни стало. Пузыри лопались все чаще. Вдруг раздался еще один звук — резкий всплеск, взволновавший всю поверхность ямы.

Брэк почувствовал, как на его плечо и шею легло что-то обжигающее и шершавое.

Он взвыл, на этот раз от страха и омерзения. Белое щупальце, извиваясь, захлестнуло варвару рот и глаза. Еще два или три отростка впились в затылок Брэка, и все его тело пронзила страшная боль.

Мозг Брэка посылал отчаянные сигналы рукам: подняться, оторвать эту штуку... Его пальцы начали сгибаться, выполняя приказ.

Боль становилась нестерпимой — словно тысячи раскаленных острых крюков прокололи ему кожу, а затем начали стаскивать ее с тела. Щупальце крепко впилось в его лицо, раздирая щеку и нос. Боль сконцентрировалась именно в этом месте.

Где-то вдали довольно хохотал капитан Горзоф. Неожиданно Брэк почувствовал, что зрение вернулось к нему. Первое, что он увидел, — щупальце, лежащее поперек его лица.

Один из отростков сдавил Брэку горло. Медленно-медленно, словно тяжелые гири, его руки стали подниматься. Слишком медленно! Слишком долго!

Ему показалось, что он пытается поднять огромный камень. От напряжения из груди Брэка вырвался стон — но уже не от боли или бессилия, а от злости на свое слабое и непослушное тело.

В этот миг Брэк понял, что именно дикая боль вернула ему сознание, каким-то образом ослабив действие порошка.

Время снова понеслось вперед с пугающей быстротой. Руки Брэка наконец впились в отвратительное щупальце и напряглись, стремясь оторвать его от лица и горла.

В ответ мягкая, желеобразная масса щупальца тоже напряглась и стала упругой и жесткой. Брэк сумел просунуть пальцы между щупальцем и щекой. Словно огненный дождь полился на кожу в тот момент, когда первый отросток был сорван с тела.

У Брэка появился шанс. Его тело больше не сотрясали безудержные судороги. Вместо воя из его груди вырывались крики, полные ненависти.

Просунуть руки под следующий отросток. Оторвать. Освободить горло. Еще один отросток. Оторвать. Следующий...

Вонь не давала ему вздохнуть, пальцы и ногти скользили по отвратительной склизкой поверхности щупальца. И все же шаг за шагом Брэк освобождался из хватки чудовища.

Уперевшись ногой в выступ камня, Брэк резко дернулся и встал, обрывая с себя последние обжигающие кожу отростки щупальца.

Все, свободен!

Последняя блестящая лента соскользнула с его тела, оставив на коже дюжины кровоточащих ссадин.

Покачиваясь, Брэк поискал глазами Горзофа и Сивикса. Оказалось, что они заняли позицию на изрядном расстоянии от края ямы. Теперь они

вновь стали медленно приближаться к нему, сверкая сжатыми в руках клинками.

Горзоф погнал вперед трусливого Сивикса. Несомненно, оба уже решили, что склизкая тварь избавит их от необходимости сражаться с весьма опасным противником. Теперь стало ясно, что драки не избежать, и Горзоф чувствовал себя неудобно, глядя на тяжело дышавшего, стоявшего, широко расставив ноги, варвара, только что сумевшего избежать, казалось бы, неминуемой смерти.

Брэк нагнулся, чтобы подобрать свой меч. Но не успел он отвернуться от ямы, как из густой жижи выскользнуло сразу несколько щупалец и обвилось вокруг его ног, туловища и шеи.

Лишь отчаянный рывок позволил Брэку удержаться на месте и не оказаться на дне дьявольской ямы. Изогнувшись, он дотянулся до рукоятки меча и схватил его обеими руками.

Сталь вонзилась в основание одного из щупалец. Брэк почувствовал, как ослабла сила, тянувшая его к яме. Еще один удар — и еще одно щупальце извиваясь упало на землю. Одно за другим отсекал их острый меч варвара.

Злобное шипение прекратилось, и уцелевшие щупальца скрылись в светящейся желто-зеленой жиже.

Брэк поспешил отбежать от ямы на безопасное расстояние. Увидев Горзофа и Сивикса и вспомнив, что он пережил из-за них, неистовый варвар бросился в отчаянную атаку.

С первого же шага он почувствовал, как изматала его схватка с неведомым чудовищем. Действие порошка закончилось, но ноги Брэка по-прежнему дрожали, а дыхание было прерывистым и частым. Боковым зрением он увидел лежавшую на земле Илану и успел заметить, что она дышит.

Видимо, страшное зрелище оказалось не по силам женщине, и она лишилась чувств.

Капитан Горзоф считал себя непобедимым только тогда, когда перевес сил был явно в его пользу. Теперь же, увидев несущегося на него здорового, горящего ненавистью варвара, рыжебородый капитан изрядно струсил. Толкнув вперед Сивикса, он резко развернулся и черной тенью скрылся среди черных камней. Сообразив, что происходит, Сивикс взвыл и попытался убежать вслед за Горзофом. Но двигался он медленно, словно человек, попавший в вязкое болото. К тому же от страха он совсем потерял ориентацию и метался из стороны в сторону.

Варвар, тяжело дыша, шаг за шагом сокращал расстояние, отделявшее его от Сивикса. Вдруг что-то заставило его замедлить бег. Брэк понял, что у него нет никакого желания догонять и убивать человека,двигающегося как лунатик и даже не помышляющего о том, чтобы защищаться с оружием в руках. А кроме того, безумец бежал в сторону другой дьявольской ямы, над поверхностью которой уже выжидательно подрагивали белые щупальца.

Еще не очень твердо держась на ногах, Брэк не заметил неустойчивого камня и, подвернув ногу, полетел на землю. Выпустив меч, он попытался руками смягчить падение, но все равно удар получился очень сильным. На миг Брэк потерял Сивикса из виду, а когда увидел снова, то сам закричал от ужаса.

Откуда-то из-за скал к Сивиксу метнулась по воздуху черная, чернее ночного неба, бесплотная тень.

Попытавшись встать, Брэк снова упал на повернутую ногу и лишь уголком глаза заметил, что злобная тень накрыла убегающего Сивикса.

Раздался короткий отчаянный крик мучимого страшной болью человека. А в следующий миг стремительная тень уже метнулась к скалам и скрылась в их лабиринте.

Брэк закусил губу.

Сивикса не было видно. Скорее всего, черная тень схватила и унесла его.

Волосы у Брэка встали дыбом. Спина покрылась холодным потом. Чем бы ни была эта бесформенная тень, ясно было одно: она живая и к тому же — хищная.

Варвар вдруг почувствовал, как ужас закрадывается в его сердце. Какая сила могла так быстро и бесследно расправиться с человеком?

Впрочем, не бесследно. Впереди, среди камней, Брэк рассмотрел светлое пятно. Преодолевая страх, он подошел поближе, оглядываясь на каждом шагу и сжимая в руке меч.

Встав на одно колено, он протянул руку, но не смог заставить себя дотронуться до того, что осталось от Сивикса.

Перекрученная высушенная оболочка. Сухая, как пергамент, кожа, под которой осталась лишь ничтожная доля такой же выжатой плоти. Что-то высосало из тела всю кровь, мясо и кости, оставив от человека одну оболочку, не толще запястья Брэка. Преодолев ужас и отвращение, варвар дотронулся до щеки мертвеца — словно потрогал бумагу. Приподнятая рука выскользнула из его пальцев, как пустой рукав.

Больше Брэк этого выдержать не мог. Он едва успел отвернуться, как его вывернуло наизнанку.

Он посидел немного, отвернувшись, а затем собрался с силами и вновь протянул руки к останкам своего недавнего врага. То, что он заметил на этот раз, заставило его вновь отдернуть руки.

На голени Сивикса явно выделялись три черные точки — три вершины невидимого равностороннего треугольника. Тот же самый знак смерти, который был на плече мертвой матушки Миль.

Множество вопросов, не находящих ответа, крутилось в голове Брэка. Что представляла собой тень, убившая Сивикса? Был ли это какой-то демон или некая злая сила, жаждущая смерти? Сам не зная почему, Брэк вдруг вспомнил бесстрастное, словно отчеканенное на медали, лицо Кая. Он вспомнил, как Кай, склонившись к Сивиксу, о чем-то шептался с бывшим старшим погонщиком.

Это же какая-то чушь! Что общего у благородного принца Джовиса с этим ничтожеством? Их в последние дни все видели вместе. Не в этом ли была причина того, что Сивикс в последнее время стал еле двигаться, почему именно он стал жертвой... неизвестной твари, в то время как капитану Горзофу удалось уйти невредимым?

Потеряв много крови и страшно устав в схватке с чудовищем, Брэк был близок к обмороку. Собрав все силы, он встал, поднял с земли то, что осталось от Сивикса, и швырнул в ближайшую яму.

Оболочка человеческого тела легла на пузырящуюся поверхность, словно кукольный костюм. Не прошло и нескольких секунд, как вынырнувшее на поверхность щупальце утащило изуродованный труп в глубину.

Страшная, кровавая ночь.

Брэк поспешил обратно к Илане, все еще лежавшей без сознания.

«Ну что ж, — подумал он, — по крайней мере, теперь ясно одно. Если в пустыне Логол обитает какой-то демон, охотящийся на тех, кто пытается

пересечь его владения, то радости мало — это чудовище следует за их караваном».

Брэк ощутил дикий приступ ужаса и безотчетное желание закричать, побежать куда глаза глядят. Ему стоило большого усилия воли прогнать прочь это чувство.

Да, быть может, за ним, одиночкой, демон не стал бы охотиться, рискуя упустить более солидную добычу. Но Брэк не мог себе позволить именно сейчас бросить караван, старого Хадриоса и его дочь.

Проходя мимо скал, из-за которых появилась смертоносная тень, Брэк отвернулся; с его лба струйками стекал ледяной пот.

Илана была жива и невредима. Брэк поднял ее, положил себе на плечо, затем подобрал меч и направился обратно к лагерю.

За его спиной все так же мерзко лопались пузыри, испускающие желтый светящийся газ. Где-то впереди в лагере раздались тревожные крики, и навстречу Брэку двинулись люди с факелами в руках.

Глава 5

ЗАОВЕЩАЯ РЕКА

— Пятьдесят ударов.

Произнося эти слова, старый Хадриос смотрел в небо. Помолчав, он опустил глаза и добавил:

— И смотри мне — чтоб бил как следует!

Погонщик по имени Кес, к которому обращался хозяин каравана, нервно теребил в руках длинный кнут. Чуть поодаль стояла часть его товарищей, впрочем не выражавших особой радости по поводу предстоящего зрелища. Большинство же погонщиков предпочли вообще не присутствовать при на-

казании, место для которого было выбрано на почетительном удалении от лагеря.

Ветер зло швырял песчинки в лицо Брэка. Где-то поодаль заревел мул. Подошедший брат Поль стоял лицом к наказываемому, но не смотрел ему в глаза.

Пальцы монаха сжимали маленький каменный крест, губы беззвучно шевелились. «Наверное, молится своему Безымянному богу», — с отвращением подумал Брэк.

— Вы сами будете считать, хозяин? — спросил Кес.

— Да, — ответил Хадриос. — Начинаем. И — рраз!

Первый удар кнута оставил красную полосу на голой спине капитана Горзофа.

Рыжебородый разведчик каравана лежал на животе. Его связанные руки и ноги были притянуты веревками к четырем вкопанным в песок кольям. Кутаясь в плащ и надвинув пониже капюшон, Брэк не видел глаз капитана. Но он заметил, как напряглись мышцы на спине и шее Горзофа, когда кнут взлетел для второго удара.

— Два! — отчеканил Хадриос.

Брэк не был в восторге от зрелища наказания. Он бы предпочел другой способ свести счеты — поединок. Но Хадриос на правах хозяина каравана взял дело в свои руки. Брат Поль, сложив руки на груди, стоял и глядел в небо, вновь затянутое тучами.

Кожу Брэка пощипывало и жгло в тех местах, где на его раны были наложены повязки с целебными мазями. Вслед за монахом варвар тоже поднял глаза к небу и стал гадать, когда же разразится ураган — Срывающий Скальпы. Судя по тучам — если не сегодня, так завтра.

Брэк не то чтобы очень хорошо разбирался в местных погодных приметах. Просто он был во власти мрачной уверенности: если что-то плохое может произойти с этим караваном, оно произойдет обязательно.

— Четырнадцать!

Кнут равномерно поднимался и опускался, что нисколько не радовало Брэка, а наоборот, укрепляло в нем предчувствие еще больших неприятностей. Горзоф — человек хитрый и умный. Но он просчитался, вернувшись в лагерь как ни в чем не бывало, в полной уверенности, что Брэку не выбраться живым из дьявольских ям.

Еще один удар.

— Двадцать пять!

На сорок первом ударе капитан застонал. Хадриос поднял руку.

— Хватит.

Капитан Горзоф резко выдохнул. Подойдя к нему, хозяин каравана сказал:

— Слушай меня внимательно, Горзоф. Если еще раз ты поступишь так, как этой ночью, — я прикажу забить тебя до смерти. Ясно?

Рыжебородый простонал нечто, напоминающее утвердительный ответ. Его спина была исполосована следами кнута, но раны не были по-настоящему глубокими. Несмотря на указания Хадриоса, Кес орудовал кнутом не в полную силу, понимая, что Горзоф останется в караване, и опасаясь его мести.

Хадриос развернулся и пошел к лагерю.

— Развяжите его, — бросил он напоследок.

Кес достал нож, но Брэк преградил ему путь.

— Я сам.

Кес и остальные погонщики ушли вслед за хозяином. Оставшись один на один с Горзофом,

Брэк наклонился и стал разрезать толстый узел на связывавшей руки капитана веревке.

Глаза Горзофа не выражали ничего. Сломался он или просто затаил свой гнев — этого Брэк не знал, но предполагал последнее.

Распутав веревки, варвар посмотрел в глаза капитана.

— Это была не моя идея, — сказал он.

— Думаешь, мне от этого легче? — безучастно ответил капитан.

— Я просто хочу, чтобы ты знал. Когда я хочу свести с кем-то счеты, как это хотел сделать ты сегодня ночью, я не нападаю со спины, из засады. И кнут против связанного — тоже не мое оружие. Хадриос узнал о случившемся не от меня.

— Илана разболтала?

— Какая тебе разница?

Капитан не ответил. Помолчав, он спросил:

— А Сивикс?..

Брэк отвел взгляд:

— Убежал. Исчез.

Точно так же он соврал Хадриосу и всем остальным.

Всю ночь варвар ломал голову над тем, правильно ли он поступил, скрыв то, что видел.

Сказать Хадриосу, что чудовище, демон — или как там назвать эту тварь — вновь нанесло удар? Что толку? Может быть, удастся выяснить кое-что, и тогда уже можно будет поделиться со стариком. А сейчас Хадриос ведь тоже не сможет предложить ничего, никакой защиты от неведомой опасности.

Все больше и больше Брэк убеждался в том, что лучше будет пока не распространяться о том, что ему стало известно.

Но в то же время Брэк чувствовал, что ему совершенно необходимо поговорить с братом По-

лем. Монах, несомненно, тоже кое о чем догадывается. Быть может, он даже предполагает, что именно убило уже двоих людей из каравана. И тянуть с разговором было больше нельзя.

Брэк развязал последнюю веревку.

Горзоф сел, постанывая от боли в спине, и стал разминать затекшие суставы.

— Ты что, правда не был доволен, видя, как меня хлещут кнутом? — вдруг спросил он.

Брэк кивнул. Горзоф презрительно плюнул ему под ноги.

— Врешь. Ты просто наслаждался. Ладно, я тебе все это припомню.

Брэк проводил взглядом удаляющегося капитана. Там, куда тот направлялся, сустились навьючивавшие мулов и верблюдов погонщики и вышлся купол шатра, где ночевали Кай и Кайя. Кто-то из близнецов показался из-за полога, закрывавшего вход в шатер. Мелькнули сверкающие камни на рукаве и воротнике. Но кто из них двоих это был, Брэк разобрать не успел — полог резко задернулся, скрыв осторожного наблюдателя.

Не важно, кто из близнецов выглядывал из шатра. Брэку было ясно, что пристальный взгляд был устремлен именно на него.

В тот день караван ненамного приблизился к цели.

Лишь к полудню он обогнул долину дьявольских ям и вышел из нее с противоположной стороны. Ближе к вечеру один из верблюдов оступился на склоне дюны и сломал ногу. Несчастное животное пришлось зарезать.

Во время перевьючивания груза и переноса его на спины других верблюдов и мулов один из по-

гонщиков нечаянно отпустил веревку, удерживающую выючную корзину на весу. Корзина ударилась о землю достаточно сильно для того, чтобы кожаное днище в одном месте не выдержало и распоролось. Из прорехи ручьем потекли на песок необработанные драгоценные камни желтого и зеленого цветов, многие — с кулак величиной.

Закатив оплеуху незадачливому погонщику, Брэк приказал остальным немедленно собрать рассыпавшиеся камни. Подъехавший с другого конца каравана Хадриос разразился ругательствами и проклятиями.

Эта задержка стоила всем послеобеденного отдыха. Хадриос приказал идти дальше не останавливаясь. Лагерь разбили уже в полной темноте.

Погонщики изрядно переругались у своего коистра в тот вечер. Брэку даже пришлось развести двух самых яростных спорщиков, уже схватившихся за ножи. Все чувствовали себя как-то неспокойно. Брэк, естественно, тоже долго не мог уснуть и ворочался под своим одеялом.

Звезд на небе не было видно. Ветер нагнал сплошную пелену туч. Стоило Брэку задремать, как перед его взором возникло истерзанное, высосанное изнутри тело Сивикса, сползающее с его руки на землю. И вновь заунывное пение стало терзать слух варвара.

Проснувшись от того, что по соседству заржал один из мулов, Брэк понял, что пение ему не приснилось. Мелодия ясно и отчетливо переливалась с дюны на дюну и растекалась по ночной пустыне.

Брэк отбросил одеяло, встал и прошелся мимо спящих верблюдов, миновал почти погасший костер погонщиков, ни один из которых не проснулся

при его появлении. Лишь Кес зашевелился и пробормотал во сне что-то неразборчивое.

Брэк обнаружил, что, не отдавая себе отчета в том, что делает, он подкрадывается к шатру, поставленному для близнецов.

Полог шатра, не закрепленный внизу, громко хлопал на ветру. Брэк медленно, пригнувшись, преодолел остававшееся до входа в шатер расстояние.

Еще пять шагов.

Четыре.

Неподалеку шевельнулось черное пятно. Затем послышалось знакомое тяжелое дыхание. Старик Хадриос тоже спал беспокойно, причем улегся он под открытым небом, а не в своем шатре.

Болтающийся на ветру полог словно жил своей жизнью. Где-то далеко в пустыне продолжали напевать печальную мелодию два одинаковых голоса.

Три шага.

Два...

Брэк прижался к стенке шатра на расстоянии вытянутой руки от входа.

Изнутри не доносилось ни звука, ни намека на движение. Или близнецы спали как убитые или же их не было внутри шатра. Тогда — нет сомнений — это они бродят ночью по пустыне...

За спиной Брэка хрустнул песок.

Варвар напрягся изо всех сил, чтобы не обернуться. Предполагая, что по его следу крадется Горзоф, он решил подпустить его поближе.

Звук больше не повторился. Но Брэк чувствовал, что за его спиной кто-то стоит. И причем — очень близко. Казалось, можно даже различить легкое дыхание.

Напрягшись всем телом, Брэк резко, одним движением, развернулся и выхватил из ножен

меч, сверкнувший в рубиновом свете догорающего костра. У самых углей возвышался человеческий силуэт.

— Стоять! — шепотом приказал Брэк. — Кто это? Отвечай!

Неужели в ответ раздался облегченный вздох? Следом послышался шепот:

— Это я, чужестранец. Я — Поль.

Варвар быстро и бесшумно отошел от шатра. Пение в пустыне не прекратилось.

Обойдя костер, Брэк приблизился к Несторианцу. В свете тлеющих углей вышитый бисером пояс словно рассекал сверкающей полосой фигуру монаха на две части. Вблизи Брэк обратил внимание на то, как измучен брат Поль, судя по неровному дыханию и по заметным даже в темноте темным кругам под глазами.

— Что-то тревожит твой сон? — спросил монах.

— Ну, скажем, да, — ответил Брэк и, помолчав, решительно добавил: — Пение.

— Пение? — слишком поспешно выразил удивление несторианец.

— Ты слышишь его не хуже меня и не прикидывайся, что это не так!

— Возможно. А может быть, и нет. Может быть, будет лучше для всех нас, если никто не станет признаваться в том, что он слышит.

Брэк усмехнулся:

— А что, остальные тоже слышат?

— Да. Хадриос, его дочь.

— Они тебя спрашивали, что это такое?

— Да.

— И что ты им сказал?

Ответа не последовало.

— Неужели твой Безымянный бог не призывает тебя сказать им то, что они должны знать? Ведь

это пение сопровождает нас с того дня, как мы встретились, ведь так?

— Давай не будем об этом.

— Нет, будем! — грозно рявкнул Брэк, наклоняясь к Полю. — Мы оба понимаем, что нечто страшное и опасное следует за караваном, охотится за нами. И я думаю, ты знаешь, что это такое. Хотя и у меня самого есть кое-какие подозрения на этот счет.

Немного помолчав, Брэк решил:

— Сдается мне — если, конечно, мои уши меня не обманывают, — что в том шатре нет никого.

Монах вздрогнул. В свете углей блеснула его вспотевшая бритая голова. Несколько мгновений жрец внимательно глядел на полог шатра близнецов.

— Они что — не там? — потрясенно спросил он.

— Мне так кажется.

— Ну и почему этому нужно придавать такое значение?

— Хватит юлить, жрец! Ты же ученый человек. Это ты должен мне объяснить значение всего, что творится вокруг!

— Матушка Миль погибла несколько дней назад. Печально, но ничего не поделаешь. Страшная смерть — да. Но ведь с той ночи нас ничто не тревожило. Подумаешь, какая-то мелодия, звучащая в ночи... Да может быть, это всего лишь играет ветер. Мало ли что может издавать в пустыне странные звуки.

— Но...

— Послушай меня, варвар! Я ничуть не меньше других хочу добраться до Самеринда живым. Я должен там проповедовать. В мире есть очень много непознанного. Это я крепко вбил себе в

голову еще во время ученичества и особенно с тех пор, как двенадцать лун назад принял сан: Так вот, лучше не лезть в то, в чем ты не разбираешься. Не трогай неизвестное — и оно тебя не тронет.

— Избегать зла? Твоя речь не похожа на слова тех служителей креста, которых я встречал.

— Я же сказал тебе: я стал жрецом совсем недавно.

— Не слишком ли слаба твоя вера в Безымянного бога?

Поль занес руку словно для удара. Устыдившись своих слов, Брэк не стал уворачиваться или защищаться.

Одумавшись и смутившись, брат Поль опустил руку.

Брэк буркнул что-то, извиняясь за свои слова.

— Не нужно, — вздохнул монах. — То, что ты сказал, — правда. Ведь до прошлого года я только учил науки, затем стал учить других. Но мне все время не хватало чего-то, что могло бы наполнить мою жизнь изнутри. Случайно, после долгих поисков, я встретился с Несторианцами. Поначалу я относился к их учению, как ты, — с молчаливой насмешкой. Но постепенно от моей иронии не осталось и следа. Я вступил в их братство, видимо только для того, чтобы обнаружить, что покоя для меня и здесь нет. Нет мира. Наоборот, я ощутил себя втянутым в вечную войну, которую ведут злые боги за души не замечающих этого смертных.

Брэк слушал молча. Он слишком хорошо знал имя одного из тех богов, о которых говорил жрец.

Поль продолжил:

— Я знаю, что нас преследует зло. Я даже догадываюсь о его природе. Но я уже сказал, что не очень верю в свои слабые силы и даже — пусть проклянут меня за мои слова — в силу того, чьим

именем я проповедую. Я боюсь, Брэк. Ну что, это тебя веселит или дает почувствовать твое превосходство?

Брэк покачал головой.

— Я тоже боюсь... Знаешь, ведь демон убил еще одного человека.

Поль вцепился в крест обеими руками.

— Кого?

— Сивикса. Я видел это своими глазами, но решил не рассказывать никому.

Брэк коротко описал то, что случилось с маленьким погонщиком, и продолжил:

— Вот почему ты не прав, Поль. Демон не оставил нас в покое. Матушка Миль, Сивикс — кто следующий? Я все же думаю, что пока рано говорить обо всем Хадриосу. По крайней мере, пока не станет известно, что это за демон и, хотя бы приблизительно, как с ним бороться. Так что давай выкладывай, что ты думаешь? Может быть, я неправильно назвал это, и речь идет не о демоне, а... о демонах. — Брэк опасливо скосил глаза в сторону шатра близнецов.

Брат Поль судорожно глотнул. «Ну все, — подумал Брэк, — я прижал его к стенке, и теперь он расскажет все, что знает».

Рядом зашуршало одеяло, и послышался сонный голос:

— Эй, кто там? Это ты, Брэк?

Старый Хадриос медленно поднялся, поправил деревянный протез и, потягиваясь, оглядел горизонт. Недовольный результатом наблюдения, он зло сплюнул в песок.

— Ветер все крепчает. Нужно спешить. Если Снимающий Скалпы застигнет нас на переправе...

— Какой еще переправе?

— Еще до заката сам увидишь, — не стал распространяться старик. — Река. Ничего особенного — просто еще одно трижды проклятое препятствие на пути нашего не менее проклятого каравана. Давай, чужестранец, пошевеливайся. Выйти нужно через полчаса.

Брэк быстро обернулся к монаху:

— Я хочу знать, Поль. Знать все, что знаешь ты.

Жрец был явно полумертв от страха.

— Ладно. Вечером у костра поговорим...

— Брэк! — заорал Хадриос. — Поднимай своих остолопов. Живо! Сегодня никаких задержек!

Разозленный и расстроенный, Брэк был вынужден подчиниться. Скрипя зубами, он направился в хвост каравана торопить погонщиков. По пути он встретился с Иланой, тепло улыбнувшейся ему. Девушка тоже выглядела измученной и похудевшей.

Варвар понимал нетерпение хозяина каравана. Судя по небу, тучи не собирались рассеиваться в течение дня, а наоборот, с каждой минутой становились все чернее и гуще. Что же за река ждет их впереди, думал Брэк. Почему переправа через нее представляет такую сложность? Да еще отложенный до вечера разговор со жрецом не давал ему покоя.

Окриками и руганью Брэк заставил погонщиков работать в полную силу. Времени, чтобы следить за шатром близнецов, у него не было. К тому моменту, когда он сам сел верхом на верблюда, войлочные стены и каркас шатра уже были навьючены на мулов. Кай и Кайя, кутаясь в плащи, влезли на выделенных им верблюдов. Если близнецы и выходили из шатра ночью, то им удалось проскользнуть в лагерь незамеченными.

Караван вышел в очередной переход, неуклонно направляясь на юг. Брэк задержался в хвосте, где три погонщика некоторое время не могли заставить пару упрямых мулов сдвинуться с места. Наконец животных удалось вразумить окриками и ударами посохов, и Брэк поспешил занять свое место впереди каравана, неспешно огибавшего слишком крутую дюну.

Небо над пустыней не предвещало улучшения погоды. Маленькие песчаные смерчи плясали над гребнями барханов под сильными порывами ветра. Неожиданно далеко впереди из-за одной из дюн выплыл полусасыпанный песком большой каменный монолит.

Одинокий камень показался Брэку пугающе знакомым. Подъехав ближе, варвар понял, что предчувствие его не обмануло: полужанесенный песком, на пути каравана стоял идол Йог-Саггота.

Ошибиться Брэк не мог — та же получеловеческая квадратная фигура, те же грубо вытесанные кулаки, искривленные губы, словно проклинаящие все человечество разом. Слепые каменные глаза идола следили за проходящим мимо караваном.

Еще на севере Брэк впервые столкнулся с изображением этого внушающего ужас бога. Там другой член Несторианского Ордена, жрец по имени Джером, поведал ему о вечной титанической борьбе, которую ведут две высшие силы, подчиняющие себе не только смертных, но и богов.

Тогда же Брэк открыто столкнулся с наместником Зла, верховным жрецом Йог-Саггота, посланником злого бога на земле, — жрецом Септигундусом. Этот Черный бог представлял силы, воплощавшие в земные формы дьявольское зло, присутствующее в мире. Поэтому он был почитаем

всеми злыми колдунами, черными магами и многими жестокими властителями. Члены братства, основанного Нестором, вели постоянную борьбу против его адептов на земле, как их Безымянный бог сражался против Йог-Саггота в высших сферах.

Некогда Брэк сумел разрушить некоторые дьявольские планы жреца Черного бога — Септигундуса. За это тот поклялся следовать за варваром повсюду и отомстить ему.

«Путь в Курдистан долог, — сказал тогда колдун. — И я последую за тобой».

В последние недели Брэку казалось, что ему удалось скрыться от всевидящих глаз преследовавшего его колдуна, но вид черного идола, вставшего на пути каравана, поднял из глубин памяти варвара самые неприятные воспоминания. Вновь и вновь подтверждалась правота Несторианца Джерома, утвердившего Брэку о силе Йог-Саггота и о непрекращающейся, вечной войне богов.

Верблюд неспешно миновал черный камень, но Брэк уже не мог чувствовать себя спокойно.

Караван двигался вперед, все чаще обходя дюны, а не карабаясь на их крутые склоны. Время от времени из-под песка появлялись вершины крупных обломков слоистого камня.

Пустыня явно менялась. Все выше поднимались из песка скальные выступы, постепенно превращаясь в некое подобие речных долин, заполненных не водой, а песком. На склонах шуршали на ветру сухие кусты.

Закрыв лицо повязкой, чтобы не наглоутаться песка, Брэк мрачно обозревал окрестности. В каждой скале, в каждом каменном выступе ему теперь мерещился идол Черного бога. Брэк вспомнил, что ночью пение доносилось до лагеря именно с той

стороны, где каменный истукан поджидал идущий по пустыне караван.

Полуденная остановка была очень короткой. Так приказал Хадриос. Наскоро перекусив и хлебнув вина, Брэк искал глазами Поля, но монах, найдя более или менее укромный уголок между кормушками для животных, молился, не замечая никого вокруг. Брэк не решился прервать столь важное для жреца дело.

Склонив голову и встав на колени, Поль перебирал пальцами лучики своего каменного креста. Несколько погонщиков решили превратить это зрелище в веселый спектакль и стали осыпать монаха грубыми шутками. Брэк резко оборвал их. Сам он не поклонялся Безымянному богу, но жизнь преподнесла ему несколько доказательств могущества этого божества. С хладнокровием северянина Брэк обуздал свое нетерпение. Вечером у костра брат Поль сам расскажет ему все, что знает и думает.

Подтягивая ослабевшую сбрую своего верблюда, Брэк обратил внимание на Кая, помогавшего сестре влезть на спину вставшего на колени горбатого животного. На мгновение порыв ветра отбросил закрывавшую подбородок и нос аристократа повязку.

И тогда Брэк ясно увидел лицо Кая. Оно, несомненно, очень переменялось за последние дни. Юноша выглядел отдохнувшим, свежим и даже располневшим. Пухлые губы, округлые щеки, даже появившийся второй подбородок — все это никак не вязалось с тяжелым переходом по пустыне и с тем малым количеством пищи, которое потребляли нелюдимые близнецы.

Ярко блестящие глаза Кая встретились со взглядом Брэка. Ничуть не смутившись, юноша

поднял руку и положил ее на плечо своей сестры. Та обернулась. Затем, медленно и торжественно, если, конечно, это не показалось Брэку, она сняла с лица такую же повязку.

Под пыльной тканью оказались румяные, пухлые щеки. Губы Кайи алели еще ярче, чем у ее брата.

Принцесса-изгнанница подняла обтянутую перчаткой руку, иронически салютуя остолбеневшему варвару. Тот, помотав головой, развернулся и вскочил на своего верблюда. Животное резко поднялось с колен и, понукаемое всадником, направилось в голову каравана.

Брэк боялся оглянуться и снова увидеть сытые, довольные лица близнецов.

Сытые чем? Кровью? Человеческой плотью?

«Ну что ж, — думал он, — в конце концов, ты просто увидел подтверждение тому, что подозревал уже давно. Теперь, когда враг известен, будет проще бороться с ним».

Оставалось загадкой, как эти двое ухитрились высосать человека за какие-то доли секунды. Колдовство? Колдуны уровня Септигундуса, настоящие мастера черной магии, наверняка смогли бы сотворить такое. Неужели и близнецы — из той же компании? Ответа пока что не было.

Но и времени на колебания и размышления тоже не оставалось, Кто следующий? Илана? Брат Поль? Сегодня же вечером нужно поговорить с Хадриосом, независимо от решения монаха. Нужно продумать, как защититься от нападения, не допустить еще одной смерти.

«Были ли Кай и Кайя сегодня ночью у черного идола Йог-Саггота? Что означает их пение? Молитву?» Сжав кулаки, Брэк продолжал ехать вперед.

Примерно за час до остановки на ночлег ехавший впереди каравана в качестве разведчика Горзоф вернулся и подъехал к Брэку.

Войлочная шапка капитана была натянута на самые уши. Борода почти сравнялась по цвету с окружающей пустыней — так много песка застряло в ней. Брэк подумал, что Горзоф собирается сообщить о несущемся навстречу каравану урагане — Снимающем Скальпы.

— Хадриос хочет, чтобы ты поехал вперед, — крикнул Горзоф.

— Это еще зачем? — заподозрив неладное, спросил Брэк.

Капитан махнул рукой по направлению движения каравана. Там, на вершине высокого холма, на фоне неба вырисовывался силуэт верблюда с всадником на спине. Хадриос призывно махал рукой.

— Поезжай и спроси его сам, — на скаку бросил капитан.

Брэк поспешил вперед. Верблюд быстро пересек сравнительно ровную площадку у подножия холма, но взбираться по крутому склону было для пустынного животного делом непривычным. Медленно, оступаясь и спотыкаясь, тяжело дыша и опасливо косясь по сторонам, верблюд поднимался в гору. И чем выше забирались животное и всадник, тем сильнее слышался шум воды, несущейся с большой скоростью.

Наконец верблюд забрался на вершину холма и, подчиняясь команде, опустился на колени, чтобы дать всаднику возможность спуститься на землю. Подойдя к мрачно уставившемуся вперед Хадриосу, Брэк увидел, откуда исходил столь нехарактерный для пустыни звук. У подножия холма бежала быстрая широкая река, пересекавшая пустыню с северо-запада на юго-восток. Вода каза-

лась чистой, прозрачной, чуть зеленоватого оттенка. У прибрежных камней собрались хлопья белой пены. На поверхности реки то тут, то там возникали стремительные водовороты.

Илана уже спустилась к реке и бродила взад-вперед по берегу, внимательно вглядываясь в воду. Хадриос окликнул ее. Девушка вскарабкалась к ним по склону, бросив на Брэка взволнованный, полный сомнений взгляд.

— Сейчас воды в реке мало. Может быть и хуже. Но ветер подгоняет течение.

— Переправляться будем сейчас же, не разбирая лагеря, — объявил Хадриос.

Брэк нахмурился:

— А нет ли другого, более пологого подхода к реке?

— Нет, если не считать обхода в пять или шесть лье. Но у нас нет времени.

— А может быть, стоит выбрать более легкий путь?

— Мы будем переправляться здесь, чужестранец. Тебе ясно? Твое дело — выполнять мои приказы, а не обсуждать их.

Кровь прилила к лицу Брэка.

— Если в приказе нет здравого смысла...

— Ну да! Я смотрю, варвар, ты лучше меня разбираешься в том, как водить караваны, и в том, какие опасности таятся в этой пустыне... Да эта река кишит всякими тварями, которые только и ждут такого дурака, как ты!

— Я не вижу ничего, кроме прозрачной воды. Но даже если ты прав — я не раб, чтобы позволять орать на себя.

— Прекратите!

Окрик Иланы оборвал начавшуюся перепалку, грозившую перейти в крупную ссору.

— Отец, Брэк, нам сейчас нельзя ссориться. И без того переправа будет тяжелой. Пока животные переберутся через холм, они совсем вымотаются. Нам всем придется здорово поработать, чтобы переправиться сегодня.

Мужчины молчали. Первым вздохнул Хадриос и смущенно поглядел на чужестранца.

— Я сильно устал. Извини меня, Брэк.

— Я тоже прошу прощения, — искренне произнес варвар и, наклонившись над водой, стал пристально вглядываться в зеленоватую полутьму. — Слушай, Хадриос, а что ты говорил про опасных тварей, живущих в реке? Я пока что ничего не вижу.

— Эти создания прячутся в глубине, у самого дна, до того момента, когда настанет время для атаки. Больше всего им нравится свежая, теплая кровь. Они передвигаются по дну при помощи множества ног, но умеют и плавать. Можно считать себя в сравнительной безопасности до тех пор, пока какая-нибудь глупая скотина из наших верблюдов или мулов не поранится об острые камни, лежащие под водой. Но стоит крови попасть в воду — тут-то эти твари и налетят. У них на морде — что-то вроде хобота, длиннее твоей ноги будет. Это у них и нос, и оружие.

— Не будет ли разумнее переночевать на этом берегу? — осторожно встала Илана. — А утром, отдохнув...

— Нет. — Хадриос внимательно разглядывал тянущуюся параллельно берегу гряде торчащих изпод воды камней. — Никакого отдыха, пока этот брод не останется позади. За ним больше нет природных преград. Тогда путь в Самеринд будет открыт.

Брэку очень хотелось возразить, но он заставил себя сдержаться и промолчать. Наградой ему по-

служил благодарный взгляд Иланы, оценившей его силу воли.

«Подчас цивилизованные люди ведут себя как глупцы, даже еще глупее», — думал Брэк, оставивший верблюда на вершине холма и спускавшийся по склону пешком. Ведь груз этого каравана значит для Хадриоса не меньше, чем сама жизнь. Брэк уже не чаял, когда он сможет проститься с этой безумной компанией и отправиться дальше на юг, полагаясь лишь на свои силы, но и подчиняясь лишь самому себе.

Ветер все сильнее швырял песок в лицо. Подойдя к Горзофу, Брэк передал ему распоряжение хозяина. Капитан был уже в курсе.

— Старый одноногий лунатик, — пробурчал он. — Он решил нас всех погубить! Своя жизнь не мила, так он и нашей смерти хочет.

Погонщики тоже были в ужасе от предстоящей переправы. Чтобы ускорить дело, Брэк взялся за работу наравне с остальными. Всем пришлось изрядно попотеть, чтобы заставить упирающихся мулов лезть вверх по крутому каменистому склону. Прошло больше часа, прежде чем первые животные перевалили через гребень холма и, спустившись по противоположному склону, вступили в быстро несущуюся воду. К этому времени даже Брэк валился с ног от усталости, не говоря уже об остальных погонщиках.

Погонщик первого ступившего в воду верблюда нещадно лупил животное посохом по бокам и по крупу, заставляя его двигаться быстрее.

В этот миг рядом с Брэком словно из-под земли появился Кай. Жемчужные глаза юноши сверкнули поверх повязки.

— Чужеземец?

— Чего тебе?

— Мы с сестрой не выносим воды. Нам было бы удобнее...

— Никто не будет переправляться верхом, — процедил Брэк, с трудом затягивая в воду упирающегося мула. — Никто!

Глаза Кая засверкали. Что это было? Обида? Гнев? Или что-нибудь еще похуже? У Брэка не было времени на размышления.

— Мерзкая скотина! Воды никогда не видел, осел недоделанный? Шевелись! — орал он на мула.

Уже с десятков животных вошли в воду. Первый верблюд добрался почти до середины реки. Вдруг отчаянный крик разорвал воздух.

Обернувшись, Брэк увидел, что кричит Илана. Мгновение спустя он понял, что было причиной охватившего ее ужаса.

На противоположном берегу из-за вершин прибрежных холмов появились две дюжины всадников. Даже издали на их лицах были видны рубиновые капли — драгоценные камни, вставленные в одну из глазниц у каждого воина.

— Куран! — воскликнул Хадриос.

На всадниках были высокие, до середины бедер, сапоги, черные куртки, тяжелые черные краги. Красные плюмажи развевались над черными шлемами. Брэк рассмотрел копыта, дротики, кривые мечи — и сверкающие рубины на каждом лице.

Один из погонщиков выпустил повод, и обезумевший мул понесся вскачь по воде. Через несколько шагов он задел вьючной корзиной торчащий из воды камень. Не выдержав удара, корзина раскрылась, и в воду ручьем полились пластины слоновой кости.

Один из всадников на противоположном берегу поднял лук и натянул тетиву. Точно пущенная стрела впиалась в шею вырвавшегося на свободу мула.

Забившись в агонии, животное рухнуло в воду. От раны на шее потянулся вниз по течению кровавый, сначала густо-красный, а затем розовеющий след.

— Куран! — продолжал кричать Хадриос.

Но теперь всем в караване это было ясно. Безжалостные хищники Логола, как коршуны, слетелись на добычу.

Глава 6

КОГДА ВОДЫ РЕКИ СТАНОВЯТСЯ КРАСНЫМИ

Кони атакующих заскользили по наклонным каменным плитам отлогого противоположного берега. Но ни один из всадников не покачнулся в седле, не потерял равновесия. Они ухитрились натягивать луки и пускать стрелы даже тогда, когда их лошади вставали на дыбы.

К счастью, стрельба в таких условиях не была очень меткой. Лишь одна стрела попала в человека — погонщика, тотчас же ушедшего под воду. Две стрелы вонзились в идущего впереди верблюда. Вокруг упавшей туши в воде расплылось темно-красное пятно. Поток подхватил его и понес дальше, вниз по течению.

На берегу Хадриос отчаянно замахал руками и закричал:

— Все на берег! Возвращайтесь немедленно! Всем в укрытие!

Знакомый свист донесся до ушей варвара — это совсем рядом с ним пролетела стрела. Изрыгая проклятия, Брэк стал пробираться к одноногому караванщику. По пути он заметил стоявших бок о бок близнецов, привычно держащихся за руки.

Ветер сорвал с головы Кайи капюшон и повязку. Ее лицо сияло.

«Боги, — подумал Брэк, — да ведь она радуется. Она наслаждается тем, что происходит!»

Легкая кривая ухмылка придавала миловидному лицу Кайи зверское выражение. Крик Иланы отвлек внимание Брэка от ужасного зрелища.

Предупреждение дочери Хадриоса оказалось своевременным. Как раз в этот миг два всадника достигли кромки воды на другом берегу. Позади вражеского отряда на склоне появился еще один человек — с длинными седыми усами и с тройным плюмажем на шлеме. Две ветви плюмажа были алыми, одна — белой. Явно старший по званию, этот воин отдавал остальным всадникам какие-то приказы, которые Брэк на таком расстоянии расслышать не мог. Но жесты делали план командира всадников ясным: он приказывал своим подчиненным выстроиться в линию вдоль берега.

Всадники быстро выполнили маневр, и вскоре на противоположном берегу реки появилась шеренга воинов, сверкавших рубинами в глазницах.

Брэк, стоя по колено в воде, слышал, как за его спиной Хадриос по-прежнему призывает всех спрятаться от стрел за камнями.

Всадники Курана натянули поводья. Их кони неистово ржали. Брэка обуяла дикая ярость. Бесстрашный варвар решил продать свою жизнь как можно дороже. Сложив руки рупором, он прокричал:

— В скалах они перебьют нас одного за другим, Хадриос. Высылай людей ко мне. Дадим им бой в воде.

— Там же глубоко и кровь... Скоро здесь все будет кишеть чудовищами...

Как скоро? Этого Брэк не знал, и времени выяснять это не оставалось. На противоположном берегу всадники, издавая воинственные крики, пустили своих лошадей в воду.

Давно, еще в северных степях, Брэк выработал для себя единственную тактику ведения боя в такой ситуации. И сейчас он решил не изменять ей. Изю всех сил своего могучего тела он врезался в воду и побежал как можно быстрее по каменистому дну, подбадривая себя боевым кличем.

Всадники Курана приостановились.

Зайдя в воду по грудь, Брэк крикнул:

— Хадриос, гони всех сюда! Гони Горзофа! Быстрее, старик!

Всадники снова двинулись вперед, поднимая фонтаны брызг. Лошади искали ногами опору, теряли ее, пускались вплавь. Хадриос, подскочив к ближайшему погонщику, закатил ему оплеуху, выхватил из-за его пояса кинжал и, сунув тому клинок в руку, толкнул к реке. Вслед за ним и сам одноногий старик, размахивая кинжалом, устремился к воде.

Откуда-то появился капитан Горзоф, быстрыми шагами шедший вслед за Брэком по каменистому дну реки.

А Кай и Кайя улыбались. В их жемчужных глазах светилось блаженство.

Всадники Курана неслись вперед, вздымая перед собой фонтаны брызг. Первый из них, поравнявшись с Брэком, занес саблю, чтобы одним ударом снести варвару голову.

Высокий Брэк даже на такой глубине крепко упирался ногами в речное дно. В последний момент, преодолевая сопротивление воды, варвар резко отклонился назад, и сабля куранца вспорола водную гладь в пяди от его плеча.

Брэк схватил противника за руку и, вывернув ее, сильно дернул. Послышался стон, и куранец повалился с лошади в воду. Еще на лету Брэк успел располосовать ему горло острым как бритва лезвием меча. Кровь хлынула в реку.

Взвывая скорее как зверь, а не как человек, Брэк повернулся, чтобы встретить второго противника, подоспевшего с другой стороны. Увидев нацеленное ему в грудь острие копья, варвар успел набрать воздуха в легкие и нырнуть под воду.

Копье все же скользнуло по его ноге ниже колена, пока он подплывал к лошади куранца. Несколько ударов мечом под водой — и несчастное животное стало заваливаться на бок, увлекая за собой всадника.

Брэк поразился прозрачности речной воды. Вот зеркало поверхности раскололо лицо его противника, вот и все его тело погрузилось в холодную воду. Куранец все еще пытался сопротивляться. Медленно, словно во сне, двигая меч сквозь непривычно густую по сравнению с воздухом воду, коротким колющим ударом Брэк проткнул ему живот. Багровые клубы поплыли в глубине реки вниз по течению.

Вдохнув воздуха, Брэк нырнул и впился рукой в лицо убитого противника, на ощупь вырывая то, что было ему нужно. Варвар вынырнул и торжествующе воздел к небу руки. Одна сжимала меч, с которого все еще стекала розовая вода, а вторая — крупный рубин из глазницы куранца.

Брэк зарычал, словно хищник над только что растерзанной жертвой. Неподалеку послышался одобрителный крик капитана Горзофа.

Один из куранских всадников, налетевший было на старого Хадриоса, оказался сброшен в воду двумя погонщиками мулов. В следующий миг ко-

роткие клинки их кинжалов вонзились в его лицо и грудь. Залитые кровью, молодые ребята радостно переглядывались и искали глазами одобрения Брэка. Слишком поздно донеслось до них его предупреждающее:

— Сзади!

В затылок одного из погонщиков вонзилось острое куранской сабли. Второй парень — Кес — полоснул кинжалом по лошадиному боку. Брэк бросился ему на помощь полубегом-полувплыв.

Вокруг кипел бой. Брэк насчитал еще не меньше трех погибших куранцев. Ближе к берегу капитан Горзоф отбивался, причем безуспешно, от двух наседавших на него всадников. Его рыжая борода была залита кровью и, судя по ярости и скорости, с которой капитан орудовал саблей, кровь была не его. Видимо, в случае крайней необходимости Горзоф вовсе не был трусом.

Кес в это время сумел увернуться от удара сабли, поднырнуть под локоть противника и вонзить куранцу кинжал в самое сердце. Наградой молодому погонщику послужил восторженный вопль Брэка, сумевшего оценить удачный удар.

В следующий миг варвару самому пришлось время воспользоваться всем своим опытом и воинским мастерством. Сзади на него на всем скаку налетел один из куранцев. В последний миг, чуть не получив саблей по голове, Брэк успел нырнуть и, увернувшись от копыт обученного лягать врагов коня, проплыть между ног скакуна. Вынырнув с другого бока коня, Брэк застал всадника врасплох.

Напрасно куранец, свирепо глядя на противника одним здоровым глазом, пытался подставить саблю, чтобы отбить удар северянина. Перехватив рукоять меча обеими руками, Брэк рубанул изо всех сил. Сабля куранца отлетела в сторону, а

вслед за нею — и его начисто срубленная голова. Нырнув, Брэк нашарил в мутной от крови воде голову куранца, насадил ее на острие меча и вынырнул на поверхность.

Высоко в воздух поднялась на длинном клинке истекающая кровью голова. Лицо мертвого куранца было искажено предсмертной гримасой. Глаз все еще горел ненавистью, не уступая рубину во второй глазнице. Только сейчас Брэк заметил, что с вершины шлема на отрубленной голове свисает тройной красно-белый плюмаж.

Словно боевым штандартом, Брэк потряс над головой своим страшным трофеем. Один из всадников заметил это и дал сигнал остальным. Поняв, что их предводитель погиб, оставшиеся в живых всадники — а их Брэк насчитал не больше десяти-одиннадцати — стали разворачиваться и, отбиваясь, отходить к своему берегу.

Подержав еще некоторое время отрубленную голову на весу, Брэк стал возвращаться назад, к берегу.

Выбравшись из воды, он оглянулся и увидел, что куранцы внимательно разглядывают его с противоположной стороны реки. Размахнувшись, варвар швырнул голову предводителя почти на середину реки, где ее тотчас же подхватило и потащило прочь быстрое течение. Илану, наблюдавшую за ним из-за камней, передернуло. Она испытывала отвращение к дикому варвару.

Хадриос и погонщики собрались вокруг Брэка, смеясь и поздравляя его и друг друга с победой.

— Отличная работа! — воскликнул одноногий старик. — Великолепно! Какая схватка — с молодости не припомню такого веселья!

— Так сражаются только прирожденные воины, — поспешил обрадовать его Брэк.

— Ну что, вроде отбились, — спокойно и без особой радости заметил Горзоф, отжимая бороду. — Сдается мне, за победу мы дорого заплатили. А главная расплата, боюсь, еще впереди. И похоже, что дороже всех заплатишь ты, чужестранец.

На противоположном берегу оставшиеся в живых куранцы собрались в одну группу и, оставив у воды двоих мертвых или умирающих соплеменников, потянулись вверх по склону. Один из них, задержавшись, вытянул в сторону врагов копье. Стальной наконечник сильно дрожал. Видимо, ему передавалась яростная дрожь, бывшая того, кто держал это оружие и был не в силах вонзить его в противника. Даже на таком расстоянии было ясно, что наконечник копья нацелен на Брэка. Удостоверившись, что его знак понят противником, всадник поскакал вдогонку за своими товарищами.

— Да, — протянул Хадриос, с которого слетела эйфория боя и навалилась дикая усталость. — Похоже, они отметили тебя.

Брэк почувствовал леденящий душу холодок.

— И они не замедлят вернуться к своей отмене.

— Надеюсь, это все же произойдет не так скоро, — предположил Хадриос и добавил: — А то мы так и не успеем переправиться сегодня.

Брэк потряс головой:

— Что? Мы все еще собираемся переправляться?

Хадриос, подскочив к воде, воскликнул:

— А что такого? Подводных кровососов я не вижу, и, сдается мне, снесенных вниз по течению трупов хватит, чтобы накормить всю их компанию.

— Не думаю, чтобы этих чудовищ можно было накормить досыта, — заметил Горзоф.

— Ну и ладно. — Хадриос озорно дернул капитана за бороду. — Я верю, что удача и милость богов пока что на нашей стороне. Но если мы упустим момент, то подводные твари точно приползут на запах крови и перекроют нам переправу по крайней мере на целый день. Раз учуяв человека, они готовы кружить на этом месте часами. А кроме того, мне кажется, что они ощущают наше присутствие на берегу... В общем, пересидеть их — дело долгое.

Замолчав, Хадриос обвел взглядом всю компанию и только сейчас обратил внимание, что его идея вызывает у остальных еще меньше энтузиазма, чем раньше. Илана даже не скрывала своего страха; брат Поль нервно теребил гриву мула. Лишь Кай и Кайя, как всегда невозмутимые, в абсолютно сухой одежде, стояли взявшись за руки, дожидаясь, чем же все закончится.

Брэк незаметно разглядывал лица близнецов. Неужели внушающее ужас выражение восторга на этих бесстрастных масках только привиделось ему? Ничто не напоминало об этом... кроме, пожалуй, непривычно крепкого и до отвращения чувственного соприкосновения двух тонких рук.

Бороду Хадриоса трепал ветер.

— Ну что, Брэк, что скажешь по поводу переправы?

Простодушная улыбка расплылась на лице варвара, когда до него дошел смысл происходящего.

— Что? Что я скажу? А где же командный голос, караванщик? Неужели ты снизошел до того, чтобы просить у меня совета?

— Посмотри на лица ребят, Брэк. Если мы с тобой не придем к общему мнению, я сомневаюсь, что они по-прежнему станут слушать меня.

Брэк действительно не обратил внимания на то, как смотрели на него погонщики. Он стал

для них чем-то вроде полубога. Внимательно приглядевшись к стремительному потоку, варвар обратил внимание, что вода прибывает. Затем он вспомнил, что Хадриос опасался кровожадных подводных хищников, которых привлекает кровь, сносимая вниз по течению. Если эти твари могут подниматься вверх по такой быстрой реке — значит, они действительно обладают изрядной силой.

Беликан-варвар думал — думал, тщательно взвешивая каждую мелочь. Противоположный берег давно опустел. Всадники Курана скрылись. Тут Брэк вздрогнул, вспомнив нацеленное лично на него копье.

«Они отметили тебя».

«Ну и что!» — отбросил он тревожные мысли. Мало ли кто его отмечал. Даже сам Септигундус. Ничто сейчас не могло омрачить настроение Брэка, впервые за долгие дни порадовавшегося удаче. Еще раз внимательно оглядев всех обступивших его, он громко и решительно произнес:

— Переправляемся.

Погонщики встретили его решение восторженными криками. «Нашли чему радоваться», — подумал Брэк, но ему было приятно.

— Илана, — приказал Хадриос, — быстро перевяжи Брэку ногу. И чтоб ни одной кровотокащей царапины, ни у кого. Ни капли крови больше не должно упасть в воду.

— А как мы узнаем, что они подбираются к нам? — поинтересовался Брэк.

— А никак, — отрезал Хадриос. — Они очень быстро и совершенно незаметно подкрадываются по дну или подплывают к добыче.

На этой малоутешительной ноте разговор оборвался. Все приступили к работе. К тому времени

как животные снова выстроились в колонну, вода поднялась еще выше.

Животные явно не горели желанием лезть в бурную реку. Мулы брыкались, верблюды тянули свои длинные шеи, чтобы укусить подгоняющих их людей. Начало темнеть.

Брэк стоял по пояс в воде и затаскивал в реку упирившихся животных. Это было труднее всего. Оказавшись в воде, и верблюды, и мулы стремились побыстрее выбраться на другой берег.

Где-то посреди потока старик Хадриос, подгоняя верблюда, потерял равновесие и оступился, поскользнувшись на протезе.

Он рухнул в воду, подняв целый фонтан брызг и слишком сильно хлопнув при этом верблюда по боку. Испугавшись, животное отскочило в сторону. От резкого рывка ослабли вьючные застёжки, и корзины с грузом полетели в воду.

Илана едва успела выдернуть отца из-под левтевшего прямо ему на голову тяжелого вьюка. Вторая корзина, влекомая течением, ударила по ногам одного из мулов. Тот заржал и укусил за руку своего погонщика. В общем, через какое-то мгновение брод превратился в подобие рыночной площади — с брыкающимися мулами, плюющимися верблюдами и отчаянно ругающимися людьми.

Наводя порядок, Брэк обратил внимание на одну деталь, удивившую и разозлившую его. Пока караван балансировал на грани гибели, Кай, оказывается, уже почти добрался до другого берега.

Юный аристократ довольно уверенно ступал по скользкому дну, с каждым шагом приближаясь к цели. Брэк поискал глазами Кайю, а увидев ее, обомлел от негодования.

Кайя как-то умудрилась убедить одного из погонщиков — Кеса — перенести ее через реку на руках.

Нельзя сказать, чтобы молодой погонщик мило проводил время с изящной девушкой на руках. Сильное течение, скользкое дно и ограниченный обзор очень мешали ему. Кайя прижалась лицом к шее юноши, закрываясь от брызг и пены. Выругавшись, Брэк решил отложить выяснение отношений с эгоистичными близнецами до конца переправы, но что-то не давало ему отвести взгляд от удаляющегося Кеса, наполняя его сердце недобрым предчувствием.

Кайя подняла лицо, искаженное странной гримасой смеси наслаждения и страдания. Ее глаза широко раскрылись, а все тело дрожало, словно в лихорадке, мешая Кесу.

Безумная улыбка растянула губы Кайи. Ее руки все сильнее сжимали шею Кеса. Дрожа, она повернулась так, чтобы горло юноши оказалось прямо перед нею. Брэк вздрогнул — Кайя явно больше не могла контролировать себя.

Никто, кроме Брэка, пока что не заподозрил неладного. Все были слишком заняты переправой. Варвар бросился вдогонку за Кесом, борясь с течением, — какой-то панический страх, словно стрелой, пронзил его сердце.

Брэк все понял.

Даже не зная, кем именно была девушка в одеждах, украшенных драгоценностями, он понял, что она может совершить и уже совершила. Словно кровавая пасть хищника, раскрылся ее правильный, аккуратный ротик.

Вдруг силуэты Кайи и Кеса стали размытыми, нечеткими. Брэк протер глаза. Это не помогло. В следующий миг все похолодело в груди варвара. Он понял — не туман поднялся над рекой, не пыльная туча скрыла две фигуры.

Нет. Это сама Кайя на глазах превращалась в облако черного дыма.

Брэк изо всех сил пытался прогнать ее. Это не девушка, понял он. Это демон. Демон, жаждущий крови.

И демон больше не мог контролировать себя, чувствуя добычу совсем рядом.

Лицо Кайи уже почти растворилось в темном облаке. Кес наконец почувствовал, что ему грозит опасность, но было уже поздно. Сквозь дым было видно, как резко дернулась голова Кайи, как сверкнули ее зубы, впиваясь в шею погонщика.

— Кес! — крикнул Брэк, отчаянно пытаясь успеть ему на помощь.

Брэк не знал, услышит ли кто-нибудь в шуме несущейся воды, ревущих животных и ругающихся людей его отчаянный крик. Словно безумный, бросился он вперед — к зловещему облаку.

Пронзительный вопль Кеса на миг заглушил всеобщий гам и тотчас же оборвался. Брэк понял, что больше молодой погонщик не издаст ни звука.

Варвар отчаянно продирался сквозь сопротивляющуюся, бешено бурлящую воду к обреченному парню. Сунув руку в непрозрачный густой дым, Брэк нащупал тонкую руку и сильно потянул ее на себя.

Из облака показалось лицо Кайи — сначала изумленное, а затем — исказившееся от ненависти. Не в силах противостоять могучим рукам Брэка, она выпустила добычу и рухнула в воду.

Лишь на краткий миг мелькнуло перед Брэком ее лицо — гневные, словно сверкающие сквозь пелену тумана уголи, глаза, оскаленный рот, обгренные кровью клыки и губы...

Упав в воду, Кайя стала барахтаться, а Брэк попытался схватить Кеса, чтобы не дать течению унести его. Но лишь тонкая кожа, словно пустой рукав, проскользнула между ладоней варвара.

На миг тело Кеса с зияющей треугольной раной на шее показалось в водовороте и исчезло без следа в зеленоватой глубине.

Взвыв от ненависти, Брэк потянулся и, едва не упав в воду, схватил уплывающую прочь от него Кайю. Вновь встав крепко на ноги, варвар почти вытащил из воды извивающуюся, бешеную от гнева принцессу.

— Да что же ты за тва?!..

Возглас Брэка оборвался на полуслове. Варвар увидел отражавшееся в воде свое тело, свою руку, сжимавшую... пустоту. Кайя в воде не отражалась.

Вздвогнув, он поднял голову как раз вовремя, чтобы увернуться от нацелившихся ему в лицо клыков Кайи.

Страшные челюсти клацнули у него над ухом. Брэк, теряя равновесие, потянулся за мечом.

Почувствовав его нешуточный гнев, Кайя сменила тактику и рванулась к дальнему берегу.

— Назад! — крикнул Брэк. — Стоять! Сейчас мы узнаем, что за змею пригрели на груди...

Вновь почувствовав железную хватку рук варвара на своих плечах, Кайя начала отчаянно извиваться и брыкаться. Брэку стоило большого труда не выпустить ее. В какой-то миг от резкого рывка разорвался воротник сверкающего одеяния Кайи. Драгоценные камни дождем посыпались в реку, а на обнажившемся горле Брэк увидел висевший на кожаном шнурке талисман.

На фоне бледной кожи Кайи четко вырисовывался вырезанный из камня символ Йог-Саггота.

Брэк все понял. Демоны Черного бога преследовали его. Он должен убить обоих. Сначала — Кайю, а затем ее брата.

— Порождения Йог-Саггота! Так вот зачем вы вернулись!

Воспользовавшись мгновенным замешательством, Кайя резко изогнулась всем телом и повернулась в руках Брэка. Варвар слишком поздно понял свою ошибку. Будто во сне, он видел, как Кайя обеими руками хватает его за локоть и, словно кобра, резким движением вонзает зубы в его предплечье.

Взвыв от боли, Брэк выронил скользнувший на дно меч, последним усилием отбросил от себя кровавожадное чудовище и рухнул в воду.

Вынырнув, он почувствовал страшную слабость во всем теле и сильное головокружение. Сквозь плывущие перед глазами круги он увидел, что уже почти стемнело, и усталый караван в сумерках заканчивает переправу. Кайи нигде не было видно.

— Хадриос! Эй, старик! Отвечай! — позвал Брэк.

— Где, черт тебя побери, ты пропадаешь, варвар?! — послышался откуда-то отклик Хадриоса.

— Найди Кая и свяжи его! Закуй в цепи! Слышишь меня?

— Что за чушь ты мелешь, Брэк? Что тебе в голову взбрело?

— Замолчи и выслушай меня! Эти демоны...

Откуда-то из-за спины в шею Брэка впились острые зубы.

Вновь багровая дымка встала перед глазами варвара. Он с трудом устоял на ногах, почти теряя сознание от небывалой боли. Мышцы Брэка ослабли, отказывались подчиняться ему.

Повалившись в воду, Брэк почувствовал, как ненавистные зубы сорвались с его шеи. Вынырнув, он закрутил головой, пытаясь найти противника.

Послышался плеск воды, и знакомый голос прокричал:

— Где ты, Брэк? Отзовись!

— Сюда, — варвар с трудом узнал жреца, — скорее, брат Поль!

Что-то сильно плескалось в воде слева от Брэка. Обернувшись, он увидел Кайю, тянущуюся к нему. В последний миг он успел перехватить ее и удержать оскаленную пасть на расстоянии вытянутой руки.

Если бы не два дьявольских укуса, Кайе ни за что бы не удалось вырваться из рук могучего варвара. Но сейчас ослабевший Брэк с трудом удерживал ее.

Краем глаза Брэк заметил, что в нескольких шагах от него замер Поль, бормочущий что-то на непонятном языке.

«Ну и выбрал ты времечко для молитвы», — пронеслось в голове Брэка. Но в то же время он заметил, что и Кайя опасливо косится в ту сторону.

Священник дочитал заклинание и поднял перед собой каменный крест.

Кайя, задрожав всем телом, вдруг отпрыгнула в сторону и полубегом-полувплавь устремилась к дальнему берегу.

Поль бросился вслед за ней, высоко подняв перед собой крест Нестора.

Брэк бросил взгляд на укушенную руку и содрогнулся.

Там, чуть видимые, даже не пронзившие кожу, но явно ощутимые, чернели в сумерках три точки, расположенные треугольником.

По всей переправе по-прежнему слышались крики погонщиков, рев животных. Но Брэк с трудом разбирал эти звуки. Рана на лодыжке сильно кровоточила; он потерял много крови.

Сделав несколько шагов навстречу каравану, Брэк пошатнулся; слабость во всем теле оказалась

непреодолимой — и через мгновение быстрый поток подхватил и понес его безвольное тело.

Брэк попытался плыть, но тщетно. Сил не хватало. Сквозь кровавый туман в глазах и водяную пену он видел, как потянулась к нему Илана. Но было поздно. Течение несло его все дальше и дальше...

Силы покинули его. Почти ничего не чувствуя, Брэк вдруг заметил рядом с собой какое-то большое тело, напоминающее огромную рыбу. Затем по его лицу и шее скользнул настороженный, вздрагивающий от нетерпения хобот.

Подводные вампиры окружили его со всех сторон. Их маленькие лапки двигались слаженно и четко. Кровожадные создания почувствовали кровь и устремились к добыче.

Глава 7

ЧУДОВИЩА, ДРЕВНИЕ, КАК САМО ВРЕМЯ

Длинный, извивающийся хобот прошелся по груди Брэка и коснулся кожи на животе. Здесь он замер, присосавшись, а сам Брэк взвыл от боли.

Другой хобот присосался к его спине. Боль стала сильнее в два раза.

Брэк вцепился руками в мелькнувшее рядом скользкое тело. Но резко дернувшись всеми маленькими лапками, подводная тварь вырвалась из его хватки.

Боль все усиливалась. В бок Брэку вцепилось еще одно чудовище.

Сколько их еще? Дюжина? Две?

Перед лицом Брэка проплыла в полутьме морда одной из тварей. Ее глаза, словно две луны, отли-

вали холодным серебристо-молочным светом и не выражали ничего, кроме желания утолить голод.

Вынырнув, Брэк глотнул воздуха. Ему показалось, что на берегу реки кто-то крикнул, а затем в сумерках мелькнул свет факела.

Но сейчас Брэк не мог задержать свое внимание ни на чем, кроме боли. К первой твари, присосавшейся к его спине, добавилась еще одна.

Несколько подводных вампиров все время кружили около его головы. Брэк отчаянно молотил их кулаками, но вода гасила силу его ударов.

Неожиданно ноги Брэка коснулись дна, а в следующий миг он ударился спиной о камни, торчащие из воды. Один из хоботов отцепился. Извернувшись, варвар ухватился обеими руками за второй кровососущий шланг и резко дернул его.

Если бы под водой можно было кричать, он бы заорал от боли. Не успев избавиться от одного чудовища, варвар увидел, как к нему бросилось еще несколько жаждущих крови тварей. Чей-то хобот обжег своим прикосновением его щеку.

Нашупав руками на дне неровный камень, Брэк покрепче сжал его в кулаке. Оттолкнувшись от дна ногами, он изо всех сил ткнул камнем в глаз ближайшему кровососу. В воде закружилось облачко голубовато-бурой крови, и чудовище исчезло в глубине.

Другая тварь присосалась к его ноге. Легкие Брэка уже разрывались от отсутствия кислорода, и он устремился к поверхности, чтобы глотнуть воздуха. Вынырнув, он увидел, что течение унесло его довольно далеко от брода.

Сил оставалось все меньше. Не успел Брэк оторвать хобот от своего бедра, как другое чудовище впилося ему в плечо. В голове Брэка осталась лишь одна мысль: «Если я потеряю сознание, я

утону или меня сожрут. Хотя, скорее всего, случится и то и другое».

Собрав в кулак оставшиеся силы, варвар оторвал кровопийцу от своего плеча, лишь затем чтобы почувствовать, как новый хобот впивается ему между ребер.

Руки Брэка почти не слушались его. Перед глазами плыли разноцветные круги. Вот два молочно-белых глаза очередного чудовища превратились в четыре, затем в восемь, а затем — закружились в бесконечном хороводе.

Пятки Брэка вновь коснулись камней на дне. Затем колени. Варвар почувствовал, что дно круто поднимается вверх.

Берег! Рванувшись вверх по откосу, Брэк потащил за собой двух подводных чудовищ, впившихся в него.

В этот момент Брэк совсем лишился сил, сдавшихся боли и слабости.

Он даже не мог выбраться на берег: его ноги все еще оставались в темно-зеленой воде. Брэк поднял голову и отчаянно закричал. Где-то наверху он увидел несколько мечущихся огоньков. Что это? Звезды, сошедшие с ума и прыгающие в безумной пляске в ночном небе над пустыней Логол? Затем, собрав в кулак всю волю, Брэк попытался догадаться, что это за огни.

Течение прибило его к каменистой косе, вдающейся в реку. И вот по ней к нему приближались эти огни. Лампы? Факела?

Глаза Брэка с трудом сфокусировались в нужной точке. Да. Огни. Они приближались...

Блеснувший луч надежды погас, затерялся в багровой пелене боли, терзавшей тело Брэка. К двум кровососам, вцепившимся в его ноги, добавился третий.

Лампа мелькала где-то совсем рядом, отбрасывая блики на острие чьего-то копья. Не дожидаясь помощи, Брэк сжал в кулаке острый камень с речного берега и вонзил его в тело ближайшего чудовища.

Тварь лопнула, словно прогнивший бурдюк с вином. В воду полилась какая-то бурая жижа. Набухший кровью хобот оторвался от ноги варвара, оставив розовое пятно оборванной кожи, из которого кровь почти не лилась.

Брэк снова занес над головой тяжелый булыжник. Еще один удар по ненавистным тварям. Еще один, еще...

Чья-то рука легла на плечо варвара и потянула его прочь от воды.

— Вылезай выше на берег! Я отобьюсь от них копьем! — послышался голос.

В круге света от лампы человек размахнулся и вонзил копье в речную тварь, вспоров ей брюхо. Бурая жижа брызнула фонтаном. Брэк оторвал от ноги ослабевший хобот и из последних сил пополз вверх по берегу прочь от воды.

Последнее чудовище цепко держало варвара, впившись ему в голень и обмотав хоботом ступню. Содрогаюсь от страха, брат Поль — а это именно он пришел на помощь Брэку — вонзил копье в голову ненавистной твари. Сбросив с ноги хобот, Брэк наконец-то выбрался на безопасное сухое место.

У ног монаха билось в последних судорогах речное чудовище. Сам Поль с удивлением разглядывал словно неизвестно откуда взявшееся у него в руках копье. Где-то в темноте слышался голос Иланы. Варвар попытался встать, но не смог преодолеть слабость и снова упал на камни. Облизав губы, он произнес:

— А ты ведь не из трусливых, монах.

Брат Поль тяжело вздохнул:

— Просто враг не был силен.

Он нервно оглядывался по сторонам, с надеждой глядя на приближающиеся огни.

— Жрец, — сказал Брэк, — я видел демонов, и я понял, кто они. Где они?

— Исчезли... Обоим удалось переправиться через реку и скрыться в пустыне. Погонщик по имени Кес исчез. Наверное, кто-то из близнецов убил его.

— Да. Кайя. Это она. — Голос Брэка был совсем слабым, почти неслышным.

— Эх, поймать бы их, уничтожить, стереть с лица земли, — вздохнул монах, а затем, наклонившись к варвару, прошептал: — Теперь ты понимаешь, чего я боялся и о чем я не хотел говорить. Я попытался поймать ее или его — я не разобрался там в сумерках — на переправе, когда один из близнецов напал на тебя, но слушай, как же они сильны! Оба!

— Поль, он жив?

Илана почти добралась до них, перелезая через прибрежные камни. За ней спешили Хадриос и Горзоф.

— Жив, — ответил брат Поль, — но он весь изранен. Нужны тряпки, чтобы перевязать его.

Пользуясь тем, что Илана еще не подошла к ним вплотную, Брэк схватил монаха за рукав и спросил:

— Кто они?

— Чудовища, древние, как само Время. Я читал об этих созданиях в свитках, еще когда не вступил в Братство.

— Не говори... никому... — прохрипел, задыхаясь, Брэк, — пока мы не поговорим... Никому...

Несторианец печально покачал головой:

— Бедняги. Они так и остаются в неведении. Все чего-то боятся, о чем-то шепчутся. Но о близнецах все думают, что они просто с приветом. Погонщики решили, что Кес был убит, когда пытался стащить несколько камней с одеяния принцессы. Когда ночь пройдет, они начнут задавать вопросы. Вспомнят и про три точки, и про смерть матушки Миль, и исчезновение Сивикса. Все будут задавать мне вопросы, на которые у меня нет ответов...

Бледное лицо Поля склонилось над Брэком, словно в мольбе о помощи. Это лицо и было последним, что варвар запомнил, прежде чем потерять сознание.

Часа через три Брэк пришел в себя. Чуть только рассеялась серая пелена перед его глазами, как он попытался встать на ноги. Его постигла неудача — застонав, он тяжело упал на землю. Во второй раз он стал действовать куда более осторожно.

Приподнявшись, Брэк с благодарностью принял от сидевшего рядом погонщика бурдюк с вином. Кислый напиток обжигал горло, но согревал тело изнутри. Голова кружилась меньше, боль почти утихла.

Все его раны оказались аккуратно перевязанными тканью, пропитанной какой-то резко пахнущей мазью. Протянув кожаный мешок погонщику обратно, Брэк будто невзначай спросил:

— Ну что, все живы?

На глаза парня навернулись слезы.

— Кес погиб, а его тело унесла река. Хорошо еще, что он сирота — плакать по нему никто не будет.

Небольшой костер был разложен рядом с берегом. Проморгавшись, Брэк внимательно поглядел на восток и понял, что скоро рассвет.

— Господин Брэк? — послышался голос погонщика.

— Ну?

— Эти господин и госпожа, которые убежали в пустыню, — они убили моего друга, так ведь?

— Похоже, что так.

— Они что — бандиты? Или безумцы? А может быть — еще страшнее?

Брэк внимательно посмотрел в глаза столь не к месту проницательного парня.

— А почему ты так подумал?

— Не знаю. Какое-то предчувствие. Сначала эта страшная смерть матушки Миль. А теперь... ведь если бы Кес украл у них несколько камней — зачем бы им убегать от нас в пустыню? Никакого смысла.

Брэк понял, что имел в виду брат Поль, говоря о вопросах и догадках. Сам же он только буркнул:

— Не знаю, не знаю...

Оглядев берег, он увидел караван, вставший лагерем намного выше по течению, у выхода с брода. Неясные силуэты двигались между отдыхавшими животными.

— Остальные там?

Погонщик кивнул.

— Лечат животных, ремонтируют корзины и перевязывают вьюки. Хадриос вне себя от злости. Мы потеряли трех или четырех мулов.

Рядом послышалось негромкое покашливание. Оказалось, что все это время брат Поль сидел на ближайшем камне, позади Брэка.

— Иди к остальным, — приказал Брэк погонщику. Тот, нервно оглядываясь на варвара и жреца, пошел к своим товарищам.

— Ну, жрец, — сказал варвар, — с той ночи, когда погибла старуха, ты знал, что наш караван преследует что-то сверхъестественное. Прежде чем из тебя выпарапают ответ остальные, доверь правду мне.

— Я оказался слаб в своей вере, — сокрушенно сказал Поль. — Да, я малодушно делал вид, что опасности нет, вместо того чтобы открыто признать перед вами, что за существа эти близнецы. Должно быть, я представлял собой жалкое зрелище. Я пытался уйти в кусты, пойти на компромисс с силами зла. Теперь я, униженный и посрамленный, стою перед лицом моего бога и...

Резкий окрик варвара вернул жреца к реальности.

— Пожалей всех тех людей, вместо того чтобы постоянно сокрушаться о себе.

— Но ведь я всего лишь трус, который...

— Который изрядно помог мне сегодня выбраться с того света, на что ему потребовалось немало отваги.

— Речные кровопийцы — одно дело. А Кай и Кайя...

— Хватит! — прорычал Брэк. — Мне нужна правда!

Брат Поль вздохнул, поморгал полными слез глазами.

— Я начал кое-что подозревать, когда узнал, как умерла матушка Миль. Когда ты рассказал мне о Сивиксе, я понял, что не ошибся. Кай и его сестра — пожиратели крови.

— Я не знаю, кто это такие, — негромко вставил Брэк.

— Это существа без возраста... Существа. Не люди, а именно некие существа, хотя когда-то они были людьми. Но это было давно, многие годы, а

скорее всего — столетия назад. Я уже говорил тебе, что еще до вступления в Орден я узнал древние предания о них. Они никогда не стареют. По крайней мере, внешне они всегда молоды.

— Какое же колдовство могло достичь такого?

— Власть и сила Йог-Саггота.

Словно живой, возник перед глазами Брэка образ Кайи с талисманом Черного бога на шее.

— Эти существа — особые слуги Зла. За полное послушание они вознаграждены бессмертием. Но не абсолютным. Они обречены зависеть от единственной еды — человеческой крови.

«Пожиратели крови», — повторил про себя Брэк, а вслух спросил:

— Сколько их ходит по земле?

— Не много. По крайней мере, так сказано в свитках. Да и много ли нужно таких слуг, чтобы продемонстрировать людям могущество Йог-Саггота? Живя вечно, каждый из них стоит легиона других.

Брэк уселся поудобнее и сказал:

— В реке, когда я схватил Кайю и поднял ее над водой, я увидел, что она не дает отражения. Берег, мое тело и руки — все было отражено в воде, но не она.

— Да, — кивнул Поль. — Это один из немногих способов определить их. Пожиратели крови не отражаются ни в воде, ни в зеркале. И нападать на людей они могут не в человеческом обличье, а в виде черного клубящегося облака.

— Именно так и погиб Сивикс! — вспомнил Брэк. — Да и в реке вокруг Кайи все время висело какое-то облако. Значит, это они отмечают свою жертву?

— Да. Три маленькие точки, как те, которые мы видели на плече матушки Миль.

Варвар поднял руку и поднес ее ближе к лампе. Зубы Кайи не успели пронзить его кожу, но все равно три точки, словно выжженные, виднелись на загорелом предплечье варвара.

— На мне тоже осталась эта отметина, — сказал он монаху.

— Вторая — у тебя на шее. Я видел ее.

— А что оставляет эти следы? Зубы?

— Две точки — от зубов, а третья — от языка. Через эти три дырочки демоны высасывают из человека кровь до последней капли и даже мозг из костей, оставляя лишь сухую кожу.

Брэк поежился. За время своих странствий он повидал множество злых и жестоких существ и колдовских творений. Но о таких страшных близнецах, в мгновение ока высасывающих из человека жизнь, он даже подумать не мог. Встряхнувшись, варвар снова стал вслушиваться в слова монаха.

— ...Иногда пожиратели крови выпивают жизненную силу человека постепенно, в течение нескольких дней. В этом случае жертва становится все слабее и слабее, а затем, после первого прикосновения демона, превращается в послушного полумертвого раба, исполняющего волю своего повелителя до самой смерти.

— Это-то и случилось с Сивиксом, — сказал Брэк и коротко изложил свои наблюдения: — Я видел, как он о чем-то подолгу говорил с Каем вечерами, незадолго до смерти. Я еще удивился, что у них общего.

— Раб и хозяин, — пробормотал Поль. — А я, к своему стыду, этого даже не заметил.

— Но... скажи, а зачем.... кому нужно вручать свою душу демону?

Несторианец лишь печально улыбнулся:

— Разве ты еще не убедился в том, что зло очень умело подбирает себе союзников?

Варвар согласно кивнул, и монах продолжал:

— Что-то подобное происходит в случае с жертвой пожирателя крови. Демон предлагает жертве вечную жизнь. Причем это обещание заведомо невыполнимо. Как я понял, читая свитки, только сам пожиратель крови пользуется даром, напрямую полученным от Йог-Саггота. Итак, для начала демон обманывает свою жертву, которая, не в силах разглядеть ложь, позволяет похищать у себя по крупицам жизненную силу. Здесь тоже все идет своим чередом. На первых порах жертва еще может усилием воли разорвать губительную связь. Но очень быстро процесс становится необратимым. Жажда крови становится для жертвы столь же непреодолимой, как и для ее повелителя. Тогда жертва сама начинает высасывать жизнь и плоть из других людей, питаясь их силами до тех пор, пока демону не надоест эта игра.

— Игра, говоришь? — скривился в ухмылке Брэк.

— Да, именно игра. Не больше. В этой игре демон завоевывает себе слуг. Они подыскивают жертвы — и вот вместо одного полуживого раба демон без усилий получает полдюжины новых жертв и может сожрать их, когда ему заблагорассудится.

— Значит, демон не может даровать никому вечную жизнь?

— Нет, конечно. Это могут только боги.

Брэка снова передернуло.

— Слушай, жрец. Нести в себе такое знание, понимать, что происходит вокруг, — это же так тяжело. Почему, ну почему ты не рассказал мне об этом раньше?

— Тому много причин, — последовал негромкий ответ. — Во-первых, я не предполагал, что ты можешь правильно понять и оценить нечто столь сложное, как природа и значение черной силы Йог-Саггота.

— Я думаю, что я постиг ее куда глубже, чем ты, — огрызнулся Брэк.

— Очень может быть. Теперь я готов поверить в это. Признаю свою вину: я не считал, что у тебя хватит мозгов. Но главное не в этом. Дело в слабости моей веры, как я уже говорил. Пожиратели крови мало чего боятся. Немного средств борьбы с ними создано моим орденом. Во-первых, — пальцы Несторианца коснулись висящего на его поясе креста, — демоны боятся символа Безымянного бога. Говорят также, что единственный способ убить демона — пронзить его деревянным посохом или колом, должным образом заговоренным.

— Как еще заговоренным?

— Не только заговоренным, но еще и освященным прикосновением креста — символа Безымянного бога. Да, крест превращает великую силу Безымянного бога в смертоносное оружие.

— Что же смущает тебя, заставляет усомниться?

Брат Поль выглядел жалко.

— Обо всем этом я только читал и слышал. Но никогда еще мне не доводилось видеть это воочию.

Брэк все понял. Стараясь придать своему голосу мягкость, он сказал:

— Я встречал людей, веривших в магию Безымянного бога и его символов. Сам я не знаю, чему обязан жизнью — его защите или чему-либо другому. Сказать по правде, я не очень-то доверяю всем этим таинственным штучкам для посвящен-

ных. И все же я прекрасно понимаю твои сомнения. Что могло бы поколебать твою веру (и так не очень крепкую, по твоему же собственному признанию) сильнее, чем если бы ты вдруг оказался свидетелем бессилия того, чему веришь в борьбе с извечным противником. Признай, жрец, ведь именно поэтому ты никому не рассказывал о своих подозрениях.

К удивлению Брэка, Несторианец даже не рассердился. Скорее в его вздохе послышалось облегчение.

— А я недооценил тебя, варвар.

— То есть?

— Твоя речь, быть может, и вправду лишена изящества, но смотришь ты в самую суть. Конечно, ты прав. Скажи я Хадриосу о том, что к каравану присосались пожиратели крови, — мне пришлось бы начать действовать, полагаясь на это, — брат Поль дотронулся до своего креста, — а если бы он оказался бессилен... бессилен...

Ветер продолжал танцевать и выть над рекой. Казалось, он даже усилился, если это еще было возможно. Ураган, Снимающий Скальпы, мог обрушиться на караван в любую минуту. Брат Поль молча сидел, сжимая в руках крест. Брэк кашлянул и сказал:

— И все же старому Хадриосу мы должны рассказать все.

— Я понимаю, — еле слышно прошептал жрец.

— И чем быстрее, тем лучше. Если хочешь, я сделаю это сам.

Наступившее молчание Брэк воспринял как знак согласия.

Вскоре Брэк подошел к утреннему костру и, не отвечая на вопросы о своем самочувствии, отвел в сторону Хадриоса, Илану и Горзофа.

— Сейчас есть вещи поважнее моего здоровья, — сказал варвар, — а именно — объяснение череды смертей, обрушившихся на наш караван. Последней из них стала смерть Кеса, а могла бы быть и моя. Брат Поль сумел выразить словами то, о чем я давно подозревал. Близнецы — не люди, а демоны. Нашим погонщикам не стоит рассказывать об этом, но вы должны знать, чтобы подготовиться к защите.

Нервно оглядывая горизонт, Брэк коротко изложил все, что знал о пожирателях крови. Первым на его слова отреагировал Хадриос:

— Проклятье всех проклятий! Я знал, я знал, что этот караван обречен, трижды проклят! Боги! В такие минуты я жалею, что не верю ни в кого из них!

Капитан Горзоф пожал плечами:

— Если честно — я не верю во все эти сказки.

— Ты же был заодно с Сивиксом, — напомнил ему Брэк. — Неужели ты не помнишь, как он двигался — словно сонная муха?

Горзоф покраснел, его глаза недобро засверкали. Несомненно, рыжебородый проводник не забыл унижения порки. Сдерживая гнев, он ответил:

— Больное воображение, варвар. Сивикс двигался и соображал точно так же, как и любой другой человек, чересчур рьяно приложившийся к бурдюку с вином.

— Вы бы не пытались придумать логичное объяснение, капитан, — Брэк сделал ударение на последнем слове, — если бы видели, как погиб Сивикс. Но вы, капитан, убежали...

Повисшее молчание было страшнее раскатов грома.

Звякнули браслеты на руках Иланы. Пригладив волосы, девушка спросила:

— А что мы можем противопоставить этим чудовищам?

— Очень немного, — ответил Брэк. — По крайней мере, нужно быть начеку. Вот почему я рассказал вам все.

— Кстати, ты прав, — вставил Хадриос, почесывая бороду, — погонщикам не нужно знать этого. Сказки все это или нет, но такие истории не пойдут им на пользу. А мы и так еле тащимся. Оставим все в тайне, будем начеку, приготовим наши клинки...

— К чему приготовим? — воскликнул Горзоф. — Эти ряженные смылись. Как только они поняли, что их раскусили, их след простыл.

Илана бросила на него короткий взгляд:

— Интересно, капитан, а далеко ли они ушли?

Горзоф застыл на месте. Его глаза широко раскрылись, а челюсть отвисла.

Во время всего разговора брат Поль молча сидел чуть поодаль. Теперь же он встал и подошел к остальным.

— Госпожа затронула очень важную проблему. Я имею в виду ненасытный голод этих демонов. Как вы помните, вскоре за смертью матушки Миль последовала гибель Сивикса, а затем и Кеса. Боюсь, близнецы отметили нас, как куранцы отметили Брэка. Ведь во всей пустыне сейчас, пожалуй, больше нет никого, кто бы мог утолить их ненасытный голод. Мы единственные. И они... они это знают. Они уверены, что сильнее нас. Поэтому не стоит надеяться, что близнецы бежали навсегда. Я

готов поклясться, что они где-то рядом. Смотрят на нас, выжидают...

На этой малоутешительной ноте разговор закончился.

Прежде чем караван отправился в путь, Брэк выловил свой меч из реки.

Выбрав мула, на ногах и брюхе которого не было ни царапины, он вооружился длинным шестом с крюком на конце и загнал животное в воду. Мул время от времени всхрапывал и пятился, но сильный варвар сумел заставить его идти в нужном направлении.

Брэк сидел, поджав ноги, на спине мула и с содроганием смотрел на белые круги больших глаз речных чудовищ, настороженно кружившихся под водой в ожидании новой добычи.

Время от времени Брэк вонзал шест в спину то одного, то другого чудовища, заставляя чересчур настырных тварей держаться подальше от ног мула.

Наконец добравшись до нужного места, Брэк нашарил на дне свой меч и, зацепив его крюком за крестовину рукоятки, вытащил из воды. Затем он пришпорил мула и облегченно вздохнул лишь тогда, когда копыта животного вновь зазвенели по прибрежным камням.

Караван перевалил через цепь прибрежных каменистых холмов, пересек несколько древних, занесенных песком речных русел и вновь углубился в бескрайнюю, расстилавшуюся барханами до горизонта пустыню. Вскоре уже ничто, даже сухие кусты, не напоминало о том, что в этом мире есть жизнь и вода.

Брэк, погруженный в мрачные мысли, ехал верхом на верблюде. Он наконец понял, почему не погиб в первый день, встретив близнецов на

каменистом плато. Они, должно быть, настолько ослабли, действительно заблудившись среди бескрайних скал, что от недостатка сил даже не смогли убить его. Вспомнив прикосновение невидимой руки к горлу, Брэк покрылся холодным потом.

После каждой смерти в караване близнецы становились все свежее и счастливее. Прикрыв глаза, он видел их розовые, румяные щеки, словно и не терзаемые ветром страшной силы, влажные губы, лоснящуюся кожу. Брэк невесело усмехнулся, вспомнив свои сомнения по поводу того, как близнецам удалось сохранить на себе сверкающие драгоценности.

Страшна была участь того грабителя, который осмелился бы протянуть руку к великолепным нарядам. Нападающий тотчас же превращался в жертву, чьи останки ветер уносил, словно обрывок ветхой тряпки.

Пожиратели крови!

Брэк вспомнил слезливую легенду близнецов об их изгнании из Джовиса. Еще одна ложь.

Да, черная сила Йог-Саггота твердо преградила ему путь. Теперь это было совершенно ясно.

В тот день караван прошел очень мало, борясь со все усиливающейся бурей. Вечером у костра Брэк и Хадриос налегли на вино, не сговариваясь решив основательно напиться. Но столь желанное опьянение не наступало. Когда же Илана резким жестом призвала всех к молчанию, хмель и вовсе как рукой сняло: сквозь завывания ветра слышались другие звуки, от которых волосы вставали дыбом.

Где-то в пустыне близнецы пели свою унылую песню без слов.

Два дня тянулись бесконечно долго. Несущийся по ветру песок впивался в кожу, сдирал ее с лица. Даже морды верблюдов и мулов пришлось обмотать тряпками, оставив лишь узкие прорезы для воспаленных глаз. Измученные люди и животные еле переставляли ноги.

Брэк заметил, что мул брата Поля заартачился и, сев на круп, отказывается идти дальше. Подъехав поближе, варвар слез со своего верблюда и стал помогать монаху. Он уперся могучим плечом в спину мула, а Поль посильнее потянул за повод. Резко дернув головой, упрямый мул укусил жреца за руку. Поль вскрикнул, а Брэк, разозлившись, выхватил у него из рук посох, чтобы основательно отлупить животное. Вдруг он остановился.

— Бери моего верблюда, — крикнул он Полю, — а я подожду, пока эта тварь соизволит встать.

«В другое время, — подумал Брэк, — сцена могла бы выглядеть даже комичной: слугитель богов и здоровенный детина палками и пинками пытаются заставить выючного мула встать. Но здесь, в этом аду, где песок впивается в глаза тысячами раскаленных игл, — здесь от любого нервного срыва недалеко до безумия».

Поль повернулся к Брэку. На его щеках показалось несколько маленьких капель крови. Ветер, Снимающий Скальпы, начинал оправдывать свое название.

— Так дальше нельзя, — крикнул Поль, перебивая рев бури. — Мы и вчера-то прошли очень мало, а сегодня не сделаем и половину того. Да еще и старик Хадриос мне не нравится...

— Что ты имеешь в виду?

— Утром, когда он залезал на своего верблюда, я заметил, как он чуть не упал, словно теряя сознание. Нам нужно переждать этот ураган где-нибудь в убежище! А старик, кажется, совсем обезумел, пытаюсь добраться как можно быстрее до Самеринда. В такую бурю мы все погибнем.

— Кроме тех, кому смерть не грозит, — буркнул Брэк и тотчас же пожалел о своих словах, встретив испуганный взгляд монаха.

Повернувшись к мулу, Брэк обнял его за шею, прижал лицо к ушам и стал что-то ласково наговаривать упрямому зверю. Вскоре мул послушно встал и медленно побрел вслед за остальными. Брэк решил пожалеть животное и не стал садиться на него верхом, а повел его в поводу.

Каждый шаг в глубоком песке давался с огромным трудом. Брэка очень беспокоило то, что рассказал ему Поль о караванщике.

Когда караван остановился на ночной привал, Брэк помог погонщикам установить шатер — что в такой ветер превратилось в поистине титаническую работу — и разыскал Илану.

— Несторианец сказал мне, что у твоего отца был приступ слабости сегодня утром.

Илана кивнула.

— Он отказывается признавать, что возраст делает свое дело. Знаешь, Брэк, я очень боюсь за него. Ведь для меня никакие сокровища не стоят его жизни.

— Но он, боюсь, думает по-другому.

— Вот именно, и в этом-то вся проблема.

— Где он сейчас?

Девушка махнула рукой в сторону шатра:

— Там. Я укрыла его одеялами и заставила выпить вина. Теперь он уснул.

Брэк помолчал, а затем осторожно сказал:

— Нам нужно найти убежище и переждать ураган. Сегодня мы потеряли трех животных. Даже они не выдерживают...

Слезы навернулись на глаза Иланы:

— Я тоже так думаю. И чем быстрее мы спрячемся, тем лучше.

Обрадованный ее согласием, Брэк разыскал Горзофа. Рыжебородый разведчик наблюдал за тем, как погонщики устраивали животных на ночевку, не принимая, однако, участия в работе.

Брэк сразу перешел к делу:

— Завтра, капитан, мы должны найти убежище, где караван мог бы переждать ураган. Здесь поблизости есть что-нибудь подходящее?

Горзоф сплюнул набившийся в рот песок.

— А что, я теперь подчиняюсь твоим приказам? Мне казалось, что пока что у нас за старшего Хадриос.

Брэк спокойным голосом сказал:

— Хадриос сейчас почти без сознания. Его дочь согласна с моим предложением. Ведь иначе нам просто не видать Самеринда. Все мы погибнем в этой пустыне. А ты ведь проводник и, похоже, действительно знаешь маршрут. Ну, есть здесь что-нибудь подходящее?

— На расстоянии дня пути отсюда, — процедил капитан сквозь зубы. — Но это в стороне от нашего маршрута. В давние времена — столетия назад — Логол был могучим королевством. Чтобы взимать дань с проходящих по его территории караванов, в пустыне было выстроено множество фортов. Около развалин одного из них мы сейчас и находимся, если я, конечно, не ошибаюсь и если их не занесло песком окончательно. А больше здесь ничего нет.

— Значит, с рассветом ты отведишь нас туда.

— Я спрошу Илану. Если она скажет мне сделать так, то я выполню ее приказ.

Взбешенный варвар шагнул вперед и потянулся к мечу. Рука Горзофа тоже легла на рукоятку клинка. С минуту оба неподвижно стояли на месте, напряженно, полными ненависти глазами глядя друг на друга.

Первым взял себя в руки Брэк. «Это ураган виноват во всем, — подумал он. — Все измучены, любое слово воспринимается как провокация или оскорбление». Резко развернувшись, Брэк пошел прочь, но что-то внутри него говорило, что недалек тот час, когда ему все-таки придется выяснить отношения с Горзофом раз и навсегда.

К рассвету Хадриос проснулся и, когда Илана рассказала ему о принятом ночью решении, пришел в ярость.

— Что? Уклониться от маршрута? Нет! У нас нет ни времени, ни запаса еды!

— Горзоф уже выехал на поиски дороги к форту.

— Вы не имели права решать без меня...

— Помолчи, отец! — воскликнула в сердцах Илана. — Мы не хотим все погибнуть в этой пустыне. Посмотри на себя! Ты же сам уже едва жив. Хочешь и всех угробить?

Что-то бурча себе под нос, старик уселся у костра. Но вслух он больше не протестовал.

Один из погонщиков поставил перед ними котелок с похлебкой. Попробовав варево, Брэк сплюнул. Больше песка, чем еды. Несмотря на голод, он не смог проглотить ни ложки.

Не стал есть и Хадриос, молча отставивший свою долю в сторону. Брэк заметил, что старик действительно здорово сдал за последние дни — осунулся, сгорбился, похудел.

К полудню вернулся Горзоф, нашедший развалины форта, и на закате караван прошел под каменной аркой, ворота которой были сорваны много лет назад.

Оказавшись внутри кольца стен, пусть и обрушившихся во многих местах, но все же защищавших от ветра, люди и животные смогли хотя бы вздохнуть свободно, не боясь наглотаться песка.

Древняя крепость оказалась довольно внушительным сооружением. Обследовав его в свете ламп и факелов, Брэк обнаружил развалины трех зданий. От двух из них остался лишь фундамент, а третье каким-то чудом частично уцелело, находясь у самого основания стены.

Брэк спрыгнул в пролом полуобвалившегося пола и приземлился среди обломков сухих, пыльных досок.

— Отлично! — крикнул он. — Дров для костра здесь хватит. Может быть, прямо здесь и разожжем...

Брэк замолчал. Прямо у его ног лежал, пустыми глазницами обращенный к небу, человеческий череп. Почувствовав себя неуютно, варвар поспешил выбраться из подвала.

И все же, найдя другое помещение — надежное укрытие от ветра, все — и погонщики, и Хадриос с дочерью, и Брэк, и Горзоф — провели вечер, согретые теплом настоящего большого костра. Выпив вина, Хадриос погрузился в беспокойный сон, больше похожий на бред. Илана склонилась над ним, пытаясь успокоить мечущегося отца. Горзоф забился в угол и молча пил.

Брэк приказал одному из погонщиков встать на страже на остатках сторожевой вышки, возвышавшейся над стеной форта. Каждые два часа дежур-

ный менялся. Под утро Брэк уснул, но вскоре его разбудил негромкий тревожный свист.

Это был сигнал часового.

Проснувшаяся Илана успела спросить:

— Что случилось?

— Не знаю. Часовой вызывает меня, — ответил Брэк, вылезая из подвала и карабкаясь на вышку.

Старая деревянная лестница скрипела и раскачивалась под его весом. Наконец Брэк добрался до площадки и обнаружил, что Илана карабкается следом за ним. Уже светало. В сумерках можно было различить контуры ближайших дюн. Стоявший на часах погонщик показал рукой куда-то в темноту.

Приглядевшись, Брэк заметил какое-то движение. Что это? Всадник на лошади?

Да.

А за ним — еще один.

Вскоре в ложбине между двумя дюнами показался целый отряд. Илана закусил губы, чтобы не закричать.

В слабом предутреннем свете трудно было разглядеть детали. Но кое-что было ясно и так. На головах у всадников, двигавшихся неподалеку от форта, были остроконечные шлемы с плюмажами.

Погонщик лишь тихо выдохнул:

— Куранцы?

— Да, — ответил Брэк.

Всадники скрылись из виду. Варвар не сомневался в том, кого они выслеживали. Быть может, в темноте всадники просто не разглядели развалины, но то, что эти рубиноглазые воины выслеживали их караван, было ясно всем.

Неподвижно, словно статуи, простояли они еще с полчаса, чтобы удостовериться, что куранцы прошли мимо, не сворачивая к форту.

— На этот раз удача, похоже, была на нашей стороне, — со вздохом сказала Илана, спустившись по шаткой лестнице.

— А в следующий раз? — покачал головой Брэк. — Боюсь, что на наши поиски отправился не один отряд.

Следующий день караван провел под защитой стен форта, скрываясь от урагана. Ночью опять слышалось заунывное пение близнецов.

Брат Поль, рассказывавший в этот момент какую-то историю из своей жизни в ученичестве, выпустил из задрожавших рук глиняную миску. Горячая похлебка расплескалась по полу.

Горзоф, лежавший в своем углу, резко сел, рыгнул и в полный голос выругался.

Брэк только поморщился и продолжал слушать. Два голоса, печальная, тягучая мелодия.

Чуть приподняв голову, Хадриос пробормотал сквозь сон:

— Обречены. Я знал, что мы прокляты и обречены. Я знал это еще до выхода из Тимбелло.

Капитан Горзоф пробурчал что-то нечленораздельное и попытался встать. Пьяное тело не слушалось его, ноги подкосились, и он тяжело осел обратно на одеяло, сильно облившись вином. Со второй попытки рыжебородый капитан сумел таки встать. Прикинув, сколько проводник выпил, Брэк удивился, как тот еще не спит мертвым сном.

— А чего мы тут прячемся? — пьяным голосом произнес Горзоф. — Велика беда — хлюпик в побрякушках да его сестричка — ни кожи, ни рожи. Не верю я в ваши басни...

— Сядь на место, пьяный болван! — раздался, ко всеобщему удивлению, резкий окрик брата Поля.

— Пьяный? — переспросил Горзоф. — Может быть. Но лучше уж быть пьяным в стельку, чем сидеть и дрожать от страха. Лучше, чем зарываться в подвалы, словно крысы. Разрази меня гром! — воскликнул Горзоф, выхватывая засверкавшую в свете костра саблю. — Не боюсь я их! Как и этих одноглазых сукиных детей, которые шляются здесь на своих клыках! А вы — вы трусы! Сидите здесь, прижав задницы...

Горзоф обвел всех презрительным взглядом. До этого момента Брэк скорее был склонен посочувствовать пьяной бравате проводника, но когда тот и его причислил к трусам, варвар разозлился.

— Ну ладно, дамы и господа, — продолжал куражиться проводник. — Можете сидеть здесь сколько хотите. А капитан Горзоф сейчас пойдет и наведет порядок. Никаких песнопений по ночам! Я сказал!

Повернувшись к Илане, он потрепал ее по щеке, тупо улыбаясь. Брэк едва сдерживался, чтобы не взорваться.

— Ну, крошка, — спросил Горзоф, — скажи-ка, кто здесь самый храбрый?

— Ради всех богов, — устало взмолилась Илана, — сейчас не время доказывать, кто настоящий мужчина...

— А чего мне доказывать! — с пеной на губах взревел Горзоф. — Я — настоящий мужик! А эти — просто навозные жуки, зарывшиеся в дерьмо. И я им об этом заявляю открыто.

Размахивая саблей, пьяный разведчик направился к выходу.

— Капитан Горзоф, стоять! Пьяная скотина, я кому говорю? Стоять!

Хадриос с трудом встал на ноги, опираясь на руку дочери, и гневно сверкал глазами.

— Я здесь командую, капитан. И мой приказ — оставаться здесь, в помещении. Только из-за твоего пьяного желания покрасоваться перед моей дочерью я не хочу, чтобы ты рисковал жизнью и подверг опасности жизни всех нас. Вернись, Горзоф. Я приказываю.

— Ты старый больной человек. И не тебе приказывать мне становиться трусом.

Покрасневшие щеки Горзофа почти сравнялись по цвету с его бородой. Старик попал в точку, упомянув причину его выходки. Илана посмотрела на воина с печальным сожалением.

Горзоф развернулся и полез по обрушенной стене к выходу.

— Стоять!

Горзоф не обратил внимания на окрик караванщика. Тогда старик нагнулся и схватил лежавший у его одеяла кнут.

— Отец! — простонала Илана и протянула к нему руки.

Но старик оказался проворнее, чем можно было предположить. Одним прыжком обогнув костер, он щелкнул кнутом. Удар пришелся по голове и шее Горзофа, скатившегося назад в подвал.

— Будь ты проклят! Будь ты проклят! — взвыл проводник.

Хадриос сделал еще один шаг. Один за другим раздались три щелчка — три удара хлыстом.

На щеках, руках и шее Горзофа проступили кровавые полосы. В этот момент Полло и Брэку удалось вырвать кнут из рук караванщика. Илана повела ругающегося, кипящего злобой отца к его ложу. Брэк внимательно поглядел в искаженное гневом и яростью лицо Горзофа и понял, что первое впечатление не обмануло его: этот человек был

храбрым только тогда, когда бок о бок с ним стояли другие. Но стоило ему остаться с врагом один на один — мужество изменяло ему. Самая обыкновенная трусость брала верх.

— Подчинись ему, капитан, — негромко сказал Брэк. — У нас и так хватает неприятностей. К чему создавать новые.

Горзоф долго глядел на высокого сильного варвара в львиной шкуре, стоявшего перед ним как скала. Затем, вытерев кровь со щек, он молча прошел в свой угол. Он лег лицом к стене и, к удивлению остальных, очень быстро уснул, о чем возвестил его громкий храп.

Только теперь Брэк обратил внимание, что пение прекратилось. Хоть какое-то облегчение. Оставив Илану присматривать за вновь забывшимся отцом, он вышел из помещения и присоединился к часовому на вышке. Вглядываясь и вслушиваясь в бушующий ураган, он думал о том, суждено ли кому-нибудь из них остаться в живых после этого страшного путешествия.

После полуночи неожиданный пронзительный крик разбудил его.

Брэк вскочил на ноги и, забыв, что уснул прямо на вышке, чуть не рухнул вниз.

Крик повторился. Доносился он из подвала. Варвар скатился вниз по лестнице, не разбираясь, почему часовой на вышке уснул, не дождавсь смены. Еще один крик — Брэк узнал голос Иланы.

Ворвавшись в подвал, Брэк увидел бившегося в конвульсиях Хадриоса, голову которого дочь едва удерживала на руках. Слезы ручьем текли из ее глаз.

— Он переволновался во время стычки с Горзофом. Нельзя было этого допускать. Ему вообще

нельзя было самому вести караван. Он ведь уже стар, слишком стар для этого...

Прямо на глазах лицо старика желтело. Вот он перевернулся с боку на бок, согнулся пополам, мучимый сильной болью. Илана застонала вслед за отцом.

Дыхания старика было почти не слышно, лишь изредка из его груди доносился какой-то хрип.

Кто-то дотронулся до руки Брэка. Резко обернувшись, он увидел монаха, который медленно, слово за словом, произнес:

— Капитан... Горзоф... исчез...

Брэк оглядел помещение. Рыжебородого проводника нигде не было видно. Выскочив во двор, варвар увидел, что привязь одного из мулов обрешана, а следы самого животного ведут к выходу из форта и теряются в пустыне.

Выругавшись, Брэк пошел обратно. Караван потерял человека, от которого во многом зависела судьба остальных.

Брэк подождал с час, пока Хадриос не успокоился и не стало ясно, что приступ миновал. Затем он рассказал о случившемся Илане. Та прижалась к северянину и зарыдала.

Весь следующий день ураган бушевал с той же силой. Но к вечеру ветер стал стихать. Брэк решил, что стоит попробовать отправиться в путь на следующее утро.

С проснувшимся Хадриосом и Иланой он обсудил это у вечернего костра. Старик выглядел очень плохо и говорил с трудом, но тотчас же согласился с предложением варвара.

— Да-да. Нужно торопиться. Осталось совсем немного. Неделя пути — и мы в Самеринде!

— А ты уверен, что выдержишь такой переход? — спросила Илана.

— А то нет... — начал он, но зашелся в приступе кашля. Отдышавшись, он продолжил: — В Самеринде есть врачи. А здесь? Вот вам и весь разговор. Помирать здесь или торопиться вперед, к цели? Вот и весь выбор.

— Он прав, — согласился Брэк. — Прошлой ночью не было слышно пения, не появлялись и всадники. С час назад я разглядел пару звезд между тучами. Если ветер чуть стихнет — можно будет трогаться в путь.

— Но ведь у нас теперь нет проводника! — воскликнула Илана.

— А вот ты и не права, красotka! — раздался знакомый голос.

Брэк вскочил. У входа в полуобвалившийся подвал стоял Горзоф.

Проводник спустился к костру и сел, прислонившись к стене. Выглядел он очень усталым, измученным и двигался медленно, словно преодолевая боль и тяжесть. Не удостоив никого взглядом, он протянул руки к огню, чтобы согреть их. Наконец Горзоф нарушил повисшее молчание:

— Будь я проклят. Ладно, ребята, я признаю, что выходка была дурацкая. Два дня я прощатался по пустыне — и что толку? Только проголодался да замерз до смерти.

— Накормите его, — сказал Брэк, — и дайте вина. Но немного.

— Да, я тогда здорово напился, — признал Горзоф. — А когда протрезвел, понял, что заблудился. Я чуть ума не сошел, пока искал дорогу обратно. Если хотите посмеяться надо мной — ваше право. Я хочу только спать, и ничего больше.

— Никаких насмешек не будет, — сказал Брэк. — На рассвете мы выступаем. Хадриос

болен, значит, мы полагаемся на тебя. Ешь, пей, спи — а завтра ты поведешь нас в Самеринд.

Горзоф с благодарностью посмотрел на Брэка.

— Да, — прошептал он, — да...

Отхлебнув из протянутого Полем бурдюка, Горзоф уставился в огонь. Брэку что-то не понравилось в этом взгляде, но что — он не мог понять. На какой-то миг он подумал, что в их компанию вернулась надежда, но странный взгляд Горзофа, его измученный вид вновь наполнил душу Брэка самыми худшими предчувствиями.

За первые несколько часов караван прошел большое расстояние, несмотря даже на то, что больного Хадриоса пришлось положить на носилки, закрепленные между двумя мулами. Но после обеда ветер снова усилился, нагнал тучи, а солнце почти скрылось за плотной пеленой песка.

Ураган, Снимающий Скальпы, вновь набирал силу. Брэк понял, что затишье было лишь краткой передышкой. Теперь каравану предстояло сразиться с ветром всерьез.

Горзоф исчез почти на час. Вернувшись, он прокричал:

— Забирай вправо. Там дюны повыше — прикроют нас от ветра.

Караван последовал за проводником. Вскоре Горзоф снова исчез впереди. Вернувшись, он приказал изменить направление еще раз. Следующая перемена курса поселила в душе Брэка изрядные подозрения, но он предпочел до поры до времени держать их при себе.

Хадриос, плотно укрытый одеялом, метался в бреду. У каравана не было другого выхода, кроме как довериться проводнику.

— Скоро нужно будет устраиваться на ночлег, — сказала Илана, когда ее верблюд поравнялся с верблюдом Брэка.

— Горзоф что-нибудь говорил об этом?

— Пока нет.

Брэк кашлянул. Впереди, едва различимая за песчаной завесой, маячила фигура Горзофа.

Через минуту Илана снова нарушила молчание.

— Брэк!

— Что?

— Может быть, я не имею права лезть не в свое дело... но знаешь... мне кажется, что Горзоф заблудился.

Брэк, словно ни о чем не подозревая, поинтересовался:

— А почему ты так думаешь?

— За последние несколько часов мы столько раз меняли направление. Может быть, он потерял дорогу, но боится признать это. Знаешь, мне кажется, что те две ночи, проведенные в пустыне в одиночестве, доконали его. Он совсем обезумел.

— Если он не сможет найти дорогу, то и никто не сможет. Пока твоему отцу не полегчает, мы вынуждены доверять ему..

— Но я боюсь, что...

— Тихо!

Тяжелая ладонь варвара легла на руку девушки.

Брэк повернул голову в одну сторону, затем в другую...

Динь-динь, динь-динь...

Звук раздавался где-то далеко-далеко, чуть слышно доносясь до их ушей. Он то приближался, то удалялся...

Динь-динь, динь-динь...

Брэк, развязав плащ, передвинул висевший на веревке меч. Звон раздался ближе.

Отпустив руку Иланы, Брэк приказал верблюду опуститься на колени, слез с него и сунул ладонь в песок. Кончики пальцев ощутили слабую вибрацию.

— Брэк... что это?

— Всадники, — не поворачиваясь к Илане, ответил он, вглядываясь в окружающий полумрак. — Пока что их не видно, но они подходят со всех сторон. Боюсь, что мы окружены.

Динь-динь.

Даже не видя неизвестных всадников, Брэк знал, чувствовал пальцами, слышал, как к каравану приближается большой отряд. Лишь барханы и песчаная буря скрывали врагов.

Что-то мелькнуло на гребне одного из барханов. Клинок? Этого Брэк сказать наверняка не мог. Но одно он знал точно: ловушка захлопнулась. Вдруг смутно терзавшее его подозрение воплотилось в волну ярости.

— Горзоф! Горзоф!

— Боги! — воскликнула Илана. — Неужели ты думаешь...

— Что он не знает, куда ведет нас? Знает, еще как знает! В лапы к куранцам, с которыми сговорился, чтобы отомстить нам. Ничего, прежде чем они отблагодарят его за добычу, я посчитаюсь с ним за предательство.

Могучий варвар бросился к голове каравана, где виднелся силуэт сидящего верхом на верблюде Горзофа.

Словно орудие рока, сверкал меч в руке Брэка. Злость переросла в звериную ярость. Он не замечал ни стонущего, завывающего ветра, ни хлещущего по глазам песка. Единственное, что слышал, — звон бубенчиков. Кольцо врагов сжималось...

Глава 9

КЛИНОК И ЗЕРКАЛО

Капитан Горзоф заметил приближающегося варвара. Выхватив саблю, он соскочил с верблюда и прокричал что-то в темноту, что именно — Брэк не разобрал.

Впрочем, смысл был ясен и без этого. Кольцо куранцев стягивалось все туже. Опытные воины, они не спешили, предпочитая действовать осторожно, наверняка.

Горзоф, не выпуская из рук сабли, расстегнул куртку и бросил ее на землю. Его глаза напоминали капли ртути.

Подбежав на десять шагов к проводнику, Брэк остановился.

— Ну что, больше не будем играть в прятки, предатель? — прорычал варвар.

Горзоф облизал губы:

— Никаких игр.

— Ты давно искал такого случая.

Горзоф моргнул:

— Да. С того дня, когда этот старый хрыч Хадриос приказал выпороть меня.

Как Брэк и предполагал, Горзоф вовсе не раскался и не смирился. Он просто выжидал подходящего момента, чтобы отомстить.

Динь-динь, динь-динь.

Кольцо сужалось. Брэк краем глаза заметил на гребнях дюн какое-то движение. Что это? Плюмажи? Наконечники копий? Но в этой песчаной буре хорошо разглядеть можно лишь вплотную подошедшего человека. Где-то сзади раздавались голоса Хадриоса, Иланы и погонщиков, внимание которых привлекла начавшаяся стычка. Не сводя взгляда с противника, Брэк спросил:

— Значит, ты сбежал из форта, чтобы найти куранцев?

— Знаешь, вначале у меня не было такого плана. Мне просто повезло: я случайно наткнулся на их патруль. В ту ночь множество их отрядов вышли в пустыню на поиски нашего каравана. Предположим, — Горзоф улыбнулся, — предположим, что я надеялся на такую встречу. И мне повезло. Мы быстро поняли друг друга. Они, в общем-то, ничего не имеют против нас, кроме тебя, конечно. Тот тип с тремя перьями на шлеме, которого ты отправил на тот свет на переправе, оказался двоюродным братцем и единственным живым родственником самого Ибрахима. Кстати, король Курана прибыл сюда собственной персоной, прихватив с собой Камнеглазого.

Брэк вздрогнул, вспомнив рассказы о великане с рубинами вместо обоих глаз, сражавшемся со сверхъестественной силой и яростью.

Варвар прислушался. Звон и топот раздавались совсем близко.

— И что же пообещали тебе куранцы за то, что ты заведешь нас в ловушку?

— Это тебя не касается.

— А если бы Хадриоса не свалила болезнь, если бы он оставался во главе каравана?

— Если бы... если бы... Что толку гадать? Что вышло, то вышло, приятель.

— Я убью тебя, Горзоф. Если, конечно, ты не бегаешь быстрее меня и не сбежишь под защиту своих новых друзей.

Не мелькнул ли в глазах разведчика ужас? Если и так, то он быстро сумел взять себя в руки.

— Они бы защитили меня, варвар. Но у нас с тобой старые счеты.

— Ты что — в самом деле решил сразиться со мной? Один на один? — Брэк усмехнулся. — Не похоже на тебя, капитан.

Губы Горзофа вздрогнули. Спустя мгновение он бросился на Брэка, со свистом рассекая воздух саблей.

Варвар резко вскинул вверх меч, чтобы отразить удар, и поразился силе, с какой встретились два клинка. Брэк понял, что забыл, как силен может быть его противник.

Еще один удар, еще — в какой-то миг Брэк не успел среагировать, и из глубокого пореза на его предплечье в песок потекла кровь.

Стараясь использовать полученное преимущество, Горзоф продолжал наступать. Вдруг его нога подвернулась на песке, и рыжебородый воин потерял равновесие. На какой-то миг его шея оказалась незащищенной.

Опыт и чутье старого воина спасли Горзофа. Падая, он успел подставить саблю, отразив удар Брэка. Сталь, ударившись о сталь, высекла сноп искр.

Брэк рванулся вперед, вслед за падающим Горзофом. Но коварный песок подвел и его — варвар почувствовал, что сползает вниз по склону бархана. Опора ушла из-под ног. В мгновение ока Брэк оказался ниже уже вскочившего на ноги Горзофа.

Почуввав близость победы, проводник улыбнулся во весь рот и, размахнувшись, нацелил саблю в лицо противнику...

Отчаянным усилием Брэк сумел увернуться от наваливающегося на него сверху Горзофа. Клинок сабли, лишь поцарапав его ухо, вонзился в песок.

Капитан Горзоф взвыл, словно раненый слон. Видимо, отчаянная первая атака забрала все его силы. Прежде чем он успел нанести второй удар, Брэк уже вскочил на ноги и встал в боевую стойку.

Моргнув, Горзоф ткнул саблей, надеясь попасть в живот Брэка. Но клинок меча, да и рука варвара были длиннее. Размахнувшись, он нанес удар по верху руки проводника, перерезав тому горло.

Со свистящим стоном Горзоф рухнул на колени. Брэк отскочил в сторону.

Смерть сильного человека — всегда неприятное зрелище. Но на этот раз все было еще страшнее. Даже звук бубенцов и топот копыт не могли заставить Брэка отвести взгляд от раны на горле поверженного противника.

Там, откуда должен был бить фонтан крови, зиял лишь розоватый разрез, из которого скатилось на песок несколько алых капель.

Один из погонщиков, с радостным криком приветствовав победу Брэка, бросился к труп, но был остановлен могучим кулаком варвара.

Брэк поспешил занять позицию между телом Горзофа и караванщиками. Над ближайшими барханами показались головы всадников и наконецники копий. Верблюды и мулы каравана, почувствовав посторонних, забеспокоились.

Но все это Брэк видел лишь краем глаза. Его взгляд был по-прежнему прикован к распоротому горлу Горзофа.

Рана, из которой не идет кровь. Брэк стиснул зубы и, наклонившись, поднял правую руку капитана, осмотрел ее. Ничего. Взявшись за левую, Брэк тотчас же отпрянул и стал ногами забрасывать труп Горзофа песком, желая скрыть его от посторонних глаз. Ему все стало ясно в тот миг, когда на левом плече рыжебородого проводника он увидел знакомый страшный знак — три черные точки.

Во время своих ночных походов Горзоф встретил не только куранцев, но и демонов-близнецов. На миг ужас овладел варваром.

Развернувшись, Брэк двинулся навстречу Хадриосу и остальным, но прежде, чем он дошел до них, его остановил громкий голос:

— Слушайте меня! Это говорю я, Ибрахим. Всем вам я оставляю жизнь.

Только сейчас Брэк увидел, что плотная цепь всадников полностью окружила их караван. От нее отделились и поскакали вперед двое. Один из них был высоким, плотно сложенным человеком с волчьим подбородком, орлиным носом и круглым рубином в левой глазнице. Одет он был во все черное. Лишь над остроконечным шлемом развевался красный плюмаж с четырьмя хвостами.

Всадник был вооружен легким мечом, который он пока что не вынул из ножен. Он легко сидел на своем скакуне, уверенный в собственной безопасности. Две сотни доблестных куранских воинов стояли за его спиной. Второго всадника было трудно разглядеть за первым.

Король натянул поводья, украшенные полусферами из оникса. Конь остановился как вкопанный. Низким, густым голосом король спросил:

— А где мой верный друг — проводник каравана?

— Он мертв, господин, — крикнул в ответ Брэк. — И убит он тем же мечом, который я собираюсь вонзить еще кое в кого из твоих мясников, а если повезет, то и в тебя тоже.

Отовсюду слышались угрожающие крики. Брэк, не обращая внимания на голос разума, бросился на короля Курана. Тот, подсознательно почувствовав опасность, подал коня на пару шагов назад, и вперед выехал его спутник — человек на треть выше ростом, чем Брэк или сам король.

Этот всадник выглядел невероятно сильным. Макушка его огромной головы с большими ушами была гладко выбрита. Выехав на корпус вперед, он прикрыл своим конем своего господина и направил на Брэка копьё.

На человеке были черные сапоги, черные кожаные брюки и кожаная перевязь через плечо, на которой висел его меч. Два больших рубина горели в его глазницах.

Каменные Глаза.

Брак не мог понять, как этот великан мог видеть его. Но то, что верный страж короля Курана внимательно следит за противником, реагируя на каждое движение варвара, сомнений не вызывало.

Раздался крик Иланы, увидевшей вместе с остальными, как страж куранского короля заносит копьё. Брак метнулся в сторону — копьё вонзилось в песок в том месте, где только что стоял варвар. А в руке Камнеглазого уже сверкнул выхваченный из ножен меч.

Ибрахим усмехнулся и прокричал:

— Его верность мне и царице Схар столь же велика, как и его сила. Сейчас с его помощью мы и узнаем, тот ли ты, кого я ищу. Уж очень ты похож на того чужестранца, который имел дерзость убить моего юного родственника, принца Эфрима. Разумеется, когда ваш разведчик предложил мне еще и пожить товаром этого каравана, я просто не мог удержаться, чтобы не поучаствовать в охоте.

Огромные граненые рубины внимательно следили за Брэком. «Черт возьми, — подумал варвар, — не может так видеть никто, никто на свете! Что же это за дьявольское создание? Рожден ли этот великан земной женщиной, и если да, то хотелось бы взглянуть на его мать».

— Слушайте меня! — Ибрахим махнул рукой в сторону спутников Брэка. — Я не собираюсь проливать здесь кровь. Даже этому варвару будет сохранена жизнь, по крайней мере, пока мы не вернемся в Сверкающий Город. Но ведите себя смирно. Мои люди поедут, окружив вас со всех сторон. Эта буря и погоня так измучили всех, что один ваш неверный шаг или резкое движение — и я уже не смогу удержать своих воинов.

Увидев, что Брак со всех ног рванулся к Хадриосу, король Курана крикнул:

— Стой, стой! Я тебе говорю, варвар!

Но тот, добежав до сбившихся в плотную группу своих спутников, сверкая глазами и тяжело дыша, уже говорил им:

— Лучше принять неравный бой, чем сдаться на милость этим одноглазым дикарям.

Илана была полна такой же отчаянной решимости.

— Он прав, отец. И я пойду за Брэком, даже если вы все решите сдаться.

Прежде чем Хадриос успел удержать свою дочь, она бросилась к мулу, в тюках на спине которого были упакованы небольшие, под женскую руку, сабли.

Старый караванщик проводил взглядом дочь, а затем выразительно посмотрел на окруживших караван всадников. Сильные, хорошо вооруженные, привыкшие к жизни и битвам в пустыне, они были бы очень грозными противниками даже в схватке один на один. Взгляд Хадриоса переходил с одного натянутого лука на другой, с занесенного копья на поднятый меч.

— Моя дочь или несоизмеримо мудрее меня, или же она — просто полная дура. У нас нет никаких шансов победить.

— А какие у нас шансы остаться в живых, если нас возьмут в плен? Может быть, ты предпочитаешь сидеть в кандалах до самой смерти? Лично я — нет.

Не зная, что предпринять, Хадриос умоляюще поглядел на брата Поля.

— Безумие. Мы обречены и прокляты. Что ты скажешь, Несторианец?

На глазах монаха выступили слезы. Подняв крест, он слабым голосом произнес:

— Я буду сражаться, хотя и не верю в победу. Но лучше погибнуть, чем стать свидетелями осквернения священного символа моего ордена.

Брэк невольно восхитился отвагой монаха.

Хадриос еще раз окинул взглядом куранцев, их короля и его рубиновоглазого телохранителя.

— Да вы на них посмотрите! — неожиданно бодро воскликнул одноногий старик. — Это же просто стая шакалов! Ты прав, чужестранец, если уж нам суждено погибнуть, то лучше захлебнуться собственной кровью в бою, чем истекать ею, сидя на цепи.

Едва различимая радостная улыбка заиграла на губах варвара. Развернувшись, он увидел, что Ибрахим бок о бок со своим телохранителем приближаются к каравану. Куранские воины, опасаясь за безопасность своего повелителя, застыли, натянув луки.

— Эй ты, дикарь! — раздраженно крикнул король. — Иди сюда. Я не привык, чтобы мои приказы оставались невыполненными. О чем ты там шептался со своей компанией?

— Будь ты проклят вместе со своим чучелом...

Резкий, пронзительный стон оборвал ругань Брэка. Один из куранцев выстрелил из лука. Стрела угодила в мула, уложив в одно мгновение

несчастное животное. Но на это ни Брэк, ни схвативший его за руку, чтобы не упасть, Хадриос не обратили внимания. Они в ужасе застыли. Посреди каравана, между двумя верблюдами, стояла Илана, а за обе руки ее крепко схватили сверкающие драгоценными одеждами близнецы.

Девушка попыталась вырваться, но Кай, обхватив рукой ее шею, приставил к горлу маленький кинжал. Илана вздрогнула и прекратила сопротивление.

Брэк с ужасом следил за происходящим. Близнецы — создания Йог-Саггота, видимо, крались вслед за караваном и оказались вместе с ним в кольце куранцев.

Инстинктивно варвар метнулся к Илане, чтобы помочь ей. Заметив это, Кай сильно ткнул острием кинжала Илану в горло. Девушка застонала. Брэк застыл на месте, как и Поль, который, держа перед собой крест, направился было к близнецам.

— Это еще кто? — воскликнул король Ибрахим. — Эй вы, двое! Назовите свои имена! Скажите, что вас привело...

— Нет!

Крик Брэка перекрыл все звуки. Оказывается, Несторианец за его спиной продолжал приближаться к близнецам. Еще один шаг, и Кай, не выдержав устрашающего соседства с символом Безымянного бога, пронзил бы Илане горло. Брэк помешал этому, в один прыжок настигнув монаха и выбив у него из рук крест.

— Осквернитель святыни! — взвыл Поль.

— Совсем одурел от страха, жрец? Еще шаг — и этот кровопийца убьет Илану...

— Пожиратели крови страшатся священного креста...

— А ее кровь будет на твоей совести!

Оскорбленный, Поль поднял крест с земли и прижал его к груди. По лицу Кайи расплылась торжествующая улыбка.

Брэк понимал, что это он спас дьявольскую парочку. Но сделал он это от безысходности. Илана была уже на волосок от смерти.

Сейчас она была на грани обморока. Слишком хорошо она знала, что за страшные руки держат ее.

— Господин повелитель Курана, — крикнула Кайя, — если это действительно ты...

— Да, я — Ибрахим, король Курана. Но кто вы? Я уже дважды повторил свой вопрос, и скоро мое терпение иссякнет.

— Я — принц Кай из Джовиса, а это — моя сестра, — ответил брат Кайи. — Мы обращаемся к вам как короли к королю и просим не слушать то, что несут эти жалкие простолюдины, захваченные вами в плен.

Не в силах слушать дальше, Брэк взвыл:

— Не слушай их, Ибрахим. Сейчас они тебе напоят, а на самом деле...

— Мы были изгнаны из Джовиса. Я и моя сестра — мы наследники престола. Но мы одни, слабы — и оказались пленниками этих...

— Они — пожиратели крови! Демоны! Они выпивают из человека кровь, оставляя...

Нетерпеливая гримаса на губах Ибрахима была тотчас же замечена его рубиновоглазым охранником.

— Заткнись, дикарь! — проорал великан. — Когда говорит царская кровь, простолюдины молчат.

— Царская кровь? — Брэк зашелся в приступе смеха, но Ибрахим явно не понял и не оценил шутки:

— Мои уши открыты для твоих речей, Кай. Не обращай внимания на вопли этого дикаря.

«Дурак, — подумал Брэк. — Самодовольный, тщеславный дурак».

Но король Ибрахим так не думал. Он распрямился в седле, чтобы все, и особенно близнецы, почувствовали его царственную осанку и ощутили важность его персоны. Кай резким движением оттолкнул от себя дочь Хадриоса. Илана повалилась на землю, словно куль с зерном.

Взяв сестру под руку, Кай повел ее в обход Брэка и остальных его спутников, чтобы подойти ближе к королю Курана. При этом Кай говорил:

— Господин, мы восхищены вашим благородством. Только истинно благородный, царственный человек мог признать нас так, как это сделали вы. Я умоляю вас позволить нам поведать историю наших несчастий.

— Сначала скажите мне, откуда вы взялись?

Кай лишь повел рукой. Брэк передернулся, вспомнив, сколько жизней понадобилось, чтобы сделать эту руку такой пухлой и лоснящейся.

— Повелитель пустыни, Ибрахим! Мы прятались до этого момента. Мы путешествовали вместе с хозяином каравана и его компанией. Но с нами так плохо обращались...

— Опять ложь! — закричал Хадриос. — Выслушай нас, король. Эти двое — порождения ада.

Ибрахим не удостоил старика даже взглядом. Все его внимание было направлено на Кая, продолжавшего свою жалостливую историю:

— Когда издевательства стали совсем невыносимы, мы с сестрой были вынуждены бежать и скрываться в пустыне. Но одни мы ни за что не смогли бы выбраться живыми из незнакомого нам Логола. Вот мы и следовали за караваном, все

время подвергаясь оскорблениям. Кроме того, эти люди все время пытались отобрать у нас то немногое, что мы вынесли на себе из Джовиса. В последние дни мы тайно шли за караваном. Наконец удача улыбнулась нам: их проводник — тот человек, лежащий сейчас с перерезанным горлом, — достаточно далеко отошел от других. Я воспользовался кое-чем из того, чему научили меня в детстве придворные колдуны. Особый порошок и заклинания сделали свое дело — этот человек решил помочь нам. Я потребовал от него привести нас и караван к вам. Дело в том, что он подозревал, что ваши люди должны быть где-то неподалеку. Он сказал, что вы должны разыскивать этого варвара со светлыми волосами. У вас на него есть зуб..

Ибрахим бросил взгляд на Брэка.

— Зуб — это для простолюдина. Король может лишь ненавидеть.

Кайя мило улыбнулась и поддакнула:

— Хорошо сказано, господин.

— Лживая сука! — не сдержался Брэк, все еще не веря, что Ибрахим уже полностью очарован лстивыми и жалостливыми речами. — Выслушай и меня, король! Я тебе расскажу, как эта парочка чудовищ..

Плюнув, Брэк оборвал сам себя на полуслове. Он обменялся безнадежными взглядами с Хадриосом и Полем и понял: в искусстве убеждать и говорить то, что желает слышать собеседник, ему с Каем не тягаться. Если бы король знал, как жестоко его обманывают, если бы понимал...

Но Ибрахим наслаждался беседой, внимательно слушая вранье близнецов. Он наклонился к шее своего скакуна, рубин в его левой глазнице, казалось, засверкал сильнее, словно живой глаз. На

слова Брэка он не обратил ни малейшего внимания.

— Как я уже сказал, — продолжал Кай, — проводник догадывался, что вы где-то неподалеку.

— Именно так, — согласился Ибрахим. — Ночью он тайно пробрался к одному из моих офицеров. Мы с ним обговорили условия столь неожиданной встречи наших отрядов, — жест в сторону Хадриоса и остальных, — с ними.

— Проводник действовал по нашему наставлению, господин. Ибо, как я уже говорил, мы заколдовали его, направив его мысли в нужное нам русло. Мы с сестрой были уверены, что главное — найти вас, Ваше Величество, а уж тогда нам будет обеспечено достойное королевской крови обращение.

— Мы ведь не ошиблись, господин? — промяукала Кайя.

— Видят боги, конечно, нет! — уверенно ответил Ибрахим. — Но вот... смущает меня одно дело....

Жемчужные глаза близнецов тревожно забегали.

— Что именно, господин? — спросил Кай.

— Зачем вы скрытно подбирались сюда, зачем схватили женщину да еще и держали ее заложницей, под ножом, словно разбойники?

Кай быстро нашелся:

— Господин, мы ведь не были уверены в том, как вы нас примете. По крайней мере, пока мы не объясним, кто мы и почему оказались здесь. Девушку мы захватили, чтобы иметь гарантию, что нас выслушают. Вы ведь даже представить себе не можете, каким унижениям и издевательствам подвергали нас этот старик и его приятель — безмозглый чурбан с севера...

В горящем от гнева мозгу варвара сверкала молнией одна мысль: неужели этот болван Ибрахим верит во все эти сказки, шитые белыми нитками.

К своему ужасу, Брэк был вынужден признать, что по его опыту так называемые цивилизованные люди порой действуют куда менее разумно и логично, чем самый дикий охотник из дальней северной степи. Сейчас перед ним было еще одно тому доказательство. Король безропотно и с удовольствием шел в расставленную для него ловушку. Льстивые речи Кая и подбострастная улыбка Кайи действовали на тщеславного короля вернее любого зелья или заклинания.

Кай продолжал:

— Мы боялись, что эти люди просто разорвут нас в клочья, не дав даже объясниться. Вот нам и пришлось выбрать подходящий момент, схватить девушку и держать ее до того, как это перестало быть необходимым.

— Лжецы! — крикнул Брэк. — Эти два исчадия ада не заколдовали проводника. Они присосались к нему, выпили часть его жизненных сил и подчинили своему страшному влиянию...

Кайя рассмеялась:

— Что за чушь он мелет!

— Король, — продолжал Брэк, — я клянусь тебе, эти близнецы — не те, за кого себя выдают. Выслушай же меня...

— Слушать убийцу моего родственника? Ты, видно, совсем с ума сошел.

— Тогда... тогда... — Брэк судорожно подыскивал аргументы, — выслушай жреца.... Он ученый человек, облаченный саном священника... выслушай хотя бы его. — И он вытолкнул Поля вперед.

— Варвар говорит правду, — произнес монах. — Служа Темной силе, Черному богу Йог-Сагготу, эти двое, упражняющиеся сейчас в придворном красноречии...

— Заткнись! — рявкнул Ибрахим. — Я не собираюсь слушать ни тебя, ни твоего приятеля, борова. Знаю я твоего бога-размазню. Здесь, в Логоле, мы поклоняемся сильным богам, и плевать я хотел на таких пророков, как ты.

На миг воцарилось молчание. Брэк, понимая, что словами короля не вразумить, отчаянно придумывал, как действовать дальше. Кай и Кайя, не торопясь, приближались к лошади Ибрахима. Неожиданно Брэк понял, что нужно делать.

Бросившись к ближайшему мулу, он полоснул клинком по обшивке вьюка. Костяные тарелки дождем посыпались на песок. Второй тук, третий. Из четвертого наконец посыпалось то, что искал варвар: среди заколок, расчесок и прочей ерунды на землю вывалилось несколько зеркал.

Высоко подняв зеркало, Брэк бросился к королю. Увидев это, Кай и Кайя в испуге попятились, прячась друг за друга.

Брэк метнулся влево. Каменные Глаза поднял меч и направил в ту же сторону своего коня. Брэк изменил направление и крикнул, почти добежав до короля:

— Слезь с коня, Ибрахим! Слезь! Посмотри в зеркало на своих благородных гостей. Они не отражаются в нем, как не отражается ни в воде, ни в зеркале ни один демон...

— Схватить его! — крикнул король, подавая назад своего скакуна.

Каменные Глаза подлетел к Брэку сзади и схватил его за волосы. Взыв от боли, варвар потерял равновесие и упал. Падая, он успел

увидеть в зеркале свое перекошенное от боли лицо.

В следующий миг копыто королевского коня опустилось на сверкающее зеркало, разбив его на мелкие осколки.

На Брэка со всех сторон набросились спешившиеся куранцы. Задавленный таким численным превосходством противников, Брэк все же не сдавался. При этом в его голове мелькнула мысль: ему стало ясно, почему Кай и Кайя так хотели добиться милости Ибрахима. Пожиратели крови, они обожали сильных, крепких телом и духом людей. И вот теперь у них был шанс завладеть всем городом, населенным отчаянно смелыми и могучими куранцами.

Удары тупой стороной копья и обухом боевого топора по затылку отбросили Брэка на песок.

— Дурак! — крикнул Брэк королю, теряя сознание, но его голос потонул в шуме схватки...

Глава 10

В ПЛЕНУ

Серым ветреным вечером Брэк сидел, облокотясь на подоконник незарешеченного окна, слушал звон колоколов и смотрел на горящие по всему Курану факелы и светильники.

Высокая стена из глиняных кирпичей опоясывала город, где, по предположению Хадриоса, жило двадцать-тридцать тысяч человек. Брэк вспомнил, как впервые увидел эти стены накануне.

Он очнулся со связанными руками и ногами, лежа, словно мешок, перекинутый через седло куранской лошади.

Процессия пересекала широкую площадь, выложенную большими черными плитами с красными вставками. Заметив, что могучий пленник пришел в себя, его конвоиры-куранцы подогнали своих лошадей поближе и стали обмениваться шутками по поводу ожидавшей его смерти. Не менее страшная участь, по их словам, ожидала Хадриоса, Поля и, что самое страшное, Илану.

Кровь текла по его лицу и капала на плиты площади. Тогда Брэк в первый раз услышал куранские колокола.

Потом он узнал, что благодаря каким-то особым добавкам металл этих колоколов приобретал красный оттенок. Колокола звонили с каждой башни, возвышавшейся над городом, а их — изящных и высоких, — было в Куране множество.

Стены и башни, плотно окружающие центр города, ослабляли ветер, но здесь, на вершине одной из них, Снимающий Скальпы чувствовался даже в помещении.

Два коптящих факела скудно освещали камеру. Завывающий ветер то и дело бросал в окно пригоршни песка. Далеко внизу песчаные вихри кружились над площадью. Поверхность башни была гладкой, словно отполированной. Решетки на окне были действительно ни к чему.

В неверном свете факелов Брэк выглядел просто ужасно. Его глаза воспалились, множество ссадин и синяков покрывало его лицо и тело. В камере стоял тяжелый дух — вонь нечистот смешивалась с запахом немых больных тел.

На глиняной скамье, вделанной в стену, лежал, тяжело дыша, Хадриос. Илана склонилась над отцом, метавшимся в бреду. Сознание время от времени возвращалось к старому караванщику.

— Чужеземец, — позвал он, придя в себя.

Брэк встал и подошел к нему.

— Что?

— Скажи, а что с погонщиками?.. Я помню... некоторые из них... были живы...

— Да, да, конечно, — поспешил ответить Брэк на вопрос, который он слышал от старика уже в двадцатый раз.

Затем, поколебавшись, он добавил спасительную для страдающего старого человека ложь:

— Я думаю, раз их нет с нами, то Ибрахим просто отпустил их. Ведь у него нет причин ненавидеть наших слуг так, как он ненавидит нас.

— Я... я надеюсь, что это так... — прохрипел Хадриос, с трудом выговаривая каждое слово. — Хорошие, славные ребята... И ты молодец... многому научил их...

Илана молча отошла к окну. Ее одежда была изорвана, на руках и ногах не осталось ни одного браслета. Их сорвали куранские воины-мародеры.

Брэк проводил ее взглядом и вдруг обратил внимание на факелы. Оставить в досягаемости пленника горящий факел — большая оплошность со стороны стражи. Брэк знал, что при случае он не замедлит воспользоваться ею.

За дверью камеры раздались шаги. В окошечке сначала мелькнул рубин, который сменил живой карий глаз. Затем стражник вновь отошел от двери. В окошечко из коридора тянулся дым от горевших там факелов.

— Что это за звук? — вдруг встрепелась Илана.

— Барабанный бой, — ответил брат Поль. — Он начался недавно.

— Еще и крики, — добавил Брэк, — на улицах полно народу.

Действительно, повсюду на улицах зажигались огни. Толпы людей стекались из боковых улочек к площади, где их оттесняли к краям цепи солдат с копьями наперевес. В центре площади встала дюжина барабанщиков, отбивавших свою дробь.

— Да хранит нас Безымянный бог! — вздохнул Поль. — Эти глупцы устроили праздник!

Брэк кивнул:

— Да. Похоже, тут затевают что-то вроде карнавала.

Площадь, казалось, закачалась и поплыла — такое впечатление производили тысячи огней, метавшихся по ней. Это множество зеркал, установленных на башнях, отражали свет горевших на их верхних площадках костров.

— Я думаю, что праздник организован в честь одной знакомой нам парочки, — буркнул Брэк.

Илана закрыла руками лицо.

— Но как же мог король Курана так легко поверить близнецам?

Брэк пожал могучими плечами.

— А почему бы и нет? Они говорили с ним так, как и говорят при дворе. Выглядят они подобающе. А наши рассказы про пожирателей крови слишком невероятны, чтобы верить им без серьезных доказательств. Да и не хочет этого король. Ему куда приятнее лезть близнецов.

Брэк с трудом отогнал от себя кошмарные воспоминания, понимая, что они лишь приведут его к безумию. Его и его друзей ждала страшная участь. Но судьба всего Курана была еще страшнее. Пожиратели крови ненасытны, и вскоре они уничтожат всех жителей Сверкающего Города, затерянного в пустыне.

Брат Поль, словно очнувшись, сказал:

— Куранцы — хищники. И как всякие хищники, они очень практичны. Захваченный караван с товаром перевесил для них любые страшные истории про демонов-вампиров, рассказанные пленниками.

Под непрестанный звон колоколов на площадь, освещенная прыгающими отраженными огнями, ступила процессия высоких людей в длинных одеждах с посохами в руках. На вершине каждого посоха можно было разглядеть статуэтку какого-то божества — фигурку, скорчившуюся, словно эмбрион. Но черты лица этого нерожденного ребенка были злы и жестоки.

Сорок или пятьдесят жрецов проследовали по площади. Столько же посохов, столько же образов куранских богов. Брат Поль, сжимая крест, бормотал свои молитвы.

Вслед за жрецами на площади показалась группа одноглазых музыкантов, игравших какой-то древний боевой марш. Оркестр сменил отряд солдат с факелами, затем — еще одна группа барабанщиков. На ярко освещенную площадь вступили носильщики с открытыми паланкинами на плечах. В одном из них Брэк увидел Ибрахима, а рядом с ним — женщину.

Это была Схар — королева Курана. Крупная, крепко сложенная, она была не лишена привлекательности. Тяжелая копна черных как смоль волос спадала по ее плечам.

Рядом с королевской четой шел Камнеглазый. Его бритая макушка сверкала, смазанная маслом. Тяжелая ладонь лежала на рукоятке меча. Рубины в его глазницах сверкали тысячами искр. Брэк не мог понять, как великан, лишенный обоих глаз, шел не спотыкаясь, ясно видя все перед собой. Этот верзила ни на шаг не отходил от короля и

королевы, явно готовый в любой миг защитить их от всякой опасности даже ценой своей жизни.

На вторых носилках восседали Кай и Кайя.

Толпа куранцев радостно приветствовала близнецов, казавшихся живыми факелами в их сверкающих одеяниях. Кайя подняла руку в приветственном жесте. Толпа взвыла от восторга. Затем, улыбаясь, Кайя обратила свой взгляд на тюремную башню. Сердце Брэка сжалось от гнева и ужаса.

— Они дождутся, пока король напьется допьяна или просто уснет от усталости, а затем — один укус, и он в их власти. Вот тогда и начнется кровавая потеха!

Илана взмолилась:

— Позови еще раз охрану! Пусть они выслушают нас!

Брэк покачал головой:

— Сколько раз мы уже пытались? И я, и брат Поль. Никакого толку.

Илана попыталась протестовать, но быстро сникла. Брат Поль поцеловал крест, глядя, как процессия покидает площадь. Его голос был слаб и жалок:

— Так бывает всегда. Зло умеет прикрыть себя вежливой улыбкой. А большинство людей предпочитает не утруждать себя долгими раздумьями и не хочет отделять личины от сути.

— Ибрахим! Самодовольный, тупой, тщеславный осел! — прокричал Брэк и изо всех сил ударил кулаком в стену. На костяшках пальцев выступила кровь.

Его крик разбудил Хадриоса и переполошил охрану. Из-за дверей послышались окрики, приказы соблюдать порядок. Челюсти Брэка свело от ненависти. Что он и его друзья могли сделать,

сидя здесь взаперти? Ничего. Оставалось лишь смириться и ждать, когда наутро куранцы, проснувшись, обнаружат, что их короля и королеву сожрали демоны.

Брэк нервно ходил из угла в угол. Брат Поль неподвижно сидел в углу. Илана вновь склонилась над отцом, который полуспал, полубодрствовал, тяжело и хрипло дыша.

Колокола звонили беспрерывно, а шум под окнами становился все сильнее. Брэк продолжал ходить.

От одной стены камеры до другой.

Назад.

Из угла в угол по диагонали.

Назад.

Вдоль стен по кругу.

В обратную сторону.

Время от времени Брэк подходил к окну. Площадь и прилегающие улицы были полны празднично одетых людей. Весь город, казалось, не спал в эту ночь.

— Недоумки! Кретины несчастные! Вам ведь всем крышка! — рычал варвар.

Но никто на площади не слышал его криков.

Илана попросила его помолчать, чтобы не беспокоить отца. Брэк лег в угол, в нос ему ударил тяжелый запах нечистот. На глаза попался коптящий, потрескивающий факел. Брэк с наслаждением подумал о том, как хорошо было бы ткнуть горячей головешкой в лицо одноглазому стражнику, когда тот в очередной раз сунется в дверное окошечко... В конце концов ему удалось уснуть тяжелым, беспокойным сном.

Разбудил его шум шагов и множество чужих голосов в комнате. Оказалось, что в камеру вошло уже много людей в шлемах с плюмажами.

Послышался голос Хадриоса:

— Нет! Только не это! Оставьте ее. Лучше возьмите меня. Я свое уже отжил...

— На кой черт такой мешок, изъеденный червями, сдался принцу и принцессе Джовиса в качестве раба? — сказал один из вошедших в камеру куранцев. — Им нужна она, и ее они получают...

— Не надо, не надо, — безнадежно умолял Хадриос. — Не забирайте мою девочку, я прошу вас...

— Заткнись ты! — рявкнул на него куранец.

Занеся ногу, солдат сильно пнул старика, откатившегося в угол камеры. Сильные руки схватили Илану, пытающуюся вырваться. Она кусалась и царапалась. Понадобились усилия четырех куранцев, чтобы вытащить ее в коридор.

Брэк все понял. Кай и Кайя потребовали Илану к себе. Но сделать ее прислугой — это всего лишь предлог, шутка демонов.

«Как же они ненавидят нас за то, что мы узнали их тайну», — подумал Брэк.

Не в силах больше сдерживаться, варвар бросился вперед. В руке одного из куранцев сверкнул выхваченный из ножен меч. Метнувшись в сторону, Брэк избежал клинка, а солдат, промахнувшись, потерял равновесие, чуть не упав.

Перехватив руку куранца, Брэк резко дернул ее и вывернул предплечье. Раздался хруст ломаемых костей, и стражник потерял сознание от неожиданной пронзившей его тело боли.

Пинком отшвырнув второго стражника, Брэк подбежал к стене и схватил факел.

Куранцы попятились. В это время из коридора в камеру ворвалось еще несколько стражников. Завязалась драка. Факел вскоре выпал из руки варвара, но Брэк продолжал орудовать кулаками

и ногами, пока солдаты просто не задавили его массой. Брэк повалился на колени, и тут удар сапога в висок на время вывел его из борьбы.

Рука в черной перчатке вцепилась Брэку в волосы.

— Я разобью эту мерзкую рожу! — заявил один из стражников.

— Прекратить! — раздалась резкая команда. — Король приказал, чтобы он оставался живым и невреден... а-а-а!

Говорящий слишком близко поднес руку ко рту варвара. Резко дернувшись, Брэк вцепился в обтянутые перчаткой пальцы, дробя зубами фаланги и суставы.

Удар носком сапога по затылку почти лишил Брэка чувств. Он не издал больше ни единого звука, пока куранцы со злобой пинали и били его.

Очнувшись, Брэк подумал, что ослеп. Но вскоре ему все же удалось разлепить распухшие веки.

Алые блики металась по стенам камеры. Других источников света в камере не было. Где-то в городе звенел одинокий колокол.

Брат Поль наклонился над Брэком, все еще не веря, что тот очнулся. В темноте ревел как ребенок Хадриос. Брэк почувствовал, что и сам готов расплакаться.

Куранцы забрали не только Илану, но и его единственное оружие. Факелы со стен были убраны.

Прошел день. За ним другой. Празднеству в городе, казалось, не будет конца.

Один из охранников оказался более разговорчивым, чем другие. Из него Брэку удалось вы-

удить, что Ибрахим объявил недельные торжества в честь Кая и Кайи, а также по поводу захвата богатой добычи. При этих словах Хадриос застонал и захныкал как дитя.

— Что, старик, не нравится, что все твое добро, которое ты собирался сбыть в Тимбелло, мы прибрали к рукам? — рассмеялся охранник из-за двери, отодвигая засов.

Один солдат внес в камеру ужин; трое других стояли в дверях с мечами наголо. Еще двое освещали камеру факелами.

— Он не из-за барахла с ума сходит, — процедил сквозь зубы Брэк. — Его дочь увели...

— Увели? — видимо, недавно сменившийся стражник не знал об этом. — Куда же?

— В ад, куда же еще... Близнецы, видишь ли, потребовали ее себе в служанки. Чушь! На самом деле им нужно...

Брэк оборвал сам себя. Охраннику вся эта история была ни к чему. В его единственном глазу вдруг сверкнула зависть.

— А, так ее, наверное, перевели в соседнюю башню, — мечтательно протянул он.

«Ну-ка, ну-ка», — подумал Брэк и, придав своему голосу небрежность, словно невзначай переспросил:

— В соседнюю башню, говоришь?

— Ну да, вон там, правее. Самая высокая. А, из вашего окна ее не видно. В той башне — покой короля и королевы. Там же разместили и гостей из Джовиса. А за девчонку не беспокойся. Я думаю, ей там сейчас повеселее, чем тебе тут. С первого дня у гостей такое веселье идет! К ним приглашены почти все знатные люди города. С женами и дочерьми, естественно. Там от курильниц такой дым валит, что, говорят, порой не пой-

мешь, кто есть кто. Сотни гостей, представляешь? Ну я-то, конечно, это все только слышал от ребят, которые охраняют другой конец подвесного моста, ведущего в королевскую башню. Мне-то туда по званию не положено...

Стражник весело прошелся по комнате, легонько ткнул сапогом лежащего на полу Хадриоса. Старик даже не пошевелился, глядя неподвижными глазами в потолок. Куранец плюнул ему в лицо.

— Да не трясись ты за свою девку! Поверь, ей сейчас есть чем и с кем поразвлечься. Эй ты, дохлятина! Ты хоть слышишь меня?

— Оставь его в покое!

К удивлению Брэка, за старика твердо вступился брат Поль. За последние дни монах сильно сдал: похудел, щеки ввалились, выступили острые скулы. Встав, Поль подошел к солдату и вежливо, но настойчиво втиснулся между ним и стариком, отодвинув куранца от Хадриоса.

— Он болен, — добавил монах. — Вы уже достаточно помучили его.

Стражник занес руку для удара. Брэк осторожно встал поудобнее, чтобы в нужный момент броситься на помощь Полю. Его движение не ускользнуло от внимания солдат, стоявших у двери. Куранцы недвусмысленно поиграли мечами.

Первый стражник, поняв, в чем дело, повернулся к Брэку и прошипел:

— Жалкие тли! Блохи! Ничего, король Ибрахим разберется с вами! Мало не покажется!

Факелы исчезли. Дверь с грохотом захлопнулась. Оставшись почти в полной темноте, Брэк повторял про себя: королевская башня, подвесной мост.

— Чужеземец? — слышался слабый голос.

— Да, караванщик, я слушаю.

— Мне все время снятся какие-то кошмары. Но самое страшное... то, что они забрали Илану, — это ведь не сон.

— Да. Как сказали куранцы — чтобы прислуживать близнецам. А на самом деле... ты и сам понимаешь...

— Чужестранец, если тебе суждено вырваться отсюда... найди, найди мою дочь...

Варвар не смог скрыть раздражения:

— Зачем? Чтобы спасти ее, как какой-нибудь сказочный принц?

— Нет.... Убей ее.

— Что?

— Убей ее! Убей! Так она будет избавлена от всех страданий. Обещай мне это, чужеземец, чтобы я мог умереть спокойно. Поклянись мне! Поклянись же!

После долгой паузы Брэк выдал из себя:

— Клянусь.

Хадриос вздохнул и закрыл глаза.

Брэк и сам себе не мог сказать, правдивой ли была его клятва старику или же он втайне надеялся на чудо: что ему и Илане удастся вырваться из этого кошмара.

Все тело варвара ныло и болело после того, как он был избит стражниками два дня назад. Но теперь больше, чем боль, Брэка мучило любопытство. Если королевская башня рядом, а к ней перекинут подвесной мост, то... Конечно, шансов на побег почти нет, но вот месть — это уже более вероятно. Брэк так увлекся своей новой идеей, что чуть не пропустил звук открывающейся двери камер.

— Встать! Встать, ничтожества! Встать перед королем!

Моргая, Брэк наблюдал, как при свете факелов в камеру вошли семеро вооруженных охранников, включая Камнеглазого. Вслед за ними в дверях показался сам царственный посетитель темницы. Глядя на телохранителя Ибрахима, Брэк невольно поежился. Вблизи великан выглядел еще более огромным. Могучие мышцы играли на его руках и плечах, страшная голова на крепкой шее поворачивалась из стороны в сторону, сверкая двумя огромными рубинами.

Брэк заметил еще одну странную вещь: в коридоре за дверью стояли какие-то странные люди — мужчины, говорившие высокими, почти женскими голосами. Запах благовоний ударил в нос варвару.

Войдя, Ибрахим снял одну перчатку и помассировал пальцы.

— Мне доложили, что ты, варвар, не был смиренным узником.

В голосе короля не чувствовалось особой злости. Да и сам он выглядел каким-то вялым, словно измученным долгим празднеством.

— Дочь старика забрали, — сказал Брэк. — Ее отдадут пожирателям крови. Это правда, господин! Если бы ты только выслушал жреца, он...

Брэк застыл с открытым ртом. Король нетерпеливо спросил:

— Ну что замолчал, ненормальный? Чего уставился?

— Они... они уже завладели тобой...

На лице Ибрахима выступили мелкие капли пота.

— Говоря с мной, смотри мне в глаза, варвар.

Но Брэк не мог повиноваться. Его взгляд был прикован к высокому черному воротнику королевской мантии. В тот миг, когда этот воротник чуть

отошел от шеи, под ним, на коже короля, мелькнули три точки — страшный знак демонов-вампиров.

Король поправил мантию, плотно прикрыв место укуса. Брэк медленно поднял глаза, в его взгляде смешались гнев и жалость.

— Об этом известно, король? Известно ли твоему народу, что близнецы-вампиры захватили тебя, подчинили себе?

Ибрахим сжал кулаки:

— Молчи! Ни слова больше!

— Но ведь на тебе их знак. Ты должен, должен признать это, король. Объяви всем жителям Курана, что ты, их господин, отдал душу и тело пожирателям крови и что такая же участь ожидает всех их.

Стражники недовольно забурчали. Но Ибрахим отреагировал быстрее всех. Его рука вцепилась, словно стальная клешня, в горло Брэка. Приблизив лицо вплотную к лицу варвара, горя единственным живым глазом, король прохрипел:

— Я убью тебя за твои слова, негодяй.

— Попробуй. Я ведь быстрее тебя и сильнее. Близнецы уже отняли у тебя часть твоей жизненной силы. Смотри... — И легким движением Брэк сбросил руку короля со своего горла.

Каменные Глаза издал глухой утробный звук и бросился на Брэка с мечом наперевес. Варвар успел отпрянуть в сторону. В тот же миг движением руки король остановил своего телохранителя.

— Стой, воин. Разве ты не видишь, что безумие развязало язык варвара. Какое удовольствие убивать лунатика? Пусть придет в себя.

При этих словах короля стражники перестали шептаться. Ибрахим заговорил громче:

— Я больше не собираюсь с тобой спорить, чужеземец. Хотя твой разум и помутился, тело твое еще полно сил. Ты еще пригодишься мне для одной цели. Какой? Я сообщу об этом позже.

Король вытер выступившую в уголках рта пену. Сомнений не было: он стал жертвой пожирателей крови, и скоро к их ногам падет весь город.

— Смерть будет слишком легким наказанием за убийство моего единокровного родственника Эфрима. Вот почему я согласился с просьбой моих гостей отдать тебя им в рабство. Так ты сможешь пожизненно искупать свою вину.

— Они меня хотят не в рабы! — воскликнул Брэк. — Им нужна еще одна жертва. Такая же, как ты!

Ибрахим, держа себя в руках, отступил на шаг назад и покачал головой:

— Тяжелый случай. И к тому же вид у тебя — не дай Бог. Мои гости просили, чтобы ты был доставлен им в более приличном виде, чем та девчонка. Поэтому мои евнухи, — широкий указующий жест на дверь камеры, — оденут тебя и приведут твою рожу в порядок. То-то будет потеха, когда они закончат свое дело. Я и сам не откажусь посмотреть на тебя, каков ты будешь — напавший, в штанах с павлиньими перьями. Ты обречен на жизнь раба, убийца моего родственника. Я думаю, с твоим характером тебе это не понравится. Через год, а может быть, и куда раньше, ты станешь еще безумнее, чем сейчас.

Рассмеявшись, король вышел за дверь.

Пораженный, Брэк некоторое время стоял неподвижно, не замечая ничего вокруг. Очнувшись, он заметил суетившихся вокруг него людей. Были ли они мужчинами? Нет, скорее — какими-то бес-

полыми щебечущими существами в кружевных одеждах.

Один из евнухов потянулся рукой к львиной шкуре, обмотанной вокруг тела Брэка.

— Отдай, чужеземец, — пропищал он, — отдай. Хватит носить дикарскую одежду.

— Хватит! Хватит! — подхватили остальные евнухи, налетая на Брэка со всех сторон.

Барвар резким движением схватил ближайшего евнуха за подбородок и резко дернул. Раздался треск ломающейся челюсти и визг пострадавшего.

Резко развернувшись, Брэк сбросил с себя остальных евнухов. Одного из них он ударом кулака уложил на пол. На блестящем одеянии евнуха мелькнула украшенная камнями рукоятка кинжала. Брэк схватил оружие, очень надеясь, что клинок окажется не просто игрушкой.

К сожалению, отличие от игрушки у этого кинжала оказалось минимальным. Но и при виде этого лезвия евнухи разбежались по углам камеры. Один из них уронил принесенный с собой факел. Загорелась лежавшая на полу груда солом.

В коридоре раздался голос часового:

— Беспорядок в камере!

— Может быть, позовем обратно короля и его телохранителя? Они еще только на подходе к мосту.

— Не надо. Сами управимся. За мной!

Камера была освещена горевшей на полу соломой. Первый часовой, распахнув дверь, ворвался внутрь. Ему навстречу бросился обезумевший от страха евнух. Получив хороший пинок сапогом в живот, бедняга откатился в угол. Вслед за первым в камеру ворвались еще двое стражников.

Короткие мечи сверкнули в руках куранцев.

— Становись в ряд, — скомандовал старший. — Но осторожнее! Король нам головы оторвет, если мы убьем его.

— Провались он пропадом! — воскликнул второй охранник. — Скажем, что варвар сам напоролся на клинок.

Евнухи сбились в кучу в одном углу и, дрожа от страха, прятались друг за друга. Выстроившись в шеренгу, трое стражников молча шагнули в сторону варвара, сверкая тремя глазами и тремя кроваво-красными рубинами в левых глазницах. Церемониальный кинжал в руке Брэка выглядел просто безделушкой из женского ларца.

Стражники сделали шаг вперед. Еще один.

Еще два шага — и они подойдут вплотную к нему. Брэк внимательно следил за ногой одного из стражников, выжидая, когда он вновь перенесет на нее вес тела...

Резко качнувшись, Брэк поддел кинжалом горящую солому и швырнул огненный веер в сторону наступающих противников.

Стоявший в середине стражник выронил меч, срывая с себя горящие хлопья. Не дожидаясь, что будет дальше, Брэк босиком, обжигая пятки, перепрыгнул через пылающую кучу и подхватил упавший меч.

Увернувшись от клинка второго стражника, Брэк мечом отбил атаку третьего. Удар! Защита. Удар! Еще удар!

За спиной Брэка послышались звуки борьбы и проклятия. Шум отвлек внимание противника варвара, и Брэк, воспользовавшись его замешательством, вонзил меч в живот куранца. Выдержав клинок из тела жертвы, он резко развернулся.

— Поль!

Было поздно: Несторианец лежал на полу, смертельно раненный.

Серое одеяние монаха залила кровь. Но ценой своей жизни он спас Брэка, сумев отвлечь третьего часового. В следующий миг возмездие настигло куранца — варвар одним ударом наотмашь рассек ему горло и чуть не снес голову с плеч.

Пальцы монаха нашарили руку Брэка и вложили в нее что-то твердое.

— Придут другие... — прошептал Поль. — Беги... Беги и выполни клятву, данную Хадриосу, если не сможешь сделать большего... Беги...

Сложив руки на груди, монах из последних сил зашептал:

— Прости меня за слабость моей веры, о мой господь...

Судорога пробежала по его телу, и в следующий миг душа Несторианца покинула этот мир.

Брэк вздрогнул. В его ладони был зажат каменный крест монаха.

Варвар сунул талисман за складки шкуры, поближе к телу, и выглянул за дверь. Где-то вдали по коридору бежали люди с факелами. Брэк почувствовал себя обреченным на страшную смерть вместе со всеми жителями Курана.

Но он дал клятву, и последние минуты жизни он должен посвятить тому, чтобы попытаться исполнить ее. Если только боги дадут ему чуть-чуть времени, он умрет, отомстив.

Брэк выскочил из камеры, держа окровавленный меч наготове, и повернул в сторону, противоположную той, откуда доносились крики и топот. Перед ним лежал длинный пустой коридор, уходящий вверх и ведущий, как надеялся Брэк, к мосту и королевской башне.

На бегу Брэк почувствовал, как страшно измучено его тело. Все следы от ударов и пинков, свежие шрамы — все отозвалось острой болью на резкое движение. Закружилась голова, пол коридора поплыл под ногами.

Звуки погони приближались. Топот и крики слышались все громче. Брэк прислонился к стене, чтобы дать себе мгновение передышки и в то же время сориентироваться.

Впереди, за поворотом коридора, брезжил свет. Да и воздух, шедший оттуда, был свежее и прохладнее.

Повернув за угол, Брэк увидел стоящего на страже куранца, охранявшего выход из коридора. За его спиной на фоне неба вырисовывалась прочная решетка, а где-то далеко за ней виднелся силуэт огромной башни со множеством освещенных окон.

Королевская башня и подвесной мост.

Усилием воли варвар заставил свое истерзанное тело двигаться вперед. Его мало волновала судьба этого города в пустыне и его жестокого, дикого народа. Но если положить на одну чашу весов судьбу самых заклятых врагов, принадлежащих роду человеческого, а на другую — отродье Йог-Саггота, то в таком случае куранцы оказывались ближе Брэку, чем ненавистные близнецы. Именно этой парочке и хотел он отомстить. Хотя надежды на осуществление этого желания были более чем призрачны.

Сзади послышались голоса преследователей:

— Задержи его, Альфондер!

— Продержись немного. Мы сейчас схватим его!

— Это варвар из темницы!

Но толстый Альфондер и без объяснений понял, кто бежит к нему с занесенным мечом. Во всем Куране не было второго такого светловолосого разъяренного воина. Встав в боевую стойку, Альфондер выставил копье вперед. Брэк обманчивым движением перехитрил толстого стражника и проскочил мимо него, метнувшись к вороту, опускающему решетку. Развернувшись на месте, Альфондер ткнул копьем в увернувшегося Брэка и со всего маху вонзил острие оружия в глинобитную стену. В следующий миг Брэк пронзил ему грудь мечом. Куранец со стоном повалился на пол. Подскочив к вороту, Брэк посмотрел, в каком направлении натянуты толстые канаты, и повернул тяжелый барабан. Решетка поползла вверх.

В лицо варвару ударил яростный ветер, мотающий из стороны в сторону подвесной мост — изящное сооружение из досок и веревок. Брэк повернул подъемный барабан еще раз.

Преследователи показались из-за поворота коридора. В воздухе свистнуло копье. Инстинктивно Брэк пригнулся, и тяжелый наконечник пролетел в какой-то пяди над его макушкой. Задев край решетки, копье пролетело дальше и упало где-то на улицах города.

Еще один поворот, узел на скорую руку, чтобы задержать решетку в подвешенном положении. Брэк пролез в образовавшийся просвет между полом и острыми зубьями решетки.

Ветер чуть не сбросил его с моста. Далеко внизу площадь сверкала множеством огней — по ней шествовала очередная процессия нескончаемого праздника. Порывы ветра доносили до Брэка то звон колоколов с соседних башен, то обрывки музыки и радостные возгласы далеко внизу.

Скользя руками по веревочным перилам, Брэк со всех ног пустился бежать по раскачивающемуся мосту...

Вот позади уже четверть пути над пропастью...
Половина...

Мост закачался сильнее. Это на его доски ступили преследующие Брэка куранцы.

Вперед!

Противоположный конец моста тоже упирался в решетку. К счастью, она была поднята. Совсем молодой охранник спал у ворота, сидя на табуретке, зажав между колен кувшин с вином.

— Эй, Паллиат, проснись!

— Тревога, пьяный болван!

Перебравший праздничного вина стражник просыпался медленно, потягиваясь и зевая.

Брэк не смотрел вниз, боясь, что от высоты у него закружится голова. Вот позади уже осталось три четверти моста. Мимо Брэка пролетело, отсекая со свистом воздух, копьё.

Еще два шага. Еще два. Вот и помост, выступающий из башни у основания моста. Ступив на более или менее твердую опору из неподвижных досок, Брэк развернулся и выхватил меч из ножен.

Удар — и острое лезвие перерубило один из четырех канатов, удерживавших мост на весу. Все унижения, вся боль, которую доставили ему стражники за дни заточения, нашли отмщение в этих ударах. Еще один удар — мост почти перевернулся.

Стражники, вцепившиеся в доски и веревки, завизжали, как женщины при виде мыши.

Первый из них уже почти добрался до конца моста и изо всех сил карабкался вперед, умолая:

— Сжался, пленник, сжался над нами, и мы...

— Пусть твои боги пожалеют тебя! — гневно прокричал Брэк, перерубая канат.

Мост резко перевернулся, крутанувшись вокруг своей оси. Крики падающих стражников затихли далеко внизу. В тот же миг на площади оборвалась музыка и послышались удивленные возгласы.

Поднырнув под решетку, Брэк увидел, что пьяный охранник, дрожа от ужаса, никак не может непослушной рукой выхватить клинок из ножен.

Варвар схватил стоявшую у решетки тяжелую табуретку и изо всех сил огрел ею незадачливого воина. Затем он оттащил бесчувственное тело в темный угол и по темному коридору направился внутрь башни.

По крайней мере, на этом этаже все было тихо. Длинный коридор, освещенный редкими факелами, уходил в глубь сооружения. Стены были покрыты резьбой, изображавшей боевое построение куранского войска в пустыне.

Где-то вдалеке открылась дверь. Коридор прорезала полоска света. Темный силуэт мелькнул в дверном проеме и скрылся в темноте.

Затем Брэк расслышал далекий смех.

Смеялось, заходясь почти в истерику, много людей. Смех сменила веселая и одновременно злобующая музыка. Где-то в башне, скорее всего, не на этом этаже, шел пир в честь близнецов.

Времени было мало. С минуты на минуту стражники, оставшиеся в тюремной башне, поднимут тревогу.

Из бокового прохода, уводившего к винтовой лестнице, показалась чья-то фигура. Брэк сумел разглядеть, что это довольно полная женщина, скорее всего — средних лет или даже старше. Женщина несла серебряный сосуд, от которого

валил пар. Брэк осторожно пошел вслед за незнакомкой.

Как ни пытался он двигаться бесшумно, женщина что-то заподозрила и, оглянувшись, заметила прижавшуюся к стене черную тень. Не успела она набрать в легкие воздуха, чтобы завизжать, как Брэк уже кинулся к ней, отбросив меч, чтобы одной рукой схватить ее голову, а другой — зажать рот. Женщина, испугавшись, выронила из рук серебряный сосуд. Кипяток обжег Брэку ноги.

Варвар прижал женщину к резной стенной панели, где ряд за рядом уходили к далеким барханам шеренги куранских воинов. Брэк хотел удерживать женщину и не дать ей закричать.

Потом он поднял с пола меч. Женский смех и веселые возгласы, доносившиеся из дальних помещений, не прерывались ни на миг. Проведя клинком по шее незнакомки, варвар прошептал:

— Эта сталь может вонзиться тебе в горло, но мне не нужна твоя жизнь. Но я убью тебя тотчас же, если ты хоть пикнешь, когда я уберу руку с твоего рта.

— М-м-м, — протестующе замычала его пленница.

— Хочешь умереть?

Звуки, которые издавала служанка, свидетельствовали о том, что она хочет жить.

Брэк чуть отвел ладонь от губ женщины, оставшихся плотно сжатыми.

— Ну а теперь — отвечай. И так, чтобы слышал только я. Ты — рабыня?

— Нет... Я свободная. Я добровольно служу при дворе..

— Замечательно. Значит, ты отлично знаешь башню и, я полагаю, покои королевы.

— А... а зачем тебе это?

— Отведешь меня туда. И если надумаешь обмануть меня — попрощайся с жизнью.

Еще раз взглянув на дьявольскую решительность, написанную на лице варвара, служанка решила не прекословить и кивнула.

— Я как раз несла горячую воду для умывания королеве Схар, когда ты налетел на меня. Ее покои этажом выше. Но учти: у дверей — охрана.

— Об этом позаботимся, когда доберемся туда. А сейчас мы пойдем. Я буду держать тебя за руку, чтобы ты не наделала глупостей. Помни: стоит тебе дернуться или закричать — и я убью тебя на месте.

Брэк постарался говорить убедительно и жестко, хотя сам не был уверен, что решился бы реализовать свою угрозу. Оставалось надеяться, что испуганная пожилая женщина достаточно впечатлительна и будет вести себя как надо.

Заставив свою проводницу идти вдоль темной, менее освещенной факелами стены, Брэк проследовал вместе с женщиной к лестнице, уходившей вверх.

Поднимаясь по ступенькам, служанка вдруг чуть повернула голову и шепотом спросила:

— Эй, а ты и есть тот дикарь из темницы?

— Наверное, это я, если так называют меня в вашем милом городке, — ответил ей голос Брэка.

— Да-да, именно так... Я и узнала тебя по описаниям... Боги! Неужели ты собираешься убить королеву?

— Наоборот. Я хочу спасти ее.

— Станным, однако, способом...

— Единственным доступным мне, — пробурчал он.. — Попробуй я что-нибудь другое — и

меня убили бы еще на подходе к этой башне. Ладно, хватит болтать.

Поднявшись по лестнице, они оказались в другом коридоре, еще богаче украшенном резьбой и коврами с изображениями выигранных куранцами битв. С одной стороны коридор упирался в высокую золоченую дверь, перед которой застыли два вооруженных охранника.

Заметив державшуюся в тени пару, часовые выставили копья вперед. Один из них громко окликнул вошедших:

— Стой! Кто идет? Выходи на свет!

— Ирензия, служанка, уважаемый стражник... я... с... с...

Больше она не могла выдать из себя ни слова. Рыдания душили перепуганную женщину.

Брэк резко вытолкнул заложницу в круг света под факелом. Увидев варвара, часовые бросились навстречу ему, но, заметив приставленный к горлу служанки клинок, остановились и переглянулись.

— Ну что, узнали меня... господа стражники? Мы, кажется, где-то встречались. Не в соседней ли башне? Ладно, мне нужно увидеть королеву.

Один из часовых, не сводя глаз с варвара, сказал другому:

— Ты ввязываешься в бой — а я бью в гонг, поднимаю тревогу и иду тебе на помощь.

— Но ведь он убьет старуху, а она — любимая служанка королевы...

— Вот-вот, королеву-то я и ищу, — повторил Брэк. В этот миг решалась его судьба. Решись стражники вступить в бой и поднять тревогу — долго ему не продержаться. — Я бежал из тюрьмы и пробрался сюда, потому что у меня важное и очень срочное дело к королеве. Ступайте к ней и

сообщите об этом. Идите, идите — судя по вашим рожам, королева там, у себя.

Помолчав, Брэк решил рискнуть еще больше и добавил:

— Скажите ей, что я оставлю оружие за дверью. Но я просто должен поговорить с нею. Если она откажется, первой погибнет ее служанка, затем, я думаю, кто-нибудь из вас.

Часовые молча переглянулись. Время шло.

— Пошевеливайтесь! — рыкнул Брэк. — Или вы хотите, чтобы кровь этой женщины была на вашей совести?

Один из стражников пробормотал:

— Я не хочу отвечать за смерть старухи. Она служит королю и королеве с самого их детства... Присмотри за ним, — с этими словами куранец скрылся за дверью.

Воцарившуюся тишину нарушали лишь веселые крики с нижних этажей да тяжелое дыхание оставшегося охранника.

Наконец дверь снова отворилась, на этот раз — широко. За нею Брэк увидел анфиладу уходящих вдаль комнат. В одной из них, судя по звукам, бил фонтан. Удивленно округлив глаза, вернувшийся стражник произнес:

— Королева Схар примет тебя.

Брэк перевел дыхание, но тотчас же вспомнил, что времени у него будет в обрез. Как только дверь за ним захлопнется, стражники тотчас же вызовут подкрепление.

— Отойдите от входа! — скомандовал варвар. — Повернитесь лицом к стене. Я пройду мимо вас и у самой двери отпущу женщину и положу оружие. Ясно?

Стражники повиновались без особого удовольствия. Брэк оттолкнул женщину, бросил меч на

пол и резко захлопнул двери. За ними тотчас же послышался стук сапог: охранники бросились за подмогой.

— Ну проходи, — раздался низкий негромкий голос.

Шагнув вперед, Брэк оказался лицом к лицу с повелительницей Курана.

— На тебе много крови, — заметила она. — Думаю, что вырваться из тюрьмы и добраться сюда было нелегким делом.

Брэк только кивнул, внимательно разглядывая помещение, в котором оказался.

Госпожа Схар стояла перед огромной кроватью, над которой свисал, скрывая ложе, серебристый балдахин. Пара ламп освещала спальню синим светом.

Варвар сконцентрировал внимание на стоящей перед ним женщине — статной, величественной и совершенно не напуганной. На ней было алое платье, поднимавшееся плотным воротником прямо к ее горлу. Блестящие черные волосы королевы были распущены по плечам. Высокая, почти с Брэка ростом, она с первого же взгляда производила впечатление настоящей королевы.

— Могу ли я поинтересоваться, как ты сумел бежать? — спросила королева, глядя на Брэка почти без злобы.

— Позже, госпожа, об этом позже. А сейчас я предпочел бы поговорить о других делах, не терпящих отлагательства. Ваши стражники скоро вернутся...

— Это правда. Так что я не думаю, что мне угрожает серьезная опасность. Кроме того, я и сама не слабая женщина.

Варвар наклонил голову, признавая ее правоту.

— То, что я хочу сообщить вам, касается ваших гостей, госпожа.

— Близнецов? — Брови королевы поползли вверх. — А, я уже слышала эти истории... Если я правильно поняла, ты считаешь, что эта парочка... какие-то демоны?

На лице королевы заиграла улыбка.

— Госпожа, это правда! Эти двое... они служат Йог-Сагготу!

Брэк коротко и сжато рассказал все, что ему было известно, и закончил свою речь словами:

— Они убьют всех куранцев. Одного за другим. Их надо остановить, пока ваш город не пал жертвой вампиров.

Королева Схар, даже не моргнув, спокойно поинтересовалась:

— А почему ты решил рассказать мне эту странную историю?

— Кто же еще облечен властью в этом городе?

— А что тебе до судьбы Курана? Что тебе до людей, взявших тебя в плен и готовых убить тебя?

Брэк скривил губы.

— По крайней мере, госпожа, куранцы — люди. А те близнецы — нет. Кроме того, мне небезразлична судьба девушки — дочери караванщика, которую...

— Да, знаю. Ее взяли в услужение близнецам.

— Король, господин Ибрахим... — начал Брэк, но осекся, выжидательно глядя на королеву.

— Что? — холодно спросила Схар.

— На нем... на нем есть их знак. Я сам видел этой прошлой ночью.

Королева глубоко вздохнула:

— Если ты солгал мне...

— Королева, я видел это собственными глазами. Вот здесь, на горле.

Женщина развернулась и сделала несколько шагов. Подойдя к свисавшему с потолка светиль-

нику, она покачала его. По комнате запрыгали длинные тени.

Если предположить, что твой рассказ — правда и наши гости на самом деле — лишь демоны-кровопийцы, я должна буду поверить и во все остальное. В эти дни близнецы, не прерываясь, празднуют в своих покоях. Туда приглашены многие знатные люди Курана. Естественно, что главный гость — Ибрахим. Я не пошла только потому, что не люблю такие развлечения — пьянки, оргии.... Ибрахиму нравится, но на то ведь он и мужчина.

А где все те люди, которые отправились к близнецам? Вы их видели с тех пор?

Королева нахмурилась:

— По правде говоря — нет.

— И не увидите! Они погибли, стали жертвами близнецов!

Королева недоверчиво возразила:

— Может быть, они просто разошлись по домам, забыв о правилах приличия и не попрощавшись со мной, так как сильно напились. Там ведь пир горой! Ибрахим ведь отмечает еще и захват богатого каравана. В общем — два таких повода... Сам можешь представить.

Брэк отчаянно гадал, через сколько мгновений ворвутся в комнату стражники, успеет ли он до этого убедить в своей правоте эту величественную женщину. Похоже, что его план рушился на глазах.

— Для Кая и Кайи, госпожа, это пиршество — не повод, а возможность получить новые жертвы.

— Включая короля Ибрахима?

— Как давно вы его не видели? — спросил Брэк.

— День.. или два. Нет, это невозможно. Я не верю...

— Все, о чем я прошу, госпожа, это чтобы вы взяли солдат и сходили к близнецам. Вы все увидите сами. Если я лгу — моя жизнь в ваших руках. Вы вправе подвергнуть меня самой мучительной казни. Но я уверен в том, о чем говорю.

Королева усмехнулась:

— Он уверен. Он так в этом уверен.

Ее улыбка неприятно поразила Брэка.

— Да, госпожа, — продолжал настаивать он.

Королева внимательно посмотрела на своего гостя. От этого взгляда по коже варвара пробежали мурашки.

— Твоя история — полная чушь, рассказанная человеком, бежавшим из тюрьмы, убившим не одного моего подданного. Она звучит опасно и цинично. Я не имею права верить в эти сказки. Но у меня есть и обязанности перед моим народом. Мне, конечно, следует немедленно отдать тебя на растерзание охране. И все же... Ведь процветание и благосостояние города — моя забота. Ибрахим занят тем, что воюет и грабит караваны. Внутренние дела Сверкающего Города в моих руках. Не обольщайся, я не питаю к тебе теплых чувств. Ты убил родственника моего мужа, и теперь ты — мой кровный враг. Не поверю я и в твои бредни, оскорбительные для короля и его гостей. И лишь груз ответственности за судьбу супруга, судьбы моих подданных и судьбу города заставил меня согласиться на эту встречу и этот разговор.

Жестокая ледяная ухмылка исказила правильные черты королевы.

— С тобой все ясно. Тебя ждет смерть. Ее мучительность будет зависеть лишь от того, кровью скольких моих сограждан обогрены твои руки.

— Любая пытка лучше, чем оказаться жертвой демонов.

— Молчать, когда говорит королева! — Перед Бракм стояла не размышляющая, слушающая женщина, а властная, командующая, царственная дама, требующая не только почтения, но и беспрекословного подчинения.

— Я навещу покои близнецов вместе с солдатами. А когда подтвердится ложность твоей клеветы — а я уверена в том, что так и будет, — я выполню свой долг. Как королева, я не имею права отбросить даже самое дурацкое предупреждение о совершенно нереальной опасности. Но помни — месть моя будет страшна.

Помолчав, королева спросила:

— Я тебя разозлила, чужеземец?

— Нет, — ответил Бракм. — Наоборот. Я вам очень благодарен.

Пожав плечами, королева отвернулась.

— Подождешь, пока я переоденусь? — вдруг спросила она.

Он сам удивлялся, как еще держится на ногах после всего пережитого за последние недели и за эту ночь. Но, кажется, главное сделано. Пусть королева объявила его безумцем! Что ему до ее угроз? Смирив гордость, он выслушает все ее оскорбления, лишь бы она согласилась прислушаться к его словам и отправиться с вооруженным отрядом к близнецам.

Она сама все увидит. Быть может, ему удастся найти оружие и самому расправиться с демонами. А потом... но дальше Бракм даже мечтать не посмел — так невероятен был их, его и Иланы, побег из этого города...

— Мое платье там, на кровати, — прервал его мысли голос королевы Схар.

Одним движением она откинула серебристую кисею балдахина.

Бракм решил, что сходит с ума. Что открылось его глазам! Кто, кто дьявольски хохочет в покоях королевы?

Она сама — Схар, повелительница Курана.

Она смеялась, трясаясь всем телом и показывая на него пальцем, как на какую-то уродливую диковину.

— Ты... ты — жалкий, ничтожный глупец! — сквозь смех выдавила она, стоя уперев руки в бока.

На кровати лежала обнаженная девушка-рабыня. Ее горло представляло собой страшную зияющую рану. А рядом, согнувшись от смеха, сидел пышущий здоровьем, румяный, восторженный Кай! Его глаза сверкали, напоминая огромные жемчужины.

Королева продолжала говорить, давась от смеха:

— Ты... ты потревожил нас... в самое неподходящее время... Но игра... предложенная Каем... просто великолепна...

Кай икнул и облизал окровавленные губы:

— Покажи ему, королева. Покажи!

— Да, да! Я должна ему показать!

Вцепившись руками в воротник платья, королева сильно дернула его обеими руками, разорвав алый шелк и обнажив грудь. Там, с обеих сторон, на прекрасной женской коже горели два треугольника — знаки демонов.

Кай и королева хохотали до слез. Труп рабыни был сброшен с кровати и упал на пол с глухим стуком. Звякнули дешевые браслетики на тонких девичьих руках.

Бракм обезумел.

Подбежав к Каю, он со страшным криком схватил того за горло — располневшее и округлившее-

ся за дни кровавого пиршества. Королева отчаянно пыталась расцепить руки Брэка. В какой-то момент Каю удалось повернуть голову — и вот в воздухе сверкнули клыки.

Слишком поздно понял Брэк свою ошибку и увидел опасность. Слишком поздно.

Со страшной болью вошли в его плоть зубы вампира.

Уголком глаза Брэк заметил сверкнувшую в воздухе серебристую молнию. В последний миг ему удалось одной рукой перехватить запястье королевы. Из разжавшейся ладони Схар выскользнул кинжал, который она нацелила ему в спину.

Брэку удалось дотянуться до упавшего клинка, но тут Кай вновь вонзил зубы ему в руку. Новая волна боли прокатилась по всему телу варвара. Брэк понял, что на этот раз ему, ослабевшему, долго не продержаться. Но он должен найти в себе силы, чтобы... повернуться... дотянуться... и вонзить кинжал в грудь ненавистного противника...

Удар!

Кай поднял голову, в холодных глазах вампира отразилась боль, но не ужас. Зарывав как зверь, Брэк выдернул клинок из тела вампира.

На стали не было ни капли крови!

Еще раз он вонзил кинжал в грудь Кая. Крови не было. Ни на клинке, ни на теле.

Трижды еще он наносил отчаянные удары. Кай начал икать, а вскоре икание перешло в сдавленный смех.

Брэк отбросил кинжал. Все свое отчаяние и ужас он вложил в протяжный звериный вой, вырвавшийся из его горла.

— Я объявляю тебя, варвар, — задыхаясь от смеха, выговорил Кай, — объявляю тебя нашей

добычей, нашим главным трофеем и десертом на пиру!

В третий раз сомкнулись зубы на руке Брэка. Брызнула кровь. Впервые в жизни варвар познал отчаяние и ужас окончательного поражения.

Последнее, что донеслось до его слуха, — смех Кая и королевы Схар и булькающий звук льющейся крови...

Глава 12

ПИР ОБРЕЧЕННЫХ

— Вставай! Стоять, я сказал! Черт. Этот парень весит не меньше, чем мельничный жернов.

Темнота, окружавшая Брэка, наполнилась голосами. Они становились все громче и громче. Откуда-то к нему протянулись руки, поднявшие его ослабевшее тело, заставившие его стоять на ногах. Брэк попытался открыть глаза. Но даже в темноте он понимал, что его волокут куда-то несколько чужих, странно пахнущих людей.

— Отпустите его! — послышался властный женский голос.

Эта команда была встречена гулом возбужденных криков, как мужских, так и женских.

— Это тот самый дикарь!

— Его вызвала к себе королева!

— Пусть дальше он идет сам. Подгоняй его сзади, ребята!

Руки исчезли. Брэк открыл глаза. Ноги едва держали его. Он сделал шаг вперед. Со всех сторон слышались веселые крики, и к нему потянулись руки, теперь уже видимые и осязаемые.

Подняв голову, Брэк увидел лица. Множество лиц...

Мужчины и женщины. Мужчины — с рубином вместо одного глаза. И те и другие — радостно возбужденные. Почти все — без одежды. Тут и там — то на округлой груди, то на мускулистом плече, то на раскрасневшейся щеке — мелькали треугольные отметины.

Да, каждый куранец в этой толпе был отмечен знаком демонов — пожирателей крови.

Брэк попытался сбросить с себя облепившие его со всех сторон жадные руки. Бесполезно. Сотни людей плотно набились в этот зал; кубки с вином переходили из рук в руки; где-то надсадно завывали флейты; в проемах в стене виднелись другие залы, так же плотно заполненные людьми. Толпа лишь чуть расступалась перед варваром, немедленно смыкаясь прямо за его спиной. Несомненно, его вели куда-то, повинуюсь обязательному для всех присутствующих приказу. И все, все до единого в этом зале несли на себе знак демонов.

Все. Даже королева Схар, вспомнил вдруг Брэк. Волна отчаяния накатилась на него.

— На середину зала его! — закричал кто-то. — На середину зала! Пусть все на него полюбуются.

— Смотри!

— Ну и здоровый! Вот закуска так закуска!

— Кому он предназначен?

— Кому? Кому?

Вся толпа подхватила крик. Кто-то крутанул Брэка за плечо, кто-то толкнул в спину. Брэк понял, что падает, только когда увидел несущиеся навстречу ему черно-красные плиты пола. Он едва успел подставить руки, чтобы смягчить удар. Толпа сужала круг, завывая:

— Чей он? Чей он?

Лежа на полу, Брэк ощутил дикий ужас. Это ведь о нем кричали люди в зале, это он должен стать чьей-то жертвой, отдав свою кровь и жизнь одному из вампиров.

Изрыгая проклятия, варвар поднялся на ноги и бросился с кулаками на ближайшего куранца. Тот, уперев острие меча в горло варвара, заставил его отступить.

— Где это видано, чтобы дичь сбегала со стола? — прокричал противник северянина. В ответ послышались взрывы хохота. Брэк метнулся в другую сторону.

Со всех сторон его встречали мечи, хохочущие лица, обнаженные тела. Наконец Брэк понял, где он находится, — этот дымный зал служил апартаментами Кая и Кайи.

Варвар сжал кулаки, стараясь не дать панике овладеть собой. Все люди вокруг него были отмечены знаком демонов. Где же тогда жертвы, кровь которых сделала их щеки такими румяными и округлыми?

Постепенно за ревом обезумевшей в этой оргии толпы Брэк разобрал другие звуки. Поиском глазами, он увидел, откуда они доносились: через зал полдюжины куранцев волокли сопротивляющуюся, извивающуюся девушку-рабыню. Жадные руки сорвали с нее последние куски ткани, а в следующий миг кто-то из толпы уже впился зубами ей в руку. Толпа сомкнулась над несчастной, скрывая от взгляда Брэка страшное зрелище.

Теперь варвар понял, что за стоны доносились до него время от времени из разных концов зала. Кто-то в Сверкающем Городе назначал, кому быть жертвой, а кому — наслаждаться страшными ра-

достями жизни вампира. И Брэка сейчас окружали уверенные в своем превосходстве и почти в бессмертии вампиры.

— Так кому он предназначен?

— Чей он?

Эти вопросы, словно заклинания, толпа вновь задавала кому-то за спиной Брэка. Варвар развернулся, и в его глазах загорелся огонь ненависти. На помосте в центре зала восседали три его главных мучителя.

Кай сидел в роскошном резном кресле. Его сестра полулежала на низкой кушетке по соседству с братом, потягивая что-то из кубка. Жидкость, капли которой стекали по ее подбородку, была слишком красной для вина.

Заметив Брэка, Кайя села и окинула его оценивающим взглядом. Затем она передала кубок королеве Схар, сидевшей на троне по другую сторону кушетки. Королева, сияя от счастья, приняла кубок и отхлебнула из него.

— Господин! Госпожа! Кому достанется варвар? Кому он предназначен? — не унималась толпа.

— Он будет разделен между всеми, — покровительственно сообщил Кай. — Но нужно немного подождать.

Где-то в полутьме, в углу зала, слышались звуки борьбы, крики. Брэк не мог разглядеть, что там происходило, но, по правде говоря, он уже мало чем интересовался. Он чувствовал над собой движение крыльев Смерти. Оставалась надежда умереть в бою — унеся с собой нескольких куранцев, этих глупцов, предающихся сейчас извращенным утехам и не ведающих, что единственными, кто выживет в конце этой оргии, будут Кай и Кайя. Эх, добраться бы до них...

Но тут он вспомнил, как безрезультатно пронзал Кая кинжалом. Боль поражения ошеломила его.

Как убить бессмертного демона? Ответа на этот вопрос у Брэка не было.

— Дорогу! — раздался звучный голос королевы. — Пусть введут второго пленника из темницы.

Брэк собрался повернуться, но тут его взгляд остановился на чем-то странном, болтающемся на стене, словно тряпка, пригвожденная мечом. Неужели это... Да, высосанные досуха изнутри, пронзенные клинком, на стене висели останки Ибрахима, напоминающие пустую одежду, вывешенную на ветру для просушки.

Заметив полный ужаса взгляд Брэка, королева Схар повернулась, посмотрела на то, что осталось от ее мужа, и, безразлично пожав плечами, вновь отхлебнула из кубка.

Под ноги Брэку рухнул ворох тряпья, из которого торчала седая борода.

— Хадриос!

Задышавшись, старый караванщик попытался встать. Брэк бросился ему на помощь. Старик непонимающим взглядом обводил зал и толпу куранцев. Он явно был на грани безумия. «Быть может, так оно и лучше, — подумал Брэк. — Сойдя с ума, старик будет меньше мучиться».

В толпе снова раздался шум, засверкали рубины. Слышались проклятия и крики. Следующая жертва явно не по доброй воле шла в центр зала. Кто это был, Брэк пока что не видел. Тут ему в руку вцепился, словно испуганный ребенок, Хадриос.

— Боги прокляли меня, Брэк. Понимаешь, прокляли! Я знаю, я это точно знаю!

— Что толку плакать и сыпать проклятиями? — прошипел Брэк. — Нужно сберечь остатки сил, чтобы...

— Они забрали Илану! — взвыл Хадриос, показывая куда-то пальцем.

Проследив за его жестом, варвар увидел дочь караванщика в толпе.

Станный румянец покрывал ее щеки. Девушка глядела на отца и Брэка, не узнавая их.

Звуки борьбы отвлекли варвара. Поглядев в сторону, откуда доносился звон металла, ругань и удары, он остоленел: посреди кольца обнаженных мечей над толпой возвышалась бритая макушка.

Каменные Глаза!

Шея великана была сжата тяжелым чугунным кольцом, от которого тянулась длинная цепь. Заревев, гигант сильным движением вырвал второй конец цепи из рук одного из солдат. Другие конвоиры еще крепче сжали в руках мечи.

Кожаная одежда великана была разрезана в нескольких местах. Могучее тело покрывали свежие кровоточащие шрамы и следы от кнута. Было ясно, что солдатам, исполнявшим приказ доставить Камнеглазого в покои близнецов, пришлось изрядно поработать остриями мечей и копий, чтобы заставить его идти куда нужно. Вот и сейчас, стоило великану остановиться, как один из конвоиров огрел его плашмя мечом. Каменные Глаза взвыл. Солдат попытался отскочить назад, но великан схватил его, и, прежде чем кто-либо успел понять, что происходит, стальная цепь сомкнулась петлей на шее конвоира. Раздался хрип, глаза солдата закатились, и вот он, уже мертвый, рухнул на каменные плиты пола. Кровь хлынула из изувеченного горла. Толпа пришла в неистовство.

Не выдержав, куранцы, стоявшие ближе других к упавшему, набросились на кровь, как грифы на падаль. К счастью, их тела скрыли собой омерзительное зрелище. Лишь чавканье да довольное чмоканье доносились до Брэка.

Обливаясь кровью, Каменные Глаза пробился в центр круга и замер, возвышаясь над толпой. Его кулаки то сжимались, то разжимались. Почувствовав присутствие чужаков — Брэка и Хадриоса, — гигант мрачно произнес, ни к кому конкретно не обращаясь:

— Дурное предзнаменование — оказаться в одном загоне с пленными врагами...

— Мы — жертвы, гигант, — ответил ему Брэк. — Все трое — жертвы.

— Я — нет! — Каменные Глаза потрянул головой. — Король Ибрахим разберется и исправит ошибку своих слуг!

— Посмотри... если ты, конечно, видишь, — вон туда, — дотронувшись до руки великана, тихо сказал Брэк. — Видишь ту штуку, что болтается на стене, словно козлиная шкура? Это и есть он, твой Ибрахим.

Из груди свирепого великана вырвался почти детский стон. Толпа ответила ему истерическим хохотом.

Каменные Глаза запричитал:

— Нет, этого не может быть. Это сон. Нет, это не король, это не мой господин. Нет...

Зрелище было жалким, но что-то вдруг шевельнулось в уставшем мозгу Брэка. А нельзя ли обернуть себе на пользу горе этого верзилы? Не для того, чтобы бежать, — на это варвар даже не надеялся, — а хотя бы для того, чтобы уничтожить, стереть в порошок этот ад, воплотившийся на земле, в королевской башне Курана.

Забрезжившую надежду очень быстро погасило воспоминание о том, что этот гигант был безраздельно предан и верен не только своему королю, но и королеве.

В это время с помоста в центре зала донесся голос Кайи:

— Ну а сейчас, во имя Йог-Саггота, — начинается пиршество!

— Славься, Йог-Саггот! — воскликнул Кай, воздев руки к небу.

— Нет других богов! — крикнула Схар.

И толпа в едином порыве заорала:

— Славься, Йог-Саггот! Нет других богов!

Толпа стала сжимать кольцо вокруг пленников. Брэк почти не замечал этого, глядя в пылающие ненавистью и торжеством глаза близнецов. Он ближе всех подошел к разгадке их тайны, больше всех мешал им в осуществлении их страшных планов, и вот теперь — он в их руках!

Кай в восторге схватил сестру и заключил ее в объятия, а толпа продолжала скандировать:

— Нет других богов! Славься, Йог-Саггот!

Одна из женщин выскочила из толпы с масляной лампой в руках. Быстрое движение — и в пленников полетели брызги раскаленного масла. Брэк успел отдернуть Хадриоса, но несколько капель все же попали на лицо, руки и бороду старика. Закричав, караванщик стал хлопать ладонями по дымящейся бороде. Толпа громогласно захохотала, а женщина, разорвав платье от воротника, побежала вдоль круга, демонстрируя две треугольные отметины на своей груди.

Откуда-то сзади в пленников полетели горящие угли из курильницы. Брэк, сжав зубы и не издав ни звука, отпрыгнул в сторону. Толпа угрожающе наступала, сжимая кольцо вокруг них.

Один молодой куранец бросился в середину круга и острием меча рассек кожу на руке Камнеглазого еще в одном месте. Взыв, тот попытался схватить обидчика, но шустрый парень уже скрылся в толпе.

Каменные Глаза угрожающе шагнул вперед. Толпа попятилась. Воспользовавшись мгновением передышки, Брэк искал глазами Илану. Увидев ее, он вздрогнул. На лице девушки не отражалось ничего — ни страха, ни боли, ни беспокойства за судьбу отца. Видимо, чары демонического колдовства глубоко проникли в ее мозг и душу.

Второй боец, подскочив к Каменным Глазам со спины, полоснул великана мечом по ноге и тоже скрылся в толпе. Неожиданно Хадриос предупреждая схватил Брэка за плечо.

Варвар крутанулся на месте и, оценив ситуацию, упал на одно колено. Меч куранца, подкравшегося сзади, просвистел над его головой. Клинок вновь взмыл в воздух, но в этот момент удалой куранец встретился взглядом с варваром. Что-то в глазах Брэка подсказало любителю нападать сзади, что шутить с варваром опасно. Резко развернувшись, куранец отскочил в толпу.

— Чего вы боитесь? — орал Кай, подбадривая куранцев. — Это же добыча, еда!

— Еда! Еда! — безумно повторяла нараспев толпа, делая в едином порыве шаг к центру круга.

Брэк понял, что близится конец.

Решившись использовать последний шанс, он шагнул к Камнеглазому и дернул его за руку.

— Эй ты, слышишь? Это ведь твой король с королевой завели сюда нас обоих, — шепнул варвар.

вот и заставив его согнуться вдвое, он изуродовал ему лицо ударом о колено и завладел его мечом. Схватив оружие, Брэк почувствовал прилив сил. «Дайте мне только продержаться подольше, — мысленно молился он всем ведомым ему богам. — Только немного времени — и я разнесу, сравняю с землей это логово порока и греха!»

Со стороны, где действовал рубиногоглазый великан, продолжали доноситься стоны и испуганные крики. Неожиданно на Брэка набросилась с кинжалом перепачканная кровью женщина. Перехватив ее руку, варвар заставил женщину выпустить рукоятку и выронить оружие. Но, против его ожидания, женщина не остановилась, а вцепилась зубами в его запястье. Мощные руки Брэка отбросили ее прочь. Падая, женщина напоролась на мечи готовящихся к атаке соплеменников.

Варвар поскользнулся в кровавой луже и теперь отбивался, стоя на одном колене, то вспарывая кому-нибудь из нападавших живот, то нанося удар по руке или ноге. Сверкая рубинами в глазницах, куранцы давили его все сильнее...

Неожиданно в одном из углов зала от пролитого горящего масла вспыхнул висевший на стене ковер. Это была работа Камнеглазого. Перекинув цепь через плечо, он одной рукой продолжал орудовать мечом, а другой — размахивал выхваченным из стенной ниши факелом. Вот вспыхнул второй ковер, третий. Столбы пламени поднялись к самому потолку.

Брэк продолжал отбивать атаки. Вдруг до него донесся истошный вопль Кайи:

— Пусть великан уходит! Отпустите его! Нам нужен варвар!

Нанося и отбивая удары, Брэк, сам не зная как, вновь оказался рядом с Хадриосом. Тот в

суматохе сумел раздобыть саблю и теперь тоже вел бой, хотя было ясно, что долго старик не продержится.

Большинство те, кто испугался рассвирепевшего великана, — покинули зал бегом. Другие же — причем их было тоже немало — вернулись и окружили варвара. Еще двое пали под ударами меча Брэка. Остальные вновь образовали плотный круг. Кровь, стекавшая из раны на лбу, затуманивала взгляд варвара. Спина к спине с Хадриосом, они ждали последней атаки.

Толпа не двигалась. Брэк даже не почувствовал, как все его тело задрожало — сначала мелко-мелко, а затем все сильнее. Куранцы выжидали. Сколько Брэк ни пытался протереть глаза, все вокруг было словно покрыто алой пеленой. Еще несколько мгновений — и силы покинули его. Брэк упал. Меч со звоном выпал из разжавшейся руки. Слишком много ран получил варвар в этом бою. Не в силах подняться, он лежал ничком. Хадриос стоял рядом.

Кай и Кайя медленно спустились с помоста. Они улыбались.

Драгоценные камни на их одеждах отражали огни начинавшегося пожара, отбрасывая на стены и потолок тысячи и тысячи алых искр. Словно серебряные солнца на багровом небе, сверкали глаза близнецов. Четыре хищные руки протянулись к Брэку.

— Он наш! Наш! — прошипела Кайя.

— Он приносится в жертву Йог-Сагготу! — так же, хриплым шепотом, произнес Кай, сверкая окровавленными зубами.

Их разделяла дюжина шагов. Близнецы двигались очень медленно, словно во сне.

У Брэка не было оружия против них.

Словно в кровавом бреду, в кошмарном, безумном сне, двигались к нему Кай и Кайя, вытянув вперед руки.

Брэк вздрогнул от толчка и обернулся: Хадриос упал рядом с ним без чувств. Старик не выдержал страшного напряжения схватки. Лишь пальцы караванщика судорожно скребли ногтями по полу — даже без сознания он пытался убежать, отодвинуться от приближающихся к нему демонов. Моргнув, Брэк вдруг увидел рядом знакомые фигуры и лица.

Матушка Миль.

Сивикс.

Капитан Горзоф.

Брат Поль.

Он видел их ясно и четко, несмотря на застилавший все вокруг дым, несмотря на то, что эти силуэты были прозрачны, — вот сквозь Поля мелькнули языки пламени от нового вспыхнувшего ковра. От пламени и дыма казалось, что всадники, изображенные на стенах, пустились в последнюю скачку, спасаясь от пожара.

Весь зал был охвачен огнем. Почти все участники праздника давно выбежали из башни. Те же, кто остался на последнее пиршество, теперь явно с опаской поглядывали вокруг и нетерпеливо перешептывались, наблюдая за близнецами. В какой-то миг Брэку показалось, что в пелене дыма мелькнуло лицо Иланы — по-прежнему бесстрастное и невозмутимое, — но в следующее мгновение языки пламени скрыли ее.

Брэк знал, что призрачные образы убитых демонами людей существуют только в его воображе-

нии. Саданув себя окровавленным кулаком в глаз, он проморгался и увидел, что призраки исчезли. Неожиданно к его ногам метнулось со скрежещущим стоном черное облако.

Горящий зал, боль — все отодвинулось куда-то вдаль. Брэк видел лишь направлявшихся к нему демонов-близнецов и — за их спинами — огромные темные глаза, словно выгравированные на черной пустоте, и искривившийся рот, вместивший в эту гримасу всю ненависть и жестокость мира. Черный бог Йог-Саггот наблюдал за своими созданиями.

Он улыбался страшной улыбкой победителя.

Брэк взвыл и из последних сил попытался встать, чтобы встретить смерть как положено — на ногах, лицом к врагу. Его взгляд упал на собственные руки, висевшие вдоль тела, словно неподъемные стальные канаты. Могучие, показывавшие чудеса силы, эти руки были беспомощны в борьбе с демонами.

Видимо, близнецы смогли прочесть его мысли. Кайя засмеялась — словно ударили высокие, скрежещущие колокола. Затем она запела.

Брат присоединился к ней. Их голоса сплелись в зловещем победном гимне.

«Вперед! — приказывал мозг телу варвара. — Хватай их! Рви их голыми руками!»

Но Брэк знал, что это бесполезно.

Полдюжины шагов разделяли близнецов и Брэка. Изнывая от дьявольского вождения, Кайя манила варвара к себе пальцами, призывно облизывая губы... Пение проникало в самые дальние уголки его сознания. Неожиданно Брэк понял страшный смысл этих завываний: «Приди к нам, — твердили они, — сдайся. Смирись, отдай нам свою жизнь сам».

Пять шагов.

Нет, он не может так умереть! Как же он ненавидит их! Ненавидит за все то, что они сотворили, ненавидит ту силу, которую они представляют, ненавидит, ненавидит...

Убей их!

Невозможно.

Четыре шага.

Кай взял сестру за руку. Словно привидения, двигались они по колено в густом клубящемся дыму. Такой же дым Брэк видел вокруг них на переправе через реку. Дым поднимался все выше — и вот уже тела близнецов скрылись в нем по пояс.

С отчаянным криком Брэк ткнул кулаком в темное облако, но, попав в пустоту, потерял равновесие и споткнулся о застонавшего Хадриоса. Упав на четвереньки, Брэк почувствовал, как из-за складки львиной шкуры на пол упал какой-то маленький предмет, ударившийся о камень пола.

Словно молния, промелькнули в голове варвара слова монаха, сказанные после боя у реки. Близнецы уже подошли к Брэку вплотную. В дыму теперь виднелись только их лица. Наклонившись, Брэк схватил обеими руками протез Хадриоса и сорвал его с культи.

Старик изогнулся всем телом и взвыл от боли — за долгие годы протез прирос к телу, вжился в кожу.

«Дерево должно быть освящено» — так говорил монах. Брэк опустил деревяшку к полу и прикоснулся ею к священному кресту Нестора. В следующий миг он, вложив в это движение все оставшиеся в его теле силы, ткнул протезом в темное облако.

Дерево с трудом, преодолевая какое-то сопротивление, погрузилось в дым. Тотчас же из облака показались горящие ненавистью глаза и перекошенное от боли — да, от боли, — лицо Кая.

Несколько струй дыма выскользнули из его рта и носа, а через мгновение голова Кая полетела на пол, словно голова разбитой статуи или куклы.

Дым вокруг демонов бурно кипел. Брэк поднялся с колен на ноги и поднял свое деревянное оружие над головой. На лице и теле его плясали странные зеленовато-белые отблески. Окровавленный, израненный, Брэк выглядел полубогом, собирающимся свершить святую месть.

Послышался шум, похожий на раскаты грома. Сунув в облако руку, Брэк нащупал внутри что-то плотное и потянул извивающееся, сопротивляющееся тело к себе. На свет появилась голова Кайи, отчаянно вырывавшейся и бессильно клацавшей зубами. С криком «Демон!» Брэк ткнул деревянным колом ей в горло.

Брызнул зловонный зеленый гной. Кайя отлетела в сторону, ее волосы на глазах поседели и стали выпадать, щеки ввалились, из ее рта и носа повалил белый дым.

Страдание, мучение исказили ее лицо. Последний раз сверкнули и погасли глаза Кайи. Под громогласный победный хохот варвара голова и тело демона рассыпались на тысячи кусков.

Дым стал закручиваться в смерч. В мгновение ока от облака не осталось ничего, кроме хлопьев пепла, медленно оседающих на пол.

Брэк посмотрел на свое оружие. Дерево трескалось на глазах, гниль быстро поднималась от измазанного гноем конца деревяшки. Варвар поспешил бросить протез в огонь, и тот сразу вспыхнул.

Оглядевшись, Брэк увидел, что все наблюдатели давно покинули поле боя.

Над головой затрещала и осела прогоревшая балка, обдав Брэка и Хадриоса дождем искр. Не чувствуя боли от ожогов, Брэк поспешил перетащить старика прочь от опасного места.

— Они исчезли, слышишь, старик? — сказал он, наклонившись над Хадриосом.

— Исчезли? Исчезли... — повторял, словно замороженный, старый караванщик.

— Они уничтожены! — воскликнул варвар, уворачиваясь от очередного падающего куска горячей кровли.

Неожиданно придя в себя, Хадриос отчаянно закричал:

— Мы сгорим здесь, чужеземец! Сгорим заживо!

— Точно сгорим! Если не пошевелимся. Давай вставай, старик!

Подхватив Хадриоса, почти неся его на себе, Брэк стал пробираться к единственному еще не охваченному огнем выходу.

Сквозь дым и языки пламени он вдруг увидел лицо девушки. Словно лунатик, она стояла неподвижно, не замечая ничего вокруг.

— Илана!

Брэк, схватив ее за руку, из последних сил потащил девушку за собой. Та вяло сопротивлялась.

— Мой господин... моя госпожа...

— Нет больше твоих господ! Ты никому не будешь прислуживать! Хватит! Они мертвы и прокляты.

Перекинув Илану через плечо, варвар, поддерживая Хадриоса, продолжал пробираться к выходу.

Наконец они добрались до лестницы. За их спинами обрушилась кровля, заставив содрогнуться стены башни. Оказавшись на первом этаже, Брэк вытолкнул через узкое окно Илану, а затем вылез сам и вынес Хадриоса.

Половина башен города горела. В основном были охвачены пламенем верхние этажи, крыши и шпили. Звон колоколов смешивался с боем гонгов и отчаянными криками. Мимо беглецов проносились, не замечая их, куранцы, тащившие на себе то, что они успели забрать из своих пылающих домов.

Вскоре Брэк со своими спутниками оказался в плотном людском потоке, несущемся по направлению к границе города. Вот за их спинами рухнула королевская башня. От огненного дождя воспламенились крыши ближайших домов. Ветер пустыни, даже сдерживаемый стенами, был достаточно силен, чтобы мгновенно раздуть пламя.

Измученные беглецы не могли передвигаться так же быстро, как большая часть толпы. Брэку приходилось время от времени отвешивать оплеуху или пинок особо наседавшим куранцам. В толпе тут и там мелькали островерхие шлемы — куранские воины точно так же, как и их жены, не желали сгореть в огне страшного пожара.

Один из солдат, узнав беглецов и решив, что его додгом будет задержать их, попытался обратиться на это внимание соплеменников, но тотчас же был сбит с ног и растоптан.

Сотни, тысячи горожан спасали свои жизни бегством. Из окон верхних этажей доносились отчаянные вопли, на которые никто не обращал внимания. Брэк разобрал лишь обрывки фраз:

— Правда? Неужели король убит?

— Каменные Глаза поджег город...

- Королева Схар исчезла...
- Боги покарали нас!
- Это королевские гости навлекли на нас такое горе...

Брэк старался не смотреть в глаза Илане, опасаясь увидеть в них все то же холодное, неживое безразличие ко всему происходящему.

Толпа вынесла их за ворота и рассыпалась по пустыне. Брэк, Хадриос и Илана пошли куда глаза глядят. Сколько они прошли — Брэк не знал.

Скоро Хадриос взмолился о передышке. Брэк настоял на том, что нужно уйти дальше от города, от групп бежавших вместе с ними в пустыню куранцев. Хотя пока жители Сверкающего Города не обращали на беглецов внимания, слишком ошеломленные случившимся.

В конце концов, поднявшись на вершину очередной дюны, Брэк упал на четвереньки. Однако у него еще хватило сил втащить наверх своих друзей.

— Не могу больше... — хотел сказать он, но ни звука не вырвалось из его горла.

Повернув в последнем усилии голову, варвар увидел зарево над стенами Курана, услышал, как замолчал на рухнувшей башне последний колокол, и, уже теряя сознание, почувствовал на своем плече прохладные, но живые — живые — пальцы Иланы.

Судорожно вздохнув, он потерял сознание.

Ветер чуть стих, сквозь разрывы в тучах пробивались первые лучи рассвета... С огромным трудом Брэк, придя в себя, открыл глаза и поднял голову. Прямо перед ним сидел, подперев голову

руками, Хадриос — словно воплощенное страдание. За спиной караванщика, вдалеке, стеной поднимался над дюнами густой дым, не оставлявший сомнений, — Куран, Сверкающий Город, сгорел дотла.

Брэк чуть повернул голову. Шея невыносимо болела. Тут и там на вершинах дюн застыли в скорбном молчании группы куранцев, сердца которых разрывались при виде того, что стало с их родным городом. Последние зрители, последние свидетели зла, принесенного на землю парой пожирающих кровь демонов.

— Отец!

Словно издевкой прозвучал в этом ужасе ласковый, нежный голос. Брэк, преодолевая боль, повернул голову в другую сторону.

В глаза Иланы, полные страшных, невероятных по жестокости и омерзительности воспоминаний, было страшно смотреть. Но все же она была жива и более или менее невредима, если не считать множества ссадин, ожогов и порезов.

Девушка дернула Хадриоса за рукав:

— Отец, Брэк очнулся!

Караванщик окинул дочь безразличным взглядом.

— Ну и что нам с того?

Услышав эти слова, Брэк вдруг осознал, что, несмотря на все их раны, усталость и слабость, им предстоит еще долгое путешествие.

Самому ему стоило огромных усилий просто подтянуть под себя руки и перевернуться на спину. Наконец свежий воздух хлынул в его легкие.

Медленно, натужно работал мозг: «Нужен меч. Все оружие потеряно. Значит, нужно найти другое и идти...»

Куда? Зачем?

Вспомнив про Курдистан, Брэк заставил себя встать на ноги. Хадриос безучастно наблюдал за его действиями.

А где же священный крест брата Поля? Неужели он исчез, исполнив свое предназначение — доказав превосходство Безымянного бога над демонами — порождением Йог-Саггота? Этого Брэк не знал. Но сейчас, по правде говоря, его больше занимали другие, более практические вопросы. Например — как выжить в пустыне без еды и воды.

С трудом переставляя ноги, шатаясь под порывами урагана, варвар подошел к старому караванщику и его дочери.

Илана встала, сделала шаг ему навстречу и попыталась улыбнуться. Неожиданно для Брэка, да и для самой себя, она непроизвольно, извечным женским движением поправила волосы у виска.

Ничего не говоря, Брэк протянул руку и приподнял подбородок девушки. Осмотрев ее горло, он заметил треугольный знак демонов.

— Кто тебя отметил? Кай? Или его сестра?

— Нет, ни один из них меня не коснулся. — Губы Иланы дрожали, голос прерывался. — Это один из придворных, я, правда, не помню точно кто...

— Не помнишь или не хочешь вспомнить?

— И то и другое. Боги! Как мне страшно!

Всхлипывая, Илана бросилась в объятия варвара, крепко прижавшись к его могучему телу. Тот, сам себе удивляясь, доверчиво и ласково погладил девушку по голове. Ее слезы, капавшие ему на грудь, были горячими.

Брэк провел рукой по отметине на ее коже. Не так глубоко, как у других жертв. Как знать, быть

может, поцелуй соблазненного демонами человека не был столь же смертельно опасен, как их собственное прикосновение...

Илана поглядела Брэку в глаза и поняла его беспокойство:

— Брэк, я в своем уме... Я свободна от... от... их чар. Я ведь мало времени пробыла в их власти... Ты оказался в зале так вовремя... Я просто перестала воспринимать происходящее... и все... Вот, погляди!

Подняв руку, Илана показала Брэку запястье, покрытое множеством только что засохших порезов. После того как она ковырнула один из порезов ногтем, варвар увидел показавшуюся на коже алую каплю крови.

Успокоившись, Брэк кивнул Илане.

Он подумал, что теперь его собственные боли и раны ничего не значат. Теперь на нем вновь лежала ответственность за жизни слабых. На этот раз это были девушка и ее старый отец-инвалид, которые одни не смогут выбраться из пустыни. С одной стороны, ему изрядно надоели причуды и странности так называемых цивилизованных людей. Вот и теперь... Ну с чего, спрашивается, эта красавица Илана опять готова разрыдаться на его груди? И в то же время необъяснимая нежность наполняла суровую душу варвара.

Брэк оглядел горизонт. Куранцы скрылись из виду. Вдали догорал их город — зарево почти погасло, но дым еще стлался по земле. Что ждало варвара впереди? Курдистан? А будет ли финал путешествия таким прекрасным, каким он его себе вообразил? Брэк надеялся на это, не желая расставаться раньше времени с прекрасной мечтой.

— Старик?
— Что? — разжал губы Хадриос.
— Сколько, по твоему мнению, отсюда до Самеринда?

— Далеко.
— Скажи, сколько дней идти!

Резкий оклик Брэка вывел караванщика из состояния оцепенения.

— Ну, я бы сказал... дня три. Или четыре. За это время мы добрались бы до караванной дороги. Даже если нас не подберет какой-нибудь караван, еще день-два — и мы дома. Но... — Старик снова сник. — Мы не дойдем.

— Дойдем! — настойчиво произнес Брэк.

— Нет, нет, не нужно обманывать самих себя. Это слишком далеко. — Глаза Хадриоса опять устремились куда-то вдаль.

Одним рывком варвар поставил его на ноги.

— Мы дойдем!

Хадриос чуть не упал, но Брэк успел подставить ему свое плечо.

— Мы доберемся до караванной тропы, даже если мне придется тащить тебя за бороду. Мы побывали в аду — теперь пора возвращаться обратно. Дойдем.

Илана выглядела беспомощной и испуганной:

— Брэк, он ведь так слаб. Он же может умереть по дороге...

— А если мы останемся здесь — он умрет уж точно! Ну как тебе выбор?

Опустив глаза, девушка тихо сказала:

— Согласна. Идем.

— Вот и замечательно. И хватит терять здесь попусту время!

— Брэк.... — Илана дотронулась до его руки. — А что потом? После Самеринда?

Варвар вновь увидел, как красива эта девушка, даже после долгого пути и страшных испытаний, выпавших на ее долю. Усилием воли преодолев искушение, он все же ответил:

— Потом? Я отправлюсь туда, куда и шел.

— В Курдистан?

— Да, я бы сел здесь и спокойно умер, если бы не моя цель, которая не дает мне покоя.

Девушка молча отвернулась, чтобы скрыть слезы, выступившие на ее глазах.

Эпилог

Могучий варвар беспокойно поглядывал на небо. Ветер все крепчал. Как? Как добраться живыми до цели? Брэк старался думать о Курдистане — о золотых куполах и прохладных фонтанах, — чтобы занять себя, избавиться от постоянно преследующих его видений: каменный идол Йог-Саггота, клятва жреца Септигундуса, близнецы — пожиратели крови...

Да, опять он оказался на грани жизни и смерти. Другой человек на его месте уже давно не удержался бы и, оступившись, оказался бы в Стране Теней. Любой другой, но не он.

Сигналом к отправлению в дальний, тяжелый путь стал звериный рык Брэка.

Казалось, целая вечность ушла на то, чтобы спуститься по склону дюны и забраться на вершину следующей. Здесь Брэк остановился.

Прямо перед ними стояло с полдюжины куранцев — мужчин и женщин. Их одежда была перемазана сажей. На лице одного из воинов зияла кровавая рана — кто-то или что-то вырвало рубин из его глазницы.

Мужчина узнал варвара. Выругавшись, он сделал шаг вперед, а его рука метнулась к поясу. Но одна из женщин схватила его за плечо:

— Прекрати! Вспомни — это ведь он убил демонов.

Кулак куранца сомкнулся в воздухе, не найдя рукоятки клинка. Во время бегства из горящего города оружие было потеряно, и сейчас на ремне воина болтались лишь пустые ножны. Брэк, Илана и Хадриос медленно прошли мимо.

Оглянувшись, варвар увидел, что куранцы молча смотрят им вслед.

Фигуры варвара, девушки и старика медленно растаяли в тучах песка, поднятого мощными порывами урагана, Снимающего Скальпы. Во все стороны простиралась безмолвная пустыня Логол, и вскоре даже дым не напоминал о существовании Курана — Сверкающего Города.



Спрэг Де Камп ВАРВАР-ГЕРОЙ

Л. Спрэг де Камп является едва ли не самым эрудированным и интеллигентным среди американских фантастов, и думается — читателям Конан-клуба будет небезынтересно познакомиться с тем, что он думает по поводу выдвижения варвара на пустующий пьедестал Героя. На мой взгляд, его мысли отличаются от взглядов наших маститых критиков только тем, что де Камп не видит в таком выдвижении признака надвигающегося упадка Запада, но это вряд ли можно назвать его недостатком.

От переводчика

Нескончаемый поиск человека — это поиск героя, персонажа реального или вымышленного, с которым обыкновенный человек может отождествить себя. Воображая себя одерживающим победы героем, средний человек получает некоторое утешение, помогающее ему мириться с собственными провалами, страхами и недостатками.

В какой-то степени эту роль выполняют боги; но боги уж слишком могучие и далекие, чтобы сделаться правдоподобными аватарами обыкновенного человека. Тот, кто воображает себя богом, даже для развлечения, подступает опасно близко к паранойе. Большинство предпочитает представлять себя полубогом вроде Геракла, квазибожественным героем вроде Сигурда или Арагорна или даже простым смертным с необычным везением, вроде Синдбада, или Крузо, или Конана.

Таким образом, героепоклонник надеется насладиться, хотя бы только на миг, мощью и сверхкомпетентностью героя — иными словами, вообразить себя сверхчеловеком. Таких героев видели во многих живых людях, в том числе и в различных политических деятелях, таких как Джон Ф. Кеннеди, Че Гевара и Адольф Гитлер. Но вымышленные герои явно безопаснее.

Для писателя существует еще один литературный подход — сделать своего главного персонажа

антигероем, что было очень модно в 50-е и 60-е годы. Антигерой — жалкий маленький прохвост, у которого нет ни мозгов, ни характера, который умеет только страдать и по сравнению с которым читатель может, по крайней мере, ощутить свое превосходство. Однако многие читатели находят, что читать про таких некомпетентных и неэффективных персонажей скучно.

В XIX веке философ Фридрих Вильгельм Ницше (1844—1900) популяризировал слово «сверхчеловек» для героя с этими превосходными качествами. Идея была намного древнее самого Ницше, восходя к временам древним и первобытным.

Этот философ был странным человеком. Он писал: «Ты (Сверхчеловек. — В. Ф.) идешь к женщинам? Не забудь кнут!» Но сам был робким, застенчивым человеком, почти не имевшим интимных контактов с женщинами. Как и Г. Ф. Лавкрафт в более поздние годы, он бранил евреев за то, что те подарили миру христианство, которое он ненавидел; но где-нибудь в другом месте он описывал евреев как, без всякого сомнения, самую чистую расу из всего нынешнего населения Европы. Он хвалил «белокурую, а именно арийскую, расу завоевателей», но также заявлял: «Если вообще возможно в современной крошечке Европы поднимать вопросы о „расе“, то какие же сложности и какая же лживость должны их окружать!» *

Ницше надеялся, что сверхчеловек вот-вот появится, разобьет оковы иудео-христианской «морали рабов», наведет надлежащую дисциплину в народных массах и объединит Европу. Насчет то-

* Ф. Ницше. По ту сторону добра и зла (пер. Н. Полилова).

го, откуда возьмется эта правящая каста, он высказывался весьма туманно, за исключением предположения, что скрещивание немецких армейских офицеров с еврейками может породить сверхчеловека *.

В 1672 году Джон Драйден опубликовал стихотворную драму «Завоевание Гранады». В ее начале один из персонажей декламирует:

Свободен я, как первый созданный Природой человек,
Теперь настал законов низменных жестокий рабства век,
Когда в лесах дикарь не умирал свой благородный бег.

Выражение «благородный дикарь», создающее представление о первобытном человеке как о герое-сверхчеловеке, было отмечено в работах Жан-Жака Руссо (1712—1778), когда швейцарский философ расхваливал первобытную жизнь. Представление, что первобытные люди были лучше нынешних, восходит к древнегреческому мифу о «золотом веке» и иудео-христианскому мифу об Эдеме. Насколько я знаю, Руссо не употреблял выражения «благородный дикарь». Равным образом он никогда не знал и никаких дикарей, благородных или иных.

В 1755 году Руссо опубликовал «Рассуждение о начале и основании неравенства между людьми». И озаглавил вторую главу: «Природа создала человека счастливым и добрым, но Общество развращает его и делает несчастным». «Человек, — писал он, — по природе своей добр, но цивилизация и особенно институт частной собственности делают его злым». Семь лет спустя Руссо развил тот же довод, наряду с более кон-

* Эту идею Ницше явно использует в своем романе «Генетический генерал» из серии «Дорсай» Гордон Дикон. (Прим. пер.)

сервативными направлениями, в «Общественном договоре».

В те времена, когда Руссо писал свои труды, научной антропологии еще не существовало. Философы строили предположения о «естественном состоянии», предшествующем цивилизации, путем аналогий с Книгой Бытия и обычаями существующих и поныне первобытных народов. Европейские мореплаватели открывали тогда острова южных морей и присылали домой идиллические, но приукрашенные фантазией и нереалистические описания жизни полинезийцев. Эти описания были восприняты как изображение настоящих «благородных дикарей». Литераторы делали сверхлюдей из индейцев и других варваров.

В 1791 году один из этих писателей, Франсуа Рене де Шатобриан, приехал юношей в Америку, дабы увидеть благородного дикаря в естественных условиях. В долине Мохавков штата Нью-Йорк он был очарован первозданной жизнью в лесу до тех пор, пока не услышал доносившуюся из одной лачуги музыку. Внутри он обнаружил два десятка ирокезов, торжественно танцующих модный французский танец под аккомпанемент скрипки в руках низкорослого француза в напудренном парике. Этот месье Виоле прибыл в Америку с армией Рошамбо, остался после его отъезда и стал обучать танцам индейцев. Он всю расхваливал танцевальные способности «Messieurs les Sauvages et Mesdames les Sauvagesse»*.

Разочарование Шатобриана не помешало ему позже написать роман об индейцах «Атала», который стал классикой романической первобытности.

* Месье дикарей и медам дикарок (фр.).

Руссо же вовсе не был полным глупцом, каким его могут выставить избранные цитаты из его работ. Подобно многим людям, он с возрастом стал более консервативным, когда опыт общения с людьми подточил его юношеский идеализм. Однако непоследовательность беспокоила его не больше, чем Ницше. Он написал революционный трактат о том, как воспитывать детей, но отдал собственных четверых детей в приют. Хотя его умственные способности никак нельзя преуменьшать, они обычно подавлялись его сильной эмоциональностью.

Руссо объяснил, что его «естественное состояние... наверно, никогда не существовало и, вероятно, никогда не будет существовать»; оно было идеалом, к которому стоило стремиться. Он, по его же словам, вовсе не имел в виду гипотетическое состояние звериной дикости, когда преобладала «война всех против всех и, как сказал Гоббс, „жизнь человеческая [была] одинокой, бедной, скверной, жестокой и короткой“».

А представлял себе Руссо «патриархальную» культуру так: народ разбит на кланы и наслаждается плодами земледелия, но еще не возникла частная собственность. Есть указания на то, что такого времени никогда не существовало. Семьи и мелкие группы объединившихся людей, как единицы общества, вероятно, восходят к нашим австралопитекским предкам. Даже у самых первобытных из ныне живущих народов есть какие-то представления о собственности, хотя бы только в виде прав охотиться и ловить рыбу в определенных местах. Но Руссо не обладал знаниями Дарвина, Менделя, Фрейда, Льюиса Г. Органа и их наследников.

Поиск несуществующего «естественного состояния», когда все люди были мирными, счастливы-

ми и добрыми, продолжался всю «эпоху романтизма» и господствовал примерно в 1790—1840-е годы. Движение это продолжалось и после. Его влияние заметно в некоторых из утопических колоний, образованных в XIX веке в Соединенных Штатах Америки.

Романтическая иллюзия о первобытном «золотом веке» процветания существовала фактически вплоть до нашего времени. Джек Лондон, который сильно повлиял на Роберта Говарда и который, не заботясь о сочетаемости, смешивал марксизм, расизм и романтизм, был переполнен ею до краев. И эта иллюзия еще не умерла, о чем свидетельствуют движения коммун так называемой контркультуры 60-х годов (единицы таких культов и колоний оказались жизнеспособными — это общины типа хаттеритов, которые, набрав себе людей из немецкого крестьянства, сочетали сильные религиозные убеждения, пуританский образ жизни и страсть к тяжелому труду. Будущие основатели современных коммун могут взять это на заметку). В 1890-х в массах возникло стремление назад — к природе. Оно проявилось в романе Редьярда Киплинга «Книга Джунглей» (изд. 1894—1895), который представлял один из самых чистых образцов такого романтизма (до появления Тарзана). Маугли, с детства воспитанному в Индии волками, «...было лет семнадцать. На вид он казался старше, потому что от постоянного движения, самой лучшей еды и привычки купаться, как только ему становилось жарко или душно, он стал не по годам сильным и рослым. Когда ему надо было осмотреть лесные дороги, он мог полчаса висеть, держась одной рукой за ветку. Он мог остановить на бегу молодого оленя и повалить его на бок, ухватив за рога... Народ Джунглей, рань-

ше боявшийся Маугли из-за его смекалки, теперь стал бояться его силы, и когда Маугли шел по своим делам, шепот о его приближении расчищал перед ним лесные тропинки»*. Киплингские персонажи — животные — отпускают ехидные замечания о «цивилизованных» людях: «Люди — это всего лишь люди, Маленький Брат, и их болтовня все равно что болтовня лягушек в пруду». «Людям всегда требуется строить западни для людей, иначе они места себе не находят. Люди — кровные братья бандерлогов [обезьян]. Кто такой Человек, чтобы мы боялись его, — голый коричневый землерой, безволосый и беззубый, пожиратель грязи?» (Под «Человеком» Киплинг подразумевал индийцев, которых он не любил. Он больше уважал своих имперских собратьев — британцев.) Через семнадцать лет после первой «Книги Джунглей» Эдгар Райс Берроуз написал «Тарзана, приемыша обезьян» — роман слишком хорошо известен, чтобы цитировать его на этих страницах. Берроуз говорил, что его вдохновили вовсе не рассказы Киплинга, которого он никогда не читал, и утверждал, что идею ему подала легенда о Ромуле и Реме. Но, впрочем, Берроуз никогда не признавал и того, что извлек свои идеи Барсума из теософской Атлантиды и Лемурии мадам Блаватской, хотя сходство кажется слишком близким для простого совпадения. Роберт Говард находился под влиянием романтической иллюзии от Берроуза, Лондона и Киплинга, так же как и от других. Естественным результатом стала идеализация им первобытной жизни. Подобно другим авторам героического фэнтези, он восхвалял варваров и основывал свои рассказы на этих исход-

* Р. Киплинг. Книга Джунглей.

ных послылках. Например, он сказал о Конане: «Теперь варварское начало в короле стало более явственным, словно при приближении опасности с него спали внешние признаки цивилизации, обнажив первозданное ядро. Конан возвращался к своему изначальному типу. Он вел себя не так, как повел бы себя при тех же условиях цивилизованный человек, и мысли его текли не по тем же каналам. Он был непредсказуем» *. Другие тоже подчеркивали нестандартность варвара, его непредсказуемость и свободу от цивилизованных табу и ингибиций. Однако, судя по всему, что я смог узнать, варвары в целом более привержены условностям, предсказуемы и ингибированы, чем цивилизованные люди. Они могут и не соблюдать табу цивилизации, но у них в избытке хватает своих. Причина этого заключается в том, что среди варваров, для того чтобы они могли ладить друг с другом, сила обычая должна быть больше, чем в цивилизованном обществе. У них ведь нет нашей сложной системы уголовного и процессуального кодексов, полиции и судов, чтобы приструнить нарушителей порядка. А то, что у варваров отсутствует по части табу, охватывающих один из аспектов жизни, как, скажем, секс у полинезийцев или насилие у команчей, — это более чем компенсируется жесткими правилами относительно других норм поведения. Этикет, как, к примеру, у арабов-бедуинов, может быть очень сложным. В долгой, объемистой, иногда язвительной переписке Говарда с Г. Ф. Лавкрафтом Говард часто писал, что хотел бы родиться в одном из пограничных городов Дикого Запада. Но если б он когда-нибудь действительно оказался в такой среде, я

* Р. Говард. Конан-завоеватель.

подозреваю, что поскольку он очень любил читать, то отсутствие любого чтения вскоре погнало бы его, растерявшего иллюзии, обратно к «цивилизации». Маленькие городки Техаса, может, и не были пределом изощренной урбанизации, но они еще дальше отстояли от истинно первобытной среды, такой, как существовала в безграмотном индейском племени. Говард признавал, что в своем нынешнем воплощении он не был создан для такой жизни; но, по его мнению, из него вышел бы хороший варвар или житель границы, если б он мог родиться и вырасти в такой обстановке. Лавкрафт тогда обвинил Говарда в романтизме, сентиментальности, наивности и в том, что он «враг человечества». Говард огрызнулся в ответ, что идеализация Лавкрафтом XVIII века ничуть не менее романтична и наивна. Так оно и было. Ибо в своем пылком увлечении сельской жизнью XVIII века Лавкрафт лелеял собственную версию романтической иллюзии. Он любил говорить про себя, что по натуре он «совершеннейший провинциальный сквайр» *. Что ж, не он первый думал, что у него инстинкты собственника без собственности. Если б Лавкрафту когда-нибудь довелось поработать на ферме подсобным рабочим, он, возможно, испытывал бы меньшую ностальгию по сельской жизни. Как сказали Дюраны, «торговцы словами склонны идеализировать сельскую жизнь, если они избавлены от ее забот, скуки, насекомых и тяжелого труда» **. Более того, в юности Лавкрафт и сам был не меньшим варварофилом, писавшим: «Единственная здоровая сила в мире — это сила волосатой мускулистой правой руки!» и

* Г. Ф. Лавкрафт — Ф. Б. Лонгу, 1 сентября 1929 г.

** Уилл и Ариэль Дюраны. Век Вольтера.

«Я от природы человек нордический — белый как мел, массивный тевтонский убийца из скандинавских или северогерманских лесов. Викинг берсерк — убийца, хищный грабитель крови Хенгиста и Хорсы — победитель кельтов и смешанного сброда, и основатель империй... пьющий кровь врагов...» * Едва ли нужно добавлять, что Лавкрафт внешне ничуть не походил на крепыша-грабителя викинга. Он был настолько чувствительным, что не мог вытащить мышь из мышеловки, а выкидывал ее вместе с мышеловкой. Поиск сверхчеловека в прошлом в конечном итоге прекратился благодаря прогрессу в области антропологии и археологии. Обнаружилось, что современные дикари и варвары, когда узнаешь их чуть получше, мало чем отличались от других людей с обычным набором достоинств и недостатков и обычными индивидуальными вариантами. Сегодняшние цивилизованные люди, как стало известно, были потомками подобных первобытных людей, проживавших в таком состоянии сотни тысяч лет. А «золотого века» нет и никогда не бывало ни в современной Полинезии, ни в доисторической Европе. Каковы же тогда настоящие варвары? Получаются ли из них хорошие герои современного фэнтези? Опыт любого полевого антрополога намного превосходит мое знакомство с такими людьми, но все же я в своих путешествиях пообщался с живыми варварами. Некогда слово «барбарос» означало «не грекоязычный». Потом этот термин стал обозначать любого чужака — лицо, не входящее в определенную культурную группу. И поскольку большинство людей считает собственную

* Г. Ф. Лавкрафт — Дж. Ф. Морону, 10 февраля 1923 г.; Ф. Б. Лонгу, 13 мая 1923 г.

культуру самой лучшей, то слово это стало означать (согласно словарю Вебстера): «человек в грубом, некультурном состоянии». А еще позже американский антрополог XIX века Льюис Генри Морган так растолковал его: «состояние между дикостью и цивилизацией». Время сурово обошлось с моргановской схемой человеческой культурной эволюции, но в его классификации по-прежнему содержится зерно истины. Самые первобытные народы живут и ныне так, как раньше жили все люди — за десять тысячелетий до нашей эры, — охотой, рыбной ловлей и собирательством. Мы можем назвать это «дикарской» или (если мне позволят неологизм) «тератической» стадией культуры. Затем, с открытием того, как выращивать съедобные растения и животных, произошла неолитическая революция («георгическая» стадия). Около шестого-четвертого тысячелетий до нашей эры деревни выросли в города, люди научились обрабатывать металлы и изобрели письменность и арифметику. Когда у людей появились письменность, арифметика, металлы и города, они стали цивилизованными по определению; не обязательно более честными, вежливыми и добрыми, чем нецивилизованные люди, но обладавшими могуществом, которое письменность, металлы и города давали тем, кто владел ими. Мы можем назвать эту стадию «астической». Георгическая стадия, между тератической и астической, соответствует «варварской» по классификации Моргана. Находящихся в этой стадии людей можно законно назвать «варварами». Это тоже не подразумевает, что они как личности лучше или хуже людей, находящихся в любой другой стадии культуры. Примерами варваров, в техническом смысле, являются галлы, германцы, бритты классической

эпохи, до того как их завоевали римляне; центральноазиатские кочевники (гунны, тюрки и монголы), изрядно досаждавшие цивилизованному миру с 400 по 1400 год нашей эры; а в более недавние времена ими являлись большинство жителей тихоокеанских островов, американские индейцы и африканские негры. Когда варвары попадают под влияние цивилизации, такая классификация теряет свое значение. Хотя бы потому, что варвары быстро утрачивают собственную культуру. Племя может успешно ткать собственные ткани, лепить собственные горшки и ковать собственные мотыги и наконечники копий. А затем открывает свою лавочку цивилизованный торговец. Он может так резко сбить цену на туземную продукцию сошедшими с конвейера товарами — английским и японским текстилем, алюминиевыми кастрюлями и сковородками, винтовками и дробовиками, — что туземное искусство выделять что-либо вскоре забывается. Из самообеспечивающейся, самодостаточной, самоуважающей, хорошо организованной мини-нации племя становится толпой неграмотных, неквалифицированных рабочих.

Но позвольте мне рассказать о некоторых варварах, которых я знал. Я б не назвал ни одного из них близким другом; но знал я их достаточно хорошо, чтобы получить представление о том, что они за люди. Ни один из них не был варваром в самом строгом смысле слова, поскольку все они подверглись влиянию цивилизации. Однако, чтобы найти сейчас «неиспорченного» варвара, надо ехать в Новую Гвинею или в какое-то столь же отдаленное место. Первым был Джо, ирокез, с которым я в юности работал в топографической группе. Я был помощником землемера, а он —

одним из лесорубов. Джо был человеком среднего возраста, толстым и веселым, с грубоватым чувством юмора. Он потешал всю группу своими анекдотами. И говорил так: «Не, я не умею читать и писать, но могу сделать побольше тех, что умеют!» Он хвалился числом своих детей. Как только его работа будет завершена, говорил он, то поспешит домой сделать еще одного: «Машина у меня вполне готова». Следующим был Джума, мганда, возивший меня на машине по Кампале, столице Уганды, в 1960 году. Джума был человеком лет так пятидесяти, довольно худым, и хорошим малым: сердечным, внимательным и умным. Набожный мусульманин, он однажды попросил меня определить по карманному компасу, в какой стороне Мекка, чтоб он мог правильно нацеливать свои полуденные молитвы. Среди показанных мне Джумой достопримечательностей была и гробница-дворец — большая, крытая листьями, с выкрашенными в красный цвет деревянными частями — Мтезы, царствовавшего в кровавом великолепии век назад, когда сюда заявили Спик и Грант. Мать Джумы была наследственной хранительницей этого святилища. Хоть Джума и был мусульманином, он, как положено, молился духу Мтезы. Он также показал мне озеро, где Мтеза скармливал крокодилам досадивших ему людей. Мтеза несомненно гордился бы тем, как управляет Угандой ее нынешний президент Иди Амин *.

Джума рассказал мне, что у него была жена, от которой у него имелось несколько детей. Жена умерла. Будучи достаточно пожилым, чтобы требования плоти больше не донимали его со страшной силой, Джума предпочел бы больше не же-

* Написано в 1973 г. (Прим. пер.)

ниться, но его мать думала иначе. Она оказывала на него давление, побуждая к женитьбе, и подклочила к этому его кузена и его лучшего друга. В ориентированной на семью Африке пренебречь желаниями своих родных не так-то легко.

Наконец Джума уступил. Он сказал матери, что если она найдет ему хорошую девушку, то он на ней женится. Она нашла, и он женился. И теперь ему приходилось растить новых детей. Он серьезно спросил меня:

— Миста де Камп, как по-вашему, я плавно поступил?

Учитывая, что вопрос этот исходил от человека, отделенного всего одним поколением от настоящего варварства, он был чертовски сложным. Спасла меня начитанность. Я вспомнил, что ответил один древний римлянин, когда друзья спросили его, почему он развелся с привлекательной женой. И сказал:

— Видишь этот ботинок, Джума? С виду он хороший, не правда ли? Но только я, носящий его, могу сказать тебе, удобен ли он или жмет. И только ты, живущий с этой женщиной, можешь сказать, правильно ли ты поступил.

Он подумал и сказал:

— Ну, неплотностей мне от нее нет. Полагаю, я поступил плавно.

Третьим моим варваром был Теджани, суданец. Это был молодой хартумец. Он вез меня из Хартума вниз по Нилу к развалинам древней Мароэ. Теджани был человеком лет двадцати с небольшим, хорошо сложенным и склонным поболтать, хотя мое ограниченное владение арабским сдерживало эту тягу...

Увидев у обочины дороги мертвых верблюдов, живописно терзаемых стервятниками, я подумал,

что мне нужно добавить к куче баракла у меня в кабинете и хорошо выгоревший череп суданского верблюда. Я попытался объяснить это Теджани, но, не зная, как будет по-арабски «череп», сказал, что мне нужна голова верблюда.

— О, — отозвался он, — это просто. Мы сделаем остановку в Шенди, где я смогу купить верблюда, отрубить ему голову и забрать ее с собой.

Моя жена обрадовалась, что я не воспользовался его предложением.

Из-за того, что заглож стартер, нам пришлось снова заводить джип, толкая его по рыхлому песку, мы прибыли в Мероэ в два часа, в жуткую жару. Теджани забеспокоился, стал требовать денег. В странах, лежащих на границе пустыни, распространено вымогательство. Основывается оно на теории, что турист испугается застрять в пустыне и живо раскошелится.

Навидавшись уже всего за этот день, я лишь сказал:

— Ба'даин [Позже].

Теджани утих. Через два часа после заката мы по-прежнему находились далеко от Хартума. Теджани свернул, объезжая стадо ослов, и заблудился на поле с высокой травой. Наконец он выехал к колее и, усталый и запутавшийся, начал поворачивать машину не в ту сторону, обратно к Мероэ. Я сказал по-арабски:

— Дорога налево.

Он правильно повернул и нашел дорогу. Но когда он начал тормозить на участке с глубоким песком, я добавил:

— Би сур'э! [Быстрее].

Тут уж Теджани вышел из себя и разразился потоком арабской брани, размахивая рукой у меня

перед лицом. Хотя говорил он слишком быстро, чтоб я уразумел, по нескольким словам, что мне удалось разобрать, я понял так, что он советует мне заниматься своим делом: он — шофер, тогда как я знаю о дорогах не больше слепого, так что после отношения между нами были прохладными.

Вот они, эти варвары: веселый, чувственный лесоруб, сердечный, внимательный, патриархальный моралист и способный, но алчный, горячий нравом и довольно неприятный юнец. У всех них, как и у прочих людей, имелись хорошие и плохие черты, но ни один ни в малейшей мере не походил на Конана.

Если же вам нужны настоящие авантюристы, не придерживающиеся условностей, неингибированные, разносторонние и адаптабельные люди, скитающиеся по земле и впутывающиеся в опасные эскапады, авантюры и запутанные ситуации, — вот кто вам нужен, и у вас будет больше шансов, если вы поищите таких среди цивилизованных людей. Те, кто ведет действительно конановскую жизнь, — это люди вроде Эвдокса из Кизика (которого я сделал героем своего исторического романа), Ибн-Батуты, Марко Поло, Мигеля де Сервантеса, Эрнана Кортеса. Самюэля де Шамплена, сэра Фрэнсиса Дрейка... Цивилизованные люди все как один, а некоторые еще и известные литераторы. Даже наиболее конановский персонаж в истории — норвежский король Харальд Сигурдсон (иначе известный как Харальд Хардрад или «Харальд Суровый»), великан семи футов, чьи реальные приключения кажутся более вымышленными, чем приключения всех остальных, — был более-менее цивилизованным. Независимо от того, умел он сам читать и писать или нет, в его окружении были люди, умевшие это делать.

Бывают, однако, недолгие времена, когда некоторые варвары отбрасывают свои племенные ингибиции и ведут себя более по-конановски. Это происходит, когда варварское общество живет рядом с цивилизацией, когда та цивилизация ослаблена войной или другими беспорядками, когда давление перенаселения и плохой погоды побуждает варваров поискать счастья где-то в других местах и когда военная техника этих варваров, обычно в результате контакта с цивилизацией, стала не менее эффективной, чем у их врагов. Вот тогда варвары опрокидывают цивилизацию и утверждаются на ее развалинах как новый правящий класс.

Это случилось при завоевании Западной Римской империи в V веке тевтонами из Германии и Швеции, аланами из России и гуннами из Монголии. Западная Европа пережила такой резкий упадок культуры, что это время называли «темными веками». То же самое происходило около XIX века до нашей эры, древние эллины одолели Минойскую цивилизацию, сильно покалеченную извержением Феры; а арийцы завоевали Иран и северную Индию; гунны завоевали большую часть разделенного Китая в IV веке нашей эры и Индии в V веке; тюрки в XI веке захватили большую часть халифата, а монголы в XIII веке покорили Россию, Иран и Китай. Положение Центральной Азии сделало ее плодородным источником таких нашествий.

К тому времени, когда негры, индейцы и полинезийцы столкнулись с цивилизацией, европейцы уже настолько превосходили их в численности, организованности и вооружении, что эти варвары, хотя они ничуть не уступали другим в храбрости и воинственности, вообще не имели никаких шан-

сов на успех. В 1870-е годы варвары, при большом численном превосходстве над военными силами цивилизованных стран и продолжая нападать, несмотря на тяжелые потери, еще могли иногда победить, как победили сиу и шайенны при Литл-Биг-Хорне и зулусы при Изандлване. К концу века даже это стало практически невозможно. «Максимы» и многозарядные винтовки генерала Китченера просто косили атакующих суданцев при Омдурмане, пока цивилизованные солдаты не уничтожили всех варваров.

Из этих «злополучных жалких крушений» цивилизаций мы лучше всего знаем падение Западной Римской империи. Некоторые эпические произведения прославляют вождей варваров, вроде Теодориха Вестготского («Дитриха Бернского»); а некоторые — вождей бывших римских подданных, вроде Артура. Иногда, как в случае с Сигурдом (или Сивритом, или Зигфридом) и Кухулином, бывает трудно сказать, основан данный герой на реальном человеке или на чистом мифе.

Настоящие герои-варвары отличаются от эпических. Вымышленные герои романтизированы почти до неузнаваемости. Они принимают неправдоподобно благородные позы, отправляются в долгие странствия и разговаривают со сверхъестественными существами, чего не делал ни один из их реальных прототипов. Однако, как у реальных вождей-варваров, так и у вымышленных героев — ранний и трагический конец. Беллерофонта сбрасывает в полете Пегас, Зигфрида закалывают ударом в спину, Артура убивает незаконнорожденный сын. Большинство их прототипов погибло схожим образом, обычно от рук авантюристов.

Одоакр смог, подобно Конану, возвыситься до положения генерала в империи. Он даже мог, по-

добно Конану, скинуть своего нанимателя (регента Ореста, отца малолетнего императора Ромула Августула) и захватить трон. Но Теодорих Вестготский вскоре осадил Одоакра, вынудил его сдаться, обещав пощаду, но хладнокровно убил его. Самый удачливый варвар-завоеватель, вождь франков Хлодвиг, вообще так и не вошел в эпос. Наверное, сама его удачливость сделала его плохим эпическим материалом, или же барды находили его слишком уж мрачно-эффектным, чтобы счесть привлекательным.

Схожее литературное использование варваров как героев можно смутно различить и в литературных памятниках других цивилизаций. В «Ригведе» и других индийских эпических произведениях упоминаются герои арийских завоеваний. «Илиада», возможно, отражает беспорядки, сопровождавшие крушение Минойской цивилизации. Поэт VIII века до нашей эры Гесиод рассказал о том, как боги вначале создали людей из золота, потом людей из серебра, а потом людей из меди, которые были типичными варварами-завоевателями:

Третью родителем Кронид поколение людей говорящих
Медное создал, ни в чем с поколением не схожее
прежним.

С копьями. Были те люди могучи и страшны. Любили
Грозное дело Арея, насильщину. Хлеба не ели,
Крепче железа был дух их могучий. Никто приближаться
К ним не решался: великою силой они обладали
И необорные руки росли на плечах многомогущих.
Были из меди доспехи у них, из меди жилища,
Медью работы свершали: никто о железе не ведал.
Сила ужасная собственных рук принесла им погибель,
Все низошли безымянно; и как ни страшны они были,
Черная смерть их взяла и лишила сияния солнца*.

* Гесиод. Труды и дни, 11, 143—154 (пер. В. Вересаева).

Мы знаем из истории, что завоевателям совсем не обязательно быть варварами, чтобы совершать жестокости по отношению к завоеванным. Цивилизованные люди, когда им вздумается заняться этим, могут быть ничуть не менее свирепыми.

Роберт Говард хотел родиться на границе и думал об этакоей анархической атмосфере переселенцев. Его ошибка заключалась во мнении, что такое окружение — типичное варварство. Но такое возможно лишь во время завоеваний и переселений, когда варвары уничтожают другие общества или сами уничтожаются.

Завоевание варварами цивилизованной страны, с последующим крахом цивилизации той страны, открывает отличные возможности для создания эпоса. Трагедия создает великолепный материал для героических баллад, а герои эпоса снабжают последующих литераторов образцами для персонажей вроде Энея, Ланселота и Конана.

Откуда же берется нестареющая привлекательность таких персонажей? Отличительной чертой варвара-завоевателя из народа совершенно иной культуры является полная раскованность. Он вырвался из круговорота трудной, скучной, однообразной варварской жизни. Он покинул свою обычную среду с ее запретами и этикетом, но не принял и нравов покоренных, которых презирает потому, что он их победил. И вследствие этого он считает, что ему теперь все сойдет с рук, и не видит ни малейших причин не потакать любым своим прихотям и страстям. Он ведет себя, как самоуверенный подросток, освободившийся от контроля со стороны родителей, но еще не вписавшийся в рамки взрослой цивилизованной жизни.

В результате получается катастрофическое падение культуры и уровня жизни у цивилизован-

ных подданных завоевателя-авантюриста, поскольку он больше интересуется конфискацией имущества, кровной враждой и удовлетворением своих appetitов, чем поддержанием в порядке дорог, портов и акведуков. Он счастлив, просяживая капитал, который веками копили другие, и представляет будущему заботиться о себе самом. Порождаемый этим хаос может, наверное, доставить удовольствие лишь человеку с психологией типичного гангстера...

Отсюда и сходство многих героев древнего эпоса и современной литературы «меча и магии» с великовозрастными несовершеннолетними правонарушителями. В реальном мире такое раскрепощенное поведение не принесет ничего хорошего. Всегда найдутся поблизости другие конкистадоры, готовые сыграть роль Теодориха, разделавшегося с Одоакром. Поэтому продолжительность жизни у таких варваров короткая, как у нынешних несовершеннолетних гангстеров. Английский историк Чедвик писал: «Качества, демонстрируемые этими обществами, как достоинства, так и недостатки, имеют явно выраженные подростковые черты. Характерная их черта... это освобождение — общественное, политическое и религиозное — от уз племенного права... В поисках настоящей аналогии мы должны обратиться к случаю с юнцом, который вырвался из-под контроля своих родителей...» *

И все же, как писал Анри Бергсон, «человек создан для очень небольших обществ. Общеизвестно, что первобытные общества такими и были, но надо добавить, что человеческая душа продолжает существовать, скрытая под привычка-

* Г. М. Чедвик. Героический век.

ми, без которых нельзя было создать цивилизацию...» *

Будучи самым адаптабельным видом в мире, человечество приспосабливается к цивилизованной жизни, сильно отличающейся от той, которую оно вело пару миллионов лет тому назад. Но эта адаптация требовала усилий и нервного напряжения. У людей всегда была (и есть) подспудная склонность вернуться к более примитивному образу жизни, как кусок силиконовой массы, который, как ни искажай его первоначальную форму, начинает медленно принимать ее вновь, как только убирают давление.

Поэтому неудивительно, что множество людей наслаждается, пусть только косвенно, неингибированной жизнью завоевателя, особенно варвар-завоевателя, типа Сигурда. И следовательно, Конан и его вымышленные коллеги сохраняют популярность в грядущие времена.

Перевод В. Федорова

* А. Бергсон. Два источника морали и религии. Цит. по Тойнби.

СОДЕРЖАНИЕ

ЗНАК ДЕМОНА

Руна 1

ВЕЛИКИЙ ИДОЛ

Перевод А. Митрофанова

5

Руна 2

ЧЕЛОВЕК В ПЛАМЕНИ

Перевод А. Митрофанова

67

Руна 3

В ГОСТЯХ У КОЛДУНА

Перевод А. Митрофанова

95

Руна 4

ПРИЗРАКИ В КАМНЕ

Перевод А. Митрофанова

123

Руна 5

КОЧЕГ ДУШ

Перевод А. Митрофанова

149

Руна 6

ЗНАК ДЕМОНА

Перевод В. Правосудова

215

ВЕСТНИК КОНАН-КЛУБА

Леон Спрэг де Камп

ВАРВАР-ГЕРОЙ

Перевод В. Федорова

423

*Литературно-художественное
издание*

Джон Джейкс
ЗНАК ДЕМОНА

Перевод с английского

Ответственный редактор
Александр Тишанин

Художественный редактор
Илья Кучма

Технический редактор
Татьяна Раткевич

Корректоры
Нина Богачева
Мargarita Ахметова
Людмила Борисова

Верстка
Антон Вальский

ЛР № 071177 от 05.06.95.

Подписано в печать с оригинал-макета 16.09.96.

Формат 84×108¹/₃₂. Печать высокая. Гарнитура «Петербург».

Тираж 20 000 экз. Усл. печ. л. 23,5.

Изд. № 126. Заказ № 70.

Издательство «Азбука».
196105, Санкт-Петербург, а/я 192.

Отпечатано с оригинал-макета в ГПП «Печатный Двор»
Комитета РФ по печати.

197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.



Джон Джейкс — известный американский писатель —
уводит читателей в суровый мир, заселенный
загадочными племенами и народами. Темный бог

Пог-Саггот распростер свою черную длань
над «цивилизованными» странами. Ему противостоит
Безымянный бог, которому служит, пусть даже порой
не подозревая об этом,

ВАРВАР БРЭК.

Изгнанный из своего племени, Брэк отправляется
в далекий золотой Курдистан, и путешествие его
больше напоминает крестовый поход против Зла.

Кровавые битвы, дальние дороги и любовь
ждут варвара с северных равнин. Но ничто не может
противостоять клинку Брэка — ни чудовищные твари,
ни коварные разбойники, ни отвратительные колдуны...

Рунятся древние идолы, осыпаются
мерзкие святилища и стирается

ЗНАК ДЕМОНА



4 600202 000158